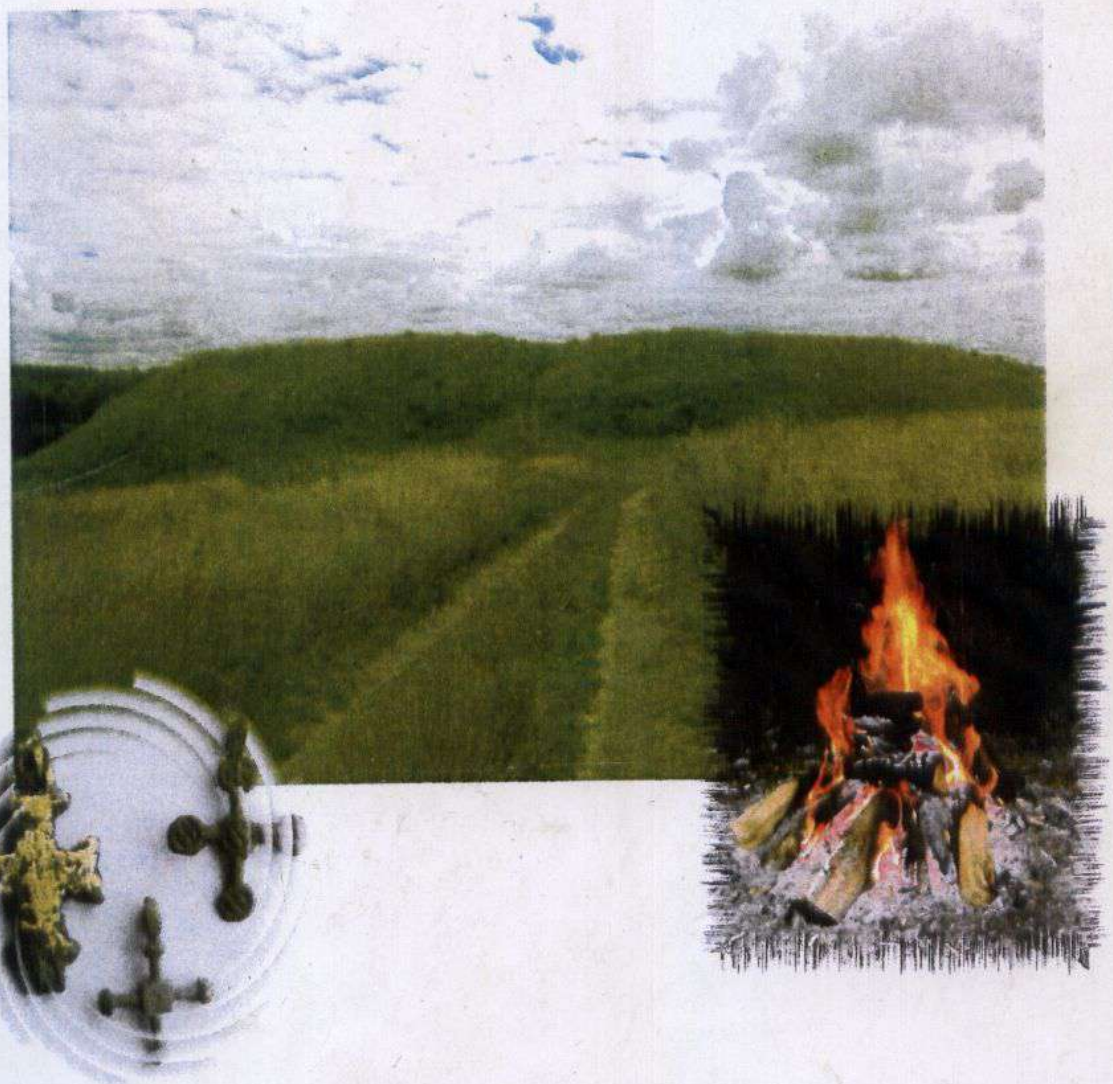
СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ



Курск 2008

Курский государственный университет
Комитет по культуре администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии
Центр археологических исследований (г. Курск)

Славяно-русские древности Днепровского Левобережья

**Материалы конференции,
посвященной 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола**

Курск 2008

ББК 63.444(235)
С47

Научный редактор В.В. ЕНУКОВ

С47 Славяно-русские древности Днепровского Левобережья : матер. конф., посвященной 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола / под ред. В.В. Енукова. Курск : Курск. гос. ун-т, 2008. — ISBN 978-5-88313-587-2

В сборнике представлены публикаци, посвященные светлой памяти Константина Федоровича Сокола, которому в 2007 г. исполнилось бы 75 лет. Долгое время организация археологических изысканий в Курском государственном университете (тогда еще пединституте) была связана с его именем. Друзья, коллеги и ученики воздают должное в своих воспоминаниях этому удивительному человеку.

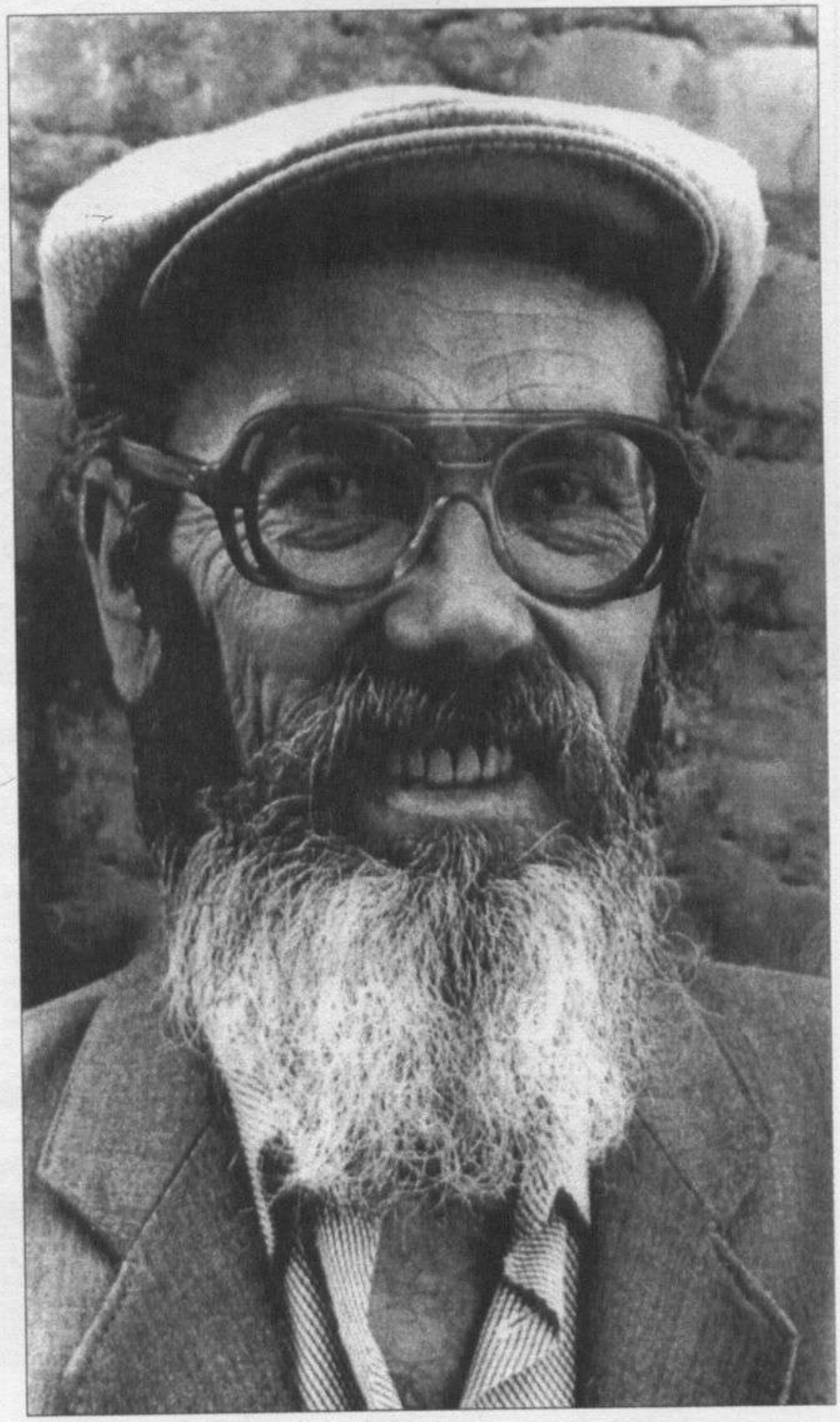
Тематика исследований, помещенных в издании, охватывает круг проблем истории и археологии Днепровского Левобережья и смежных регионов на протяжении обширного периода времени от позднеримского времени до эпохи средневековья.

Сборник адресован археологам, историкам, краеведам, всем тем, кто интересуется историей своего Отечества.

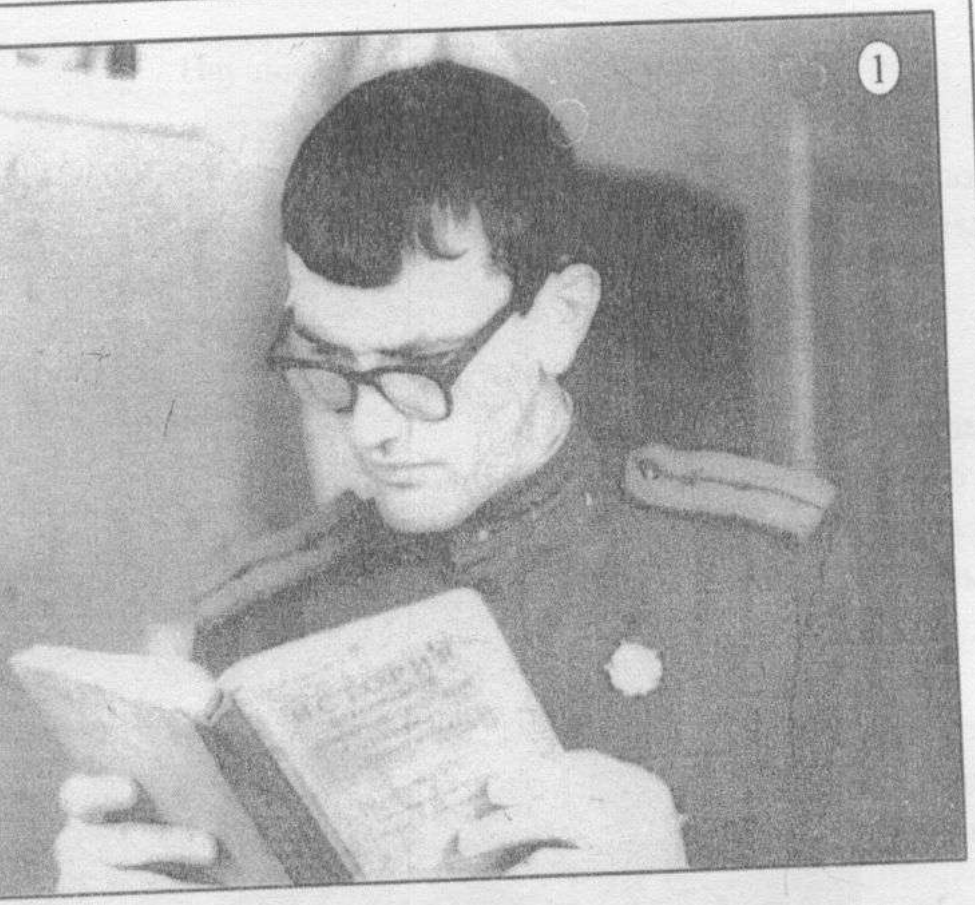
ББК 63.444(235)

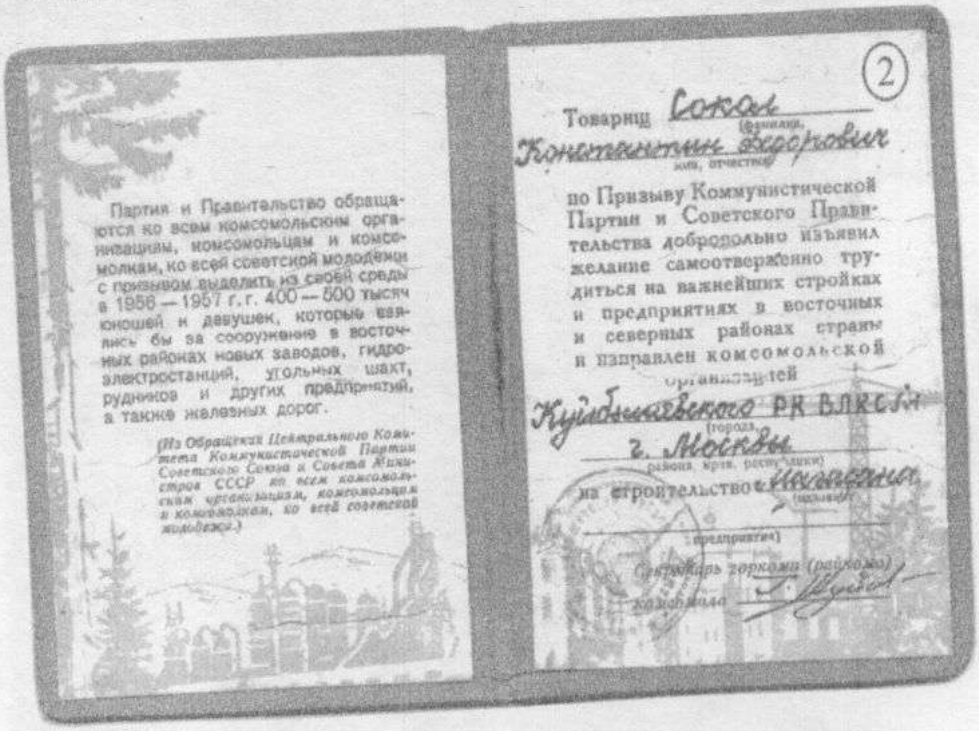
ISBN 978-5-88313-587-2

© Авторы публикаций, 2008
© Курский государственный университет, 2008
© Курский государственный областной музей археологии, 2008



Константин Федорович Сокол
1932 - 1993





Партия и Правительство обращаются ко всем комсомольским организациям, комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодёжи с призывом выделить из своей среды в 1956—1957 г.г. 400—500 тысяч юношей и девушек, которые взялись бы за сооружение в восточных районах новых заводов, гидроэлектростанций, угольных шахт, рудников и других предприятий, а также железных дорог.

(Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза и Совета Министров СССР ко всем комсомольским организациям, комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодёжи.)

Товарищ Сокол (фамилия)
Константин Федорович (имя, отчество)

по Призыву Коммунистической Партии и Советского Правительства добровольно изъявил желание самоотверженно трудиться на важнейших стройках и предприятиях в восточных и северных районах страны и направлен комсомольской организацией

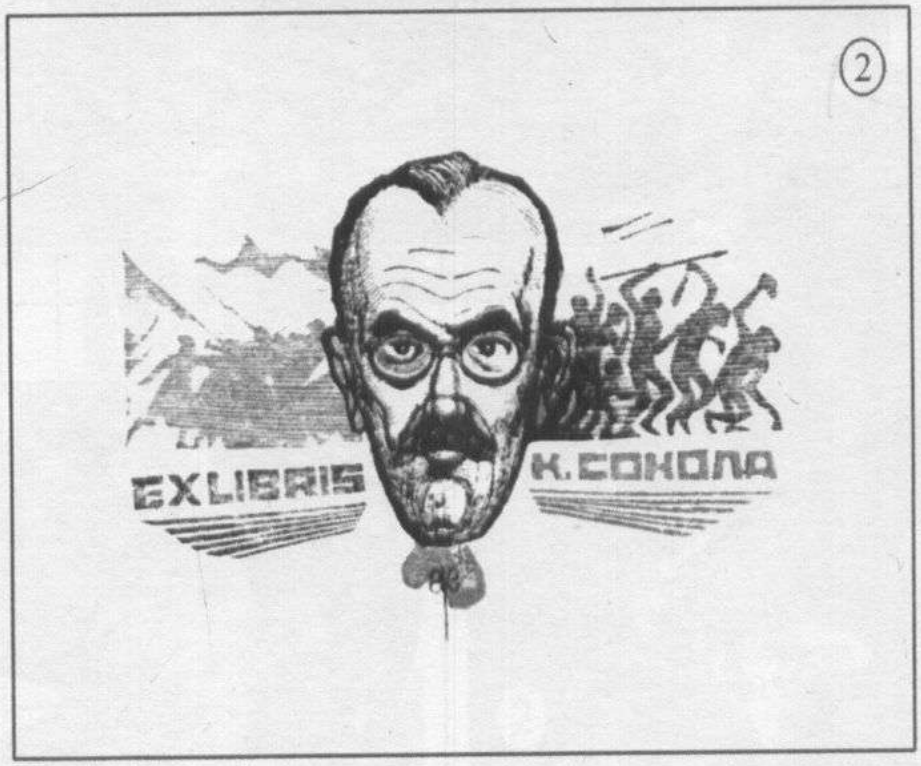
Куйбышевского РК ВЛКСМ г. Москвы (города, района, края, республики)

на строительство Магадана (название)

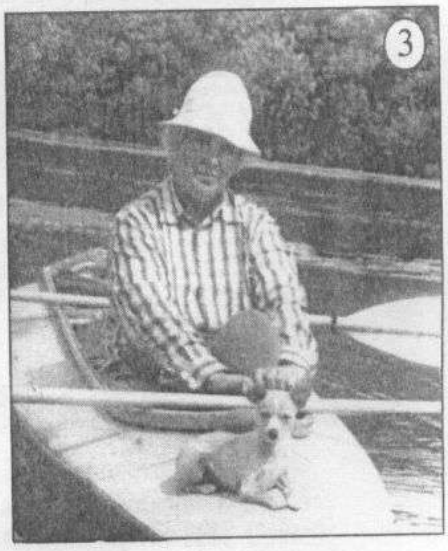
(предприятия)

Секретарь горкома (райкома) комсомола

1 – К.Ф. Сокол в армии. 1955 г. (архив И.И. Сокол);
2 – комсомольская путевка в г. Магадан (архив И.И. Сокол).

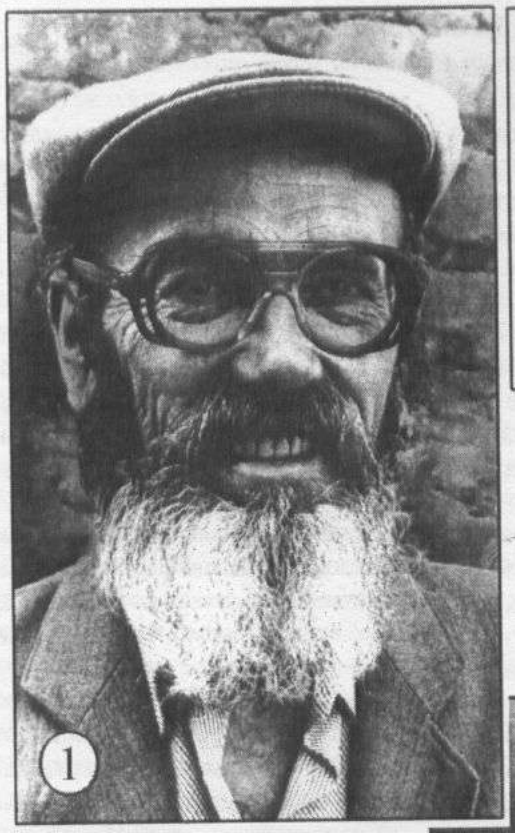


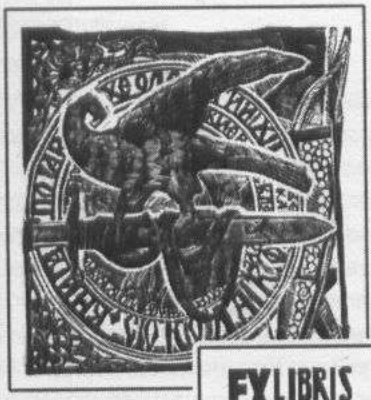
1 – удостоверение К.Ф. Сокола (архив И.И. Сокол);
2 – экслибрис (архив Е.В. Шпилевой).

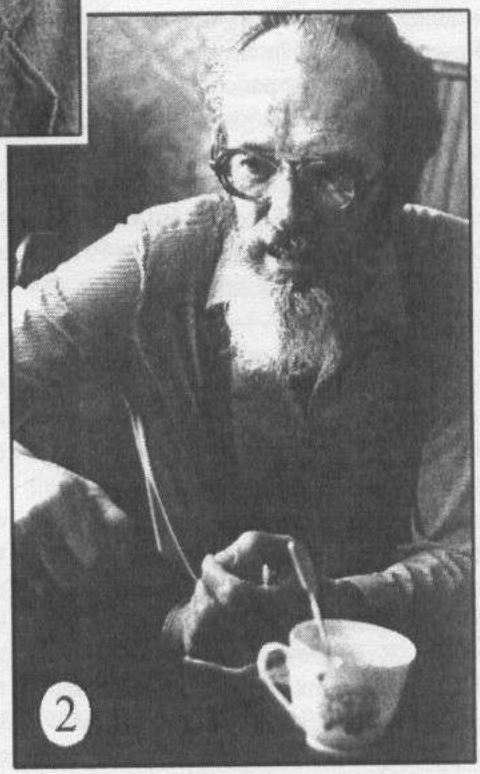


1 – К.Ф. Сокол со студентами. 1987 г. Архив Е.В. Шпилевой

2, 3 – К.Ф. Сокол и И.И. Сокол на археологической разведке по Свапе и Сейму (август 1989 г.).







1, 2 – К.Ф. Сокол в последние годы жизни; (архив И.И. Сокол);
3–5 – экслибрисы (архив И.И. Сокол).

ВОСПОМИНАНИЯ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.Ф. СОКОЛА)

© 2008 г. Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии

Константин Федорович Сокол. Для многих поколений студентов исторического факультета КГПИ 1970-х – начала 1990-х гг. это имя прочно связано с воспоминаниями о лекциях по археологии и вспомогательным историческим дисциплинам, а также с летней полевой археологической практикой первого курса.

Родился Константин Федорович 19 июня 1932 г. в с. Солянка Рыбинского района Красноярского края. В 1934 г. его семья переехала в Красноярск, в 1946 г. (после демобилизации отца из рядов армии) – во Львов, а в 1950 г. – в Тулу и затем в Подольск. После окончания средней школы К.Ф. Сокол работал электриком в автоколонне. В 1953–1955 гг. проходил военную службу в железнодорожных войсках, уволился в запас в звании младшего лейтенанта. После демобилизации работал в автоколонне, затем – в НИИ аккумуляторной промышленности.

В 1964 г. Константин Федорович закончил исторический факультет Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, а в 1967 г. переехал в г. Курск. На первых порах молодой педагог работал учителем и воспитателем в интернате № 4. В декабре 1969 г. он перешел в КГПИ на должность электрофотографа, а с 1971 по 1993 гг. работал на кафедре истории СССР Курского госпединститута (сначала старшим лаборантом, с 1973 г. – ассистентом, с 1982 г. – старшим преподавателем). В 1974–1978 гг. заочно закончил аспирантуру по теме «Курский край в VIII–XII вв.».

С 1972 г. К.Ф. Сокол руководил археологической практикой студентов исторического факультета (первые два года – совместно с Ю.А. Липкингом). Самостоятельных раскопок, в отличие от Юрия Александровича, он не проводил, однако принимал участие в исследовании большого количества курских памятников различных исторических эпох. В их числе Пенская верхнепалеолитическая стоянка, городища Марица, Переверзево 1 и Ратское (Бесединское); поселения Каменево 1, Каменево 2, Снагость 1, Снагость 2, Жерновец и другие (Сымонович. Сокол, 1978. С. 88). Благодаря его усилиям был спасен от уничтожения уникальный Березовский клад арабских дирхемов, обнаружен клад железных изделий древнерусского времени около с. Жерновец Золотухинского района. Среди археологов, с которыми довелось поработать Константину Федоровичу – Ю.А. Липкинг, Г.В. Григорьева, А.К. Филиппов, А.И. Пузикова, Э.А. Сымонович, О.Н. Мельниковская, А.А. Узянов, А.В. Кашкин, В.В. Енуков.

Многие, побывавшие с К.Ф. Соколом в разных экспедициях, даже спустя десятилетия вспоминают этого жизнерадостного человека, обладавшего громадным обаянием и неистребимым юмором, которые не подводили его ни в каких трудностях, будь то байдарочный поход, стационарные раскопки или работа на субботниках. Он охотно делился своими энциклопедическими знаниями со слушателями, всегда мог дать нужный совет. В то же время он никогда не боялся признаться в том, чего не знал. Его знаменитое «а чёрт его знает!» звучало как обещание обязательно найти ответ на трудный вопрос.

Общение Константина Федоровича со студентами не ограничивалось пределами институтской аудитории. В его квартире постоянно собирались любители археологии. Разговоры «за жизнь и за науку» порой затягивались допоздна, как и беседы вокруг самовара, с которым он неизменно выезжал в экспедиции. На его столе всегда можно было обнаружить удивительные и неожиданные вещи – пожелтевшие фотографии давних раскопок или медные пятаки Екатерины II шведской чеканки, скифский меч-акинак или дореволюционные топографические карты. По словам Константина Федоровича, в его недрах покоилась так и недописанная им диссертация.

К слову сказать, он не любил писать статьи или выступать с речами или докладами. Требовались неимоверные усилия, чтобы уговорить его выступить на последнем звонке пятого курса. Как признавался К.Ф. Сокол, для него расставание с очередным поколением студентом было равносильно прощанию с близким другом. Гораздо привычней он чувствовал себя во время полевых выездов, даже если это была поздняя разведка под первым ноябрьским снегом. В этом, похоже, проявлялось его стремление быть похожим на Ю.А. Липкинга.

После ухода на пенсию Юрия Александровича ему удалось не только поддержать интерес студентов к такому сложному предмету, как археология, но и сыграть в выборе жизненного пути некоторых из них решающую роль. Во всяком случае, именно так было со мной. Та давняя встреча октябрьским вечером 1977 г. в одной из аудиторий педагогического института, как и многие последующие занятия археологического кружка, которые вёл К.Ф. Сокол, во многом предопределила как выбор факультета (исторический) и института (КГПИ), так и область научного интереса, с которой я связал все последующие годы – древнерусская археология. Именно потому, что он был незаурядной личностью, настоящим Учителем, память о Константине Федоровиче сохранится в человеческих сердцах, которым он сумел подарить свою доброту.

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ – ЧЕЛОВЕК СВЕТЛЫЙ

© 2008 г. Л.М. Рянский
Курский государственный университет

В названии этих заметок слово «был» опущено не случайно. У меня порой возникает мистическое ощущение о его присутствии, о том, что он в какой-то момент может материализоваться. Конечно, с годами многое о нем стерлось или поблекло в моей памяти, но в то же время многое стало глубже, понятнее.

Так, например, сейчас мне кажется, что Константин Федорович по своему характеру был прирожденным психотерапевтом. Хотя нет полной уверенности в том, что тогда в номенклатуре Минздрава фигурировала такая специальность. Сдается мне, первым психотерапевтом позиционировал себя небезызвестный Кашпировский. Однако все это вовсе не значит, что Константин Федорович ошибся в выборе профессии. В сущности, он является историком-профессионалом в высоком значении этого слова. Впрочем, природа щедро одарила Константина Федоровича не только ростом, но и ясным умом, и золотыми руками, а потому, по моему мнению, он вполне мог достигнуть вершин профессионального мастерства в любом деле.

Преподавателем Константин Федорович был замечательным. Его лекции по археологии и вспомогательным историческим дисциплинам, безусловно, были не только достаточно глубокими в научном плане, но и чрезвычайно интересными, зачастую занимательными и увлекательными. Но это не давалось само собой. Конечно, он был рассказчиком, что называется, от Бога. Любая тема, даже, как говорится, скучная по определению, в его изложении становилась и значимой, и интересной. Однако, наверное, мало кто знает, что каждой лекции Константина Федоровича предшествовала бессонная ночь. Объясняется это просто: он не любил писать конспекты своих лекций, и потому каждый учебный год вынужден был начинать с нуля перелопачивать множество статей и монографий, благо они хранились в его обширной и хорошо подобранной домашней библиотеке. Несомненно, помогал Константину Федоровичу его богатый жизненный опыт. Он побывал и на Колыме, и на целине (награжден соответствующей медалью), его юность частично прошла на Западной Украине, затем в Подмосковье.

На мой взгляд, К.Ф. Сокол обладал исследовательским даром, хотя он и не воплотился в научных трудах. На мой вопрос, почему он не публикуется, он отвечал примерно так: «Я не уверен, что человечество жаждет познакомиться с моими статьями». Но истинная причина все та же - нежелание писать. Именно поэтому подготовка любого плана, справки, отчета превращалась для него в подлинную муку, чему я неоднократно был свидетелем и старался помочь ему выйти из затруднительной ситуации.

Думаю, историко-педагогическому факультету, да и вузу в целом, откровенно повезло, что Константин Федорович был здесь преподавателем около двух десятков лет. Он внес весомый вклад в профессиональную подготовку сотен и тысяч студентов. Его имя (точнее фамилия) стало символом археологической практики на истфаке. Недаром оно звучит в факультетском гимне, особенно когда его поют выпускники прошлых лет. Он обладал множеством достоинств, которые создавали на факультете атмосферу душевного комфорта, то, что сейчас модно называть «аурой». Порой кажется, что в те годы я с большим желанием направлялся на работу благодаря предвкушению предстоящей встречи с Константином Федоровичем.

Очень многие студенты, сотрудники, преподаватели факультета и института искренне уважали и любили К.Ф. Сокола, прощали ему отдельные слабости и «недостатки», которые не с бюрократической, а с человеческой точки зрения были подлинными достоинствами.

С ним было удивительно легко и интересно общаться. Он проявлял неподдельную заинтересованность и участие во всех трудностях, проблемах, неприятностях людей, с которыми дружил, был знаком и не знаком. Ярко выраженной чертой его личности была исключительная душевная щедрость. Не могу не выделить и такие качества Константина Федоровича, как большое чувство юмора и природное остроумие. Когда я пожаловался, что не успеваю в срок представить диссертацию, он успокоил: «Чего ты переживаешь, есть ценности истинные, а есть мнимые. Вот твоя молодая семья - ценность истинная, а диссертация - мнимая».

В шкале ценностей Константина Федоровича материальные блага никогда не стояли на первом месте. Помнится, он пришел к нам после переезда на новую первую квартиру, которая была абсолютно пустой.

- Как у вас хорошо, ребята, просторно. Не покупайте никакой мебели. Но если уж будете покупать, то такую, чтоб не жалко забить гвоздь.

Константина Федоровича отличала исключительная порядочность. Он органически не был способен даже на самую маленькую подлость. Хотя его убеждения, бесспорно, являлись атеистическими, на деле его жизнь вполне соответствовала христианским заповедям. Он относился к людям с истинно христианской любовью. Личность К.Ф. Сокола напрочь опровергает популярную и очень живучую в определенных кругах, но по сути своей людоедскую формулу: «Незаменимых не бывает». Для близких и друзей его кончина в далеко еще не преклонном возрасте стала поистине невосполнимой утратой.

ЧЕЛОВЕК ДОБРЫЙ

© 2008 г. В.И. Склярук
Курский государственный областной краеведческий музей

В мое время в КГПИ не было предмета «Вспомогательные исторические дисциплины». Музейное же дело требовало их освоения. Пришлось «догонять» по университетским учебникам. Встреча с Константином Федоровичем Соколом, преподавателем названного курса, была для меня большой удачей. Он рассказывал о филиграних на старинной бумаге, особенностях оформления «праздников на крюках», приметах нумизматических подделок, помогал описывать монеты XVIII в., подсказал название дотоле безымянной в экспозиции меры зерна – осьмина.

Константин Федорович знал толк в антикварнате, разбирался в обработке металла, военной технике, устройстве мельниц... Что говорить, он был настоящим мастером атрибуции. Четверть века прошло со времени определения им назначения одного загадочного предмета, которое показалось мне сомнительным. И вот недавно на глаза попался текст-подтверждение его рассказа о том, что стрелы, бросавшиеся с аэропланов, «... выпускаются зараз сотнями и летят вниз, причем, так как на конце, противоположном острию, сделаны пазы и от этого острие делается тяжелым, стрелы уже в воздухе летят острием вниз и, достигая земли, пронзают насквозь и всадника и коня». Пусть эта цитата из книги «Война и наши трофеи» 1915 г. будет моим запоздалым извинением за неверие к осведомленности мэтра.

С интересом рассматривал Константин Федорович музейные находки и, можно сказать, участвовал в собирательской работе. Так, однажды с его подачи удалось приобрести крупный колокол. Он сообщил местонахождение – база вторцветмета. Спустя время удалось выменять колокол на такой же по весу металлолом и, разобрав отстрелянные гильзы с танкодрома, которыми он был завален, доставить его в музей. С тех пор это изделие московского завода А.Д. Самгина украшает экспозицию и напоминает мне о Константине Федоровиче.

Благодаря Константину Федоровичу был сохранен и передан в ГИМ еще один редкий памятник истории и культуры – клад дирхемов из деревни Долбиловки Дмитриевского района. С песком из карьера они попали в соседнее село Березу. По просьбе Константина Федоровича монеты, разошедшиеся по рукам, были собраны директором местной школы, его студентом-заочником.

Константин Федорович приводил студентов в музей на занятия по археологии. По окончании экскурсии я отходил в сторону, уступая ему место, и он продолжал рассказ, деликатно возмещая упущенное или неведомое мне, штатному сотруднику исторического отдела и по определению «универсалу поневоле». В нем был редкий дар учительства без назидания и особое умение дружить на равных.

Как приятно было наблюдать в экспедиции на Марицком городище ладную работу чудного трио – Ю.А. Липкинг, К.Ф. Сокол, А.И. Пузикова – со студентами, из которых выделялся будущий основатель Музея археологии Н.А. Тихомиров. Вспоминается и двухдневная поездка на место строительства очистных сооружений Пенского сахзавода, где Ю.А. Липкинг и К.Ф. Сокол во главе с Г.В. Григорьевой из Ленинграда перелопатили тонны песка древней дюны в поисках палеолита.

Сердечная общительность Константина Федоровича приводила к тому, что случайная встреча на улице (возвращаешься со службы, он выгуливает собаку) перерастала в «беседу при ясной луне», а темы были всякие: случаи из жизни его собственной и друзей-знакомых, о которых ты, может быть, и слышал впервые, но которых он так образно живописал, что уже казалось, будто это общие приятели; политика с ее «проклятым» прошлым, тревожным настоящим и светлым будущим. Разговор с ним был всегда интересен. Недавно мой друг, который и видел-то Константина Федоровича всего несколько раз в музее, вспомнил, какое яркое впечатление на него произвел рассказ Сокола об отношениях Сталина и Берии, когда один злодей хотел расправиться с другим. А ведь со времени повествования прошло уже тридцать лет...

Теплом, доверием и заботой оделял Константин Федорович всех вступавших в круг его света. Сказано в Евангелии: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела».

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

© 2008 г. С.В. Сарычев
Курский государственный университет

О Константине Федоровиче Соколе я впервые узнал из песни. Произошло это в инструктивном лагере, который традиционно проводился для первокурсников истпеда. Так было и в 1977 г., когда я поступил в Курский государственный педагогический институт и уже в августе с моими однокурсниками оказался в деревне Глебово Фатежского района. Там-то мы и разучивали истпедовские песни, одна из которых заинтриговала нас своим названием «Студенческая»*. В ее четвертом куплете утверждалось:

«Если с Соколом едем курганы копать
И находим могильники предков,
Если кости опять по лопатам стучат,
То пришло наше лето».

Именно так, не больше и не меньше – Сокол как примета студенческого лета. Естественно, инструкторы-старшекурсники (помнится, это был Михаил Михайлович Фрянцев) растолковали нам, как могли, что Сокол – это главный человек по археологии не только на факультете и в институте, но и в Курской области. То есть еще до

* Иногда ее называют «Времена года», слова и музыка А.П. Лутошкина.

личного знакомства Константин Федорович был для нас человеком с очень высоким статусом. И уже занятия по археологии и вспомогательным историческим дисциплинам этот статус подтвердили.

Оказалось, что Сокол – это настоящий кладезь знаний, и пределов этим знаниям не обнаруживалось. От него мы впервые услышали и об Открытом листе, и о чёрнолощёной керамике, и об акинаках. Как потом я убедился, эрудицией Константина Федоровича восхищались даже московские и питерские археологи, могу сослаться на мнения Александра Антоновича Узянова, Анны Ивановны Пузиковой, Александра Ивановича Щеглова.

Впрочем, знание им жизненных реалий тоже поражало студентов. Большой житейский опыт, уважительное отношение к студентам, душевная деликатность отличали Константина Федорович Сокола как человека. У него можно было спросить совет по таким вопросам, перед которыми пасовали однокурсники, друзья и родители. Говоря психологическим языком, он был для нас, студентов, референтной группой. А потому мы страшно завидовали третьей группе, у которой Сокол был куратором – у них студенческая жизнь за пределами учебы была, пожалуй, самой интересной на нашем курсе.

До сих пор жалею, что тогда, после первого курса, мне не удалось попасть на археологическую практику. Для студентов-историков это было большое событие. Но это не помешало в дальнейшем общению с Константином Федоровичем на раскопах в Переверзево. Он привозил туда «копать скифов» у Анны Ивановны Пузиковой первокурсников истфа. А мы, старшекурсники (Гена Стародубцев, Наташа Басевич, Саша Савченко и другие), работали с трудным подростками в лагере «Поиск» на узяновских раскопках славянского городища неподалеку. Так что и мы ходили в гости через небольшую речушку, и Сокол приходил в наш лагерь, и всегда это было душевное, доверительное общение, открывавшее перед нами новые горизонты знаний.

Продолжались наши контакты и тогда, когда я стал преподавателем в нашем институте. Почему-то вспоминается конец весны 1989 г., инструктивный лагерь в «Дубках». В те дни вновь избранный Верховный Совет СССР гигантского размера заседал в кремлевском дворце съездов, и все это действо впервые транслировалось по телевидению. Преподаватели и студенты, забросив подготовку к летней лагерной смене, буквально прилипли к экранам телевизоров, стоявших в холлах на всех этажах. Только и было разговоров: «Ах, Собчак!», «Ах, Сахаров!», «Ах, Горбачев!». Большие были ожидания и энтузиазм в отношении съезда. Буквально все поддались магии перестройки и гласности. В те дни меня очень удивило трезвое отношение к этим событиям Константина Федоровича Сокола: мол, демократия – это хорошо, но когда об этом говорят партийные бонзы, то жди подвоха. Так и оказалось. После большой промывки мозгов все закончилось путчем 1991 года и беспорядками 1993. Жизненный опыт Сокола не подвел его и в этой ситуации.

Таким остался в моей памяти Константин Федорович Сокол, чье появление в моей жизни было предпето. Спасибо ему за то, что он был.

ПУБЛИКАЦИИ И СТАТЬИ

ПАМЯТНИКИ 3-Й ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. ОКСКО-ДОНСКОЙ РАВНИНЫ

© 2008 г. С.И. Андреев
Елецкий государственный университет

До последнего времени территория Тамбовской области представляла собой белое пятно на археологической карте России. Только регулярные работы последних лет позволили сделать ряд принципиальных открытий. К одному из них относится обследование группы памятников, относящихся к 3-й четверти I тысячелетия н. э.

С 2000 г. проводятся исследования древнерусских памятников в верховьях р. Цны (Андреев, 2001; 2002; 2004). Было установлено, что на трех из них имеется слой с раннесредневековыми материалами. Это поселения Никольское 1, 4 и 5 (рис. 1). Но, кроме лепной керамики, никаких других предметов, позволяющих достоверно определить их этнокультурную принадлежность и хронологию, найдено не было.

Лепная керамика поселения Никольское 1 представлена фрагментами от 18 лепных сосудов (рис. 3, *1–9*), край венчика которых прямой либо отогнут наружу. Посуда коричневого и серо-черного цвета, часто со следами нагара. Примеси в тесте в виде шамота мелкого и среднего размера, в одном случае отмечена примесь толченой раковины. Поверхности сосудов бугристые. Найдено также 10 фрагментов днищ лепных сосудов.

Серия керамики поселения Никольское 4 представлена фрагментами от 9 лепных сосудов (рис. 3, *10–13*). По фактуре и типам она идентична керамике с поселения Никольское 1. В 2006 г. в слое поселения была найдена бронзовая серьга – уплощенная, округлой (калачевидной) формы диаметром 3 см. Ближайшая аналогия данной серьги происходит из слоя поселения Замятино 5, относящегося к Замятинскому археологическому комплексу гуннского времени (Бирюков, 2004. С. 65). А.М. Обломский датирует это поселение концом IV – 2-й половиной V в. (Обломский, 2004. С. 147). В слое обнаружены также славянский амулет из кости бобра с отверстием (рис. 6, *4*) и альчик со знаками (рис. 6, *5*). Кроме того, найден довольно крупный нож с округлой спинкой, плавно переходящей в черенок (рис. 2, *9*).

Керамика поселения Никольское 5. Это поселение является посадом Никольского городища, раскопки которого проводились ранее (Андреев, 2001). Общая вскрытая площадь составила 196 кв. м. Были найдены фрагменты от 37 лепных сосудов (рис. 4; 5). Планиграфия лепной керамики не выявила каких-либо аномалий ее распределения в культурном слое по сравнению с круговой. В основном край венчика этих сосудов либо прямой, либо отогнут наружу. В двух случаях край венчика орнаментирован – один насечкой (рис. 5, *9*), другой – оттиском веревочки на палочке (рис. 5, *13*). 4 стенки лепных сосудов украшены гребенчатым штампом (рис. 4, *8–10*). 18 фрагментов дна имеют закраину. В одном случае имелись отпечатки каких-то зерен на внешней стороне дна. Один орнаментирован волной у самого дна. Тесто лепной керамики бугристое, обжиг неровный, примеси в тесте – шамот мелкий и средний, мелкий песок и мелкая дресва. Посуда коричневого и серо-черного цвета, часто со следами нагара. Данная керамика имеет некоторые аналогии в боршевских древностях (Винников, 1982. С. 167–172). Таким образом, мы предварительно датируем ранний слой группы памятников у с. Никольское 2-й половиной V в.

Коллекция керамики 3-й четверти I тысячелетия с поселения Коровий Брод состоит из венчиков от 19 сосудов, 8 фрагментов днищ и 118 стенок. Посуда представлена преимущественно горшками. Один венчик от слабо профилированного сосуда без орнаментации (рис. 3, *14*). Тесто рыхлое с обильной примесью кварцита и шамота. Другой горшок, который удалось реконструировать почти полностью, представлял собой высокую банку с небольшим сужением в верхней части. В результате сужения образовалось слабовыраженное ребро (рис. 3, *15*). Тесто плотное, с примесью кварцита, внешняя поверхность заглажена. 3 венчика от непрофилированных сосудов орнаментированы в одном случае ногтевыми вдавлениями по внешнему краю, в двух случаях – насечками округлым предметом, возможно палочкой. Тесто в основном плотное, черно-коричневого цвета. Примеси в виде крупного, иногда среднего кварцита и почти всегда в сочетании с шамотом. Остальные сосуды без орнамента. Из трех найденных днищ два – с выраженной закраиной, третье – без закраин. По мнению А.М. Обломского, данная керамика относится к кругу колочинских древностей.

На поселении Красный Городок 2 сделан целый ряд интересных находок. Это, прежде всего, медный византийский фолис, чеканенный в 590-х гг. при императоре Маврикии в Херсонесе (рис. 2, *1*). На одной стороне монеты изображены император Маврикий с императрицей Константиной, на оборотной стороне – наследник престола Феодосий. Бронзовая концевая ременная накладка, относящаяся к кругу византийских варварских древностей, датируется 2-й половиной VI в. (рис. 2, *3*). Она представляет собой вытянутый прямоугольник с закругленными с одной стороны углами. На внешней поверхности имеется резной антропоморфный узор. Накладка крепилась к поясу с помощью двух заклепок. По ее периметру сделан бортик. Относится к типу литых прорезных с гладкими деталями (Археология, 2003. С. 106). Бронзовая подвеска в виде колокольчика (рис. 2, *4*). На внешней поверхности колокольчика имеются украшения в виде четырех прочерченных линий. У внешнего края они сдвоены. Внутри колокольчика, у основания, заметны следы крепления язычка в виде железных окислов. Аналогичные подвески известны по раскопкам в Крыму захоронения 20 склепа 54 в Лучистом (Археология, 2003. С. 108). Датируются авторами 2-й половиной VII в.

Найдена подвеска, представляющая собой бронзовую отливку по оттиску (римской?) монеты (рис. 2, *2*).

Изображение практически не читается. Заметен только смутный человеческий силуэт. Для подвешивания в отливке сделано отверстие. Аналогий этой подвеске найти не удалось. Эти находки возможно связать со славянским слоем поселения.

Грузики – пряслица разнообразных форм (рис. 6, *1–3*). Найдено во фрагментах 4 экземпляра. Все они предположительно относятся к раннему Средневековью. Два фрагмента от биконических пряслиц. Тесто плотное, желто-черного цвета. Примеси в виде органики. По составу тесто идентично тесту славянской керамики. Верхняя часть двух пряслиц, у отверстия, украшена продолговатыми вдавлениями, образующими «лучи». Остальные два грузика идентичны по типу первым. Все они биконические, однако сильно фрагментированы. У одного фрагмента хорошо выраженный бортик.

Керамика представлена фрагментами 58 венчиков лепных сосудов, 68 фрагментами днищ, 1050 фрагментами стенок лепных сосудов (рис. 7). Фрагменты сосудов имеют рыхлое тесто, сравнительно толстые стенки, на их поверхности заметны следы грубого пальцевого заглаживания. Цвет поверхности фрагментов в основном коричневый, реже черный или черно-желтый. Несколько фрагментов покрыты ангобом, в двух случаях имеется лощение. В тесте керамики примеси в виде шамота крупного и среднего размера, а также органики. На нескольких фрагментах керамики имеются отпечатки зерна злаковых культур. Верхняя часть сосудов слабо профилирована. Преобладают горшечные формы сосудов, как правило без орнамента. Только в пяти случаях край венчика украшен пальцевыми защипами, в двух случаях – округлыми вдавлениями. Набор посуды дополняется фрагментами двух мисок. Из 68 найденных фрагментов днищ 24 были без закраины, 26 – со слабо выраженной закраиной, у 4 – сильно выраженная закраина. Остальные неопределимы.

По своему типу данная керамика наиболее близка Замятинскому археологическому комплексу (Замятино 8), расположенному в районе Острой Луки Дона (Липецкая область).

В ходе археологической разведки 2006 г. вдоль левого берега р. Воронеж у с. Кривец, на границе Липецкой и Тамбовской областей, было обнаружено поселение, давшее выразительный материал VI–VII вв. Поселение занимает склон первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж. Размеры поселения 135 х 65 м. Поверхность задернована, поэтому закладывались шурфы. Толщина культурного слоя составляла около 0,2 м. Было установлено, что ранее территория поселения повергалась распашке. В шурфах были найдены предметы, относящиеся к антским древностям, керамика 3-й четверти I тысячелетия н. э. и бондарихинской культуры эпохи бронзы.

Прежде всего, отметим находку фрагмента большой пальчатой фибулы днепровского типа (рис. 4, *1*). По мнению О.М. Приходнюка, они получают распространение в конце VII в. (Приходнюк, 1998. С. 56). Обломок браслета с утолщенным округлым концом несет явные следы вторичного использования (рис. 2, *7*). Опять же в виде обломка, сильно деформированного, найден пинцет с расширяющимся концом (рис. 2, *6*). В выбое дороги найден нож, с прямой спинкой, переходящей в черенок (рис. 2, *10*).

Керамическая коллекция представлена 56 фрагментами стенок и днищ лепных сосудов. Тесто рыхлое, с обильной примесью шамота различного размера. От этого поверхность бугристая. Внутренняя и внешняя сторона бурого цвета, на изломе – черного. Днище с выраженной закраиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев С.И. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2001 г. // Архив ИА РАН.

Андреев С.И. Отчет о работах археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Андреев С.И. Отчет об охранных работах археологической экспедиции ГУ Инспекция охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Андреев С.И. Отчет об охранных работах археологической экспедиции ГУ Инспекция охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2005 г. // Архив ИА РАН.

Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века : Археология. М., 2003.

Бирюков И.Е. Материалы гуннского времени поселения Замятино-5 // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени: Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004.

Винников А.З. Керамика донских славян конца I тыс. н. э. // СА. 1983. № 3.

Обломский А.М. Материалы гуннского времени поселения Замятино-5 // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени: Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

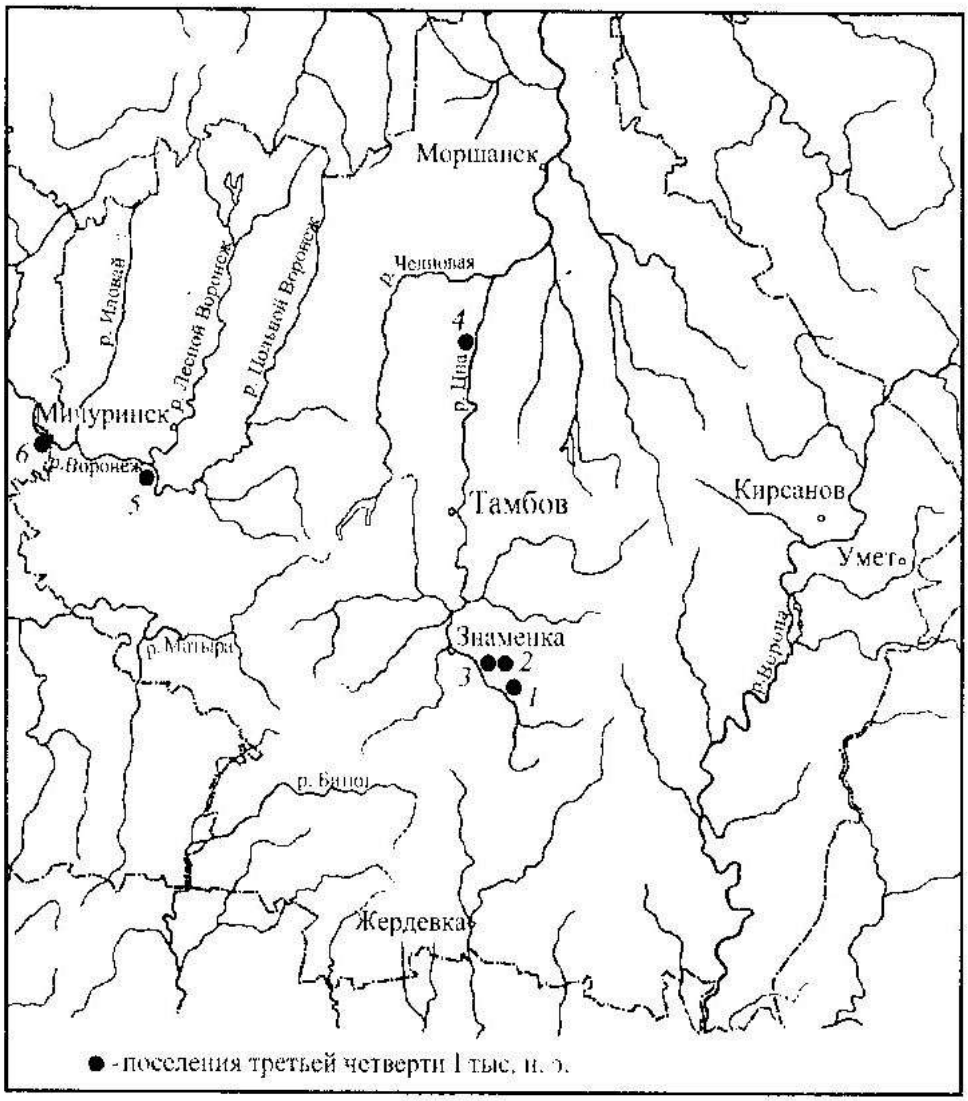


Рис. 1. Карта распространения памятников 3-й четверти I тысячелетия н. э. на территории Тамбовской области.
1 – Никольское 5; *2* – Никольское 4; *3* – Никольское 1;
4 – Коровий Брод; *5* – Красный Городок 2; *6* – Кривец

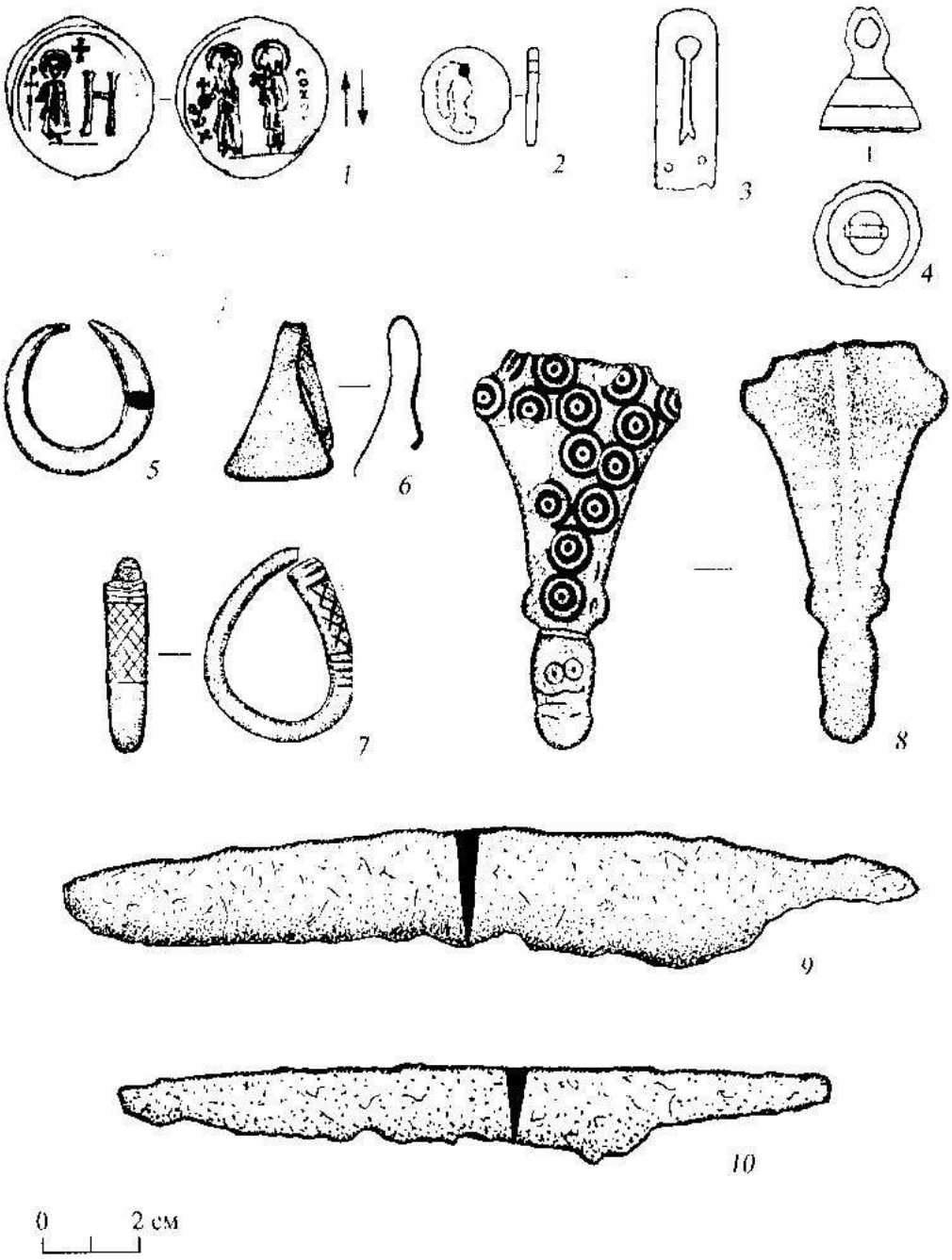


Рис. 2. Этноопределяющие и датирующие вещи с памятников 3-й четверти I тысячелетия Тамбовской области.
1–4 Красный Городок; *5, 9* – Никольское 4; *6–8, 10* - Кривец.
1, 3, 6, 8 – медь; *4* – бронза; *5, 7* – белый металл; *9, 10* – железо.

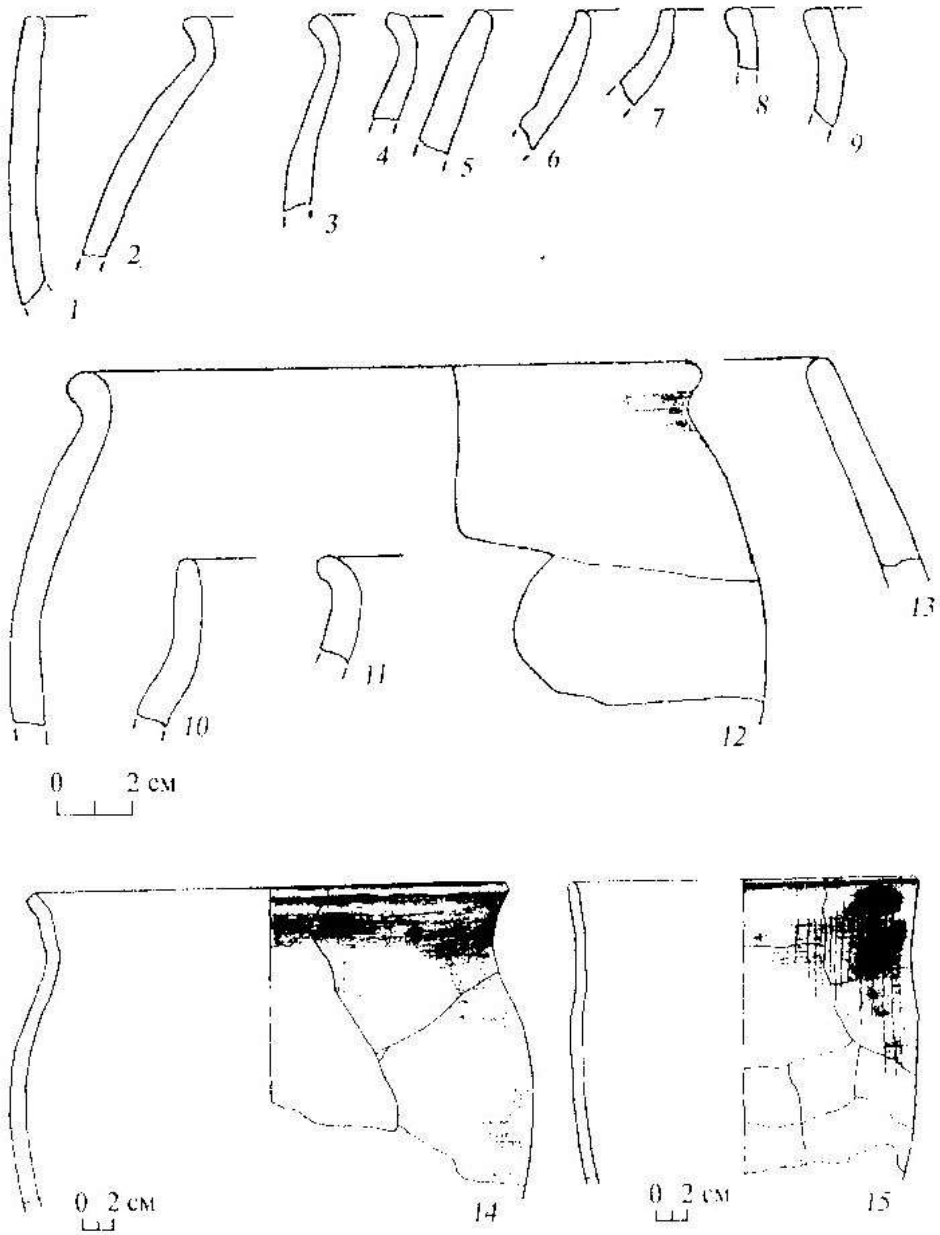


Рис. 3. Находки лепной керамики.
1–9 – Никольское 1; *10–13* – Никольское 4; *14, 15* – Коровий Брод

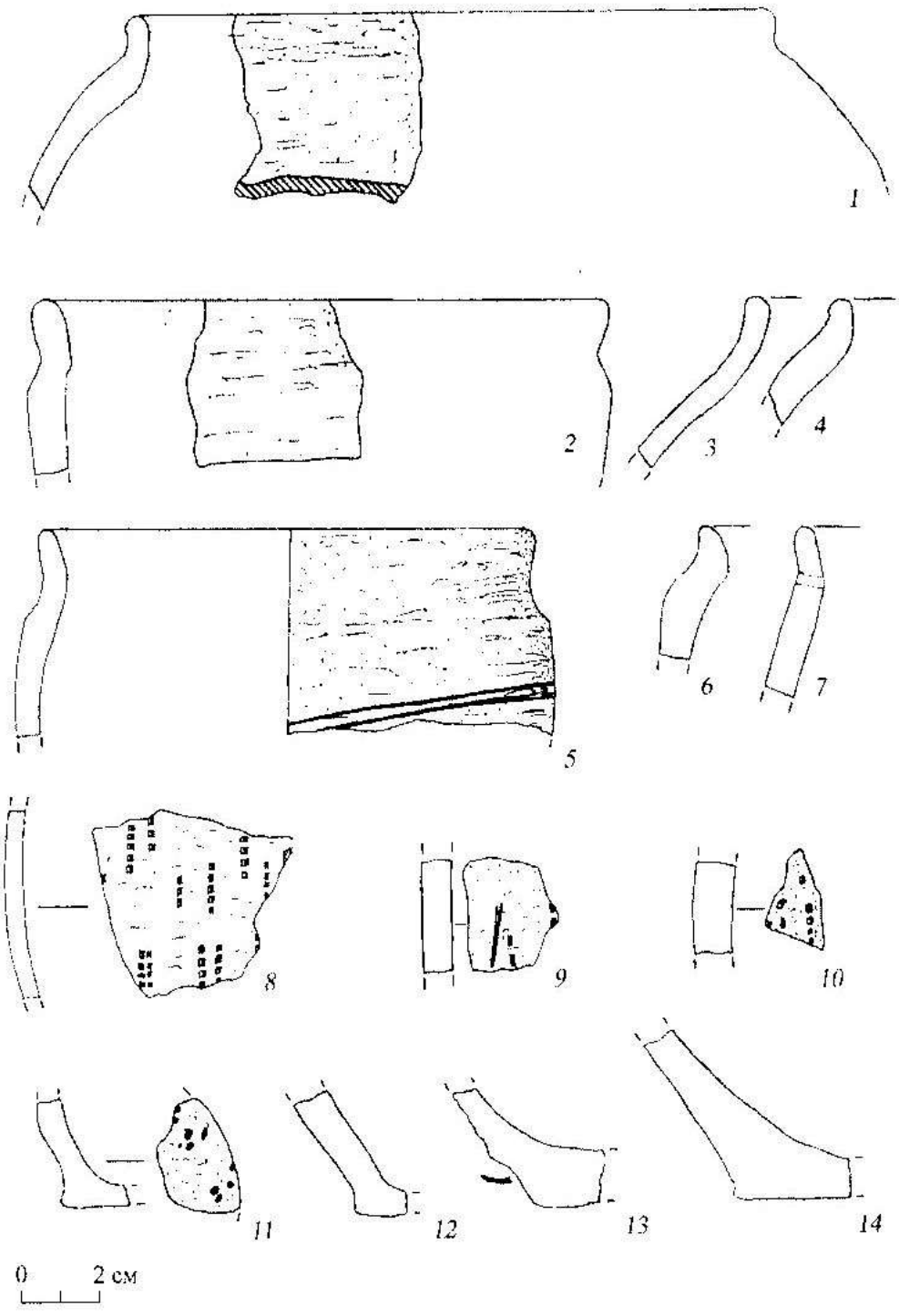


Рис. 4. Лепная керамика поселения Никольское 5.

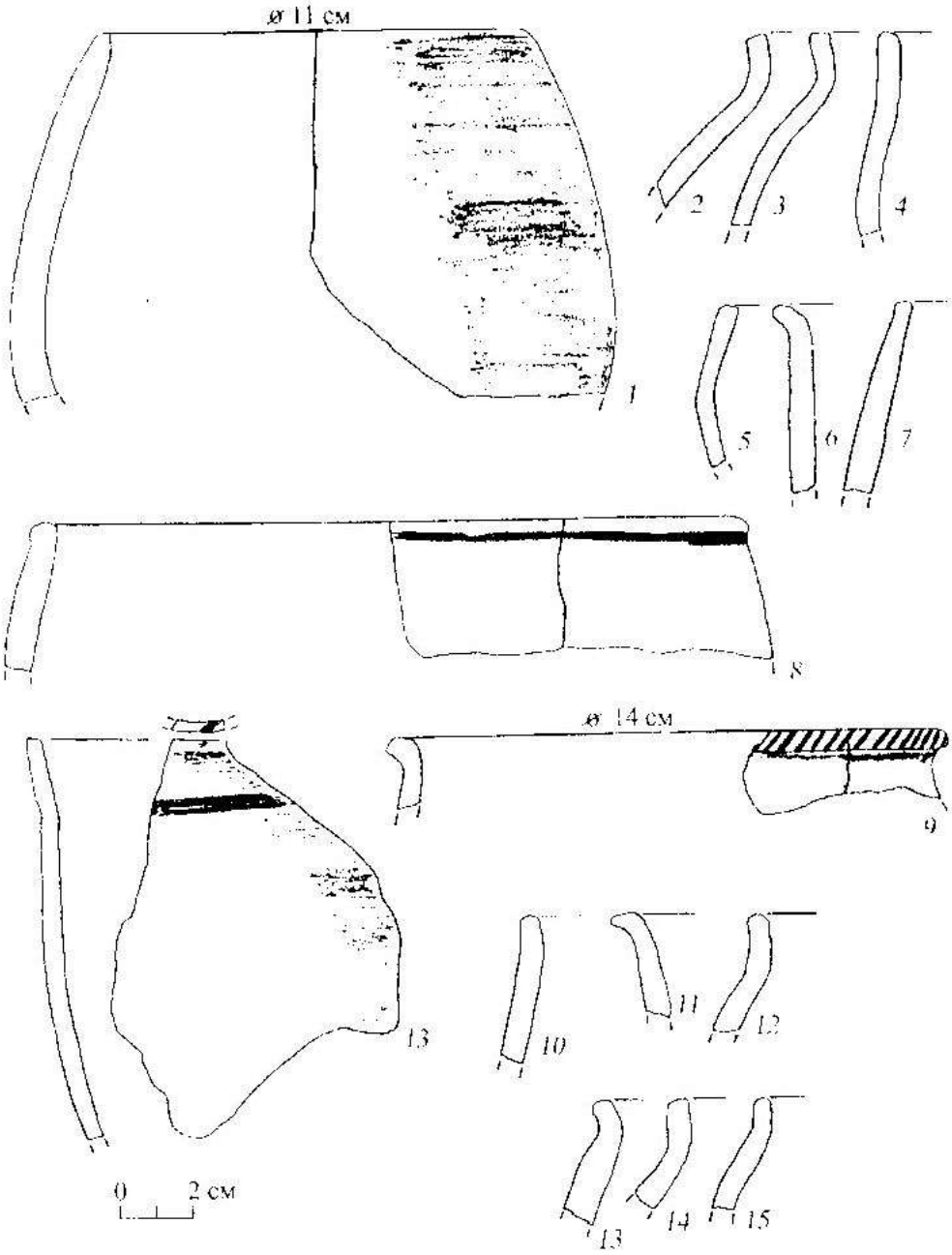


Рис. 5. Лепная керамика поселения Никольское 5.

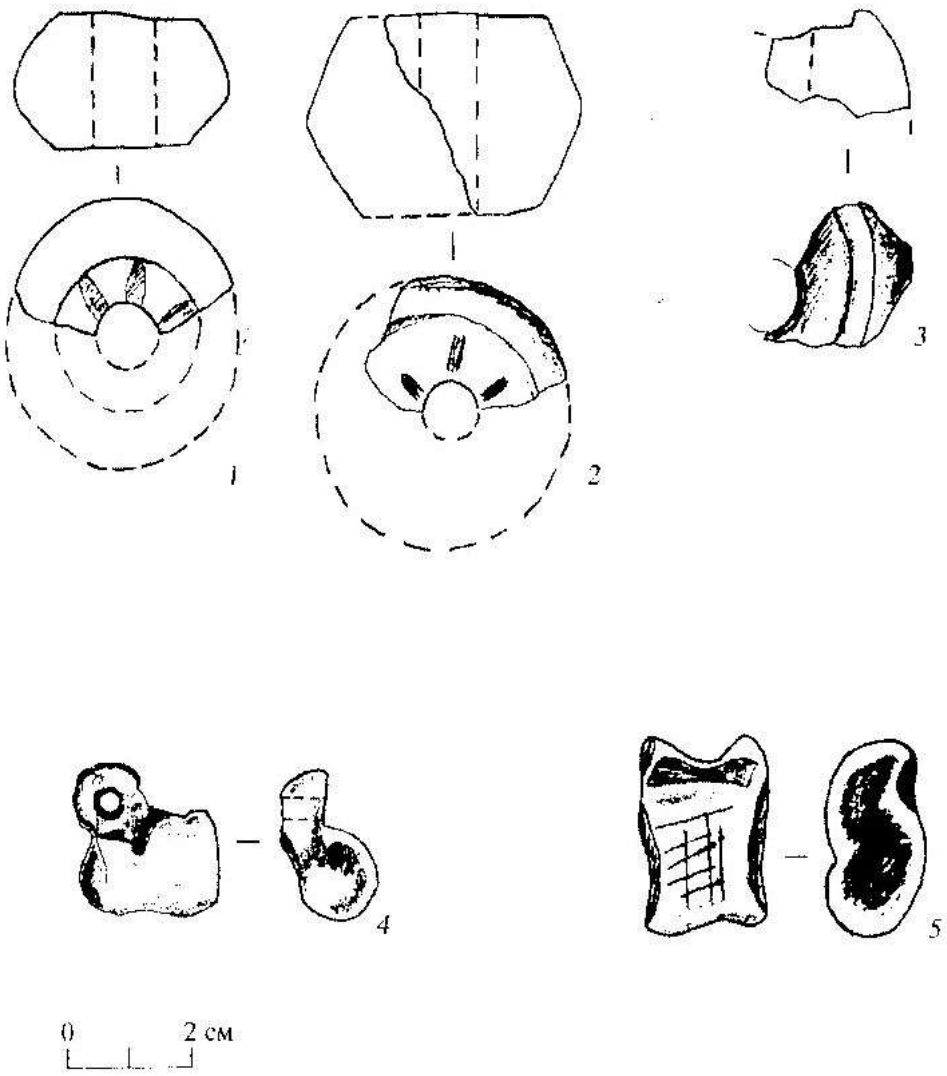


Рис. 6. Пряслица и костяные амулеты.
1–3 – Красный Городок; *4–5* – Никольское 4.

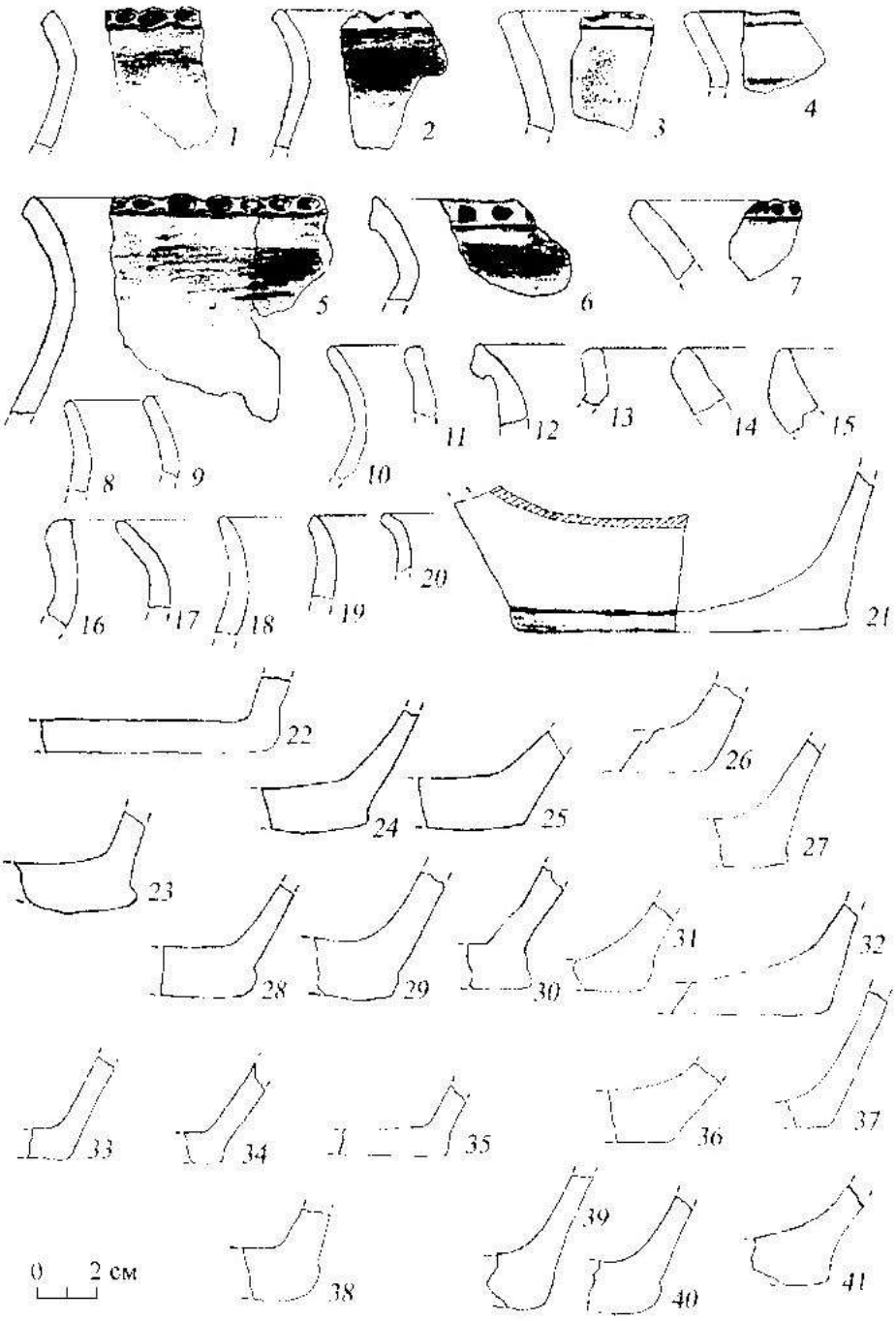


Рис. 7. Лепная керамика поселения Красный Городок 2.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОМЕНСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЙ*

© 2008 г. Р.С. Веретюшкин
Курский государственный университет,
НИИ археологии Юго-востока Руси

Фрагменты посуды являются наиболее массовой находкой на большинстве археологических памятников, что во многом определяет уникальные информативные возможности керамики. Чаще всего она выступает в качестве основного индикатора этнокультурных изменений в древних социумах. Детальный анализ керамического материала позволяет проследить направление и характер общественных преобразований, а также реконструировать их основные этапы. В случае с памятниками Днепровского левобережья конца I – начала II тысячелетия н. э. вопрос о соотношении и взаимовлиянии роменской и древнерусской керамики имеет принципиальное значение для характеристики процесса освоения славянских территорий Киевской Русью. Включение племенного образования северян в орбиту древнерусской государственности отразилось в трансформации основных элементов материальной культуры, и прежде всего набора посуды. В различных частях северянского ареала такие изменения протекали в разное время и имели определенное локальное своеобразие. Однако общим их результатом было изживание роменских культурных черт и приход им на смену древностей общерусского типа. Пути осуществления этого процесса и его исторические реалии до сих пор являются предметом дискуссии. Известно несколько точек зрения, характеризующих этап смены двух археологических общностей. В рамках каждой из них проблема соотношения гончарных традиций занимала особое место и рассматривалась по-разному.

Первый вариант решения вопроса о финальном этапе роменских древностей берет свое начало в трудах Б.А. Рыбакова. На основе результатов раскопок во Вщиже он выдвигает мысль о преемственности керамического комплекса двух культур путем «непосредственного перехода роменской керамики в русскую» (Рыбаков, 1951. С. 40). В дальнейшем это положение было поддержано И.И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1958. С. 188) и получило развитие в работах О.В. Сухобокова (Сухобоков, 1975. С. 80–81). Основным аргументом данного подхода выступало наличие в наборе посуды роменских памятников помимо лепной посуды определенного процента сосудов со следами использования «примитивного» гончарного круга. В археологической литературе за подобной керамикой утвердилось название раннекруговой. Сохранение на некоторых образцах этой посуды традиционной роменской орнаментации и моделировки, а также сочетание ее в комплексах с древнерусскими сосудами так называемого курганного типа позволило О.В. Сухобокову рассматривать их в качестве «керамики переходной технологии» (Сухобоков, 1975. С. 80–81. Рис. 48; 1992. С. 45). Таким образом, было выделено своеобразное связующее звено между роменской и древнерусской гончарными традициями. Появление такой посуды на роменских памятниках в совокупности с широким распространением древнерусской керамики характеризовало постепенное обновление материальной культуры северянского населения по мере огосударствления племенных территорий Киевской Русью (Сухобоков, 1992. С. 71–72).

Второй подход был сформулирован в работах А.В. Григорьева и И.Г. Сарачева (Григорьев, 1993. С. 76–82; 2000. С. 156–160; Сарачев, 2000. С. 237–241). Опираясь на результаты изучения технологии изготовления роменской и древнерусской керамики, А.В. Григорьев показал существенные различия в традициях их производства (Григорьев, 1993. С. 76–78). Обломки раннекруговой посуды, присутствовавшие в роменских материалах, в силу близости состава формовочных масс однозначно трактовались как северянские древности (Григорьев, 1993. С. 77). Появление такой посуды связывалось с освоением роменцами гончарного круга и изготовлением подражаний салтовским и древнерусским круговым сосудам. Эти выводы были подтверждены И.Г. Сарачевым, исследовавшим несколько образцов керамики из позднероменской коллекции Полтавы (Сарачев, 2000. С. 242). Возможности непосредственного контакта носителей роменской и древнерусской гончарных традиций А.В. Григорьев ставил под сомнение, относя встречавшиеся в роменских материалах древнерусские сосуды на долю импорта. Указав на долговременное сосуществование посуды двух типов, автор отметил, что их взаимного влияния друг на друга не фиксируется, что свидетельствует в пользу отсутствия прямых контактов и взаимодействия производителей роменской и древнерусской керамики. Экземпляры, сочетающие в профилировке и орнаментации элементы разных традиций, были отнесены к числу взаимных подражаний, выполненных без использования оригинальных технологических приемов (Григорьев, 2000. С. 158–159). Проанализировав динамику развития керамического комплекса, а также остальных характерных черт роменской материальной культуры, А.В. Григорьев пришел к выводу о насильственном прекращении жизнедеятельности на памятниках Северской земли в 1-й половине XI в. и ее частичном запустении. Распространение общерусских материалов, по мнению исследователя, было связано с последующим освоением этих территорий Киевской Русью, и не имело никаких генетических связей с предшествующим населением (Григорьев, 2000. С. 221–222).

Третья точка зрения на данную проблему была выдвинута В.В. Енуковым. Общая суть ее сводилась к своеобразному компромиссу между первыми двумя. Рассматривая последний этап развития роменских памятников Посемья, автор в целом согласился с выводом А.В. Григорьева о военной акции, подводящей черту под развитием северянского племенного образования (Енуков, 2005. С. 263). Однако, говоря о последующей древнерус-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Гончарная керамика Курской волости-княжения XI–XIII вв.», проект № 06-01-72101 а/Ц.

ской колонизации, В.В. Енуков отмечал, что роменское население в основной своей массе не покинуло регион, а было постепенно интегрировано в древнерусскую общность. Об этом свидетельствует погребальные древности XI–XII вв., а также определенный период сосуществования лепной роменской и круговой древнерусской посуды. Эти явления трактовались в качестве пережитков племенных черт, постепенно себя изживающих (Енуков, 2005. С. 284–286, 304).

Таким образом, на сегодняшний день проблема взаимного влияния роменской и древнерусской гончарных традиций во многом остается дискуссионной. Причиной такого положения дел может служить определенное внутреннее противоречие подхода исследователей к этому вопросу. В рамках всех рассмотренных гипотез заключения о характере взаимодействия строятся на статистическом соотношении основных элементов рассматриваемых традиций: лепной роменской, круговой древнерусской, а также раннекруговой посуды. При этом раннекруговая керамика выступает как составная часть роменского гончарного производства. Между тем степень изученности этих групп керамики весьма неоднородна. Характерные черты лепной роменской и круговой древнерусской посуды достаточно хорошо известны, неоднократно описывались, и особых споров не вызывают (Ляпушкин, 1958. С. 32–46; Винников, 1982. С. 165–179; Сухобоков, 1992. С. 43, 44; Петрашенко, 1992. С. 22–92; Толочко, 1981. С. 294–301; Кучера, 1986. С. 448–450; Коваленко, 2001. С. 77–81). Но последняя разновидность сосудов до сих пор исследована довольно слабо, и полученные выводы не лишены противоречий. Для сравнения имеет смысл кратко описать основные особенности лепной и круговой посуды, и подробно остановиться на раннекруговой керамике.

Роменские лепные сосуды изготавливалась из ожелезненных глин с грубыми минеральными примесями (как правило, крупным шамотом) методом ручной лепки без использования вращающегося гончарного круга. Основным способом наращивания полого тела выступала спиральная разновидность лоскутного налепа (Бобринский, 1978. С. 160). В соответствии с выделенными А.А. Бобринским уровнями применения круга при создании сосуда, такая керамика соответствует РФК-0 (Бобринский, 1978. С. 27–28). Как правило, она украшалась пальцевыми защипами и оттисками так называемого «веревочного» орнамента (Ляпушкин, 1958. С. 32–46; Винников, 1982. С. 165–179; Петрашенко, 1992. С. 22–92; Сухобоков, 1992. С. 43, 44; Узянов, 1982. С. 122–135). В древнерусской традиции производства посуды использовались тонкие формовочные массы из глин различной ожелезненности. В качестве искусственной примеси чаще всего применялся мелкий песок. Сосуды конструировались методом скульптурной лепки с последующим вытягиванием, профилированием и заглаживанием поверхностей на гончарном круге. При создании полого тела применялись спиральный или кольцевой налеп из лент или жгутов. Уровень развития функции круга соответствует РФК-3-5. Орнамент посуды представлял собой различные сочетания врезных волн и линий (Коваль, 2003. С. 156–157; Кучера, 1986. С. 448–450; Сарачев, 1994. С. 162–163; Сарачев, 2000. С. 241; Толочко, 1981. С. 294–301).

Формовочная масса раннекруговой керамики по своему составу близка роменской лепной посуде, в некоторых случаях отмечается уменьшение размерности включений шамота. В орнаментации основное место занимает линейно-волнистый декор. Иногда он дополняется отпечатками гребенчатого штампа. Что касается этапа РФК, в рамках которого конструировалась раннекруговая посуда, то в этом вопросе мнения исследователей расходятся. Первоначально наиболее распространенным было определение развития функции круга для всего массива раннегончарной керамики на уровне РФК–1-2 (Петрашенко, 1992. С. 37; Григорьев, 1993. С. 77; Григорьев, 2000. С. 155; Сарачев, 2000. С. 238–239). Керамика, изготовленная на более высоком этапе развития круга (РФК–3), относилась исследователями уже к категории круговой, которая связывалась с функционированием ремесленного производства (Петрашенко, 1992. С. 37). На этом базировались выводы А.В. Григорьева и И.Г. Сарачева о существенном отличии раннекруговой посуды и древнерусской, которая создавалась на уровне РФК–4, 5 (Григорьев, 2000. С. 157; Сарачев, 2000. С. 241). Однако в недавно вышедшей работе А.В. Григорьева, посвященной славянскому населению водораздела Оки и Дона, уровень использования круга при создании раннекруговой посуды одного из памятников региона существенно повышается и определяется как РФК–2, 3 (Григорьев, 2005. С. 128).

Необходимо отметить, что типология раннекруговой керамики Днепровского Левобережья к настоящему времени не разработана. В исследованиях по роменской посуде раннекруговая отдельно не рассматривалась, а включалась в состав типов лепных сосудов (Ляпушкин, 1958. С. 34–42. Рис. 20–23; Сухобоков, 1992. С. 42–43; Петрашенко, 1992. С. 50–51. Рис. 8). Вместе с тем анализ ряда публикаций позволяет сделать вывод о существенной внутренней неоднородности комплекса раннекруговой посуды. Так, А.В. Григорьев говорит о бытовании в Северской земле «псевдовольнцевской» раннекруговой керамики, раннекруговых горшков «местных славянских форм» и раннекруговой посуды, близкой по исполнению древнерусским сосудам (Григорьев, 2000. С. 155–156). Критерии выделения данных групп керамики довольно расплывчаты. Определенные различия в качестве и профилировке подобной посуды отмечаются О.В. Коваленко и В.В. Енуковым по материалам Полтавы и Курска (Коваленко, 2001. С. 79; Енуков, 2005. С. 290–291. Рис. 58, *1, 10, 11, 14*). Часть керамических находок с поселения Жерновец на р. Тускарь определялась А.А. Узяновым в качестве «лепной имитации раннегончарной» (Узянов, 1983. С. 43).

Таким образом, накопленные на сегодняшний день знания о раннекруговой посуде Днепровского Левобережья довольно отрывочны и неоднозначны. Это зачастую приводит к не очень убедительным статистическим построениям и позволяет по-разному трактовать одни и те же находки в зависимости от подхода исследователей. А между тем значительная дифференциация материала объективно указывает на необходимость комплексного исследования представительных серий раннекруговой посуды. Важным в этом плане представляется технологический анализ такой керамики. Так как в само название этой группы посуды заложена определенная связь ее с характером использования гончарного круга, основное внимание целесообразно уделить исследованию особенностей конструирования таких сосудов. Это даст возможность более аргументировано делать заключе-

ния об уровне РФК, а также позволит сравнить приемы изготовления раннекруговых горшков со способами производства лепной и круговой древнерусской посуды.

С этих позиций было предпринято исследование набора раннекруговой керамики археологического комплекса у д. Липино, который располагается в Октябрьском районе Курской области, на правом берегу р. Сейм. Он состоит из городища, селища, двух курганных и грунтового могильников. Городище имеет роменские напластования X в., в конце которого крепость гибнет в пожаре. В начале XII в. фортификации были вновь отстроены и существовали вплоть до середины XIII в. Селище возникает в конце X в., сразу после гибели роменского поселка на городище, жизнедеятельность на нем продолжалась на протяжении всего древнерусского периода (Енуков, 2005. С. 283, 284, 303). Первые погребения курганного могильника датируются концом X – 1-й половиной XI вв. (Енуков, 2005. С. 283, 284, 294–296). Материалы памятника содержат как лепную керамику роменской гончарной традиции, так и древнерусскую круговую посуду. В количественном отношении последняя доминирует. Доля раннекруговых фрагментов в керамическом наборе исчисляется единичными экземплярами. Однако устойчивое присутствие этой посуды в культурном слое городища и селища не позволяет воспринимать эти находки как явление случайное. Малое количество раннекруговой керамики лишь отражает объективную картину соотношения роменской и древнерусской керамических традиций.

К исследованию были привлечены находки раннекруговой керамики, встреченные преимущественно в крупных объектах селища, известных по раскопкам О.Н. Енуковой*, а также в культурном слое раскопа 2, исследованного Р.Л. Розенфельдтом (табл. 1)**. Кроме этого, интересующий нас материал присутствовал в заполнении оборонительных сооружений городища. Все изученные образцы посуды относились к категории горшковидных сосудов. Данные фрагменты были исследованы на предмет выяснения особенностей технико-технологических приемов их создания. К числу таких приемов относятся: рецепт приготовления формовочной массы, способ изготовления начина, приемы наращивания полого тела, а также навыки формообразования и обработки поверхностей. Основные понятия и методика изучения навыков конструирования сосудов на различных этапах изготовления были разработаны А.А. Бобринским (Бобринский, 1978).

Основу формовочной массы рассмотренного массива керамики составляла ожелезненная глина, дающая после обжига различные оттенки красного цвета. В качестве искусственной примеси, повышающей огнестойкость сосуда, в тесто вводился шамот. В большинстве случаев размер частиц колебался от 3 до 5 мм. Присутствие зерен шамота, не превышающих 2 мм, было отмечено на единственном экземпляре посуды.

О конструктивных особенностях начинов можно судить по одному полностью восстановленному сосуду и трем фрагментам донных частей. На участках перехода днища в стенки в изломах было зафиксировано непрерывное течение линий формовочной массы и естественный переход от плоскости дна к стенкам. Это позволяет говорить об использовании на начальном этапе конструирования донно-емкостного начина (Бобринский, 1978. С. 131, 133. Рис. 44). На внешней поверхности днища прослежены следы мелкой подсыпки, оставившей точечные отпечатки органических включений. Скорее всего, их можно соотнести с подсыпкой из золы (Бобринский, 1978. С. 99–100).

Данные о способе наращивания полого тела были получены в результате изучения крупных фрагментов стенок горшков, профильных частей, сохранившихся до уровня предплечья, а также одного целого сосуда. На крупных обломках способ наращивания полого тела реконструируется по характерным колебаниям толщины стенок, имеющих утонышение в местах соединения глиняных лент (рис. 1, *1*; 2, *7*). На целом образце горшка в нижней половине емкости с внутренней стороны следы стыка лент сохранились более отчетливо (рис. 1, *1*). Они представляют собой характерные ложбинки, расположенные по периметру окружности сосуда. Прослеживаются они не на всю длину, так что с уверенностью констатировать спиральный или кольцевой метод наращивания довольно сложно. Тем не менее, следы примазывания нижней кромки ленты отчетливо фиксируются. В изломах стенок наблюдаются параллельные линии течения глиняной массы, пролегающие снизу вверх от внутренней кромки сосуда к внешней. Вместе с общей вытянутостью лент это позволяет предположить частичное использование машинных навыков при создании полого тела (Бобринский, 1978. С. 174, 175, 183, 184. Рис. 66, 74).

Анализ приемов формообразования производился по сохранившимся профильным фрагментам сосудов, а также одному целому горшку. У всех изученных образцов верхняя часть емкости имеет сложную профилировку, достижение которой возможно лишь при использовании для профилировки плеча, шеи, щеки и губы сосуда эффекта вращения гончарного круга***. Форма венчиков предполагает неоднократную их обработку с целью придания контурам таких очертаний (рис. 1, *1–3*; 2, *2, 4–6, 10, 13*). На некоторых фрагментах фиксируется наличие небольшой ложбинки на плече, что указывает на машинную профилировку этой части сосуда (рис. 2, *2, 4, 5, 10*). У большинства экземпляров внутренняя линия контура на участке перехода плечика в тулово лишена угловатости, в некоторых случаях при этом отмечено утонышение стенок (рис. 1; 2, *1, 4, 5, 10–12*). Отсутствие колебаний линий, оставленных на поверхности сосуда инструментом вытягивания, свидетельствует, вероятно, о высокой и устойчивой скорости вращения круга. На основе описанных технологических признаков уровень развития функции гончарного круга при создании данной посуды можно определить как РФК–4 или 5 (Бобринский, 1978. С. 51–53, 191. Рис. 19).

---

* Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность автору раскопок за предоставленную возможность ознакомиться с материалом.

** Объекты в таблице и на иллюстрациях приводятся с сохранением принятого для памятника полевого шифра: ЛП–95. Р. 4. Я. 5, печь – Липинское поселение, 1995 г., раскоп 4, яма 5, печь; ЛГ–97. Р. 3. Слой 2 – Липинское городище, 1997 г., раскоп 3, слой 2.

*** Названия и определение функциональных частей в составе емкости приводятся в соответствии с методикой терминологией А.А. Бобринского (Бобринский, 1988. С. 12–14).

Внутренние и внешние поверхности исследованных сосудов имели рельефные выпуклые следы скольжения, оставленные инструментом, с помощью которого производилось заглаживание. С помощью микроскопа МБС–10 удалось проследить ряд особенностей расположения этих следов. Была отмечена четкость как мелких, так и крупных линий, а также отсутствие ритмичности в их расположении. Эти признаки позволяют предположить, что обработка поверхности данной посуды производилась на гончарном круге с использованием деревянного ножа (Бобринский, 1978. С. 272–230. Рис. 95). В пользу этого говорит и присутствие в фактуре более грубых линий, вероятно оставленных деревянным инструментом со следами износа.

Анализ способов конструирования рассмотренной керамики позволяет сделать определенные выводы относительно традиции ее производства. На уровне отбора исходного сырья, а также представлений о составе формовочных масс данная посуда обнаруживает определенную связь с роменским гончарством. В нем использование грубых формовочных масс из ожелезненной глины с шамотом является устойчивой традицией. Прослеженная конструкция начина была широко распространена как в северянских древностях, так и в древнерусских материалах. Поэтому делать заключение о близости способа его создания той или иной традиции затруднительно. Однако нельзя не отметить использование при изготовлении липинской раннекруговой керамики зольных подсыпок. Проведенный для сравнения анализ донных частей ленных горшков показал массовое распространение подсыпок из крупного песка или шамота. Вместе с тем на днищах древнерусской посуды из этих же комплексов прослеживались отпечатки золистого материала. Зафиксированные приемы наращивания полого тела кольцевым или спиральным налепом также имеют широкие аналогии в древнерусской гончарной традиции. Похожие следы примазывания глиняных лент неоднократно наблюдались на внутренних поверхностях древнерусских сосудов из Липино. Формообразование и профилировка изученной керамики производились с использованием гончарного круга на достаточно высоком этапе его развития. По уровню РФК образцы этих сосудов соответствуют продукции развитого древнерусского ремесленного производства. Обработка поверхностей также осуществлялась на круге. Инструменты заглаживания, применявшиеся при этом, имеют аналогии в древнерусском керамическом материале.

Особого внимания заслуживает морфология профильных частей исследованных сосудов. Моделировка венчиков выполнена в классических древнерусских канонах, широко известных по материалам Поднепровья. Большая часть липинской раннегончарной посуды сформована с образованием на внешней стороне щеки характерного утолщения – манжета (рис. 1; 2, *1, 2, 4–6, 10, 12, 13*). Этот морфологический признак в целом соответствует керамике X–XI вв. (Кучера, 1986. С. 448–449; Толочко, 1981. С. 298–301). Однако прослеженный набор позволяет выделить формы с классической манжетовидной профилировкой, распространенной в конце X – 1-й половине XI вв. (рис. 1, *1, 2; 2: 4, 5, 10, 13*), а также венчики, на которых манжет в значительной мере вырождается, приобретая рудиментарную форму (рис. 1, *3*; 2, *2, 6*). Такие тенденции в формообразовании проявляются во 2-й половине – конце X в. (Могунов, 1996. С. 17, 18). Один венчик из набора имел вертикально поставленную шею, губа при отсутствии в конструкции щеки была наклонно срезана внутрь. Такая посуда в древнерусских материалах известна в конце X–XII вв., однако наибольшее ее распространение приходится на XI в. (Малевская-Малевич, 2005. С. 45).

Орнаментация изученной керамики представляла собой различные сочетания волн и линий, наносившихся по сырой глине острым предметом (рис. 1, *1, 3*; 2, *1, 3, 4, 7, 9–12*). Такая техника украшения считается традиционной для раннекруговой посуды (Григорьев, 2000. С. 155). Однако близкие композиции декора в X – начале XI вв. были широко распространены и в древнерусских материалах (Толочко, 198 г. С. 293, 299). В данном случае связывать подобный орнамент с какой-либо из традиций затруднительно. Тем не менее обращает на себя внимание присутсвие на одном из фрагментов линий вместе с отпечатками гребенчатого штампа, хорошо известного по лепной роменской посуде (рис. 2, *8*). Такие находки, совмещающие в себе элементы различных традиций, как отмечалось выше, неоднозначно трактуются в научной литературе. Изученный фрагмент имеет хорошо читаемые оттиски инструмента, сравнение их с лепными аналогами не позволяет усомниться в единстве технологии их нанесения. Кроме того, в одном из комплексов, содержащих раннекруговую керамику (ЛП–95, Р–4, яма 5), присутствовал фрагмент кругового сосуда из неожелезненной глины, также орнаментированный роменским гребенчатым штампом.

Раннекруговая посуда Липинского археологического комплекса наглядно иллюстрирует смешение технологических приемов двух гончарных традиций. Основные этапы такого процесса подробно реконструированы А.А. Бобринским (Бобринский, 1978. С. 243, 244). Главная закономерность его определяется тем обстоятельством, что различные категории производственных навыков в условиях смешения ведут себя по-разному. Навыки изготовления начина и полого тела относятся к категории субстратных, наиболее устойчивых к изменениям. В ситуации взаимодействия традиций они меняются в последнюю очередь. Приемы формообразования занимают среднее положение по скорости реакции на процессы смешения. И наиболее неустойчивыми в таких ситуациях являются навыки отбора сырья и рецептура формовочных масс, которые относятся к разряду приспособительных (Бобринский, 1978. С. 97, 124, 170, 193). Изученная посуда демонстрирует устойчивую близость как наиболее консервативных навыков создания начина, полого тела и формообразования, так и приспособительных навыков обработки поверхностей к древнерусской гончарной традиции. На уровне приспособительных навыков отбора исходного сырья и создания формовочной массы отчетливо фиксируется связь с роменской традицией изготовления керамики. Такое соотношение технико-технологических особенностей может отражать начальный этап адаптации носителей древнерусских приемов изготовления сосудов в роменской среде, в частности, эксперименты с местными рецептами формовочных масс. Использование роменской рецептуры, так же как определенное смешение в навыках орнаментации, свидетельствует о наличии прямых контактов носителей двух традиций.

Отдельно следует остановиться на вопросе хронологии находок такой керамики. Объекты на поселении, в которых она была встречена, дают довольно широкую дату. Общий их анализ не дает возможности установить дробных временных рамок, однако позволяет сделать вывод о производстве этой посуды небольшими партиями с конца X в. и на протяжении всего XI в. Этот период относится к древнерусскому этапу существования Липинского археологического комплекса. На городище раннекруговая керамика присутствовала в напластованиях, соотносимых с финальным этапом функционирования роменских укреплений. По мнению В.В. Енукова, их верхним хронологическим рубежом является конец X в. Исходя из этого, встреченную на городище раннекруговую посуду следует связывать с роменским периодом в жизни памятника.

Таким образом, анализ раннекруговой керамики Липинского археологического комплекса позволяет выдвинуть две гипотезы, характеризующие процесс взаимодействия роменской и древнерусской гончарных традиций.

В рамках первой гипотезы изученную керамику можно отнести к роменскому гончарству. В таком случае исследованную посуду следует рассматривать в качестве сосудов-подражаний, копирующих типично древнерусские сосуды. Достижение таких высоких показателей развития функции круга может свидетельствовать о поступательном развитии керамического производства населения роменской культуры, постепенно освоившего гончарный круг. Судя по характерным технологическим приемам, приобщение к нему не могло пройти без влияния древнерусских гончаров и их посуды, в том числе и на уровне непосредственных контактов. Достигнув пика развития гончарного производства, роменское население было интегрировано в древнерусскую общность, сохранив на первых порах традиции как лепной, так и раннекруговой керамики. В последующем они были окончательно вытеснены древнерусской круговой посудой.

Вторая гипотеза рассматривает появление подобной керамики как результат возможного проникновения древнерусского населения в роменскую общность, начавшегося в X в. Создавая керамическое производство на новой сырьевой базе, древнерусские мастера могли обращаться к местным рецептам в качестве эксперимента либо исходя из соображений реализации продукции. После ликвидации в конце этого столетия племенной самостоятельности северян интеграционный процесс набирает силу, что приводит к массовому распространению древнерусской круговой посуды. В этих условиях лепная роменская керамика полностью не исчезает, что указывает на присутствие роменского компонента на древнерусских памятниках. На него могло быть ориентировано производство круговой керамики с роменскими традициями составления формовочных масс. В пользу подобного внимания к потребителю говорят находки в ранних объектах из Липино фрагментов сковородок, выполненных на гончарном круге. В позднейших древнерусских материалах сковороды как форма посуды неизвестны, что связывает их с роменским бытом, широко применявшим такие изделия.

Так или иначе, данные, полученные в результате исследования раннекруговой керамики Липинского археологического комплекса, убедительно свидетельствуют о наличии непосредственных контактов носителей роменской и древнерусской гончарной технологии. Вместе с тем, предложенные варианты реконструкции роменско-древнерусского взаимодействия основаны на материалах одного памятника и, естественно, не отражают полной картины этого сложного процесса. Дальнейшее расширение базы источников позволит более аргументировано осветить этот вопрос и подтвердить или опровергнуть состоятельность выдвинутых гипотез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей/ Курский край: Науч.- популярн. серия: В 20 т. Т.3. Курск, 2005.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бобринский А.А. Подготовка форм глиняной посуды к аналитическому изучению // Компьютерные банки данных музейной и археологической информации. Тбилиси, 1988.

Винников А.З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э. // СА. 1982. № 3.

Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып.2. Тула, 2000.

Коваленко О.В. Про орнаментацію посуду роменської культури з Полтави // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 1. 2001.

Коваль В.Ю. Новые данные о керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003.

Лапушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. №74. М., 1958.

Малевская-Малевич М.В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. / Тр. ИИМК РАН. СПб., 2005.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы / МИАДЛ. Вып. 2. Курск, 1996.

Петрашенко В.О. Славянская керамика VIII–IX вв. Правобережья Среднего Поднепровья. Київ, 1992.

Рыбаков Б.А. Раскопки во Вщиже в 1948 -1949 гг. // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М., 1951.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.

Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя ў VIII -XIII вв. Киев, 1992.

Сарачев И.Г. К построению типологии древнерусской круговой керамики на основе изменений технологии формовки венчика // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.

Сарачев И.Г. Древнерусская круговая керамика в комплексах роменской культуры // Приложение 2 в кн.: Григорьев А.В., 2000.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.

Узянов А.А. Отчет о раскопках Роменского отряда Курской экспедиции ИА АН СССР в Курской обл. в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №9955.

Таблица 1. Объекты Липинского археологического комплекса с раннекруговой керамикой

Объект	Хронология	Доля лепной роменской посуды (%)
Селище		
ЛП 48. Р 2, культурный слой	XI в.	?
ЛП 95. Р 4. Я. 5, печь	1-я пол. XI в.	42
ЛП–96. Р–5. Я. 26	Кон. XI - 1-я пол. XIII в.	11
ЛП–96. Р–7. Я. 103	Кон. X – сер. XI в.	4,3
ЛП–01. Р–11. Я. 4	Рубеж XI–XII – нач. XII в.	5
ЛП–01. Р–11. Я. 21	Рубеж X–XI – 1-я пол. XI в.	33,7
ЛП–03. Р–13. Я. 144	Рубеж XI–XII – нач. XIII вв.	–
ЛП–04. Р–15. Я. 36	XI в.	2,8
ЛП–04. Р–15. Я. 120	Кон. XI – XII в.	1
ЛП–04. Р–15. Я. 73	XI – нач. XII в.	11
ЛП–05. Р–16. Я. 94	1-я пол. XI в.	15
Городище		
ЛГ–97. Р–3. Слой 2	Кон. X в.	48
ЛГ–97. Р–3. Слой 28	Кон. X в.	58
ЛГ–97. Р–3. Слой 32	Кон. X в.	60
ЛГ–97. Р–3. Слой 67	Кон. X в.	50

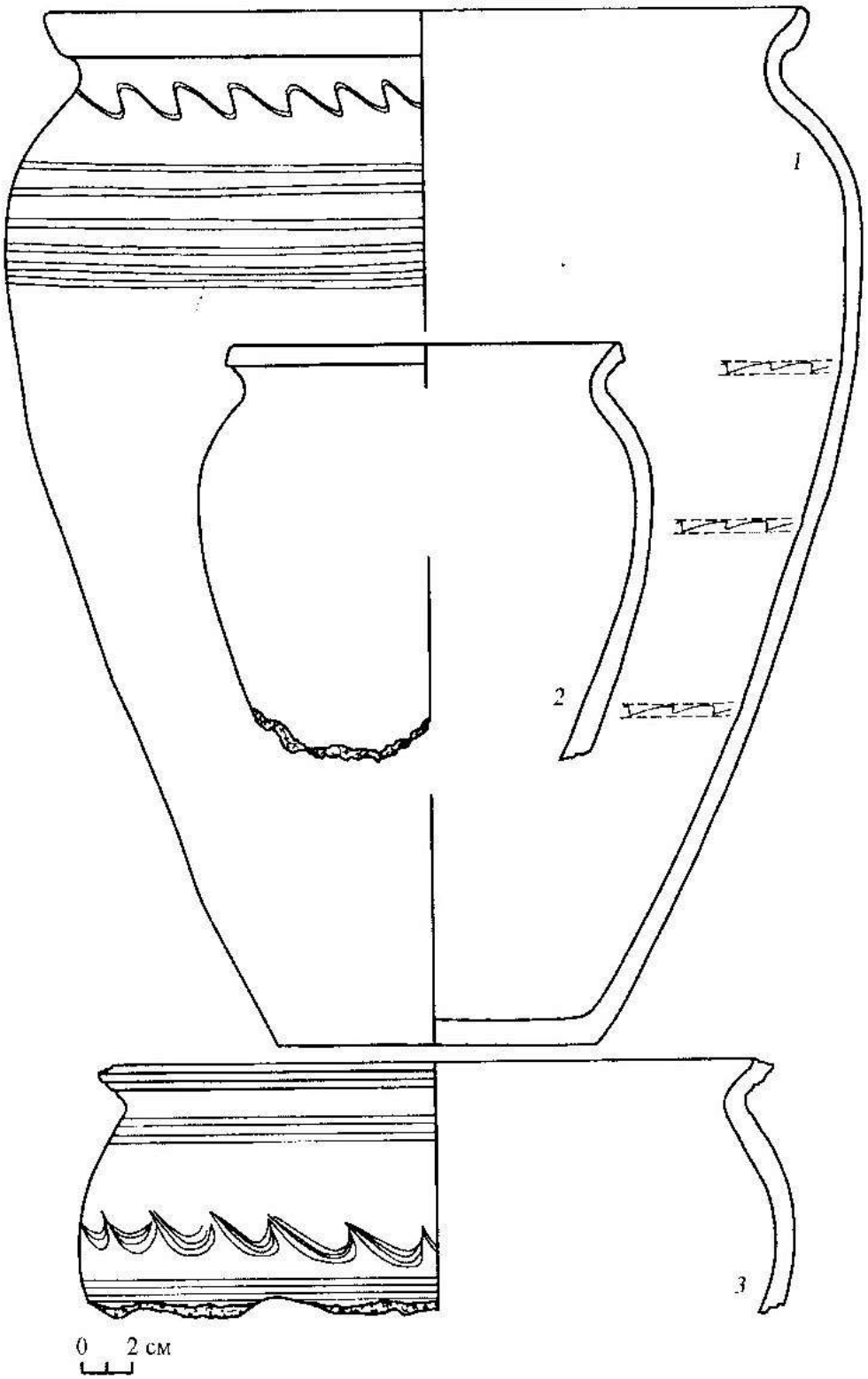


Рис. 1. Раннегончарная керамика из объектов Липинского селища.
1 – ЛП-48. Р-2 (культурный слой XI в.); *2* – ЛП-05. Р-16. Я. 94 (1-я пол. XI в.); *3* – ЛП-01. Р-11. Я. 4 (руб. XI- XII – нач. XII вв.).

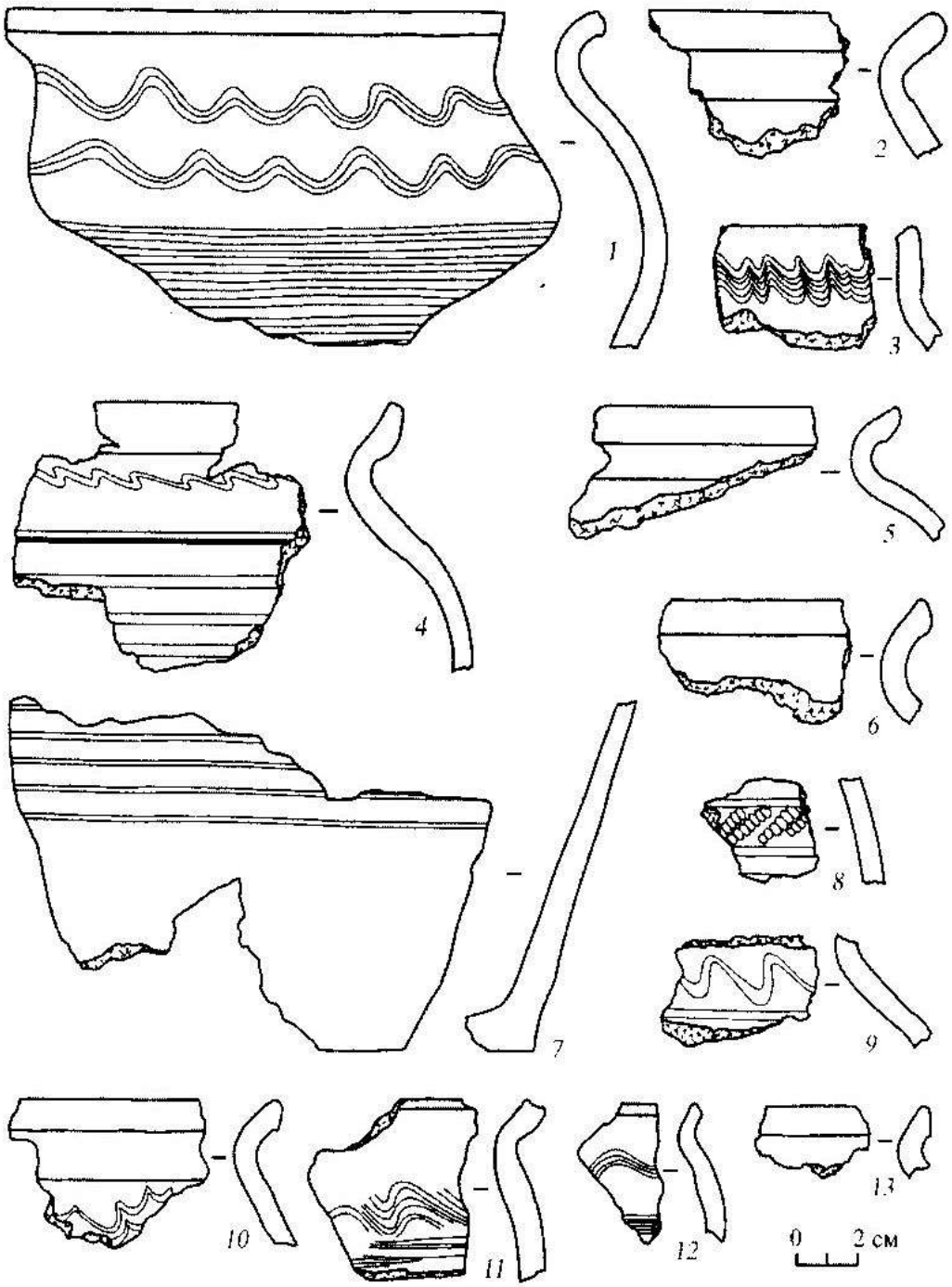


Рис. 2. Раннегончарная керамика из объектов Липинского селища и городища.
1 – ЛП-95. Р-4. Я. 5, печь (1-я пол. XI в.); *2* – ЛП-04. Р-15. Я. 120 (кон. XI – XII вв.); *3* – ЛП-03. Р-13. Я. 144 (руб. XI–XII – нач. XIII вв.); *4* – ЛП-04. Р-15. Я. 36. (XI в.); *5* – ЛП-05. Р-16. Я. 94 (1-я пол. XI в.); 6 – ЛП-96. Р-5. Я. 26 (кон. XI – 1-я пол. XIII вв.). *7* – ЛП-01. Р-11. Я. 21 (рубеж X–XI – 1-я пол. XI вв.); *8, 9* – ЛП-04. Р-15. Я. 73 (XI – нач. XII вв.); *10* – ЛП-96. Р-7. Я. 103 (кон. X – сер. XI вв); *11* – ЛГ-97. Р-3. Слой 28 (кон. X в.); *12* – ЛГ-97. Р-3. Слой 32 (кон. X в.); *13* – ЛГ-97. Р-3. Слой 2 (кон. X в.).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СЛАВЯН НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ СЕЙМА И ПСЛА (ПО НАХОДКАМ НАКОНЕЧНИКОВ ПАШЕННЫХ ОРУДИЙ ТРУДА)

© 2008 г. М.В. Веретюшкина

Курский государственный университет

После работ Б.Д. Грекова в середине XX в. в историографии утвердилось мнение о ведущей роли земледелия в хозяйственной жизни славян. Именно с этого времени «земледельческая» проблематика получает широкое освещение в трудах самых разных исследователей (Довженок, 1961; Левашова, 1956; Кирьянов, 1959; Краснов, 1970; 1971; 1975; 1976 и т.д., Чернецов, 1973 и др.). При этом особое внимание уделялось изучению пашенных орудий труда, уровень развития которых напрямую влиял на достижения в агрикультуре. В этой связи первоочередное значение приобрели находки железных наконечников – вспомогательных деталей орудия, продлевающих срок службы почвообрабатывающих средств и, как впервые заметил в середине 50-х гг. XX в. К.Н. Тарновский, позволяющих существенно повысить производительность труда (Тарновский К.Н., 1954. С. 77–92). Благодаря появляющимся излишкам продукции происходило постепенное упрочнение экономических основ общества, что создавало благоприятную основу для формирования государственности (Горский, 1982. С. 72–81; Горский, 1986. С. 74-88).

В подавляющем большинстве работ, посвященных эволюции земледелия, использовался макроподход, предполагающий общий анализ находок наконечников пашенных орудий с обширных просторов Восточной Европы. Отдельные регионы с этих позиций практически не рассматривались, за исключением крупных территориальных подразделений (например, лесная и лесостепная зоны). В немалой степени это объясняется причинами объективного характера. К их числу относится в первую очередь сравнительно небольшое количество находок, что вполне понятно: утрата массивных железных частей орудий землеобработки представляла собой явление неординарное. Однако постепенное накопление материалов дало возможность перейти к региональным исследованиям. На наш взгляд, удачным полигоном для такого рода изысканий является междуречье Сейма и Псла. Во-первых, здесь была получена целая серия почвообрабатывающих средств. Во-вторых, регион принадлежит к числу относительно неплохо изученных, что позволяет рассмотреть железные детали орудий в контексте современных историко-археологических построений. В-третьих, в IX–X вв. здесь возникло сложное племенное объединение семичей, пределы которого (известное по летописям «Посемье») остаются неизменными и после включения в состав Киевской Руси (Енуков, 2005. С. 235, 255–257). В результате на протяжении почти пяти веков регион сохранял территориальную целостность.

Появление славян в междуречье Сейма и Псла в свете последних исследований следует связывать с древностями позднезарубинецкого облика 2-й половины I – II вв. н.э. (Обломский, 1991. С. 5, 35; 2002. С. 10). Для позднезарубинецких и сменивших ее племен киевской культуры (1-я половина III – середина V вв.) была характерна специфическая структура расселения, состоящая из «сгустков» небольших, обычно из двух-трех домохозяйств, поселков-«хуторов». Как правило, они располагались на останцах и дюнах в поймах рек или на первых надпойменных террасах, т.е. тяготели к воде и влажным почвам речных долин (Абашина, 1986. С. 128–132).

Близкий характер мест проживания и, судя по всему, общественного уклада подразумевает схожий тип земледелия. На территории междуречья Сейма и Псла не встречены находки пашенных орудий или их наконечников, поэтому в определении характера почвообработки важную роль играют косвенные данные. Многочисленные отпечатки семян растений на керамике, а также их обгорелые остатки свидетельствуют о ведущей роли среди возделываемых злаковых культур проса, за которым по степени значимости следовали пшеница-двузернянка и твердые сорта ячменя, а также рожь. Лидирующая позиция проса у населения позднезарубинецкой и киевской общностей, вероятно, объясняется его климатической и почвенной непритязательностью, а также достаточно примитивным способом сельскохозяйственного производства (Острая Лука Дона в древности..., 2003. С. 123–125, 138). Для его созревания не требуется особенно благоприятных почвенных условий и глубокой вспашки, поэтому со значительной долей осторожности можно предположить применение в это время примитивных цельнодеревянных пашенных орудий (рало), не имеющих железных наконечников. Скорее всего, данные средства обработки почвы использовались для работы под углом к земле, лишь взрыхляя ее (Краснов, 1982. С. 63–67).

Во 2-й половине III в. в регионе появляются племена черняховской культуры, которые, несомненно, обгоняли в своем развитии местное население. В междуречье Сейма и Псла поселения этого круга древностей занимали юго-западную территорию, иногда переходя на правый берег р. Сейм, в основном тяготея к плодородным черноземам (Обломский, 2002. С. 29). Тесные связи с Римской империей, вероятнее всего, стали источником сельскохозяйственных новаций в среде черняховцев, чему имеются свидетельства. По крайней мере, в юго-западной части ареала культуры известны находки железных наральников, которые представляли собой наконечники небольшого размера (12–15 см) со слабовыраженными плечиками, выполненные из цельного куска железа очень плохого качества (с. Кринички, с. Загайканы) (Масон, Крупникова, Кирьянов, 1967. С. 164–170). В пользу более высокого по сравнению с северными соседями уровня развития земледелия черняховцев свидетельствует и нередко большая площадь их поселений. Это приводит к выводу о росте населения некоторых общин в результате возможности получать относительно стабильные и высокие урожаи при обработке черноземов (Славяне Юго-Восточной Европы..., 1990. С. 106–109). Однако находки артефактов, свидетельствующие о возможных прогрессивных изменениях в земледелии населения междуречья Сейма и Псла в этот период отсутствуют. Возможно, это случайность, однако не исключено, что пришельцы, вступившие в тесные контакты с местным населением (Об-

ломский, 1996. С. 53; 2002. С. 29), восприняли их уже устоявшиеся агротехнические традиции, к чему мы еще вернемся.

К середине V в. в ходе Великого переселения народов происходит изменения в культурном составе населения исследуемого региона. Носители черняховских древностей покидают свою территорию, почти не оставив после себя следов, по крайней мере в лесостепи Днепровского Левобережья (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 141). Сформировавшиеся в это время древности колочинского типа обнаруживают генетическую связь с предшествующей киевской культурой (Терпиловский, 2001–2002. С. 427). Для нашей темы особенно важна близость системы расселения: преобладали все те же небольшие поселения-«хутора», тяготевшие к воде (Славяне Юго-Восточной Европы..., 1990. С. 209–211). В то же время есть основания полагать, что племена колочинской культуры стояли на более высокой ступени социально-политического развития, нежели их предшественники, что позволяет предположить и изменения в хозяйственной жизни. В первую очередь об этом свидетельствуют многочисленные находки богатых вещевых кладов конца VII, более известных как «древности антов», из числа которых два (Гаюновский и Суджанский) относятся к Сеймско-Псельскому междуречью (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 53–57, 145). Их основу составляли комплексы женских уборов и мужских поясных наборов. Богатство найденных предметов свидетельствует о возможной принадлежности к племенной аристократии и, в свою очередь, о расслоении общества (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 145).

Однако находки, которые могли бы указывать на сколько-нибудь серьезные изменения в земледелии, несомненно, остававшемся экономической основой жизни общества, неизвестны. Близость многих проявлений материальной культуры, и в первую очередь, структуры расселения, представителей киевского и колочинского круга древностей дает основания предполагать сохранение основных агротехнических приемов. В свою очередь, косвенно это свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь заметного вклада черняховцев в землеобработку предшественников племен колочинской культуры.

Первые заметные новации в агротехнике отмечаются только в последующее время. Судя по «антским» кладам (группа I по О.А. Щегловой), во 2-й половине VII в. население междуречья Сейма и Псла было подвергнуто существенному влиянию славян Луки Райковецкой культуры, а также переселенцев из Подунавья (Щеглова, 1990. С. 181; Приймак, 1994. С. 13; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 146–148). С 1-й половины VIII в. на изучаемой территории наблюдается заметное влияние Хазарского каганата (Сухобоков, 1992. С. 60–66; Щеглова, 1987. С. 13). Эти процессы привели к сложению в окончательном виде волынцевской культуры (VIII – начало IX вв.) (Сухобоков, Юренко, 1993. С. 119).

Древности VIII в. междуречья Сейма и Псла главным образом представлены небольшими неукрепленными поселками, расположенными поблизости от воды. На этом фоне явно выделяется единственное из числа известных поселений с фортификациями – городище Битица на р. Псел. Памятник находится на мысу площадью около 6 га. Укрепленная площадка отрезана от плато с напольной стороны двойной линией валов и рвов (Приймак, 1994. С. 35–36). Материалы исследований показывают, что на памятнике, кроме славян, проживало и иноэтничное население, связанное, вероятно, с салтовским миром. Возможно, это был военный контингент (Приймак, 1994. С. 14).

Неординарная роль Битицы в жизни населения Днепровского Левобережья стала уже общепризнанной. Многие исследователи рассматривают ее в качестве форпоста Хазарского каганата на изучаемой территории, в жизни обитателей которого хорошо фиксируется и активная ремесленная деятельность (Сухобоков, 1992. С. 21–25; Приймак, 1994. С. 14–15; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 148). Может быть, неслучайно именно на этом памятнике впервые достоверно фиксируются находки, отражающие прогрессивные явления в земледелии. В 1984 г. здесь был обнаружен клад, в состав которого входили 8 серпов, 2 косы-горбуши, наральник, железный топорик, пешня, а также бронзовые бусы и пронизки (Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 94–95). Наральник представляет собой массивный наконечник с небольшой асимметрией, общая длина которого 28 см, длина втулки 9 см, ширина 10,5 см, максимальная ширина рабочей лопасти 15 см. Он был выкован из цельного куска металла плохого качества (рис. 1, *1*). Как показывают металлографические исследования, низкопробность железа является характерной чертой массивных предметов данного периода (Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 98–100).

Соотношение основных параметров предмета позволяет отнести его к типу широколопастных нараьников типа IB3*, распространенных в основном на памятниках салтово-маяцкой культуры, однако некоторые показатели сближают его с типом IB2 (Приймак, 1990. С. 70). Подобные наконечники могли работать горизонтально к земле, а наличие небольшой асимметрии дает возможность с некоторой долей осторожности предположить существование дополнительного ральника (Краснов, 1978б. С. 25).

Не исключено, что с волынцевским кругом древностей связана и уникальная находка цельнодеревянного рала из торфяника у д. Токари Сумской обл. в Украине. Его основа была изготовлена из дуба так, что соответствующим образом оформленная часть ствола образует полоз, а отходящий в сторону изогнутый, толстый и массивный сук служил грядилем (Краснов, 1981. С. 58. Рис. 1, *1, 2*). Эти особенности позволяют отнести данное орудие к разряду грядильных кривогрядильных рал по предложенной Ю.А. Красновым классификации (Краснов, 1975. С. 27–33, 108). Исследования Б.А. Шрамко и Ю.А. Краснова выявили аналогии токаревской находке на территории Левобережья Днепра у с. Полесье Черниговской обл., у с. Сергеевск Брянской обл., а также в Белоруссии у д. Каплановичи Минской области и около с. Даберготц (Скандинавия) (Шрамко, 1964. С. 96–99; Краснов, 1975. С. 145–161). Расположение места перехода грядиля в полоз у заднего конца последнего и, следовательно, места приложения тяговой силы позади центра тяжести орудия приводило к тому, что полоз у Токаревского рала при работе двигался не вполне горизонтально, а слегка приподняв пяту. Примечательно, что в начальной части грядиля, на высоте около 0,3 м от нижней грани полоза, имеется подпрямоу-

* Здесь и далее используется классификация, разработанная Ю.А. Красновым (1978б).

тольное отверстие, ось которого располагается под углом 45с к горизонтали. На основе анализа этнографического и иконографического материала Ю.А. Краснов высказал предположение о существовании у рал, подобных токаревскому, «длинного, целиком деревянного или оснащенного железным наконечником дополнительного ральника. Назначение этой детали взрыхлять землю перед тем, как полоз поднимет ее снизу и расширит борозду (но не разрезать ее в вертикальной плоскости, как это делается череслом)» (Краснов, 1981. С. 61). Эту гипотезу подтверждают и находки в Восточной Европе железных втульчатых наконечников, которые по своим размерам и пропорциям могут быть интерпретированы как одна из частей дополнительного ральника (с. Лебедка на Оке) (Краснов, 1976. С. 41; Краснов, 1978б. Рис. 1, *2, 3, 10*).

Находка из с. Даберготц на основе радиоуглеродного анализа латируется VIII в. н. э., что позволяет предположительно соотнести токаревское рало с волынцевским культурно-хронологическим горизонтом. В целом, это орудие представляет собой достаточно развитое средство обработки земли с полозом, что улучшало качество вспашки земли и соответствовало характеру возделываемых почв (Краснов, 1981. С. 63). Наличие дополнительного ральника позволяет расценивать его в качестве промежуточного звена между обычными ралами и плугами. В любом случае, находка из д. Токари свидетельствует об усложнении строения пашенных орудий и, следовательно, характера земледелия. На это указывает и смена в распределении злаковых культур. Судя по палеоботаническим данным, у населения волынцевской культуры на лидирующие позиции выходят рожь и пшеница, отличающиеся большей, нежели просо, агротехнической требовательностью (Сухобоков, 1992. С. 28–30).

Возможно, к числу относительно ранних находок, свидетельствующих об изменениях в хозяйственной жизни региона, относится и железный наконечник, найденный на дюне правого берега р. Псел у д. Шмырево, Обоянского уезда (рис. 1, *2*) (Самоквасов, 1915б. С. 3–5; Самоквасов, 1915а. Табл. Ia). Обнаруженный предмет Д. Я. Самоквасов отнес к типу сошников, но, на наш взгляд, подобная интерпретация не точна. Во-первых, следует отметить, что параметры находки не соответствуют подобному определению. Его общая высота составляет 21,8 см, длина втулки – 7,5 см; средняя ширина втулки – 8,7 см; наибольшая ширина предмета – 11 см. Такие значения являются достаточно характерными для широколопастных наральников типа IB2 полозного рала. Во-вторых, расширяющаяся по всей длине втулка свидетельствует о закреплении наральника в горизонтальном положении (Краснов, 1970. С. 142).

Как показывают недавние исследования, на последнюю четверть I тысячелетия, судя по всему, приходится начало распространения переложной системы земледелия, включавшей поднятие целины (Горбаненко, 2005. С. 161). Для этого требовалось орудие с возможностью достаточно глубокой и тщательной вспашки. В данных условиях наиболее эффективным является применение орудия с рабочей частью, максимально приближенной к поверхности грунта, и наконечником, способным проделывать борозду и раздвигать землю в стороны, т.е. широколопастным. Всем перечисленным требованиям отвечало полозное рало (Краснов, 1976. С. 37–40), которому вполне соответствует шмыревский наконечник.

Появление наконечников пашенных орудий в волынцевских древностях свидетельствуют о начале серьезных изменений в землеобработке по сравнению с предшествующим периодом. Использование рала с полозом, которое подрезало и раздвигало почву по обе стороны, позволяло заметно повысить качество вспашки, что увеличивало производительность труда и урожайность. Однако широкое распространение пашенных орудий труда в междуречье Сейма и Псла, похоже, было связано уже с появлением роменской культуры (северяне письменных источников), которая своим происхождением восходила к волынцевским древностям (Сухобоков, 1992. С. 36; Григорьев, 2000. С. 13–51). В этот период появляется новый тип населенных пунктов – городища, для создания которых, как правило, выбирались мысы рек, образовавшиеся либо при впадении небольших притоков, либо при наличии балок и оврагов (Сухобоков, 1975. С. 25–31; Енуков, 2005. С. 63–68). Неукрепленные поселения, составлявшие ближайшую округу городищ междуречья Сейма и Псла, как правило, имели небольшую площадь и чаще всего располагались по берегам рек и ручьев. Зачастую они представляли собой «хутора» из одного хозяйства. По мнению В.В. Енукова, в Посемье на позднем этапе существования роменской культуры сложилась сложная социально-политическая структура с некоторыми признаками государственности (Енуков, 2005. С. 255–257).

В связи с этим, вполне вероятно, неслучайной является относительная многочисленность находок железных наконечников пахотных орудий. На поселении Жерновец 3 в 1983 г. А.И. Пузиковой был обнаружен наральник со слабовыраженными плечиками (Пузикова, 1983. Л. 1–5) (рис. 1, *3*). Общие размеры орудия достаточно велики (длина 24 см, длина втулки 11,3 см, средняя ширина втулки 9,3 см, наибольшая ширина рабочей лопасти 10,2 см) и позволяют отнести его к типу IБ1 (Краснов, 1978б). Наконечник выкован из цельного куска железа и имеет небольшую асимметрию. Как уже отмечалось, наральник подобного типа вполне мог использоваться при работе ралом с полозом. Аналогии Жерновецкому наральнику встречены на многих памятниках роменского круга (Новотроицкое, соответствующий слой поселения Волынцево и др.) (Ляпушкин, 1958. С. 121–123).

Основные параметры обнаруженного Т.Н. Никольской в 1952 г. наконечника из напластований Шуклинского городища (общая длина 16 см, длина втулки 5,2 см, средняя ширина втулки 6,3 см, наибольшая ширина рабочей лопасти 9 см) позволяют отнести его к широколопастным наральникам типа IB2 (рис. 1, *4*) (Никольская, 1952. Л. 5–6). В 1992 г. в ходе исследований Ратского городища также был обнаружен наконечник рала (раскоп 5, яма 4) (рис. 1, *5*) (Енуков, 1992. Л. 58). Он основными параметрами похож на Шуклинскую находку (соответственно, 15,4, 6,8, 5,8, 8,4 см) и относится к тому же типу, но имеет более выраженную асимметрию плечиков. Это различие может иметь два объяснения: либо наральник с Ратского городища использовался более интенсивно, отчего одна сторона рабочей лопасти стерлась больше, либо это – следствие «неаккуратной» работы кузнеца.

Среди подъемного материала (бронзовые дирхемы, поясные пряжки, фибула, серп, мотыжка), собранного в 2002 г. на поселении роменской культуры в районе д. Духовец 3 Курского района, выделяется находка широколопастного наконечника пашенного орудия (рис. 1, *7*) (КГОМА. № 149/61/31). Это достаточно мощный наральник, который имеет общую длину 22,6 см, длину втулки 9 см, среднюю ширину втулки 8,6 см, наибольшую ширину лопасти 13,2 см. Он отличается от известных на сегодняшний день синхронных ему находок Сеймско-Псельского междуречья: по рабочему краю лезвия наварены железные полосы, которые укрепляли постоянно стачивающуюся лопасть. Наконечник относится к типу широколопастных симметричных наральников IB2.

При исследовании роменского городища у д. Мешково Курского района в 1978 г. в первом штыке культурного слоя был обнаружен обломанный конец железного наральника (Узянов, 1978–1979. Л. 97). В силу отсутствия изображения находки трудно определить его тип и дать более полную характеристику. В описи находок отчета А.А. Узянова о раскопках Переверзевского 2-го городища указываются фрагменты «железного наконечника пахотного орудия». В тексте об этом не упоминается, но, судя по прорисовкам, под указанными в описи номерами на памятнике было обнаружено четыре мотыжки (Узянов, 1980–1981. Рис. 49).

Основные характеристики рассмотренных находок позволяют интерпретировать их как достаточно развитые наральники. Строение их втулок указывает на работу в горизонтальной плоскости, т.е. на ралах с полозом (Краснов, 1970. С. 142), что повышало производительность труда.

Менее обеспечены находками древнерусские памятники Посемья, что во многом объясняется заметно меньшей степенью их изученности по сравнению с предшествующими древностями. В литературе устоялось мнение, что в начале II тысячелетия н. э. на территории южнорусских земель начинают распространяться более развитые пашенные орудия – плуги с наконечниками в виде лемехов. Для этих орудий характерно наличие одностороннего отвала, обычно фиксированного, реже переставляющегося, а также использование колесного передка и чересла (Краснов, 1979. С. 60–61). Все плуги были значительно крупнее рал.

Имеются некоторые доказательства в пользу того, что население Курской волости-княжения в домонгольское время уже знало плуг. Свидетельством тому служит наконечник, обнаруженный на селище середины XII – середины XIII вв. у д. Моисеево Дмитриевского района, сопутствующими находками которого являются обломок стеклянного браслета и гончарная керамика. Общая длина артефакта 29,4 см, высота втулки 11 см, средняя ширина втулки 18,7 см, наибольшая ширина лопасти 19,4 см (рис. 1, *8*) (Алихова, 1955. Л. 9; 1962. С. 83). Это – классический симметричный лемех XII–XIII вв. типа IVB1 с заостренным рабочим концом. Скорее всего, он использовался на орудии с переставляющимся отвалом (Краснов, 1979. С. 61).

Конструктивным элементом плуга является чересло, разрезавшее почву вертикально, что облегчало ее «разрывание» и переворачивание. Подобный черешковый плужный нож был встречен на поселении у д. Липино Октябрьского района в подклети жилой постройки, которая датируется концом XII – 1-й половиной XIII вв. (рис. 1, *9*) (Енукова, 1993. Л. 24–25). Общая длина чересла составляет 51 см, длина лезвия – 22,5 см.

Вместе с тем есть основания полагать, что рала не исчезают из обихода населения курских земель. Наральник, найденный на поселении XI – начала XIII вв. около д. Липино (рис. 1, *6*), представляет собой достаточно мощный наконечник, общая длина которого составляет 28 см, высота втулки 10 см, наибольшая ширина лопасти 16 см, средняя ширина трубицы 13 см (Енукова, 1996. Л. 32). Он относится к типу широколопастных наральников IB2. Наличие небольшой асимметрии может свидетельствовать о применении на орудии в комплексе с дополнительным ральником.

Подведем итоги. Для славянского населения междуречья Сейма и Псла, вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э., было характерно земледелие с применением орудий без железных наконечников. Археологические данные свидетельствуют о том, что только в древностях волынцевского культурно-хронологического горизонта появляются новации в виде первых находок наральников, которые становятся гораздо более многочисленными в роменское время.

В целом роменская культура отражает динамичное и поступательное развитие сложившегося в IX–X вв. объединения северян, в котором вызревали ростки собственной государственности (Шинаков Е.А., 2002. С. 128, 129), при этом Посемье, судя по всему, превращается в ведущий как в социально-политическом, так и социально-экономическом отношении регион Северской земли (Енуков, 2005. С. 255–257). Хронологическое совпадение изменений в земледелии и заметного усложнения социальной организации в среде северян позволяют осторожно предположить взаимосвязь этих явлений.

Источниковая база по вопросу дальнейшего совершенствования населением курских земель приемов обработки почвы заметно более скромная. Тем не менее имеющиеся данные приводят к мысли о том, что в XII–XIII вв. в междуречье Сейма и Псла начинает применяться плуг, что открывало новые перспективы для развития пашенного земледелия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашина Н.С. Население Среднего Поднепровья в III–V вв. н. э. (по материалам киевской культуры): Дисс... канд. ист. наук. Киев, 1986.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках г. Курска и в пределах Иванинского, Льговского, Дмитриевского и Хотимильского районов Курской обл. в. 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1129.

Алихова А.Е. Моисеевское городище в эпоху Киевской Руси // КСИА. 1962. Вып. 87.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Горбаненко С.А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. Дисс... канд. ист. наук. Киев, 2005.

Горский А.А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 4.

Горский А.А. Феодализация на Руси: Основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып. 2. Тула, 2000.

Довженок В.И. Землеробство Древньої Русі. Київ, 1961.

Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17081.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край: Научн.-популярн. серия в 20 т. Т. III. Курск, 2005.

Енукова О.Н. Отчет об охранных раскопках поселения около с. Липино Октябрьского района Курской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18283.

Енукова О.Н. Отчет о работах Посемьской археологической экспедиции около с. Липино, Октябрьского района, Курской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20004.

Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. // МИА. 1959. № 65.

Краснов Ю.А. К проблеме эволюции рал (об одном широко распространенном заблуждении) // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тысячелетие до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э.) // МИА. 1971. № 174.

Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.

Краснов Ю.А. Об одном типе пахотных орудий Древней Руси // КСИА. 1976. Вып. 146.

Краснов Ю.А. О классификации наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы // СА. 1978а. № 3.

Краснов Ю.А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) // СА. 1978б. №4.

Краснов Ю.А. Средневековые плуги Восточной Европы // СА. 1979. № 4.

Краснов Ю.А. Рало из Токаревского торфяника // КСИА. 1981. Вып. 164.

Краснов Ю.А. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. №3.

Левашова В.П. Сельское хозяйство: очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. 1958. № 74.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – пер. пол. IX в.): Историко-археологические очерки // МИА. 1968. № 152.

Мосин В.М., Кругликова И.Т., Кирьянов А.В. Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.

Никольская Т.Н. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого района Курской обл. в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 902.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М.–Сумы, 1991.

Обломский А.М. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 1996. № 4.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III – пер. пол. V в. н. э.). М., 2002.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2003.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Приймак В.В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Приймак В.В. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни и Середньої Ворскли VII – поч. IX ст. Суми, 1994.

Пузикова А.И. Отчет о раскопках отряда Скифской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8604.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Новое в изучении волынцевских памятников //Славянская археология: этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993.

Тарновский К.Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян // ВИ. 1954. № 4.

Терпиловский Р.В. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // Stratum plus. 2001–2002. № 5.

Узянов А.А. Отчет Роменского отряда Курской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. Т. 3: Раскопки городища 2 у дер. Мешково // Архив ИА РАН. Р-1. № 8078.

Узянов А.А. Отчет о раскопках Переверзевского 2 городища в Курской обл. в 1980–1981 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10628.

Чернецов А.В. Пахотные орудия Древней Руси: Дисс... канд. ист. наук. М., 1973.

Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб., 2003.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.

Шрамко Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника // СА. 1964. № 4.

Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII – первой половины VIII вв.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1987.

Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МИДЛ. Вып. 1. Курск, 1990.

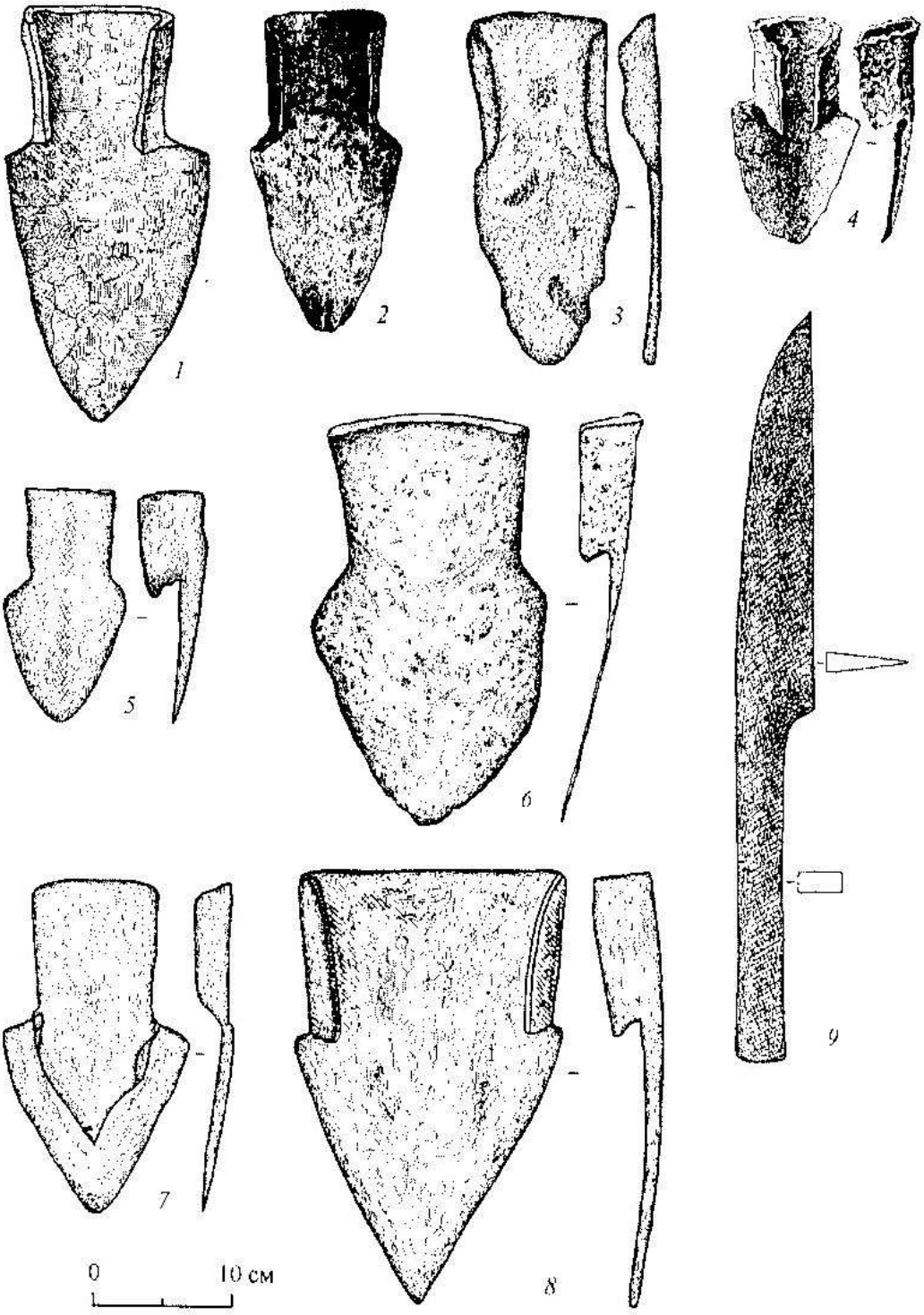


Рис. 1. Наконечники пашенных орудий междуречья Сейма и Псла в I – нач. II тыс. н. э.
1 – Битицкое городище; *2* – дюна у д. Шмырево; *3* – Жериовец, посление 3;
4 – Шуклинское городище; *5* – Ратское городище; *6, 9* – Липино, поселение;
7 – Духовец, поселение 3; *8* – Моисеево, поселение.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В РАБОТАХ Д.Я. САМОКВАСОВА

© 2008 г. А.Н. Голотвин
Воронежский государственный университет

«Археологический источник» – одно из фундаментальных понятий археологии. Именно через связь ее предмета с особым видом источников и проходил процесс самоопределения археологии как науки (Аникович, 1989). Как следствие определенный интерес представляют подходы к археологическим источникам и эволюция взглядов на этот вопрос крупнейших археологов последней трети XIX – начала XX вв., среди которых не последнее место занимает Д.Я. Самоквасов.

Этот ученый оказался в числе тех историков последней трети XIX в., которые, переориентировавшись с изучения только политических событий на исследование «истории культуры» и «древнего быта», обратились за помощью к археологии как к исторической дисциплине. Такие изменения были обусловлены социальными сдвигами, общей демократизацией, пробуждением интереса к родной старине, представлением о единстве культуры народа и т.д. (Клейн, 2004. С. 63). Кроме того, историк русского права по образованию и основной профессии, как и большинство его коллег 2-й половины XIX в., Д.Я. Самоквасов испытал влияние идей позитивизма, один из главных принципов которого – объективность – предполагал критическое отношение к источникам (Нечухрин, 2003. С. 9–31). Сосредоточив основное внимание на языческом периоде русской истории и права, молодой историк-юрист ставит под сомнения сообщения своего главного источника – летописи и обращается к поиску новых методов его анализа. Таким методом стало не только сопоставление летописных сообщений разных списков и редакций, но и их проверка данными других наук (Самоквасов, 1873а. С. 241–252), важнейшими из которых стали археологические.

Уже в его магистерской диссертации «Древние города России» среди источников определения количества древнерусских городов появляются «свидетельства вещественных памятников – сохранившиеся городища» (Самоквасов, 1873б. С. 94). Однако изучение славяно-русских древностей, по сути, только начиналось, поэтому источников, которыми бы уверенно мог воспользоваться Д.Я. Самоквасов, практически не было, что и способствовало увлечению ученого археологией.

К началу 1870-х гг. ни предмет, ни объем археологии точно не определялся, о чем свидетельствует дискуссия на первых археологических съездах (Аникович, 1989. С. 4–26; Моисеев, 2004. С. 16–25). Наиболее влиятельной оказалась точка зрения А.С. Уварова, определявшего археологию как науку о древностях, изучающую «древний быт народов по всем памятникам…». Для их обозначения он применял термин «археологический памятник», в который включал «вещественные», «письменные» и «устные» свидетельства (Уваров, 1878. С. 21–22).

Д.Я. Самоквасов также не использовал термин «археологический источник», предпочитая другие термины: «памятники древности, скрытые под землей», «древние земляные насыпи» (Самоквасов, 1876), «памятники жизни» (Самоквасов, 1872. С. 2) или «вещественные памятники» (Самоквасов, 1878в. С. 208). Почему же при обозначении этой категории источников он не применял термин «археологический»? Ведь самостоятельность археологии сомнению не подвергалась (Вопросы…, 1878. С. III). Нам представляется, что вышеуказанными терминами ученый ограничивал круг источников этой группы, выводя из его сферы данные письменности, фольклора и других смежных дисциплин.

Как историка-юриста вещественные памятники интересовали Д.Я. Самоквасова, прежде всего, в качестве источников по истории русского права и истории России. Рассматривать их как исторические источники стали теоретики, занимавшиеся классификацией и сравнительной оценкой познавательных возможностей источников исторической науки (Клейн, 1978. С. 17–18). Такой работой можно считать докторскую диссертацию Дмитрия Яковлевича, вышедшую в серии «История русского права» под заголовком «Начала политического быта древнерусских Славян. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников». Помимо письменных памятников, «следов политико-юридических отношений в праве позднейших исторических эпох», а также «выводов сравнительного изучения исторических памятников различных народов и политико-юридических отношений, существующих у современных народов, стоящих на разных ступенях цивилизации», выделялась и группа «памятников вещественных» (Самоквасов, 1878). В их число вошли городища и курганы с их внутренним устройством и содержанием. В первых ученый видел поселения славян, которые определял как «различной формы валообразные возвышения, ограничивающие собой разной величины площади…», а во вторых – их могилы в виде «холмистых возвышений различной величины: от едва заметных возвышений до громадных сооружений, и почти однообразной формы, изменяющейся только от формы тупого конуса до формы правильного полушара…» (Самоквасов, 1878б. С. 185).

Поселенческое происхождение городищ убедительно подтверждалось открытым на их площади слоем «перегноя растительных веществ и щебня», содержавшим черепки разбитой посуды, кости, орудия труда и украшения, оружие, деньги и др. вещи (Самоквасов, 1878в. С. 193). Современные археологи назвали бы этот слой «культурным», или «отложениями».

Основным объектом при раскопках курганов для Д. Я. Самоквасова, в отличие от предшествующего периода в развитии археологии, были не вещи, в большинстве случаев воспринимаемые как произведения искусства, а внешнее и внутреннее устройство погребения, что нашло отражение и в его методических рекомендациях археологам (Инструкция…, 1878. С. LXIX–LXXII, Самоквасов, 1878в. С. 207–213). На наш взгляд, именно погребальный обряд, отождествляемый ученым с курганом в целом, и выступал в качестве источника.

А.В. Жук определяет подобные источники как «комплексы» и считает такой подход наиболее характерным для большинства исследователей этого периода (Жук, 2006. С. 419). Однако используемое понятие следует отличать от современного понятия «археологический комплекс». Если в современной археологии к нему пришли через отдельные археологические источники (вещи, находки, артефакты) (Клейн, 1991. С. 375), то в случае Д.Я. Самоквасова скорее приходится говорить только о начале этого пути, когда отдельная находка включается в число источников только через свою принадлежность кургану.

Но в разделе «памятники вещественные» рассматривались не все раскопанные в пределах расселения славян городища и курганы, а только те, этническая и хронологическая принадлежность которых была определена. Д.Я. Самоквасов писал: «Основным вопросом по отношению к исследованным курганам является вопрос о народности их, решением которого обуславливается значение для науки находимых в курганах материалов, в качестве исторических источников» (Самоквасов, 1878в. С. 194). Эту задачу и пытался решить Д.Я. Самоквасов в своих первых работах по археологии, большинство которых посвящались значению городищ и курганов для истории (Самоквасов, 1872, 1876, 1878а, 1878б и др.).

Единственным способом определения этноса курганов было сравнение открываемых погребальных обрядов с сообщениями письменных источников, поскольку археологических признаков славянских захоронений выделено не было. Именно поэтому в своих первых работах только курганы с трупосожжениями, о которых сообщала летопись и арабский автор Ибн-Фадлан, Д.Я. Самоквасов отнес к славянским, в частности северянским (Самоквасов, 1878в). Этот факт свидетельствует о том, что под термином «памятники вещественные» он подразумевал только одну из групп исторических источников, а не попавшие в нее «древние земляные насыпи» рассматривались как потенциальные исторические источники.

Датировку давали погребения с монетами и сопоставление их «устройства и содержания» с другими могилами. Присутствие последних рядом с городищем превращало в исторический источник и его (Самоквасов, 1878а, 1878б, 1878в и др.). Такая методика вполне объясняет повышенное внимание Д.Я. Самоквасова не к отдельным находкам, а к погребальному обряду в целом, следствием чего стало его подробное описание и практически полное отсутствие иллюстраций, за исключением, например, вида «Черной могилы» или наиболее ярких вещей типа турьих рогов из этого же кургана (Самоквасов, 1876). Видимо по этой же причине в первых работах исследователя мы не найдем фиксации каких-либо особенностей керамического материала, для обозначения которого использовался только термин «сосуд» (целый или фрагменты) (Самоквасов, 1878б и др. раб.).

Несмотря на это, Д.Я. Самоквасов в той или иной степени пользовался всеми выделяемыми по условиям обнаружения категориями археологических источников: «памятниками» (городища и курганы), «сооружениями» (отдельные погребения), «отложениями» (культурный слой на городищах), «находками» (вещи с городищ и из курганов) (Клейн, 1978. С. 97).

При сопоставлении письменных и археологических источников последние воспринимались как более объективные и надежные. Так уже в самых первых работах ученый призывал «оставить на время ученые толкования эластичных сказаний Нестора о языческом быте славян и приступить к изучению более чистого материала – древних земляных насыпей» (Самоквасов, 1872). Это можно объяснить тем, что, в отличие от достаточно разработанной процедуры исторического исследования, процедура археологического исследования только оформлялась. Прежде чем археологическим материалом воспользуется историк, он нуждается в предварительной обработке специалиста-археолога, а поскольку не было ни только профессиональных археологов, но и археологического материала, то Д.Я. Самоквасову приходилось самому его находить, раскапывать, проводить источниковедческую обработку и извлекать из него информацию. При таком подходе не все выделяемые сегодня этапы исследования археологических источников могли соблюдаться (Клейн, 1978. С. 74–80).

Посмотрим, как осуществлял препарирование археологических источников Д.Я. Самоквасов. Начиная исследование объекта, он проводил «экспертизу археологичности» объектов, т.е. проверял их древность и принадлежность к человеческой культуре. Например, его интересовали не все городища, а только древние городища с «кругообразными очертаниями» (Самоквасов, 1873б. С. 110–112). Потом определялась степень сохранности памятника, как всего кургана, так и отдельных вещей, получивших повреждения, например, при трупосожжении. Объект датировался, но размещался не в археологической, а в исторической системе хронологии. Проводилась и первичная реконструкция комплексов, сооружений, вещей и связанных с ними событий и исторических процессов. Так, восстанавливая погребальный обряд «Черной могилы», он связал его с захоронением одного из последних языческих князей Чернигова (Самоквасов, 1878б).

Проходя в той или иной степени все этапы внешней критики, Д.Я. Самоквасов не прибегал к внутренней критике источника (эволюционной типологии, оценке познавательных возможностей, устранению субъективности), да и вряд ли мог ее осуществить на этом этапе развития археологии. Уже фактически во время первичной реконструкции и датирования исследователь переходил к толкованию источника – переводил информацию на «естественный язык», т.е. описывал объект, и определял его древнее культурное значение, которое пока сводилось только к соотнесению с данными письменных источников.

Однако с конца 1870-х гг. во взглядах Д.Я. Самоквасова можно заметить определенные изменения. С расширением района полевых исследований в поле зрения ученого попадают «большие степные» курганы, часто содержащие несколько разновременных захоронений. В результате курган стал рассматриваться как могильник, содержащий не один «погребальный обряд», а несколько «могил», и превратился в наиболее употребительную категорию источников (Самоквасов, 1879. С. 338–350, Доклад..., 1891. С. XLV–LV и др.). Кроме того, в качестве важного источника решения проблемы этногенеза восточных славян привлекаются клады (Самоквасов, 1884).

Обращение к погребальным памятникам более раннего времени способствовало усложнению процедуры исследования археологического источника. Отсутствие данных письменности о многих погребальных обрядах поставило вопрос о других способах превращения археологических материалов в исторические источники. Таким приемом стало сопоставление между собой обрядов и отдельных вещей из разных могил. Так, после исследования захоронения в срубной гробнице с конем у д. Гущино, находкам из которого Д.Я. Самоквасов нашел аналогии в «Черной могиле» и «Гульбище», все погребения в ямах были атрибутированы как северянские (Древности..., 1881. С. 10).

В свою очередь, связь отдельных находок в комплексах и стратиграфические наблюдения при вскрытии курганов позволили приступить к классификации всех открытых древностей по историческим эпохам, которые были обозначены в соответствии с взглядами этого ученого на происхождение славян. Для каждой эпохи Д.Я. Самоквасов выделил ряд археологических признаков (материал встречаемых вещей, устройство могилы, положение погребенного и др.), наличие которых определяло принадлежность памятника к тому или иному пласту древностей (Самоквасов, 1879. С. 338–350; Самоквасов, 1887. С. 56–59; Архив ИИМК. Ф.1. Оп. 1882 г. Д. 20. Л. 79–81; Самоквасов, 1892).

Археологический материал хотя и размещался в исторической системе, но в такой, которая согласовывалась с системой «трех веков» и отражала определенную эволюцию «культуры». Например, к «киммерийской эпохе» относились могилы «каменной и бронзовой культуры», а к последующим эпохам – могилы «железной культуры» (Самоквасов, 1892). Подобную процедуру вполне можно считать зачатками внутренней критики археологического источника.

Вследствие этих изменений возросло значение отдельных находок, используемых теперь в качестве инструмента этнической и хронологической атрибутации, что способствовало появлению более разнообразной терминологии для их обозначения. Показательны определения, применяемые для самого массового, а для того времени часто наименее ценного материала – керамики. В разделе, посвященном «славянской эпохе», мы находим: «горшок из красной глины с дырочками по венчику»; «горшочек с ушком и знаком на донышке»; «фрагмент, орнаментированный по венчику сосуда из красной глины»; «сосуд-урну из красной глины, украшенный пятью волнообразными полосками, из которых каждая состоит из трех волнообразных линий»; фрагменты грубых сосудов из необожженной глины, покрывавшей урны» и др. Кроме того, отмечались разнообразные «миски», «чашки» и т.п. (Самоквасов, 1892. С. 60–81).

Повышение ценности вещей сказалось и на росте количества и качества иллюстраций. В реферате «Могильные древности Пятигорского округа», опубликованном в трудах V Археологического съезда, содержится несколько рисунков вещей, «типичных» для выделенных там эпох (Самоквасов, 1887. С. 56–59). По тому же принципу построен и иллюстративный материал и в общем каталоге его коллекции, а также других работах (Самоквасов, 1892).

Несмотря на это, и к началу XX в. основным «вещественным памятником» оставался комплекс, о чем свидетельствует название его обобщающей работы «Северянская земля и Северяне по городищам и могилам» (Самоквасов, 1908б).

Однако развитие археологии, в результате которого ее предмет все больше сводился к ископаемым свидетельствам жизнедеятельности человека (Пряхин, 2004. С. 13), не могло не повлиять на взгляды Д.Я. Самоквасова. Он писал: «Древности, извлеченные из жилищ и могил неизвестных времен и народов, безгласны для историка, хотя их формы могут быть интересны для археолога...» (Самоквасов, 1908а. С.42–43). Явное ограничение сферы археологии ископаемыми «древностями» и их формами проявилось и в употреблении применительно к понятию «археологический источник» таких терминов, как «археологический материал», «бытовые вещи, извлекаемые раскопками» и др. (Самоквасов, 1908а).

В работах этих лет произошли характерные изменения по отношению к иллюстративному материалу. Д.Я. Самоквасов выступает против публикации вещей выборочно, поскольку «при решении научного вопроса о времени и народности данной земляной насыпи нередко фрагмент простого глиняного сосуда, железный кинжал, бронзовый наконечник стрелы, костяная псалия и другие некрасивые предметы... дороже золотого нашейника, браслета и перстня с камеей» (Самоквасов, 1908. Предисловие. С. III).

Наиболее выражен такой подход в работах, изданных после смерти ученого, большую часть которых составляют чертежи и рисунки вещей (Самоквасов, 1915а; Самоквасов, 1915б, Самоквасов, 1916; Самоквасов, 1917). Так, по замыслу Д.Я. Самоквасова, книга по Гочеву должна была состоять из двух частей. Первая включила бы в себя «описание внешних форм и хода работ», «описание форм и значение бытовых изделий» и «исследование по определению времени и народности», а вторая – «план Гочевских городищ и курганного могильника» и «дневник раскопок с рисунками изделий» (Самоквасов, 1915б. С. VII).

Представляется, что задачей посмертных работ были не исторические выводы, а источниковедческая обработка «археологических источников» и введение их в научный оборот. В число последних теперь включалась и керамика, а особенно ценными ученый считал погребальные урны, издание которых «...со всеми орнаментами и знаками на донышках было бы настольною книгою каждого русского археолога, потому что дало бы возможность установить фактические отличительные признаки славяно-русской керамики» (Могильные... 1917. С. 74).

Таким образом, в работах Д.Я. Самоквасова проявилась тенденция постепенного обособления археологии от истории через определение ее предмета с особым видом источников, что способствовало ее самоопределению как науки. Его подходы к «археологическим источникам» хотя и претерпели определенную эволюцию, но все же по отдельным важным признакам уступали подходам его младших современников, обращающихся к керамике (Городцов, 1901 С. 577–672 и др.) и начинающих строить первые типологические ряды вещей (Спицын, 1896; 1899 и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М. В. Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной археологии // Историки об истории. Омск, 1989.

Вопросы, предложенные к обсуждению на съезде // Тр. III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС в Киеве. Т. I. М., 1901.

Доклад о действиях ИАК за 1883 и 1884 гг. // Отчет ИАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891.

Древности. Труды ИМАО. Т. IX. Вып. 1. М., 1881. Протоколы.

Жук А.В. Периодизация истории отечественной археологии // Современные проблемы археологии России. Т. I. Мат. Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006.

Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Тр. III АС. Т. I. Киев, 1878.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1. Метаархеология. СПб., 2004.

Моисеев А.В. Содержание понятия «Археология» (по материалам первых Археологических съездов) // История отечественной археологии: дореволюционное время: Мат. IV чтений по историографии археологии Евразии. Воронеж, 2004.

Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003.

Пряхин А.Д. Дореволюционное время в развитии отечественной археологии // История отечественной археологии: дореволюционное время: Мат. IV чтений по историографии археологии Евразии. Воронеж, 2004.

РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1882 г. Д. 20.

Самоквасов Д.Я. О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории // Черниговские губернские Ведомости. 1872. № 45. Отдельный оттиск.

Самоквасов Д.Я. О методе ученой разработки исторических источников: Вступительная лекция в курсе истории русского права, читанная в Императорском Варшавском университете // ЖМНП. Ч. 170. 1873а. №12.

Самоквасов Д.Я. Древние города России: Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.

Самоквасов Д.Я. Древние земляные насыпи и их значение для истории // Древняя и новая Россия. 1876. №3–4.

Самоквасов Д.Я. Историческое значение городищ // Тр. III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878а.

Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории. // Тр. III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878б.

Самоквасов Д.Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Вып. 1. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. Варшава, 1878.

Самоквасов Д.Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. М., 1879.

Самоквасов Д.Я. История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян. Варшава, 1884.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V АС в Тифлисе в 1881 г. М., 1887.

Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908а.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908б.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б.

Самоквасов Д.Я. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917.

Спицын А.А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // Материалы по археологии России. № 20. СПб., 1896.

Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. №8. СПб., 1899.

Уваров А.С. Что должна обнимать программа для преподавания Русской Археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Тр. III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878.

ЛИПИНСКИЕ КУРГАНЫ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О «РОМЕНСКИХ ИНГУМАЦИЯХ»*

© 2008 г. В.В. Енуков
Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси

В курганах с трупоположениями левобережья Днепра выделяется группа погребений с лепной керамикой, характерной для роменской культуры. Первая находка подобного рода была сделана Д.Я. Самоквасовым в 1909 г. в Гочево. Трупоположение кургана CLXXIV сопровождалось неопределенными железными предметами и роменским лепным горшком (Самоквасов, 1915а. Табл. XLIX). Характеристика обрядности представлена в виде суммарного описания, поэтому детали похоронного ритуала неизвестны (Самоквасов, 1915б. С. 35).

В Липино П.И. Засурцев при раскопках в 1948–1949 гг. выявил целую серию трупоположений в подкурганных ямах, в которых присутствовала одновременно роменская лепная и древнерусская круговая керамика (курганы 3, 99, 107, 109, 111 группы 1 и курган 1 группы 2) (Алихова и др., 1948; Засурцев, 1949). В ряде случаев они имеют «узкую» дату. По сочетанию бус, среди которых были синие белоромбические, бордовые глазчатые и многогранные, бочонковидные с золотой фольгой, погребение из кургана 111 можно датировать концом X – началом XI в. (Равдина, 1979. С. 98; Колчин, 1982. С. 168). В кургане 1 группы 2 в Липино из раскопок П.И. Засурцева было обнаружено трупоположение в яме под насыпью, вокруг которого на уровне горизонта была кольцевидная оградка. Учитывая сочетание лепной и круговой керамики, а также набор бус, среди которых были красные и бордовые глазчатые и призматическая синяя с декором в виде белых ромбов, погребение было совершено в пределах конца X – начала XI в. В кургане 107 были найдены многочисленные лимонки ближневосточного производства, которые поступают в Восточную Европу в основном до нач. XI в. Вместе с ними обнаружены золотостеклянные византийские бусы, импорт которых начинается с конца X – начала XI вв. (Щапова, 1991. С. 157–158), что позволяет до этих же пределов сузить и дату совершения погребения. В захоронение кургана 109 был встречен усатый перстень с орнаментом «волчий зуб». Подобные украшения появляются в конце X в. (Недошивина, 1967. С. 257, 258). Специфичен набор керамических форм в погребении этого кургана. Наряду с обломками нижней части лепного роменского горшка встречены два круговых сосуда. Один из них из них имел сильно отогнутый венчик, край которого при изготовлении был срезан. Такая посуда хорошо известна в ранних объектах Липинского поселения. Однако еще более показательным является второй горшок, у которого манжета венчика имела стреловидную форму, характерную для рубежа X–XI вв. (Моргунов, 1996. С. 15. Рис. 7). Хронологию первых захоронений Липинского кладбища в целом подтверждает погребение кургана 70 группы 1 с редкой находкой – сребреником Владимира типа I. Такие монеты чеканились вскоре после крещения Руси в 988 г. в течение весьма ограниченного промежутка времени (Сотникова, Спасский, 1983. С. 81).

Ранее нами уже обращалось внимание и на другие ингумации с роменской лепной керамикой, которые были открыты на средневековых кладбищах в Лебяжьем, Мухино, Радичеве, Глинске, у д. Городище на р. Многе (Енуков, 2005. С. 296–298). Этот список следует дополнить комплексами из кургана 23 в Зеленом Гае из раскопок П.М. Покаса (сообщение В.В. Приймака) и кургана 11 в Городном на р. Мерле (Моруженко, Косиков, 1977). Выделенная группа погребений сравнительно немногочисленна, однако относительно компактна по своим признакам. Это чаще всего захоронения в ямах. Распространенным являлся обычай разбивать при совершении погребения сосуды, причем нередко их было несколько. Погребения, имеющие датирующие вещи, в основном относятся к узкому хронологическому периоду в пределах конца X – начала XI вв. Большинство известных курганов с «роменскими» ингумациями привязано к гидросистеме Десна-Сейм.

Попытка осмыслить место таких погребений в процессе эволюции роменской культуры была предпринята А.В. Григорьевым. В основу своих построений он положил материалы курганов Липино. Предложенная им схема выглядит следующим образом. Среди погребений в ямах липинских кладбищ «по сопутствующему инвентарю, прежде всего по керамике», выделены две хронологические группы. С роменским периодом существования древнего Липино связываются указанные выше погребения курганов 3, 99, 107, 111 группы 1, все погребения группы 2, а также курган 70 группы 1 с сребреником Владимира. После гибели городища в конце X – начале XI в. кладбища прекращают функционировать. Новые захоронения в ямах, которые отнесены ко второй хронологической группе, связаны с возникновением древнерусского поселения. Исследователь считает, что большая их часть по морфологическим признакам керамики, датируется временем не ранее начала XII в., а в основном – 2-й его половиной. Соответственно, древнерусские погребения в ямах трансформировались на основе предшествующих ингумаций на горизонте (к ним отнесены погребения из курганов 105 и 108), которые отнесены к XI – началу XII вв. Таким образом, поздние роменские ингумации не имеют эволюционной связи с древнерусскими погребениями. Липинским примером А.В. Григорьев проиллюстрировал сделанный ранее вывод о вероятности существования небольшого, а потому трудно уловимого разрыва между роменской и древнерусской обрядностью и на других памятниках (Григорьев, 1990).

Автор настоящей работы выступил с возражениями по поводу предложенной схемы, которые в основном сводились к тому, что хронологический разрыв в совершении погребений в липинских могильниках отсутствовал. В частности, значительное количество захоронений

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История Юго-Востока Руси в свете материалов по погребальной обрядности: кладбища древнего Липина», проект № 07-01-72108 а/Ц.

в ямах, не несущих роменских признаков, были совершены в XI в., причем ряд ингумаций датируется тем же временем, что и погребения с роменской керамикой. Кроме того, в группе 2 имелись захоронения не только конца X – начала XI в., но и последующего времени. В целом же курганы Липино являются памятником древнерусской культуры (Енуков, 1992).

В своем монографическом исследовании А.В. Григорьев рассмотрел эти возражения и, не найдя их противоречащими своим построениям, с незначительными изменениями изложил вновь. К числу таких уточнений относятся следующие. Исследователь несколько изменил датировки, придя к выводу, что древнерусские погребения в ямах появляются в Липино во 2-й половине XI в. Что касается ингумаций в ямах без роменских признаков, одновременных захоронениям с лепной керамикой, то А.В. Григорьев объединил их в одну группу позднероменских погребений. Было также дано объяснение появлению роменских трупоположений. Это, по мнению исследователя, «может говорить о быстром и весьма активном распространении христианства среди части северян». Незыблемым осталось и положение о месте и роли ингумаций на горизонте: они сменяют позднероменские погребения в ямах, хотя при этом исследователь уже допускает возможность одновременного появления древнерусских ямных захоронений, которые все-таки в основной своей массе определяются как более поздние (Григорьев, 2000. С. 118–120).

В результате вопрос о «роменских ингумациях» в Липино оказался тесно связан с общей проблемой взаимоотношения роменской и древнерусских культур, что делает необходимым детально остановиться на имеющихся материалах.

Археологический комплекс около д. Липино состоит из городища, примыкающего к нему обширного (около 25 га) селища, грунтового могильника древнерусского времени и курганов, которые образовывали две группы. Группа 1 располагалась в непосредственной близости от северной окраины неукрепленного поселения, группа 2 - примерно в 2,5 км к северо-востоку. Точное количество курганов установить невозможно, так как уже на момент исследования они были сильно распаханы, в результате чего прослеживались только остатки отдельных насыпей, в том числе и в виде светлых пятен на пашне. В настоящее время каких-либо признаков кладбищ не сохранилось.

Информация об исследованиях 1948 -1949 гг. содержится в источниках нескольких типов. Во-первых, это отчеты о полевых исследованиях, которые хранятся в архиве Института археологии РАН (Алихова и др., 1948; Засурцев, 1949). Во-вторых, это – личный архив П.И. Засурцева, часть которого находится в Курском государственном областном музее археологии. В его составе – целый ряд важных документов, касающихся раскопок в Липино. В частности, это рукопись неопубликованной статьи или доклада П.И. Засурцева «Липинские курганы» (НА КГОМА. Д. VI-20/30). Видимо, к ней относятся подготовительные материалы в виде таблиц с данными по инвентарю и некоторым признакам погребального обряда (НА КГОМА. Д. VI-20/4). Крайне значимой является рукописная полевая опись за 1949 г. со схематичными, однако, как оказалось, довольно точными прорисями находок (НА КГОМА. Д. VI-23/4), а также выполненными в карандаше рисунками керамики (НА КГОМА. Д. VI-21). В-третьих, это – коллекция предметов из раскопок, которая хранится в Курском областном краеведческом музее и Курском музее археологии.

Заметная часть находок депаспортизирована, некоторые, в первую очередь монеты и несколько сосудов, утеряны. В силу этого первоначально была проведена работа предварительного характера, направленная на восстановление «привязок» инвентаря к конкретным комплексам. Для этого использовались данные отчетов и архива П.И. Засурцева, при этом были обнаружены разночтения. Они не имели значимого характера, однако потребовали сведения воедино всей информации, в основу чего были положены принципы совпадения и непротиворечивости. Нередко размеры могильных ям, указанные в тексте отчета, имеют расхождения с чертежами. В данном случае приоритет отдавался последним. В то же время информацию отчетов удалось заметно дополнить. Так, в них очень мало внимания было уделено керамике. Часто не указывалось, присутствовала ли она вообще, хотя на чертежах и в коллекционной описи отмечались фрагменты разбитых сосудов. Сведения архива П.И. Засурцева позволили восполнить этот пробел вплоть до восстановления количества горшков, разбитых при совершении захоронения. В результате в нашем распоряжении оказалось 81 погребение, причем в одном случае (курган 3 группы 1) в яме находилось останки двух покойников.

Рассмотрим материалы Липино сквозь призму гипотезы А.В. Григорьева. Итак, исследователь в развитии липинских кладбищ выделяет три этапа, из которых этап I – «роменский», II и III – древнерусские. К этапу I отнесены погребения в ямах 2-й половины X – начала XI вв., имеющие «роменский погребальный инвентарь», а также захоронения, не имеющие такового, однако датированные концом X – началом XI вв. Сразу оговоримся, что, несмотря на некоторую трансформацию своих взглядов, А.В. Григорьев в монографии, изданной в 2000 г., безо всяких поправок воспроизводит иллюстрацию, отражающую, по его мнению, изменения в обрядности и инвентаре Липино, приведенную еще в статье 1990 г. (Григорьев, 2000. С. 119. Рис. 43).

К сожалению, исследователь специально не оговаривает, что включает в понятие «роменский погребальный инвентарь», а в таблице присутствует целый ряд вещей, которые либо неизвестны в роменской культуре, либо встречаются, но гораздо более характерны для древнерусских памятников. Так, у роменцев Посемья отсутствуют бипирамидальные сердоликовые, золотостеклянные и бронзовые полые бусы. Кроме того, часть этих украшений являются результатом торговли, поэтому связывать их напрямую с этнокультурными характеристиками нельзя. В то же время данные типы бус относятся к числу широко распространенных находок на древнерусских памятниках.

А.В. Григорьев считает, что к числу роменских украшений относятся перстни, в частности щитковые усатые (Григорьев, 2000. С. 137–138). Это дает основание отнести находку из кургана 109 группы 1 к этапу I («роменскому»). Однако указанный исследователем липинский перстень имеет орнамент в виде «волчьего зуба», что характерно для фин-

но-угорских древностей (Недошивина, 1967. С. 257–258) и делает сомнительным его отнесение к роменскому погребальному инвентарю. Кстати сказать, приведенную здесь же часть украшения, представляющую собой, вероятнее всего, деталь шумящей подвески, сам А.В. Григорьев не причисляет к собственно «роменской группе» украшений. Исследователь находит ей аналогии в финских древностях и относит к условно выделенной «северной группе» (Григорьев, 2000. С. 121–122).

На иллюстрации также приведены пять перстнеобразных височных колец (3 – с заходящими концами, 2 – с несомкнутыми). Отдельные находки подобного рода известны у роменцев, но в целом они характерны для древнерусского населения. Чрезвычайно многочисленны эти украшения и в тех погребениях Липино, которые А.В. Григорьев отнес к древнерусскому времени. Из четырех помещенных на рисунке сосудов два являются круговыми, при этом исследователь отрицает существование у роменцев гончарного ремесла (Григорьев, 2000. С. 192). Таким образом, отнести их к числу признаков «роменского погребального инвентаря» также не представляется возможным.

Итак, из числа индикаторов роменской культуры, использованных А.В. Григорьевым, к таковым могут быть отнесены только лепная посуда и дротовый браслет с утолщающимися концами. Последний относится к типу украшений, действительно малохарактерных для древнерусского времени (Левашова, 1967а. С. 214). Однако их находки в роменских древностях все-таки относительно редки. Следовательно, единственным надежным критерием для выделения «роменского погребального инвентаря» в Липино остается только лепная керамика.

Дальнейшее рассмотрение материалов требует оговорки методического характера. В стремлении отделить ямные роменские погребения от древнерусских А.В. Григорьевым был нарушен принцип «одноранговости» признаков, что как раз хорошо видно на примере этапа I. В его основу был положен инвентарь, причем использовались разные аспекты его характеристики, а именно культурная принадлежность (наличие роменских артефактов) и хронологическое определение (погребения конца X – начала XI вв.). Признак, связанный с обрядностью (размещение в яме), выступает, по сути дела, даже не в качестве основного или, по крайней мере, второстепенного, а скорее сопутствующего. Наоборот, при выделении этапов II и III использовался один из параметров похоронного ритуала – место размещения покойника (в яме или на горизонте).

Несмотря на некорректность принципов классификации, будем соблюдать чистоту эксперимента и проведем сравнительный анализ погребений исходя из предложенных А.В. Григорьевым этапов. Уточним некоторые детали технического характера оформления материалов. Как уже указывалось, заметная часть находок была депаспортизирована, утеряна, а также разрушилась или утратила свой первоначальный облик. В связи с этим в иллюстрациях были использованы главным образом рисунки П.И. Засурцева, при этом указывался архивный источник, откуда они были заимствованы. Однако те предметы, которые сохранились и имеют значимость для хронологических определений, что в первую очередь относится к керамике, приводятся в рисунках, выполненных автором. Что касается чертежей, то они были обработаны на ПЭВМ, однако их графическая стилистика была в целом сохранена, за исключением не меняющей сути перекомпоновки.

К «роменскому», по А.В. Григорьеву, этапу I следует отнести 15 погребений, представленных двумя группами (табл. 1). Первая состоит из 6 захоронений, в которых наряду с круговой керамикой была обнаружена лепная роменская посуда (рис. 1). Четыре из них имеют хронологию в пределах конца X – начала XI вв., что уже было рассмотрено выше (курганы 107, 109 и 111 группы 1, погребение 2 кургана 1 группы 2) (табл. 2; рис. 2–4).

Во вторую группу входит 9 погребений, которые включены в этап I на основании их датировки концом X – началом XI вв. (табл. 2). Самым ярким примером обоснованности хронологии, несомненно, является курган 70 группы 1, в погребении которого помимо сребреника Владимира и обрезанных в кружок дирхемов был найден многочисленный (около 260 шт.) лимоновидный бисер в сочетании с золотостеклянными и синей белоромбической бусами.

Ожерелья из лимонок, лимоновидного или рубленного бисера с золотостеклянными бусами характерны и для других погребений второй группы (захоронение 2 кургана 5, курганы 94, 100, 102, 110 группы 1). Интересно, что почти во всех перечисленных случаях (кроме кургана 100) лимонки в количественном отношении значительно преобладали, что еще раз подтверждает ранний характер комплексов (табл. 2). Картину дополняют находки в курганах 100 и 110 призматических бус печеночного цвета конца X – начала XI вв.

Только в двух погребениях второй группы отсутствовали золотостеклянные бусы (курганы 90 и 96). В кургане 90 вместе были найдены многочисленные лимоновидные пронизки, мелкий бисер и грушевидные крестопрорезные бубенчики, что также позволяет отнести комплекс к концу X – началу XI вв. В ожерелье из кургана 96 присутствовали две синие лимоновидные пронизки и битронецоидная белоромбическая бусина, представляющая собой более редкий вариант византийских призматических бус с аналогичным декором (Щапова, 1997. С. 85. Табл. 63. Рис. 16).

Ожерелья из бус являются практически неизменным атрибутом женских погребений. Вторым обязательным компонентом наряда женщины являлись проволочные височные кольца. Они были встречены почти во всех захоронениях с бусами, исключая только погребение 2 кургана 5 группы 1 (всего 12 комплексов) (табл. 2). В подавляющем большинстве случаев височные кольца представлены перстнеобразными формами, которые с небольшими отклонениями имели диаметр 2–3 см. Височные кольца с заходящими концами незначительно преобладали над украшениями, у которых концы были несомкнутыми (соответственно, 21 и 18 экземпляров). Концы у четырех изделий из числа сохранивших полную форму были сомкнутыми. Вероятнее всего, это промежуточный вариант между двумя первыми, и он вряд ли имеет самостоятельную значимость.

Судя по всему, в классическом варианте женского убранства количество височных колец должно было составлять 5 или 6 штук (соответственно, 4 и 5 погребений).

В связи с этим интересно обратиться к комплексам, в которых имеется отклонение от этой нормы. В одном случае (курган 70 группы 1) это отклонение фиксируется только в их общем количестве – 3 экземпляра. В погребении 2 кургана 1 группы 2 было также обнаружено только три височных кольца, которые, однако, отличались своими крупными размерами и, по мнению П.И. Засурцева, были изготовлены из серебра (рис. 4, *9–11*). Отметим, что это было единственное захоронение, имевшее помимо лепной керамики и другие роменские признаки (кольцевая деревянная оградка, браслеты с расширяющимися концами). По своим размерам украшения из этого комплекса стоят ближе к браслетообразным, хотя четкая грань с этих позиций между ними и перстнеобразными височными кольцами отсутствует, а их концы имеют довольно обычный для Липино вариант оформления («без замка»).

Наконец, в кургане 102 было найдено кольцо с S-видным концом. Такие находки на территории Восточной Европы относительно редки и по устоявшейся в историографии традиции связываются с западнославянским миром, хотя известны и у южных славян (Левашова, 1967б. С. 16; Седова, 1997. С. 64). Впрочем, они были распространены и в юго-западных районах Руси на памятниках лука-райковецкой культуры (Рябцева, 2005. С. 35, 47). В связи с этим стоит еще раз обратиться к погребению 2 кургана 1 группы 2. Несмотря на «повышенный фон» роменских признаков, здесь был обнаружен круговой горшок с вертикальным венчиком (рис. I, *6*), также имеющий западнославянские аналогии (Перхавко, 1986. С. 31–32. Рис. 1: *12*; Малевская, 2005. С. 147–148).

Из других находок чаще всего встречаются ножи, причем во всех случаях они сочетались с женским украшениями (табл. 2). Таким образом, эти предметы дополняли убранство покойниц. В двух захоронениях (курганы 96 и 109) они располагались у предплечья. В погребении кургана 3 группы 1, которое по отсутствию женских украшений можно предположительно отнести к числу мужских, в районе таза был найден плохо сохранившийся железный предмет, который, возможно, также представлял собой нож.

Остальные категории находок из погребений курганов этапа I отчетливо выраженных серий не образуют. Трижды были встречены грушевидные крестопрорезные бубенчики (курганы 70, 90 и 110). В двух случаях они дополнялись полыми сферическими подвесками (курганы 70 и 90). Последние присутствовали и в кургане 96. Два раза были обнаружены усатые перстни (группа 1, курганы 100 и 109). Находки остальных предметов единичны. Подвески с «утиными лапками» из кургана 90 группы 1 (рис. 6, *13, 14*), которые входили в состав самых разнообразных украшений, были чрезвычайно популярных у финно-угров, от которых позднее были заимствованы древнерусским населением (Рябинин, 1981. Табл. III, *8*; IV: *7*; 5, *8–10*; VI, *1–2, 8*; VII, *7*; XVI, *2* и т.д.; 1986. Рис. 5). Очень близкие подвески, только с одинарными лапками, были найдены в Удмуртии в Омутницом могильнике, основная часть погребений которого была совершена во 2-й половине IX – XI вв. (Семенов, 1985. Рис. 4, *38*). Соответствует этому кругу древностей и украшение из бронзовых трубочек (рис. 6, *18*). Интересно, что на Липинском поселении в 2004 г. в одном из объектов были также найдены две подвески с утиными лапками.

В связи с тем что часть захоронений была отнесена к этапу I на основании хронологии, мы вынуждены были первоначально обратиться к характеристике инвентаря. Погребальный обряд выглядит достаточно монолитным. Покойных помещали в неглубокие, менее 1 м, ямы, большая часть которых имела в длину около 2 м, в ширину – 1–1,5 м (табл. 1). В двух случаях размеры ям оказались увеличенными почти вдвое (погребение 2 кургана 5 группы 1 и погребение 2 кургана 1 группы 2). Погребенные были ориентированы головой на запад с отдельными незначительными отклонениями, имеющими, вероятно, сезонный характер. Только в одном захоронении было установлено положение рук, которые располагались в районе таза. По находкам железных костылей и гвоздей можно полагать, что покойники, по крайней мере в двух случаях, были похоронены в гробах (курган 90 группы 1 и погребение 2 кургана 1 группы 2). Напомним, что в последнем как раз наблюдалась повышенная концентрация роменских признаков.

Керамика была встречена только в погребениях первой группы, что вполне понятно, так как наличие лепных роменских сосудов являлся ведущим признаком при ее выделении. Однако несколько неожиданным является тот факт, что во второй группе погребений этапа I керамика вообще отсутствовала. Это может объясняться случайностью, так как эти захоронения были отнесены к этапу I на основании хронологических определений инвентаря. Однако, на наш взгляд, соотношение погребений с сосудами и без них примерно отражает реальную ситуацию. В пользу этого свидетельствует тот факт, что 4 из 6 захоронений первой группы имели узкую хронологию.

Таким образом, около половины погребений содержала сосуды, причем в количестве не менее трех. Безраздельно господствовал ритуал разбивания сосудов: из 17 горшков целым был найден только один круговой горшок (рис. 1, *6*). В некоторых случаях из разрозненных фрагментов, встреченных как рядом с погребением, так и в насыпи, собирались целые формы. Однако зачастую в курганах присутствовали только части горшков. Это заставляет предположить, что сосуды разбивалась либо по пути к месту захоронения (или в доме покойного) и только некоторые обломки помещались в курган, либо при захоронении использовалась уже негодная посуда.

Прежде чем перейти к анализу погребений этапа II по А.В. Григорьеву, необходимо разобраться в одной несколько запутанной ситуации. А.В. Григорьев отнес к нему погребения на горизонте, которые первоначально датировал XI – началом XII в. (Григорьев, 1990. С. 87), а затем, не приводя каких-либо дополнительных аргументов, при этом ссылаясь на свою же работу 1990 г., серединой – 2-й половиной XI в. (Григорьев, 2000. С. 118). Однако хронологические выкладки пока для нас не столь значимы. Важнее другое. Исследователь сообщает следующее: «Из вскрытых в этой группе [курганная группа 1 в Липино. – В.Е.] почти 70 погребений только два, 105 и 108, были интерпретированы П.И. Засурцевым как трупоположения на горизонте. Определение еще нескольких погребений, залегавших выше уровня материка в слое чернозема, остается неясным» (Григорьев, 1990. С. 87).

П.И. Засурцев расценивал эти захоронения как совершенные в насыпи, о чем свидетельствует текст отчета и графическая документация. В сводной таблице, приведенной А.В. Григорьевым в указанных работах, также хорошо видно, что погребение располагается в насыпи. Кроме того, в кургане 108 имелось два захоронения в насыпи, однако исследователь использовал только одно.

Принцип выделения захоронений этапа II в итоге оказывается не ясным. На словах к нему отнесены захоронения на горизонте, которые вообще не рассматривались, реально – расположенные в насыпи, однако выборочно. Выход из этой ситуации может быть только один. Дабы не нарушить схему рассуждений исследователя, в рамках этапа II рассмотрим захоронения обоих типов, разделив их, как и в предыдущем случае, на две группы.

Первая группа представлена 9 погребениями, совершенными на уровне горизонта (табл. 3). Почти во всех случаях покойные были ориентированы головой на запад. Только в одном захоронении было установлено положение рук, которые помещались вдоль тела. В погребении кургана 4 группы 2 отмечены остатки гроба в виде трех крупных гвоздей. В насыпях двух курганов встречены фрагменты керамики (какой – неизвестно). В целом инвентарь отличается скудостью. В кургане 24 группы 1 были обнаружены два проволочных височных кольца и золотостеклянная бусина (рис. 7, *1–3*). Близкое сочетание было отмечено и в кургане 74 той же группы, где наряду с аналогичной бусиной присутствовало несомкнутое бронзовое колечко. Такое же колечко имелось в погребении 1 кургана 99 группы 1, однако, судя по его расположению, оно вполне могло быть поясным. Наконец, в захоронении кургана 4 группы 2 у левого бедра покойного располагался железный нож (рис. 7, *12*).

Обращает на себя внимание одна особенность захоронений на горизонте. Это – возрастной состав покойных (табл. 3). В 8 случаях из 9 П.И. Засурцев указал, что это либо «детское» погребение, либо «захоронен подросток». Для девятого погребения такое определение отсутствует, однако длина скелета составляет менее 150 см, так что не исключено, что здесь также был захоронен подросток. В результате с достаточно большой долей уверенности можно полагать, что ритуал размещения покойного на материке тесно связан с возрастом.

Косвенно это подтверждает тот факт, что в пяти случаях из девяти в курганах имелось одно-два погребения в ямах, а рядом с ними располагались одно (курганы 23, 94 и 99 группы 1) или даже два (курган 86 группы 1) захоронения на горизонте. Липинские кладбища были сильно распаханы, поэтому стратиграфически разновременность погребений установить практически невозможно. Однако логично предположить, что основными погребениями были ямные, а захоронения на материке являлись более поздними вводными. Тогда полученную картину можно трактовать следующим образом: в древнем Липино существовал обычай хоронить «несовершеннолетних» на горизонте, причем нередко в уже возведенных курганах, где, вероятно, были погребены их близкие родственники. Именно так выглядит, например, курган 23 группы 1, где прослеживались контуры насыпи, что позволяет использовать планиграфические наблюдения. Здесь явно первоначальным и основным было мужское погребение 3, располагавшееся под центральной частью кургана (рис. 8). Судя по распределению обломков, именно с ним были связаны разбитые круговые горшки. Женское ямное захоронение 2 находилось под юго-восточной полой кургана. В «его ногах», в 1 м к югу, были помещены останки ребенка (детское погребение 1). В кургане 94 группы 1 погребение ребенка располагалось параллельно ямному женскому захоронению, на расстоянии 40 см от него. Два детских захоронения примерно продолжали «параллельный ряд» и в кургане 86, где ближайшее детское находилось в 1 м от мужского, судя по отсутствию инвентаря, погребения в яме. Параллельно ямному безынвентарному погребению 2 располагалось погребение ребенка в кургане 99, хотя здесь расстояние между ними достигало 2 м.

Датировать детские погребения ввиду их малоинвентарности сложно. Встреченные в двух комплексах византийские золотостеклянные бусы бытовали с конца X – начала XI по начало XII вв. Неизвестен тип бубенчиков, которые были найдены вместе с золотостеклянной бусиной в кургане 74 группы 1, хотя и это не помогло бы сузить датировку. Несколько прояснить вопрос хронологии позволяют курганы с разнотипными погребениями. Во-первых, если наша трактовка верна, то во всех случаях совместных находок погребений в яме и на горизонте первые оказываются более ранними. Таким образом, значительная часть погребений второй группы этапа II (по А.В. Григорьеву) была совершена позднее, нежели погребения этапа III. Во-вторых, хронологический разрыв между основным захоронением и последующим детским вряд ли был значительным, а в некоторых случаях, не исключено, вообще отсутствовал. В любом случае дата ямного погребения может служить маркером для относительной хронологии захоронения ребенка (в пределах определения «не раньше, но вскоре»).

Основные ямные захоронения в двух случаях содержали находки с датирующими показателями. Погребение 1 кургана 94 (этап I) по набору бус относится к концу X – началу XI в. Соответственно, расположенное рядом детское погребение на горизонте было совершено либо несколько позднее, либо одновременно. Ямные погребения кургана 23 группы 1 датирующих вещей не содержали. Однако при их совершении, (вероятнее всего, конкретно погребения 3), были разбиты горшки, от одного из которых сохранилась профильная часть (рис. 8, *5*). Сосуды с подобным оформлением венчиков появляются в середине XII в. (Моргунов, 1996. С. 22–23), что и определяет хронологию, по крайней мере относительную, расположенного рядом детского захоронения.

Итак, липинские погребения на горизонте нельзя расценивать как отражение эволюции обрядности. С точки зрения как относительной, так и абсолютной хронологии они не могли предшествовать «древнерусским погребениям в ямах» в понимании А.В. Григорьева.

Ко второй группе этапа II было отнесено четыре комплекса, обнаруженных в насыпях. Это упомянутые А.В. Григорьевым захоронения из курганов 105 и 108, а также погребение 1 кургана 1 группы 2. При такой малочисленности сложно говорить о каких-либо закономерностях обрядности (табл. 4). Отметим только некоторые детали. Из четырех погребений три имели юго-западную ориенти-

ровку. Во всех случаях, когда можно было установить положение рук, они были помещены вдоль тела.

Особо стоит остановиться на погребении 1 кургана 1 группы 2. К этому кургану с повышенным содержанием роменских признаков мы уже неоднократно обращались. Отличается своеобразием и впускное захоронение. Уровень, на котором было совершено погребение 1, незначительно (всего на 5 см) превышал дневную поверхность. Гроб, от которого сохранилась доска, был помещен практически точно над ямным погребением 2 (рис. 2–3), причем П.И. Засурцев специально отметил одну важную деталь: «Почти в самой середине насыпи, на глубине 55 см, обнаружено погребение, несомненно, впускное, причем погребение находилось в наклонном положении, так что кости ног были на 20 см ниже черепа. Это обстоятельство можно объяснить, по-видимому, тем, что захоронение этого погребения проведено вскоре после сооружения кургана, когда земля в могильной яме основного погребения еще не уплотнилась в достаточной степени» (Засурцев, 1949. Л. 23–24). С такой интерпретацией можно только согласиться. Таким образом, хронология основного погребения в пределах конца X – начала XI вв. фактически является датой и впускного захоронения. Отметим, что оба захоронения кургана 1 группы 2 «роднит» еще один малораспространенный в Липино признак: в ногах погребенных был поставлен целый горшок, который в захоронении 1 дополняло деревянное ведерко.

Достаточно точную дату имеет и еще одно погребение второй группы этапа II. По сочетанию бисера с золотостеклянными бусами курган 105 группы 1 был возведен в конце X – начале XI вв. (рис. 7, *8–11*). Не противоречит этому и наличие других предметов. Черные бусы с декором в виде пояска по центральной части (рис. 7, *6*) являются редкими, однако показательными находками. На них обратила внимание Н.Г. Самойлович. Единичные экземпляры этих украшений в Скандинавии, Белоозере и Ростове Великом известны не позднее конца X – начала XI вв. (Самойлович, 2006. С. 377–378). Сердоликовая зонная бусина также относится к числу малораспространенных находок (рис. 7, *7*). Период их бытования широк и на хронологию комплекса не влияет (Полубояринова, 1991. С. 23).

Таким образом, два из четырех погребений второй группы этапа II были совершены в конце X – начале XI в., то есть являются синхронными этапу I. А.В. Григорьев, предлагая датировку курганов 105 и 108 в пределах XI – начала XII в. или, согласно второму варианту, середины XI – начала XII в., в подтверждение приводит иллюстрации перстневидного височного кольца, проволочного браслета, поясного кольца и трех пряжек (Григорьев, 1990б. Табл. XVII; 2000. Рис. 43). Однако эти предметы (рис. 7, *13–16*) были очень широко распространены как территориально, так и хронологически (Седова, 1981. С. 144).

К этапу III относится 53 погребения (табл. 5). Многочисленность объектов объясняется тем, что к нему были отнесены все захоронения в ямах, не содержащие роменской керамики и относительно ранних находок. Таким образом, в этот этап вошла основная часть исследованных комплексов.

Покойные в большинстве случаев помещались в ямах вытянутых пропорций, причем в абсолютных размерах намечается определенная тенденция, позволяющая выделить их виды (рис. 9). К виду 1 относится подавляющее большинство могил, длина которых в основном колебалась в пределах 2–2,4 м при ширине около 1–1,5 м. Вид 2 заметно малочисленнее, однако выделяется достаточно отчетливо. От предыдущего он отличается тем, что длина ям при сохранении практически той же ширины была увеличена и составляла в среднем до 3 м. Анализ материалов этих погребений показал, что различие объясняется, вероятнее всего, полом погребенного. Из семи захоронений, совершенных в ямах вида 2, в шести отсутствовали женские украшения, что позволяет условно определить их как мужские. Наконец, три погребения были совершены в «не-стандартных» ямах, что особенно отчетливо прослеживается в их увеличенной ширине (рис. 9). Яма захоронения в кургане 1 группы 1 имела квадратную форму со стороной в 2 м (рис. 11). Самая большая яма была в кургане 3 группы 2, размеры которой составили 2,2 х 4 м (рис. 14).

Глубина могильных ям варьирует в широких пределах, однако редко превышает 1 м: из 53 захоронений только в четырех она составляла 1,1–1,2 м. Выделяется и наиболее оптимальный параметр, которому соответствует хорошо выраженный пик графика, приходящийся на интервал в 0,8–0,9 м (рис. 10). В целом более трех четвертей всех могил имела глубину от 0,5 до 1 м (41 яма или 77,4%). Логично было бы предположить, что могилы с наибольшими в плане размерами должны иметь и большую глубину, однако сколько-нибудь отчетливо такая взаимосвязь не прослеживается (табл. 5).

В 13 случаях есть основания предполагать наличие гробов (табл. 5). В первую очередь это были находки гвоздей, которыми, видимо, заколачивалась крышка. В некоторых погребениях были обнаружены и остатки досок. Лучше всего гроб сохранился в кургане 3 группы 2 (рис. 14; 15).

В 20 погребениях были встречены круговые сосуды, при этом безраздельно господствовал обряд их разбивания (табл. 5). Обломки горшков были обнаружены как в насыпи, так и непосредственно в могиле. Зачастую сосудов было не менее двух, а в одном случае – одиннадцать. Только в двух захоронениях были обнаружены целые горшки. Отметим одну интересную и, вероятнее всего, значимую деталь: в обоих случаях была встречена нехарактерная для липинских материалов, явно привозная посуда. В кургане 113 группы 1 у головы покойного была найдена амфорка киевского типа (рис. 17, *5*). В погребении 1 кургана 5 группы 1 был обнаружен кувшин с носиком-сливом (рис. 17, *6*). Еще один случай был учтен условно. В отчете П.И. Засурцев указал, что в кургане 5 группы 2 в ногах покойника стоял горшок (Засурцев, 1949. Л. 26–27), однако в прорисях исследователя приводится только его нижняя часть. Кстати сказать, на чертеже рисунок представлен таким образом, что скорее соответствует как раз придонной части горшка (Засурцев, 1949. Черт. 44). В данном случае, скорее всего, имело место совмещение ритуалов. Наконец, в кургане 97 группы 1 в ногах покойника были найдены остатки деревянного ведерка.

В более чем половине захоронений (в 32 или 60,3 %) помимо керамики имелись и другие находки, однако они, за исключением отдельных случаев, были сравнительно немногочисленны (табл. 5). Как и ранее, из украшений чаще всего встречались перстнеобразные височные коль-

ца (17 комплексов) (табл. 6). Господствующими в количественном отношении становятся перстнеобразные височные кольца с заходящими концами (29 украшений из числа сохранивших форму) (рис. 8, *2*; 11Б, *1, 2, 6*; 13, *1, 2, 6, 9*; 15, *1, 2*). Колец с несомкнутыми концами найдено всего два (рис. 13Б, *1*), а украшения с сомкнутыми концами вообще неизвестны.

Височные кольца других типов известны в незначительном количестве. Украшения с S-видным концом, на которых мы уже останавливались, представлены единственным экземпляром из погребения 2 кургана 23 группы I (рис. 8: *1*). В комплекс входило также проволочное кольцо, один конец которого был завернут в цилиндр. Оно располагалось у кисти руки (рис. 8, *3*). Такое же кольцо присутствовало в кургане 91 группы 1. По терминологии В.П. Левашовой, они относятся к типу загнутоконечных (Левашова, 1967б. С. 2. Рис. 2, *7*). Эти украшения встречаются у славян самых разных регионов (Седова, 1997. С. 64) и имеют широкую хронологию (Седова, 1981. С. 13).

В определенной мере близки им два бусинных кольца из погребения кургана 80 группы 1, проволочная основа которых также имела «завиток». На одно из них были надеты три «узловатых» или «узелковых» бусины, на другое – четыре зерненых (рис. 13, *3, 4*). М.В. Седова, считая трехбусинные височные кольца типично городскими женским украшениям, относила украшения с узелковыми бусами к раннему варианту. В Новгороде такое кольцо было найдено в слое 2-й четверти XI в. (Седова, 1981. С. 14). Кольцо с четырьмя мелкими зерненными бусами точных аналогий не имеет.

Обращает на себя внимание следующий факт: в погребениях этапа III украшения, ничем не отличающиеся перстнеобразных височных колец, широко использовались в качестве перстней, что зафиксировано в 7 комплексах (табл. 6). В некоторых погребениях кольца были найдены не «на месте»: у пояса или на груди. Не исключено, что в этих случаях они также использовались как перстни, однако в ситуациях, когда не сохранились кисти рук, утверждать это с полной уверенностью нельзя. Простота такого подхода к украшению рук, видимо, привела к тому, что перстни других типов распространения среди обитателей Липино не получили. Исключениями являются рубчатый перстень (рис. 13, *8*), а также серебряный перстень со щитком в виде полой розетки (рис. 13, *10*). Если первый стоит в ряду широко распространенных в древнерусское время ювелирных изделий, то второй отличается оригинальностью и не принадлежит к серийным украшениям.

К числу самых популярных компонентов женского убора относятся бусы. Ожерелья из комплексов этапа III обладают своей спецификой, которую можно определить как «скромность». Во-первых, количество бус чаще всего невелико: только в трех комплексах из 11 их количество превышало десяток (табл. 6). Во-вторых, не отличается разнообразием ассортимент. На первом месте по степени распространенности стоят золотостеклянные украшения, которые были встречены в 9 погребениях. Вторую в количественном отношении позицию занимают сердоликовые бусы. Морфологически они представлены призматическими, шарообразными, многогранными и бипирамидальными, причем в количественном отношении последние преобладали. Наконец, среди украшений этой категории имеются бронзовые бусы, среди которых условно можно выделить две разновидности: небольшие зерненые и пустотелые. Первые были встречены в трех комплексах (табл. 6; рис. 13, *16*). Такие бусы являются характерными для Среднего Поднепровья (Русанова, 1966. С. 17). В двух случаях были обнаружены пустотелые кубической и приблизительной овальной форм; в одном комплексе они сочетались с зерненными (табл. 6; рис. 13, *17, 18*; 16, *8*). Остальные находки единичны и не определяют облик ожерелий.

К последней категории относительно массовых предметов относятся ножи. Зачастую их сохранность оставляет желать лучшего, однако иногда хорошо прослеживается широкий обушок (рис. 13, *20*). Специальный анализ этих предметов не проводился, но такие пропорции поперечного сечения весьма характерны для трехслойного пакета. «Самозатачивающиеся» ножи были характерны для X–XI вв., а в середине XII в. выходят из употребления (Колчин, 1982. С. 164).

Другие предметы в погребальных комплексах этапа III представлены единичными и маловыразительными предметами. На этом фоне выделяется редкая для Липино находка плохо сохранившегося головного украшения (рис. 15, *9*).

Рассмотрим хронологию погребений этапа III. Самым массовым датирующим материалом являются золотостеклянные бусы. В подавляющем большинстве случаев они имели по торцу «каемку» без фольги, что указывает на индивидуальный характер производства. По определению Ю.Л. Щаповой, все они были изготовлены в византийских мастерских. Импорт этих украшений на Русь в основном прекращается в начале XII в., что и определяет верхнюю хронологическую границу 9 из 11 захоронений с бусами (табл. 6).

Сердоликовые бусы в погребениях этапа III были вторыми по популярности после золотостеклянных. Специально предпринятые нами дополнительные изыскания позволили внести отдельные коррективы в их хронологию (см. статью в настоящем сборнике). По набору бус, в котором наряду с золотостеклянной были встречены призматические, к 1-й половине XI в. следует отнести курган 112 группы I (табл. 6). Сразу привлекают внимание ожерелья из курганов 1 и 97 группы 1, которые, с одной стороны, отличаются разнообразием своего состава, а с другой - имеют удивительную схожесть, что, вероятнее всего, свидетельствует об их хронологической близости. В эти ожерелья входили многогранные, призматические (в одном случае), шарообразные и бипирамидальные бусы из сердолика, а также по одной оранжевой глазчатой бусине. Близость наборов подчеркивается редкими для Липино бронзовыми бусами (табл. 6; рис. 11, *Б*; 13, *10- 18*). Наиболее предпочтительной датой их совершения с учетом ранних типов сердоликовых украшений является 1-я половина – середина XI в. Относительно раннюю датировку подтверждает еще одно наблюдение. Для погребений этапа I, значительная часть которых была совершена до начала XI в., было характерно наличие 5- 6 височных колец. По шесть височных колец было встречено и в указанных погребениях. Находки бипирамидальных бус вместе с золотостеклянными на фоне отсутствия других типов сердоликовых позволяют полагать, что погребение 2 кургана 11 группы 1 и погре-

бение кургана 3 группы 2 были совершены в пределах 2-й половины XI – начала XII в.

В погребениях этапа III была обнаружена серия сосудов, имеющих датирующие признаки. В трех случаях горшки имели манжетовидные венчики (курганы 6, 72 и 74 группы 1), что характерно для XI в. (рис. 16, *1,2, 9*). Судя по сглаженной нижней части манжет и упрощению их формы, эта посуда представлена типами, получившими распространение во 2-й половине XI в. (Моргунов, 1995. С. 17). Вероятно, к несколько более позднему времени относятся сосуды из кургана 84 группы 1, у которых манжета только обозначена (рис. 17, *2–3*). Венчик горшка из кургана 115 группы 1 имеет заметный наклон наружу и косо срезанный край (рис. 17, *7*). Как уже отмечалось, такие формы в Липино появляются очень рано, еще в конце X – начале XI в., однако верхняя хронологическая граница их бытования не определена. Тем не менее вряд ли она выходит за пределы XI в. Заметная «отогнутость» присутствует и у венчика горшка из кургана 87 группы 1 (рис. 17, *1*). В пяти погребениях (курганы 11, 23, 25, 38 и 63 группы 1) были найдены обломки горшков, у которых появляются отчетливые поздние признаки в виде желобка с внутренней стороны венчика (рис. 8, *5*; 16, *4–8, 10, 11*). По мнению Ю.Ю. Моргунова, такие типы оформления появляются с 30-х гг. XII в., однако особенно характерными становятся начиная с середины – 3-й четверти этого столетия (Моргунов, 1995. С. 23). У липинских горшков желобок еще выделен не резко, у некоторых отсутствует отклонение венчика к середине сосуда. В кургане 63 группы 1 наряду с такой формой встречен венчик с рудиментарной манжетой (рис. 16, *7*). Это позволяет расценивать эти находки в качестве ранних форм проявления новых тенденций, поэтому погребения с ними следует отнести к 1-й половине – середине XII в., что и определяет верхнюю хронологическую границу сооружения курганов в Липино. Судя по всему, в дальнейшем население хоронило покойных в грунтовом могильнике, который был исследован Р.Л. Розенфельдтом в 1947 г. (Розенфельдт, 1958).

Теперь имеется возможность сравнить погребения трех этапов, выделенных согласно А.В. Григорьеву. Нет никаких оснований захоронения на горизонте этапа II считать наиболее ранними из числа древнерусских, предшествующих этапу III. Малочисленные погребения в насыпях, к которым апеллировал А.В. Григорьев, расценивая их как совершенные на горизонте, также не подходят на эту роль ни по хронологии, ни по обрядности, ни по инвентарю. Совершение, по крайней мере, их части, было связано с сооружением ям, что в целом характерно для Липино. Крайняя немногочисленность этих погребений, а также зафиксированная в одном случае синхронность с захоронением этапа I позволяет их расценивать как непринципиальное отклонение от общей линии обрядности.

С удалением из построений А.А. Григорьева этапа II остаются две основные группы погребений (этапы I и III), которые и определяют облик кладбищ. В обоих случаях покойные помещались в ямы, заметная часть которых имеет совпадающие характеристики. Ранее уже говорилось о том, что по своим размерам в плане основная часть погребений этапа III относится к виду 1, заметно меньшая – к виду 2, и только в редких случаях имеются отклонения от этих «стандартов». Из семи погребений этапа I, планиграфические характеристики которых были установлены в ходе раскопок, пять сооружений относятся к виду 1 и два представляют собой нетипичные исключения (рис. 9). Отсутствуют могильные ямы вида 2, однако и в рамках этапа III они немногочисленны.

Сравнение графиков глубин могильных ям обнаруживают удивительное сходство характера их распределения (рис. 10). Отличие заключается только в том, что наибольшие глубины погребений этапа I тяготеют к 0,6–0,7 м, этапа III – к 0,8 -0,9 м. Абсолютные размеры обеих групп погребальных ям в значительной степени совпадают и не имеют принципиальных различий. Последние, скорее всего, объясняются хронологией, так как в целом более поздний характер погребений этапа III был предопределен самой классификацией.

В погребениях обоих этапов зафиксированы следы гробов. Их доля на этапе III несколько выше, нежели на этапе I (24 % против 13), что, судя по всему, также объясняется хронологией. В обоих случаях господствовала западная ориентировка покойных. Отклонения от широтной ориентации к югу или северу немногочисленны, а их доли абсолютно одинаковы: 3 погребения этапа I (20%) и 11 – этапа III (21 %). По положению рук сравнить погребения невозможно, так как этот признак на этапе I был зафиксирован только один раз. Отметим только, что в этом случае руки располагались на животе покойной, что обычно для «христианизированных» захоронений.

Сравнить две группы погребений по признаку наличия или отсутствия инвентаря нельзя, так как именно с его учетом была выделена большая часть захоронений этапа I. Однако отдельные его характеристики вполне можно использовать. Так, совпадает доля захоронений, содержавших керамику: 40 % (6 погребений в рамках этапа I и 43 % (23 погребения) – этапа III. В обоих случаях безраздельно господствовал обряд их ритуального разбивания, при этом фрагменты могли находиться в самых разных частях погребальных комплексов. В захоронениях обоих этапов, как правило, содержался не один сосуд. Крайне нехарактерным, при этом одинаково распространенным, был обычай помещения в погребение целых горшков: 1 случай на этапе I (17 %) и 3 случая на этапе III (15 %). Выше уже обращалось внимание на то, что в захоронениях этапа III привозная посуда не разбивалась. Единственный горшок, помещенный целым в погребении этапа I, также относится к числу форм, нехарактерных для населения Посемья этого времени (рис. 1, *б*). Таким образом, отклонение от господствующего ритуала разбивания в обоих случаях распространяется только на «элитную» посуду.

Немного отвлечемся от сравнения погребальной обрядности. Если обратиться к таблице 1, то сразу бросается в глаза неравномерность распространения ритуала разбивания сосудов: он отмечен только в погребениях, в которых присутствовала лепная посуда. Конечно, выборка невелика, чтобы говорить о закономерности, однако этот факт позволяет осторожно предположить, что ритуал разбивания восходит к местной, роменской традиции. В данном случае мы коснулись вопроса о связи данного обычая с этнокультурными традициями населения предгосударственного периода. В свое время В.В. Седов отнес этот ритуал к балтскому наследию в обрядности сла-

вян (Седов, 1970. С. 168–169). Это положение не оспаривалось и получило определенное распространение (Богомольников, 2004. С. 113–114). Однако не исключено, что вопрос об истоках ритуала имеет не один вариант решения. Так, в свое время нами было отмечено, что в культуре смоленских длинных курганов эта черта обрядности была гораздо более характерна для погребальной традиции, которая в основе своей была славянской, уходя своими корнями в древности волынцевско-роменского облика, тогда как в захоронениях балтской традиции этой культуры она встречается относительно редко. Ритуал разбивания посуды хорошо был известен и в курганах с трупосожжениями, расположенных к югу от территории смоленско-полоцких кривичей (Енуков, 1990. С. 155–174).

В целом обозначенная проблема выходит за пределы темы настоящей работы, а ее решение сопряжено с трудностями объективного характера. В ходе полевых работ нередко находкам отдельных фрагментов керамики не придается значения вплоть до того, что они даже не фиксируются. Наглядный пример тому – липинские кладбища. Сведения о наличии этого ритуала слабо отражены в отчетах П.И. Засурцева, и широкое его распространение можно было установить только с привлечением дополнительных архивных материалов. Однако, повторимся, по имеющимся косвенным сведениям эта черта обрядности вполне может восходить к местным традициям предшествующего времени.

Сравнение наборов женских украшений из погребений этапов I и III показывает, что их структура чрезвычайно близка (табл. 1; 5). В обоих случаях основу комплекта украшений составляют проволочные височные кольца и бусы, причем в ожерельях чаще всего использовались золотостеклянные украшения византийского производства. Женский убор нередко дополнялся ножом. Незначительные отличия сводятся к следующему. В погребениях этапа III довольно частой находкой становятся перстни, которые, однако, морфологически не отличаются от височных колец. В захоронениях этапа I обычай ношения перстней еще не получает особого распространения. Они были встречены только в трех случаях, из них в одном (курган 100 группы 1) использовалось украшение, аналогичное височному кольцу. Количество височных колец в погребениях группы III в целом становится меньше: нередко их было 2–3, иногда даже одно, и только в двух погребениях их было по 6. Для женских захоронений этапа I характерно 5–6 колец. В единственном числе оно было встречено только в кургане 102 группы 1.

Итак, сравнение как обрядности, так и инвентаря захоронений двух этапов, приводит к выводу об их значительном сходстве. Собственно, отчасти признает это и А.В. Григорьев. Он отмечает, что, с одной стороны, роменские погребения не отличались по обряду от древнерусских, с другой – признает, что ритуал совершения трупоположений в силу принципиальных различий не мог взять свое начало в северянской среде (Григорьев, 1990. С. 86, 87; 2000. С. 118). Уже это утверждение позволяет предположить, что в Липино «роменские» и «древнерусские» погребения в ямах имеют тесную генетическую связь. Что же заставляет исследователя разрывать их? Суммируя результаты, изложенные в двух упомянутых работах, можно назвать три основные причины. Во-первых, в построменское время повсеместно распространяется обряд совершения инумаций под насыпью кургана на горизонте и появление столь ранних древнерусских погребений в ямах не укладывается в существующую схему. Во-вторых, роменские захоронения в Липино резко выделяются как находками лепных роменских сосудов и круговыми горшками X в., так и вещевым материалом, который «также характерен для позднего этапа роменской культуры» (Григорьев, 1990. С. 87; 2000. С. 118). В-третьих, кладбища древнего Липино перестают функционировать с гибелью роменского городища. Вновь территория курганной группы 1 начинает использоваться позднее, только с появлением древнерусского поселения.

Что касается отклонений от общепринятой схемы эволюции погребальной обрядности, то ответ на этот вопрос был дан в литературе уже давно. Обращаясь к материалам липинских кладбищ, И.П. Русанова отнесла их к ряду могильников со смешанным обрядом, в которых фиксируется раннее появление ямных захоронений. Они, в свою очередь, уже в X в. являлись характерными для Среднего Поднепровья (Русанова, 1966. С. 20–24). А.П. Моця считает, что появление инумаций в ямах на левобережье Днепра, в том числе и Липино, связано с «огосударствлением этих земель в конце I – начале II тыс. н. э.», а исходной точкой этого процесса было Среднее Поднепровье с центром в Киеве. Анализируя материалы погребального обряда Южной Руси, в том числе и Липино, исследователь полагает, что курские земли осваивались силами центрального правительства Руси (Моця, 1990. С. 114–122). Напомним, что ряд находок из липинских курганов имеет западное по отношению к курским землям происхождение.

Нельзя согласиться и с утверждением о существенных отличиях в вещевых материалах «древнерусских» и «роменских» погребений. Кстати сказать, при внешней невыразительности сочетание украшений с точки зрения этнокультурной принадлежности вполне определимо и соответствует комплексу VI по Е.А. Шинакову, который интерпретируется как общерусский (Шинаков, 1991. С. 87, 90).

Единственным аргументом в пользу разрыва между «роменскими» и «древнерусским» инумациями остается тезис о гибели северянского населения Липинского городища, жизнь на котором возобновляется после определенного периода запустения. Однако селище 1 в Липино возникает в конце X – начале XI вв., сразу же после разгрома роменского укрепленного поселка. В его ранних объектах наряду с древнерусской посудой представлена роменская керамика, в единичных находках известная и позднее (Енуков, 1990. С. 282–286). Большее из двух липинских кладбищ (группа 1) располагалось как раз в непосредственной близости от северной окраины селища. Одновременно функционирует и второе кладбище, расположенное несколько в стороне.

Инумации с роменской керамикой являются отражением сложных этнокультурных и демографических процессов в условиях освоения Русью новых территорий. Переселение в этой ситуации по велению князя каких-то групп жителей с подвластных Киеву земель выглядит совершенно естественно, свидетельства чему имеются и в письменных источниках, в том числе связанных

с курскими сюжетами (посылка отца Феодосия с семьей в Курск). В Липино складывается погребальный обряд, в котором обнаруживается тесная связь с обычаями населения Киевского Поднепровья. В свою очередь, находки в погребениях роменской керамики надежно фиксируют участие в формировании древнерусского населения Липино аборигенного компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е. и др. Работы Деснинской экспедиции в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 291.

Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004.

Григорьев А.В. К вопросу о погребальной обрядности северян VIII – нач. XI в. // Питання археології Сумщини: Мат. науково-практичної конф. «Проблеми вивчення і охорони пам'яток Сумщини». Суми, 1990.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып.2. Тула, 2000.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.

Енуков В.В. К вопросу о судьбе роменской культуры в Курском Посеймье // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. научн. конф. Липецк, 1992.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край: Научн. -популярн. серия: В 20 т.. Т.3. Курск, 2005.

Засурцев П.И. Отчет о раскопках Липинского курганного могильника в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 480.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982.

Левашова В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967а.

Левашова В.П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Тр. ГИМ. М., 1967б. Вып. 43.

Малевская-Малевич М.В. Керамика западнорусских городов X- XIII вв. / Тр. ИИМК РАН. СПб., 2005.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы / МИАДД. Вып. 2. Курск, 1996.

Моруженко А.А., Косиков В.А. Курганы в с. Городное // СА. 1977. №1

Моця А.П. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // Обряды и верования древнего населения Украины: Сб. научн. трудов. – Киев, 1990

НА КГОМА. Д. VI-20/4. Засурцев П.И. Липинские курганы (подготовительные материалы).

НА КГОМА. Д. VI-20/30. Засурцев П.И. Липинские курганы.

НА КГОМА. Д. VI-21. Засурцев П.И. Рисунки керамики из погребений липинских курганов.

НА КГОМА. Д. VI-23/4. [Засурцев П.И.] Липинские курганы 1949 г. Коллекционная опись (№№ от 1 до 272).

Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X- XIII вв.: Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967.

Перхавко В.Б. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана // КСИА. 1986. №187.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Равдина Т.В. Погребения с древнерусским монетами // СА. 1979. № 3.

Розенфельдт Р.Л. Липинский бескурганный могильник // КСИИМК. 1958. Вып. 72.

Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. / САИ Е1 -24. М., 1966.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ Е1- 60. Л., 1981.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005.

Самойлович Н.Г. Стеклянные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь: Быт и культура / Археология с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1997.

Семенов В.А.. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985.

Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI- XX вв.: Материалы и исследования. Л., 1979.

Шинаков Е.А.. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) //Археология славянского Юго-Востока: Мат. к межвузовской науч. конф. Воронеж, 1991.

Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа: Направление и характер связей в IX -XII вв. (по находкам стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.

Щапова Ю.Л. Украшения из стекла // Древняя Русь: Быт и культура / Археология: В 20 т. М., 1997.

Таблица 1. Липино. Обряд погребения этапа I

№ п/п	Группа, курган, погребение	Размеры ямы в метрах			Скелет				Сосуды				Наличие инвентаря, помимо керамики
					Ориентация			Руки на животе					
		длина	ширина	глубина	СЗ	З	ЮЗ		лепные	круговые	целые	разбитые	
Первая группа (погребения с лепной керамикой)													
1.	г. 1, к.3	2,2	1,3	0,2	+			+	1	2		3	+
2.	г. 1, к. 99, п. 2	?	?	0.7		+		?	1	2		3	
3.	г. 1, к. 107	2,1	1,1	0.8		+		?	1	2		3	+
4.	г. 1, к. 109	?	?	0,2		+		?	1	2		3	+
5.	г. 1, к. 111	?	?	0.7		+		?	2	1			+
6.	г. 2, к. 1, п. 2	3,6	1,6	1		+		?	1	4	1	4	+
Вторая группа (погребения, отнесенные к этапу I на основании хронологии)													
7.	г. 1, к. 5, п. 2	4	1,9	0,8		+		?					+
8.	г. 1, к. 70	?	?	0,6		+		?					+
9.	г. 1, к. 90	1,8	0,8	0,7		+		?					+
10.	г. 1, к. 94, п. 1	2,2	1,1	0,5		+		?					+
11.	г. 1, к. 96	?	?	0,4	+			?					+
12.	г. 1, к. 100	?	?	0,3		+		?					+
13.	г. 1, к. 102	?	?	0,7		+		?					+
14.	г. 1, к. 110	?	?	0,4		+		?					+
15.	г. 1, к. 114	2,2	1,1	0,7			+	?					+

Таблица 2. Липино. Наиболее часто встречаемые категории находок в погребениях этапа I

№ п/п	Группа, курган, погребение	Проволочные височные кольца					Бусы											Ножи
		перстнеобразные					стеклянные						сердоликовые					
		с несомкнутыми концами	с заходящими концами	с сомкнутыми концами	с S-видным концом	тип неизвестен или обломки	лимонки и лимоновид. бисер	бисер	призматические печеночные	белоромбические	глазчатые	золотостеклянные	призматические	многогранные	монетовидные	прочие	
Первая группа (погребения с лепной керамикой)																		
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*	*16*	*17*	*18*	
1.	г. 1, к. 107	5					50					6	1			1		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
2.	г. 1, к. 109	5															1
3.	г. 1, к. 111		6							1	6	6			5	1	
4.	г. 2, к. 1, п. 2		3							1	5		1			2	1
Вторая группа (погребения, отнесенные к этапу I на основании хронологии)																	
5.	г. 1, к. 5, п. 2						84					8					
6.	г. 1, к. 70	3					260			1		1				6	
7.	г. 1, к. 90			2		3	+	+									1
8.	г. 1, к. 94, п. 1		4	1				8				1		2		2	
9.	г. 1, к. 96	1	4				3	22		1	1						1
10.	г. 1, к. 100	1				4		5	3		2	4				4	1
11.	г. 1, к. 102				1		+					7				1	
12.	г. 1, к. 110	2				4		20	3			8				1	
13.	г. 1, к. 114	1	4	1			22				1	1				1	

Знак «+» проставлялся, когда точное количество бус неизвестно, однако их было много («нитка», по выражению П.И. Засурцева)

Таблица 3. Липино. Обрядность первой группы погребений этапа II

№ п/п	Группа, курган, погребение	Скелет			Фрагменты сосудов	Наличие инвентаря, помимо керамики	Примерный возраст
		Ориентация		Руки вдоль тела			
		СЗ	З				
1.	г. 1, к. 23, п. 1		?	?			Детский
2.	г. 1, к. 24		+	?		+	Детский
3.	г. 1, к. 31	+		?			Подросток
4.	г. 1, к. 74		+	?		–	Детский
5.	г. 1, к. 86, п. 1		+	?	+		Детский
6.	г. 1, к. 86, п. 2		+	?	+		Детский
7.	г. 1, к. 94, п. 1		+	?			Детский
8.	г. 1, к. 99, п. 1		+	?		+	Детский
9.	г. 2, к. 4		+	+		+	Подросток (?)

Таблица 4. Липино. Обрядность второй группы погребений этапа II

№ п/п	Группа, курган, погребение	Высота над уровнем дневной поверхности (в метрах)	Скелет			Сосуды		Наличие инвентаря, помимо керамики
			Ориентация		Руки вдоль тела			
			З	ЮЗ		целые	разбитые	
1.	г. 1, к. 105	0,2		+	+		+	+
2.	г. 1, к. 108, п. 1	0,3		+	+			+
3.	г. 1, к. 108, п. 2	0,3		+	+			+
4.	г. 2, к. 1, п. 1	0,05	+		?	+		+

Таблица 5. Липино. Обряд погребения этапа III

№ п/п	Группа, курган, погребение	Размеры ямы в метрах			Следы гроба	Скелет						Сосуды		Наличие инвентаря, помимо керамики
						Ориентация			Положение рук					
		длина	ширина	глубина		СЗ	З	ЮЗ	вдоль тела	на животе	на груди	целые	разбитые	
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*
1.	г. 1, к. 1	2	2	1,1			+		?	?	?			+
2.	г. 1, к. 2	2,2	1,3	1	+		+		?	?	?			
3.	г. 1, к. 4	3	1,5	1	+		+		?	?	?			+
4.	г. 1, к. 5, п. 1	3	1,5	0,8	+		+		?	?	?	1	1	
5.	г. 1, к. 6	3	1,3	0,8	+		+		+				11	+
6.	г. 1, к. 7	2,5	1,8	0,9	+	+					+			+
7.	г. 1, к. 8	?	?	0,3			+		?	?	?			
8.	г. 1, к. 9, п. 1	3,2	1,2	0,8			+				+			+
9.	г. 1, к. 9, п. 2	3	1,2	0,8			+		?	?	?			
10.	г. 1, к. 10	?	?	0,9			+			+			1	
11.	г. 1, к. 11, п. 1	?	?	0,5			+		+	+			5	
12.	г. 1, к. 11, п. 2	?	?	0,6			+		+	+			1	+
13.	г. 1, к. 12	?	?	0,3			+			+	+			
14.	г. 1, к. 17	?	?	0,4				+		+				
15.	г. 1, к. 23, п. 2	2,3	1,2	0,5			+			+				+
16.	г. 1, к. 23, п. 3	2,9	1,5	0,6			+		?	?	?		3	
17.	г. 1, к. 25	2,8	2,1	1	+			+	+				2	+
18.	г. 1, к. 27, п. 1	?	?	0,8			+			+				+
19.	г. 1, к. 27, п. 2	?	?	0,5			+		?	?	?			+

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
20.	г. 1, к. 28, п. 1	?	?	0,5			+		?	?	?			
21.	г. 1, к. 28, п. 2	?	?	1,2	+		+		?	?	?			+
22.	г. 1, к. 33	?	?	1,1			+		?	?	?			+
23.	г. 1, к. 35	?	?	0,9			+		+					+
24.	г. 1, к. 36	?	?	0,8			+		?	?	?			+
25.	г. 1, к. 37	?	?	0,3			+		?	?	?			
26.	г. 1, к. 38	?	?	0,9			+		?	?	?		5	
27.	г. 1, к. 39	?	?	0,9			+		?	?	?			
28.	г. 1, к. 63	2,3	1,4	0,5			+		+				4	+
29.	г. 1, к. 69	?	?	0,8			+			+	+			
30.	г. 1, к. 72	?	?	0,7			+		?	?	?		2	+
31.	г. 1, к. 75	?	?	0,3			+		+					+
32.	г. 1, к. 80	2,3	1,5	0,8			+			+	+		+	
33.	г. 1, к. 81	2,2	1,6	0,7	+		+		+				2	+
34.	г. 1, к. 82	?	?	0,3			+		+					+
35.	г. 1, к. 83	2,4	1,4	0,4			+		?	?	?			
36.	г. 1, к. 84	?	?	0,9				+			+		2	+
37.	г. 1, к. 85	2,4	1,2	0,5			+		+				2	
38.	г. 1, к. 86, п. 3	?	?	0,8			+		?	?	?		+	
39.	г. 1, к. 87	2,3	1,3	0,6	+		+		+				+	+
40.	г. 1, к. 88	2,1	0,9	0,5			+			+				+
41.	г. 1, к. 89	2,2	1,4	0,7	+		+		+					+
42.	г. 1, к. 91	2,4	1,4	0,7			+		?	?	?			+
43.	г. 1, к. 92	1,9	1	0,6				+		+				
44.	г. 1, к. 95	2	1,1	0,8		+			?	?	?			+
45.	г. 1, к. 97	2,2	1,1	1				+	?	?	?			+
46.	г. 1, к. 98	1,9	1,4	0,7		+			?	?	?			+
47.	г. 1, к. 103	2,1	1,1	1		+			?	?	?			+
48.	г. 1, к. 106	?	?	0,6			+		?	?	?		2	+
49.	г. 1, к. 112	?	?	0,7			+		?	?	?			+
50.	г. 1, к. 113	?	?	0,3	+			+	?	?	?	1	2	+
51.	г. 1, к. 115	2,1	1,1	0,5		+			+				2	
52.	г. 2, к. 3	4	2,2	1,2	+		+		?	?	?		+	+
53.	г. 2, к. 5	2	1,5	0,5	+		+		+			1		

* В тех случаях, когда количество сосудов неизвестно, в соответствующей графе ставился знак «+»

Таблица 6. Липино. Наиболее часто встречаемые категории находок в погребениях этапа III

№ п/п	Группа, курган, погребение	Проволочные височные кольца					Перстни		Бусы									Ножи
		перстнеобразные								сердоликовые				бронзовые				
		с несомкнутыми концами	с заходящими концами	с S-видным концом	трех-четырехбусинные	тип неизвестен или обломки	проволочные	прочие	золотостеклянные	призматические	шарообразные	многогранные	бипирамидальные	пустотелые	зерненые	прочие	
1.	г. 1, к. 1		6								1	2	4		3	2	
2.	г. 1, к. 6					1*											
3.	г. 1, к. 7		2				1										1
4.	г. 1, к. 9, п. 1		2			1*											1
5.	г. 1, к. 11, п. 2		2				1		40				3			1	
6.	г. 1, к. 23, п. 2		1	1		1*											
7.	г. 1, к. 27, п. 1								1								
8.	г. 1, к. 28, п. 2		1				1										1
9.	г. 1, к. 33					1											
10.	г. 1, к. 35																1
11.	г. 1, к. 36	1															
12.	г. 1, к. 63						1										
13.	г. 1, к. 75					4	1		4								
14.	г. 1, к. 80		2		2				1								
15.	г. 1, к. 81						1										
16.	г. 1, к. 82																1
17.	г. 1, к. 84	1	1			1		1									
18.	г. 1, к. 87		1						2								
19.	г. 1, к. 88						1										
20.	г. 1, к. 89																1
21.	г. 1, к. 91		2			2			2						1	2	
22.	г. 1, к. 97		6					1		2	3	1	3	3	3	2	
23.	г. 1, к. 98																1
24.	г. 1, к. 103																1
25.	г. 1, к. 106																1
26.	г. 1, к. 112					1*			1	2	7						
27.	г. 1, к. 113		1						2								
28.	г. 2, к. 3		2						4				3	2			1

* Обозначены находки проволочных колец, которые по их месторасположению могли быть не височными, а поясными или выполнять роль перстней.

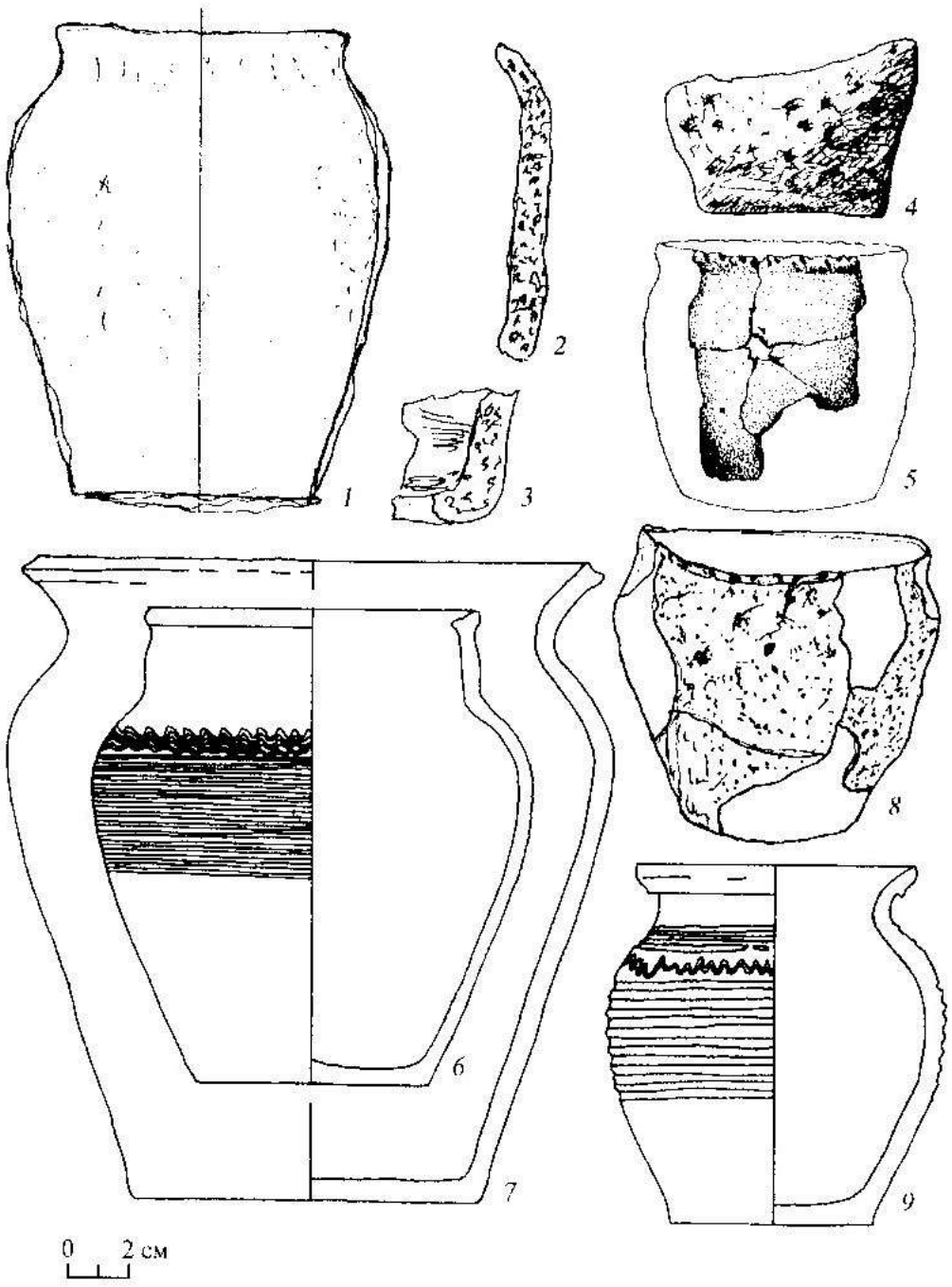
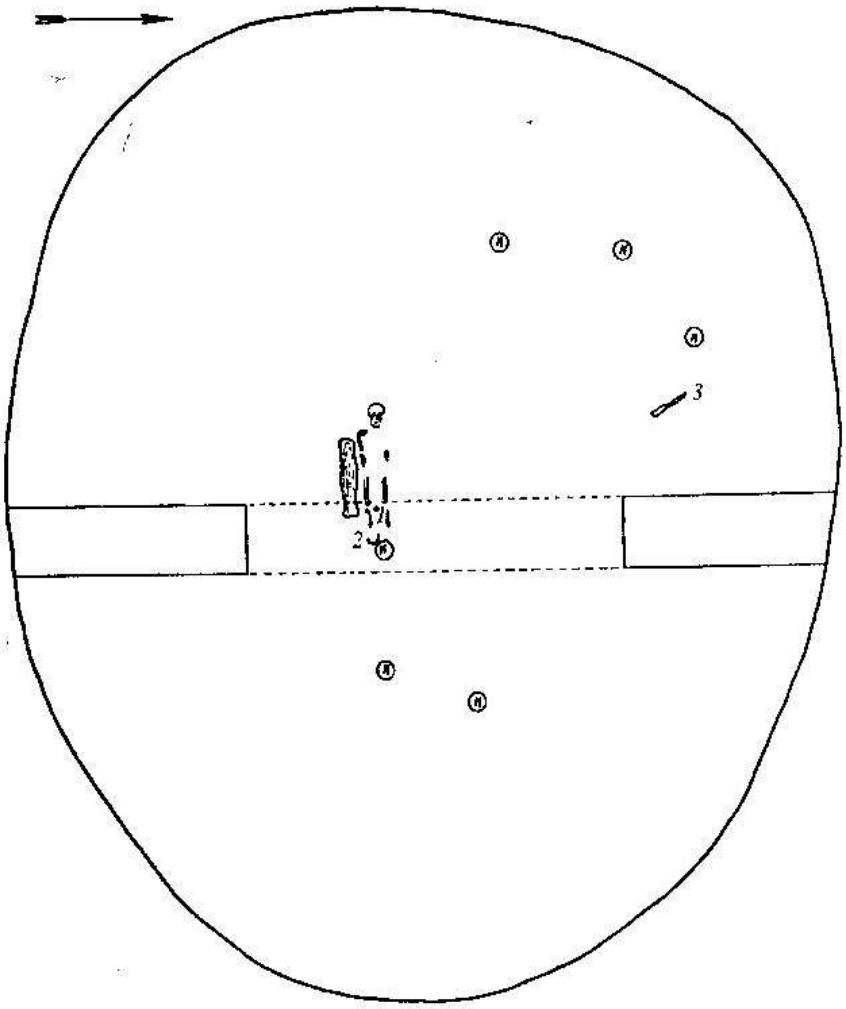


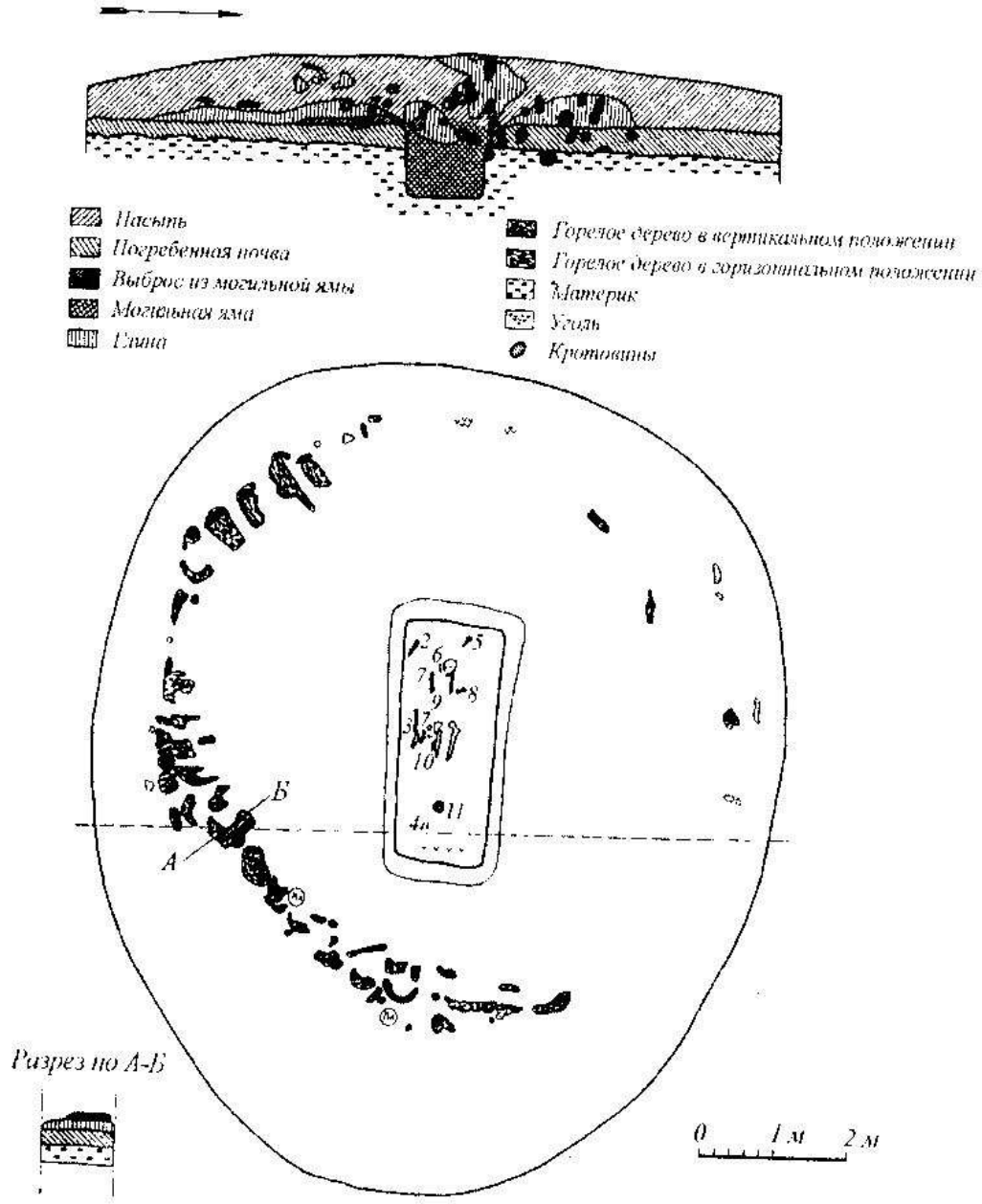
Рис. 1. Липино. Керамика из погребений этапа I.
1 – г.1, к.3; *2, 3* – г.1, к.99, п.2; *4, 7, 9* – г.1, к.109; *5* – г.1, к.111; *6, 8* – г.2, к.1, п.2. *1 5, 8* – лепная; *6, 7, 9* – круговая. *1* – К; *2, 3, 8* – КО; *4, 5* НО-49.
Здесь и далее использованы следующие сокращения для обозначения архивных документов: К – рисунки керамики (архив П.И. Засурцева); КО – коллекционная опись 1949 г. (архив П.И. Засурцева); НО-49 научный отчет о раскопках 1949 г.



1 - Височное кольцо
2 - Дужка от ведра
3 - Кость

Ⓚ - Керамика

Рис. 2. Липино. Группа 2, курган 1, погребение 1 (впускное).



1 - Железный нож на уровне материка
2 - Кость на уровне материка
3 - Полоска дерева
4 - Два гвоздя
5 - Кость
6 - Бусы
7 - Браслеты
8 - Височные кольца
9 - Подвеска
10 - Нож железный
11 - Горшок

Рис. 3. Липино. Группа 2, курган 1, погребение 2 (основное).

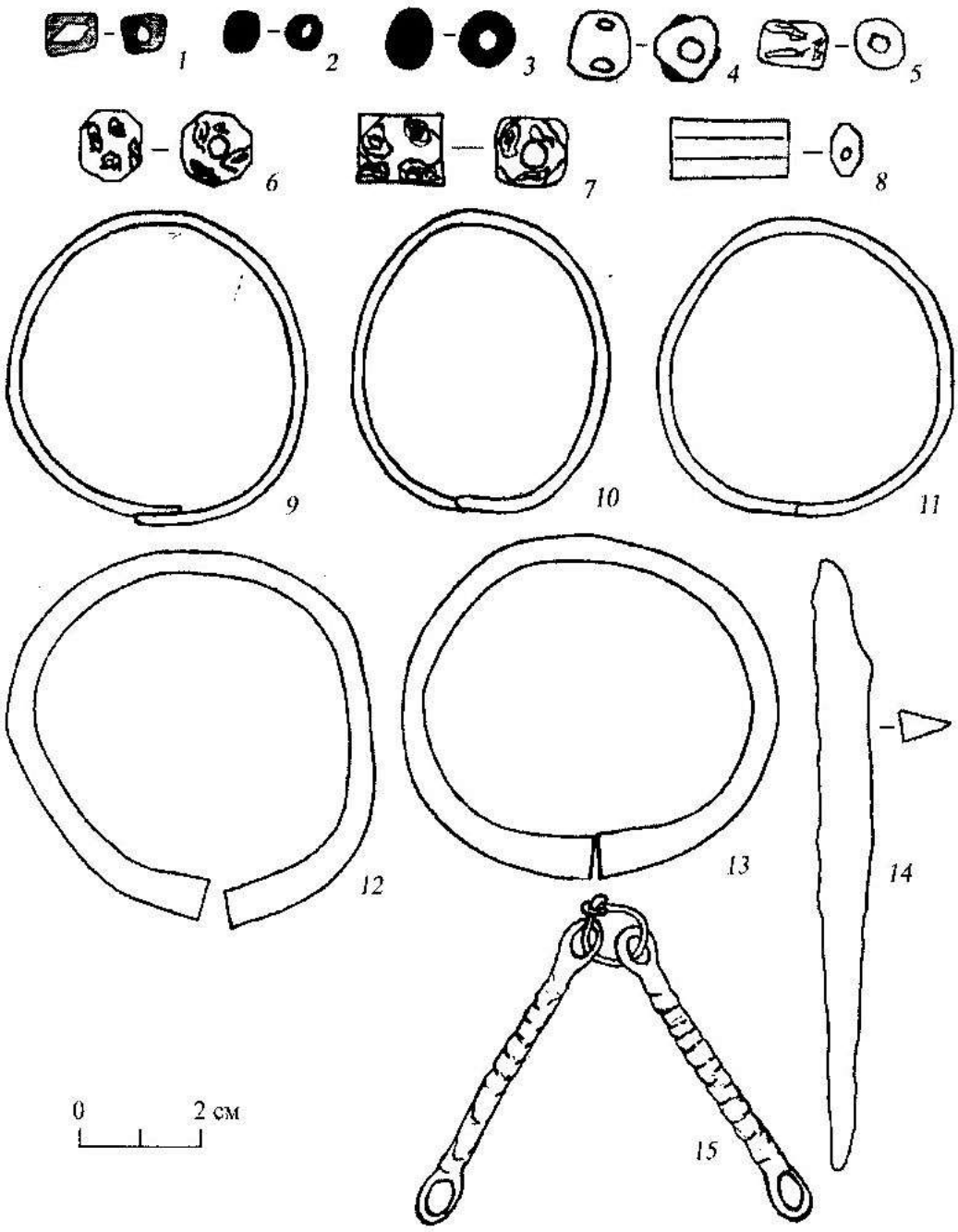


Рис. 4. Липино. Группа 2, курган 1. Инвентарь из погребения 2.
Уточненная опись: *1* – бусина стеклянная призматическая синяя белоромбическая; *2, 3* – стеклянные округлые черные; *4* – бусина подтреугольная в сечении желтая с оранжевыми глазками; *5* – бусина стеклянная цилиндрическая серая с черными глазками; *6* – бусы стеклянные оранжевые глазчатые (2 шт.); *7* – бусина стеклянная подкубической формы оранжевая с бело-коническими глазками; *8* – бусина сердоликовая призматическая; *9–11* – серебряные (?) височные кольца; *12, 13* – серебряные (?) браслеты; *14* – железный нож; *15* – часть бронзорвого украшения (*11–13, 15* – по: КО).

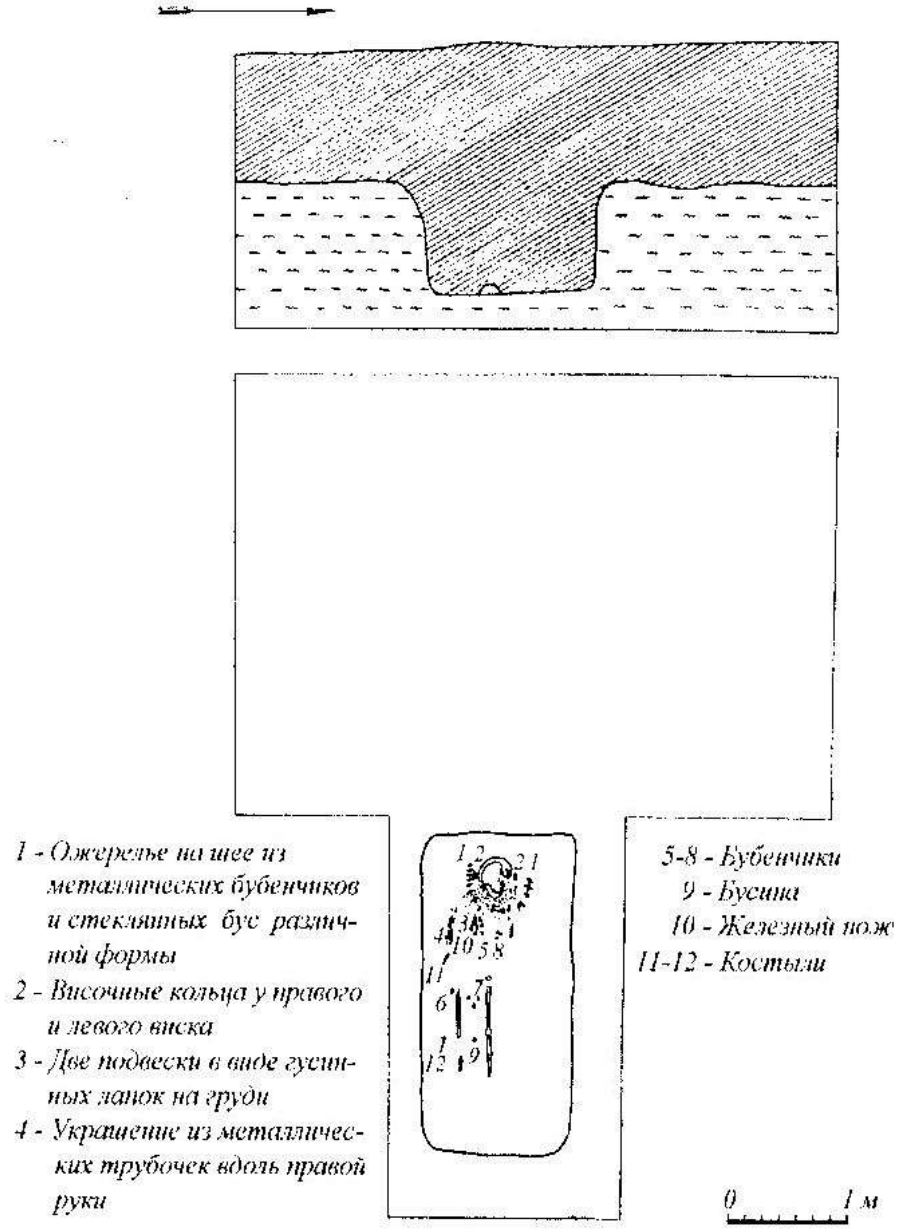


Рис. 5. Липино. Группа I, курган 90.

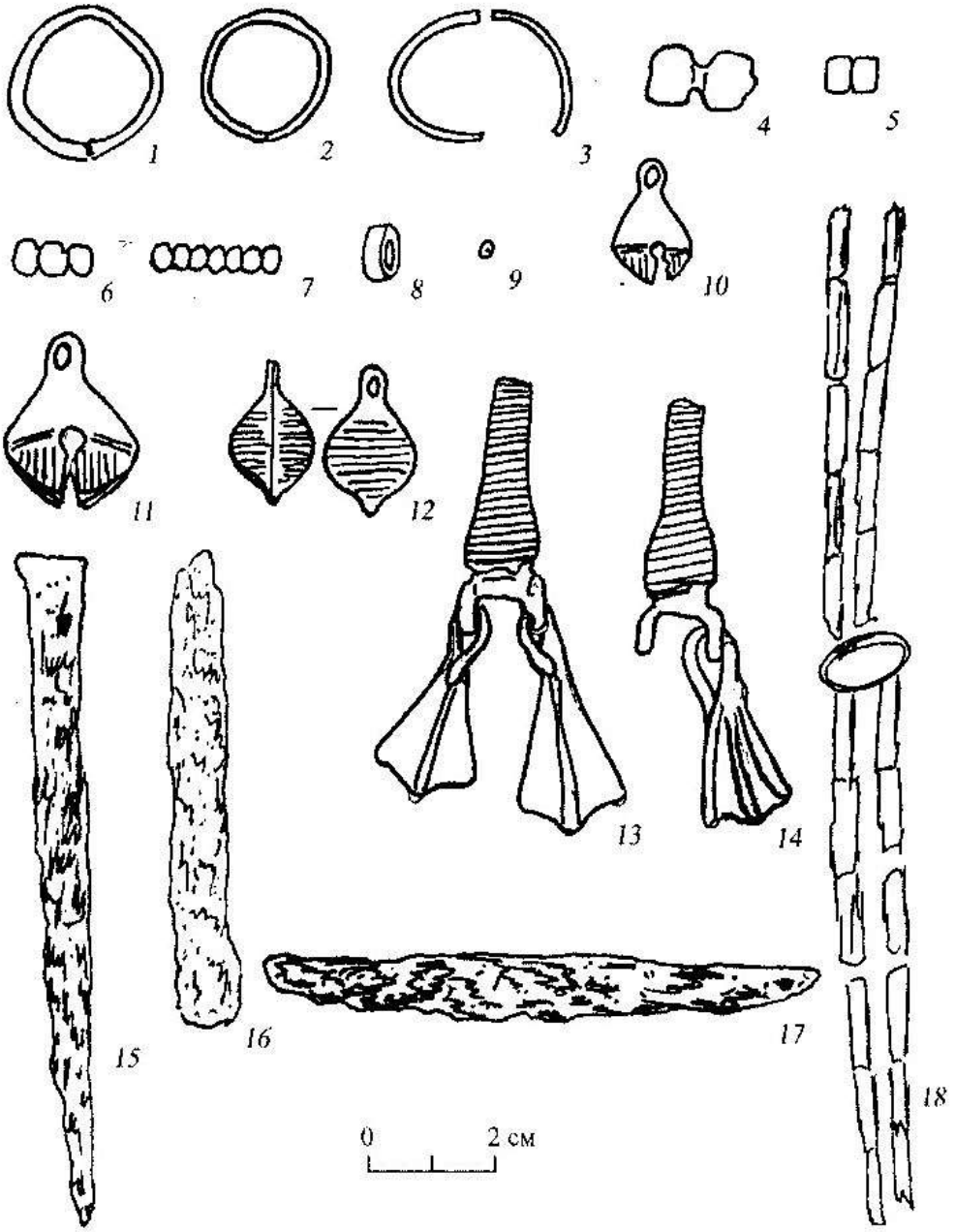


Рис. 6. Липино. Группа 1, курган 90. Находки из погребения.
Уточненная опись: *1–3* – бронзовые височные кольца (5 шт.); *4* – пронизки стеклянные двойные лимоновидные желтые (3 шт.); *5, 6* – пронизки стеклянные двойные (4 шт.) и тройные (8 шт.) синие; *7* – пронизки стеклянные многочастные белые («нитка», без указания цвета); *8* – бусы стеклянные кольцевидные желтые (3 шт.); *9* – бисер стеклянный («нитка»); *10, 11* – бронзовые грушевидные крестопрорезные бубенчики (по 4 шт. маленьких и больших); *12* – подвески бронзовые (16 шт.); *13, 14* – бронзовые подвески; *15, 16* – железные костыли; *17* – железный нож; *18* – украшение из бронзовых трубочек, «обернутых вокруг шнура из ниток» (все находки по: КО).

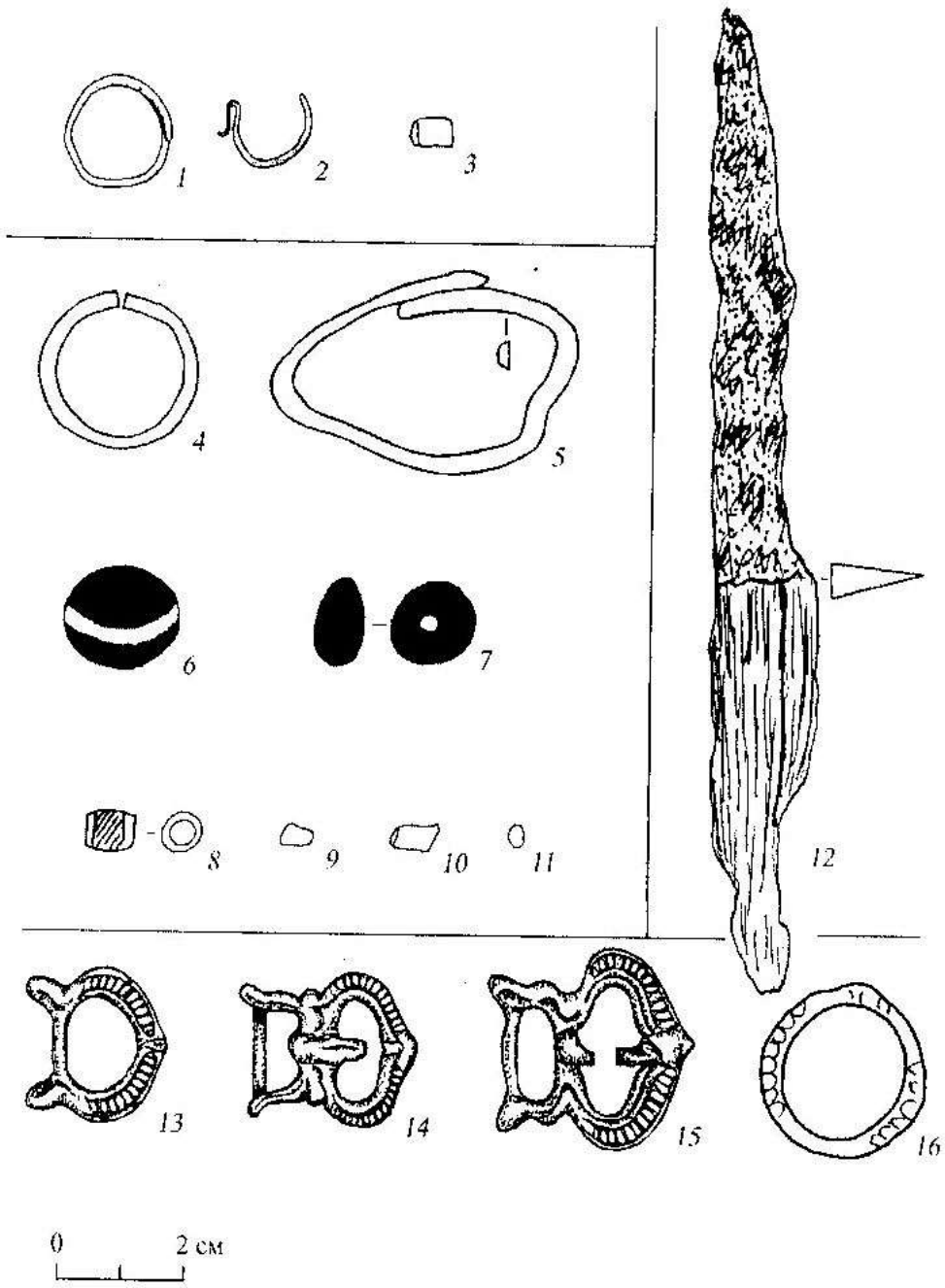


Рис. 7. Липино. Находки из погребений этапа II.
1, 3 – г.1, к.24; *4, 11* – г.1, к.105; *12* – г.2, к.4; *13* – г.1, к.108, п.1; *14-16* – г.1, к.108, п.2. *1, 2* – серебро (?); *3, 6, 8, 11* – стекло; *4, 5, 13–16* – бронза; *7* – сердолик; *12* – железо (№№3, 112, 16 по: КО).

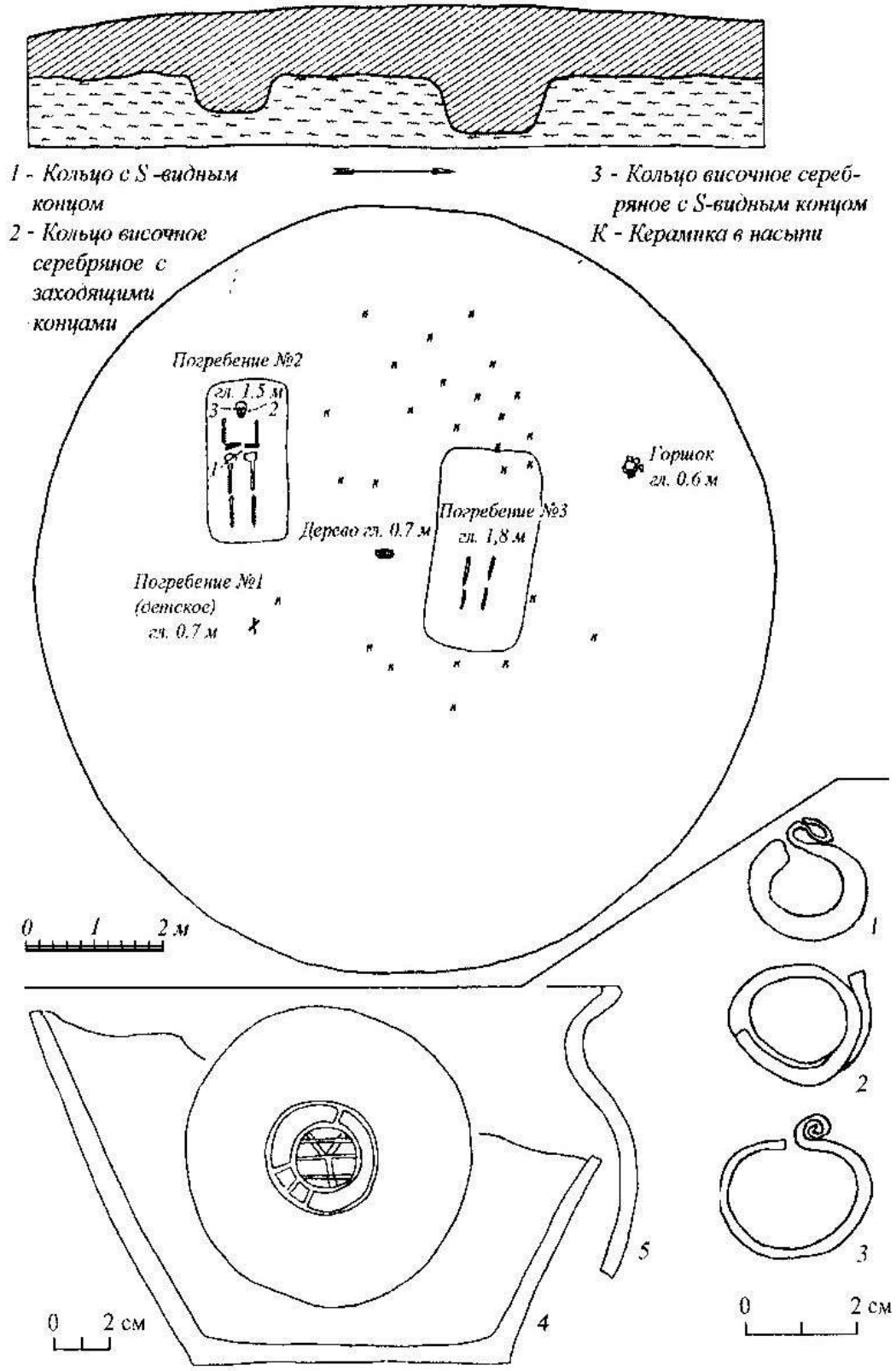


Рис. 8. Липино. Группа 1, курган 23.
1–3 – серебро (?); *4, 5* – круговая керамика (*1–3* – по: КО; *4, 5* – по: К).

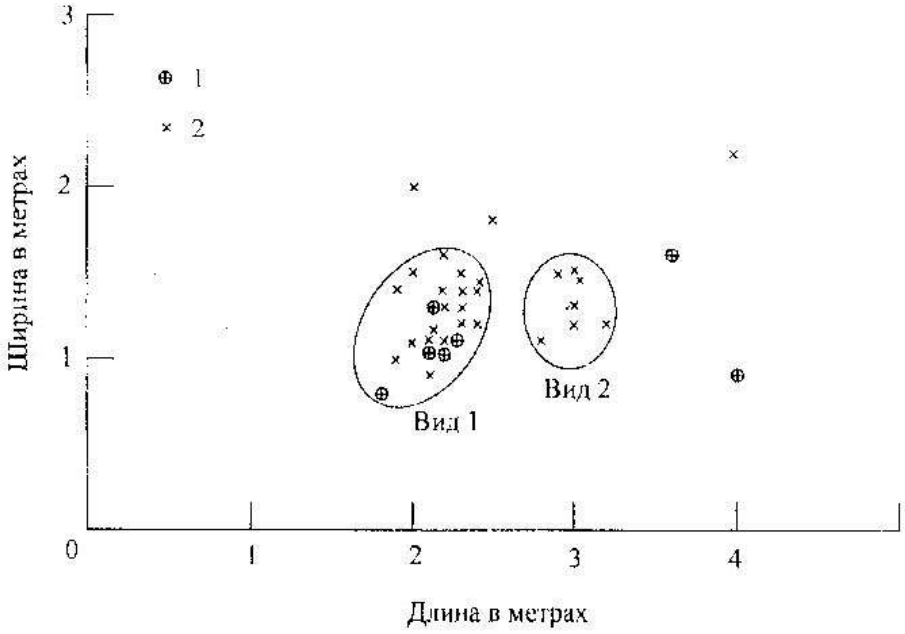


Рис. 9. Липино. Абсолютные размеры могильных ям.
1 – погребения этапа I; *2* – погребения этапа III.

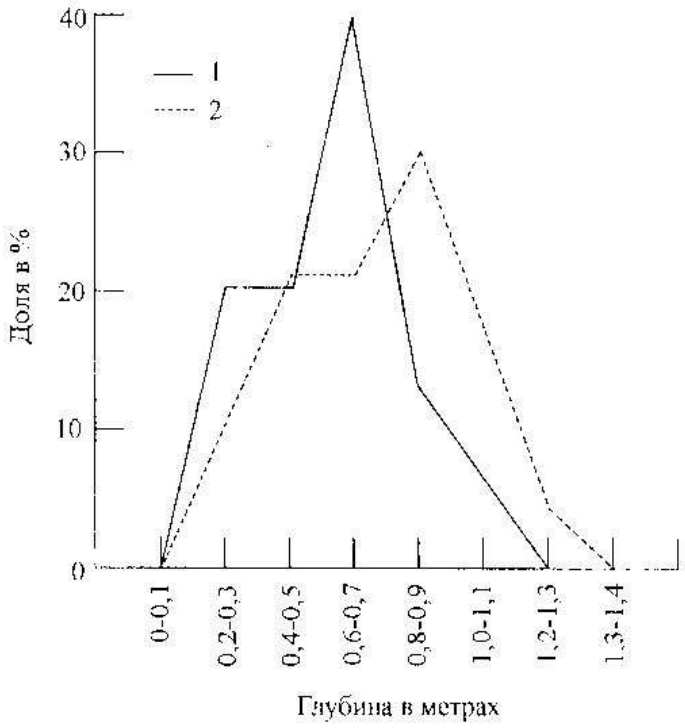


Рис. 10. Липино. График глубин могильных ям.
1 – погребения этапа I; *2* – погребения этапа III

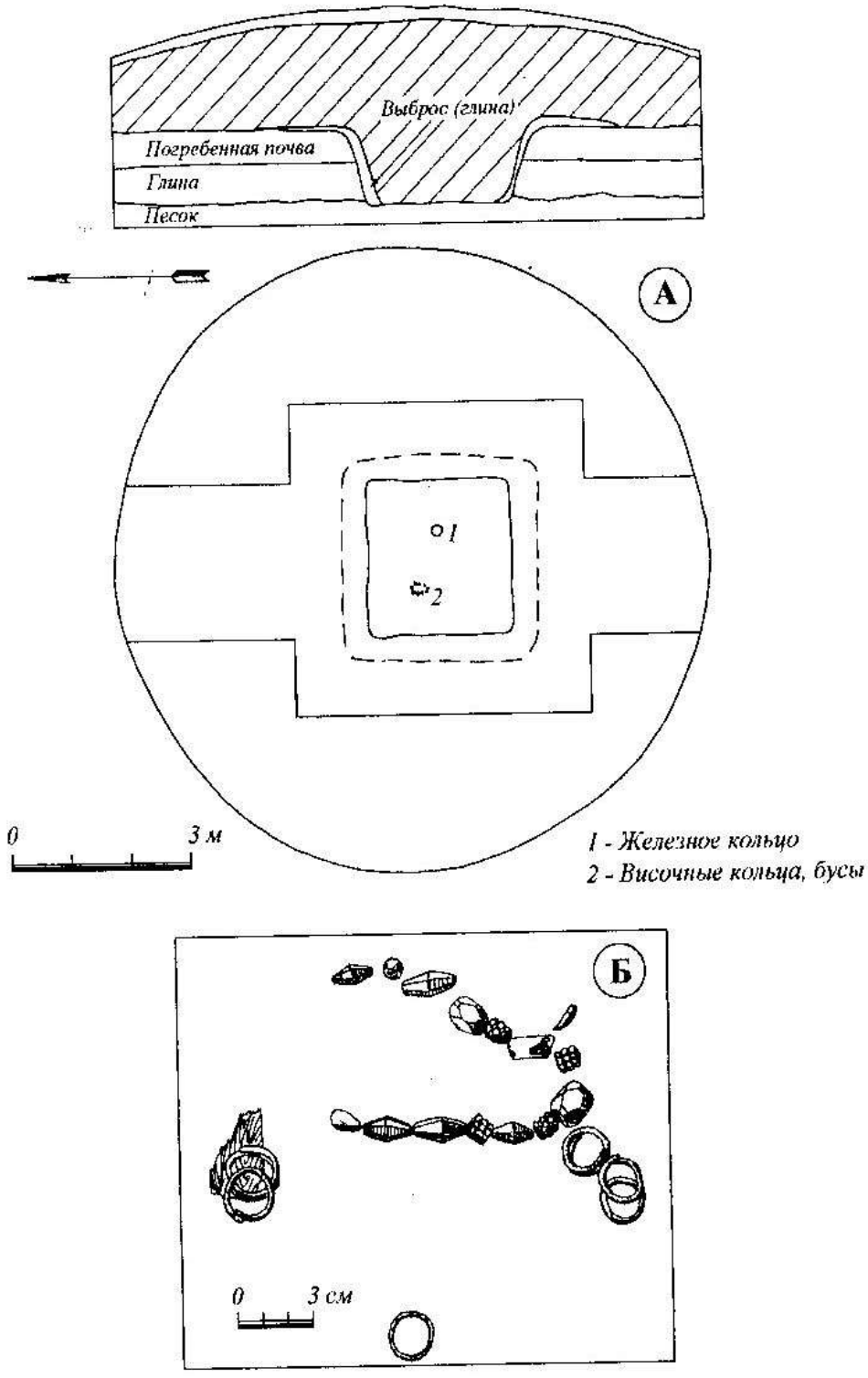


Рис. 11. Липино. Группа 1, курган 1.
А – план и разрез; Б – деталь погребения (без указания ориентировки).

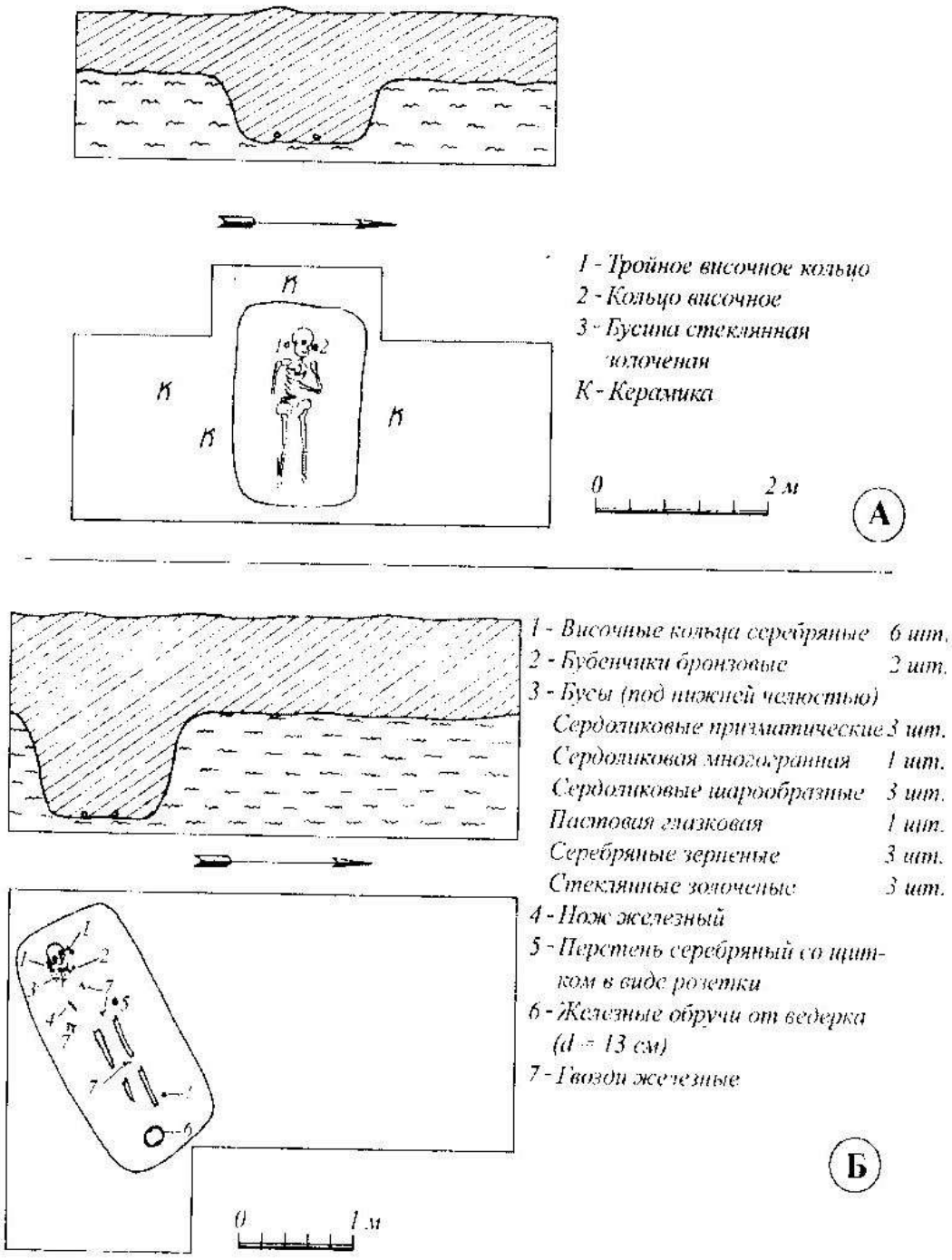


Рис. 12. Липино. А – группа 1, курган 80; Б – группа 1, курган 97.

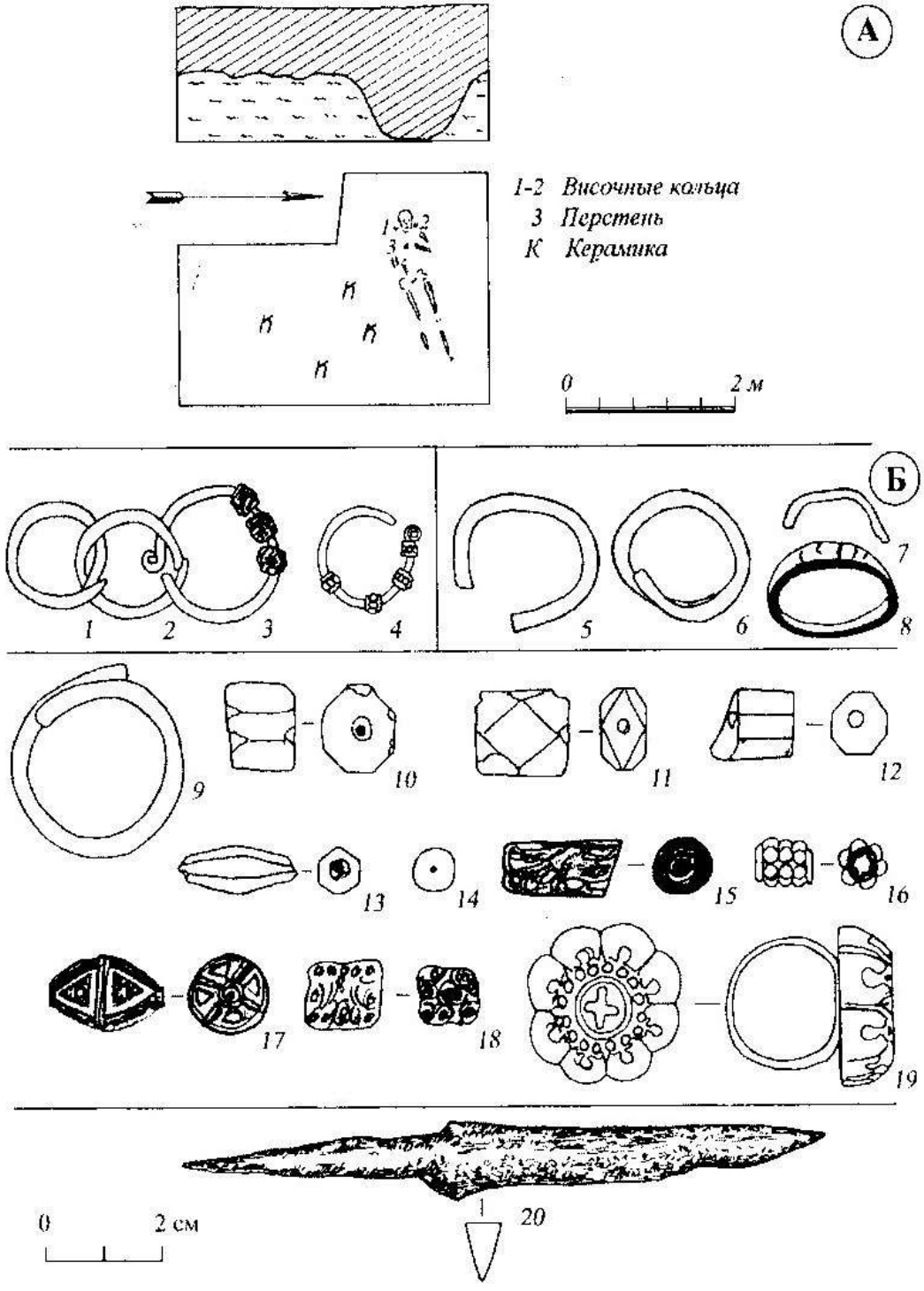


Рис. 13. Липино. А – группа 1, курган 84; Б – находки из погребений *1–4* – г.1, к.80; *5–8* – г.1, к.84; *9–19* – г.1, к.97; *20* – г.1, к.98. *1–8, 17, 18* – бронза; *9, 16, 19* – серебро (?); *10–14* – сердолик; *15* – стекло; *20* – железо (№№1–19 – по: КО).

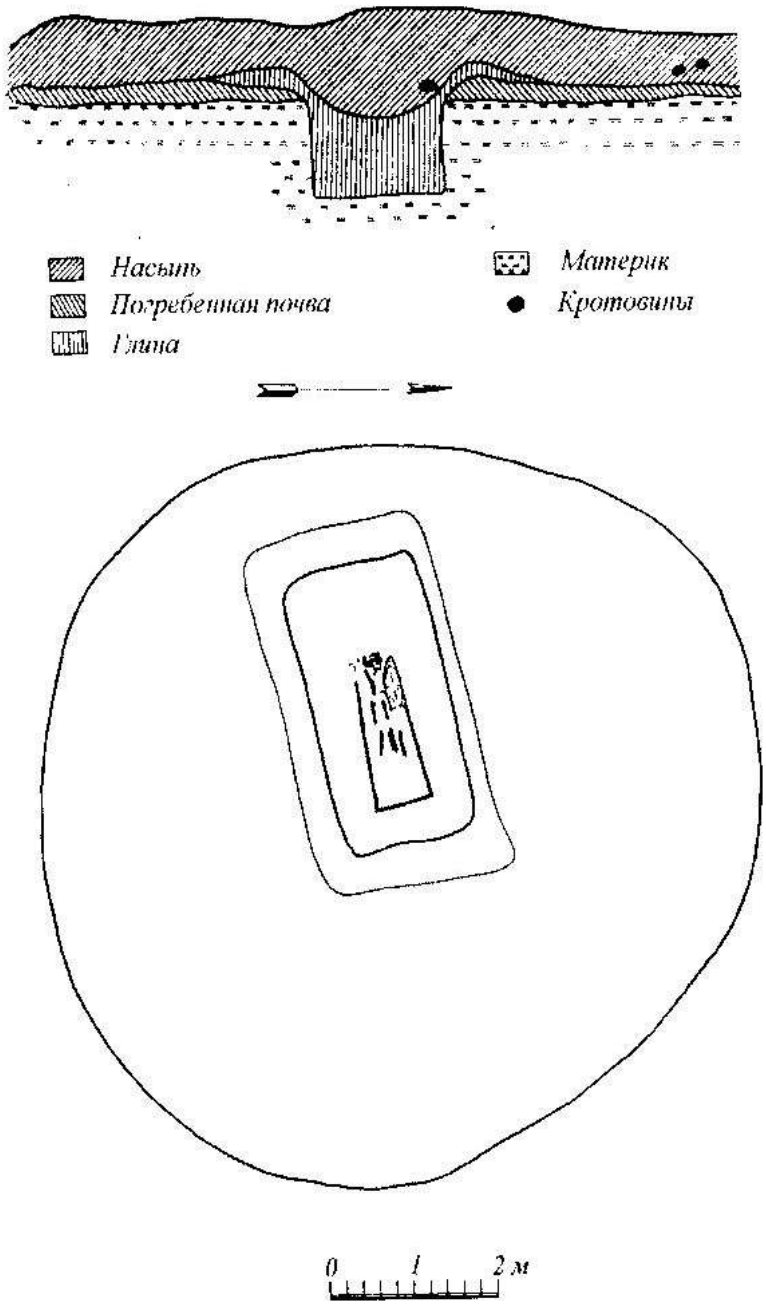


Рис. 14. Липино. Группа 2, курган 3.

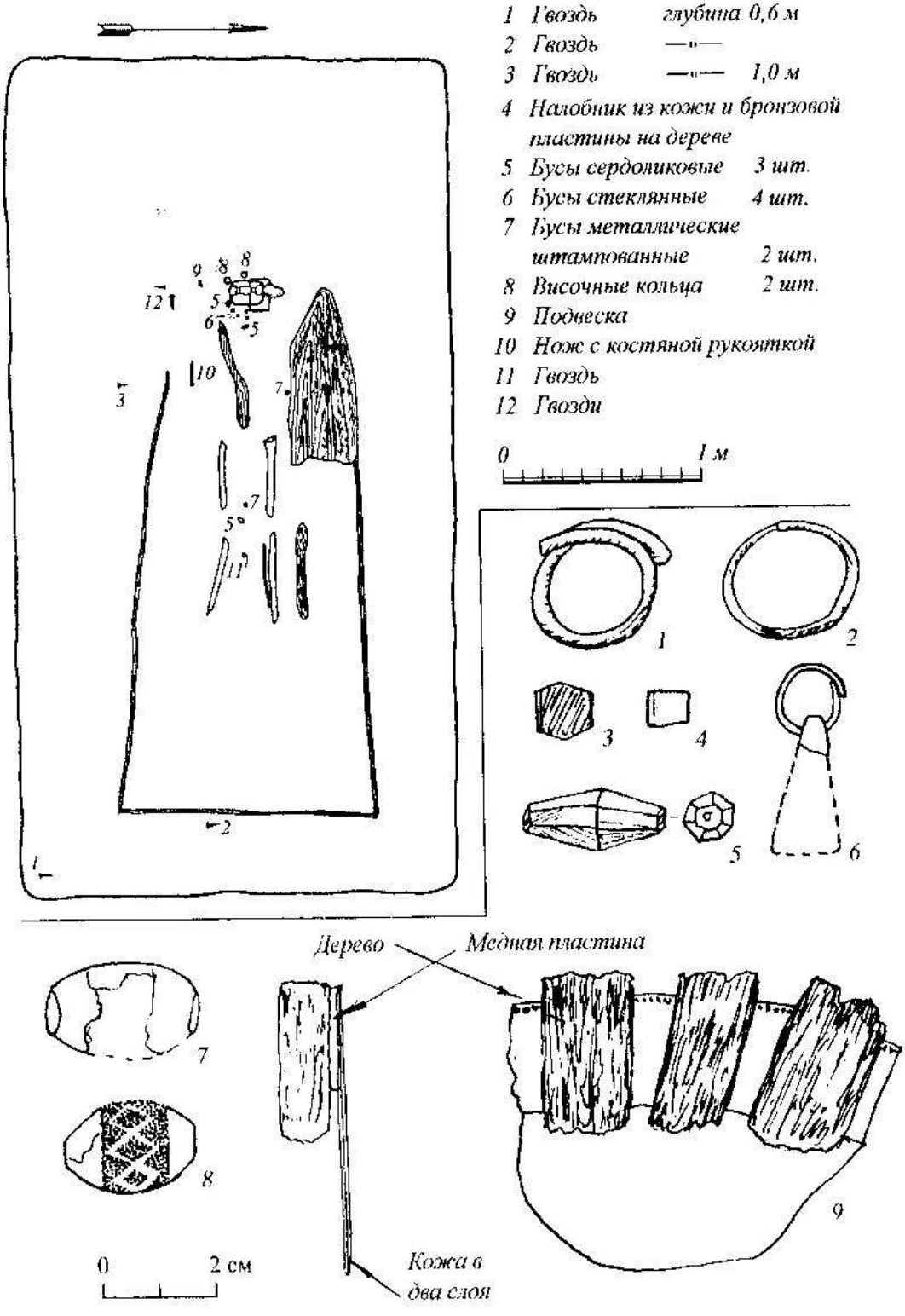


Рис. 15. Липино. Группа 2, курган 3. План погребения и инвентарь. *1, 2, 6–8* – бронза; *3, 4* – стекло; *5* – сердолик (все предметы даны по: НО-49).

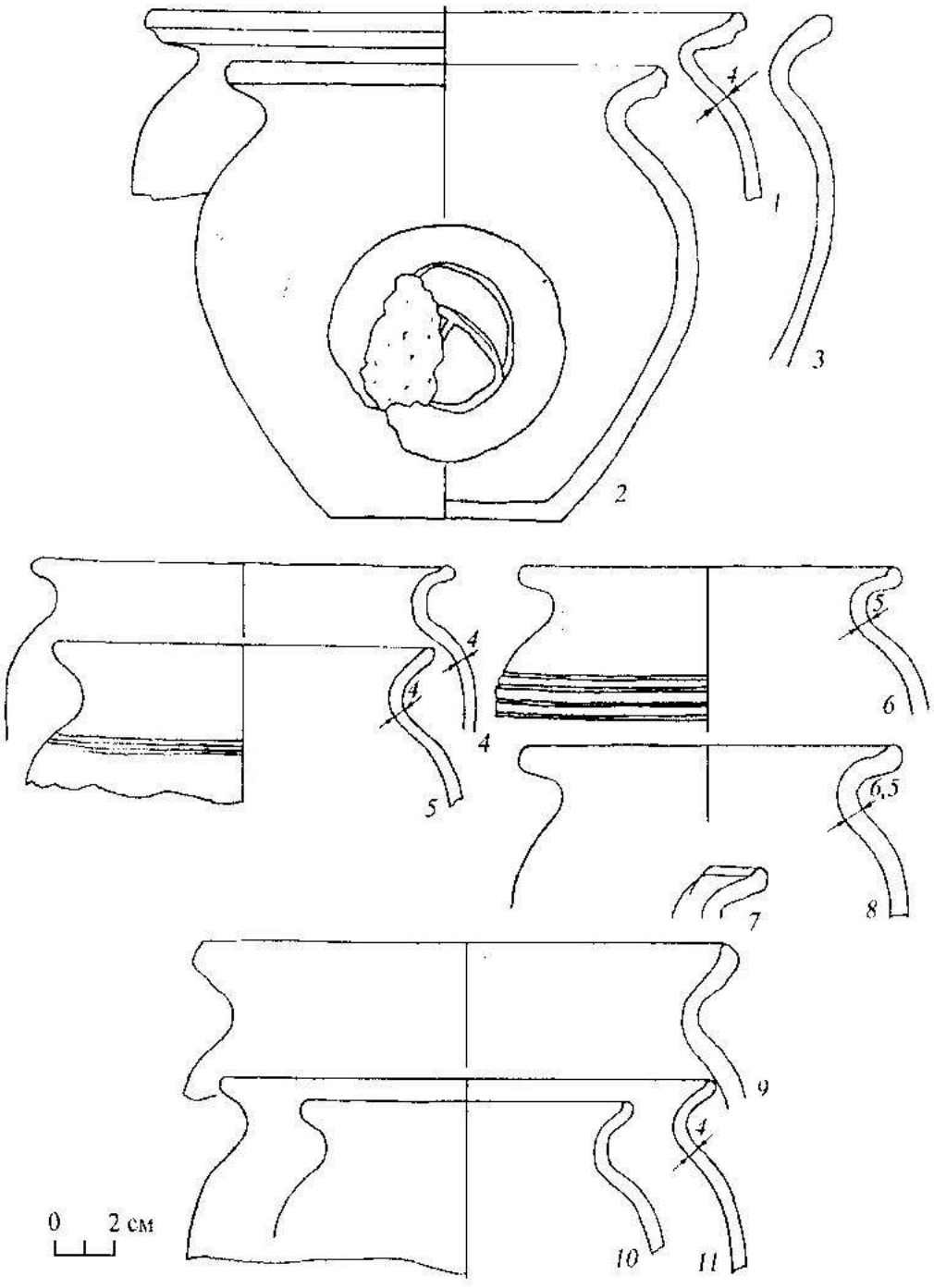


Рис. 16. Липино. Круговая керамика из погребений этапа III.
1, 2 – г.1, к.6; *3, 6* – г.1, к.11; *4* – г.1, к.25; *5* – г.1, к.10; *7, 8* – г.1, к.63;
9 - г.1, к.72; *10, 11* – г.1, к.38 (№№2, 4, 5, 7–11 – по: К, №№3, 6 – по: КО).

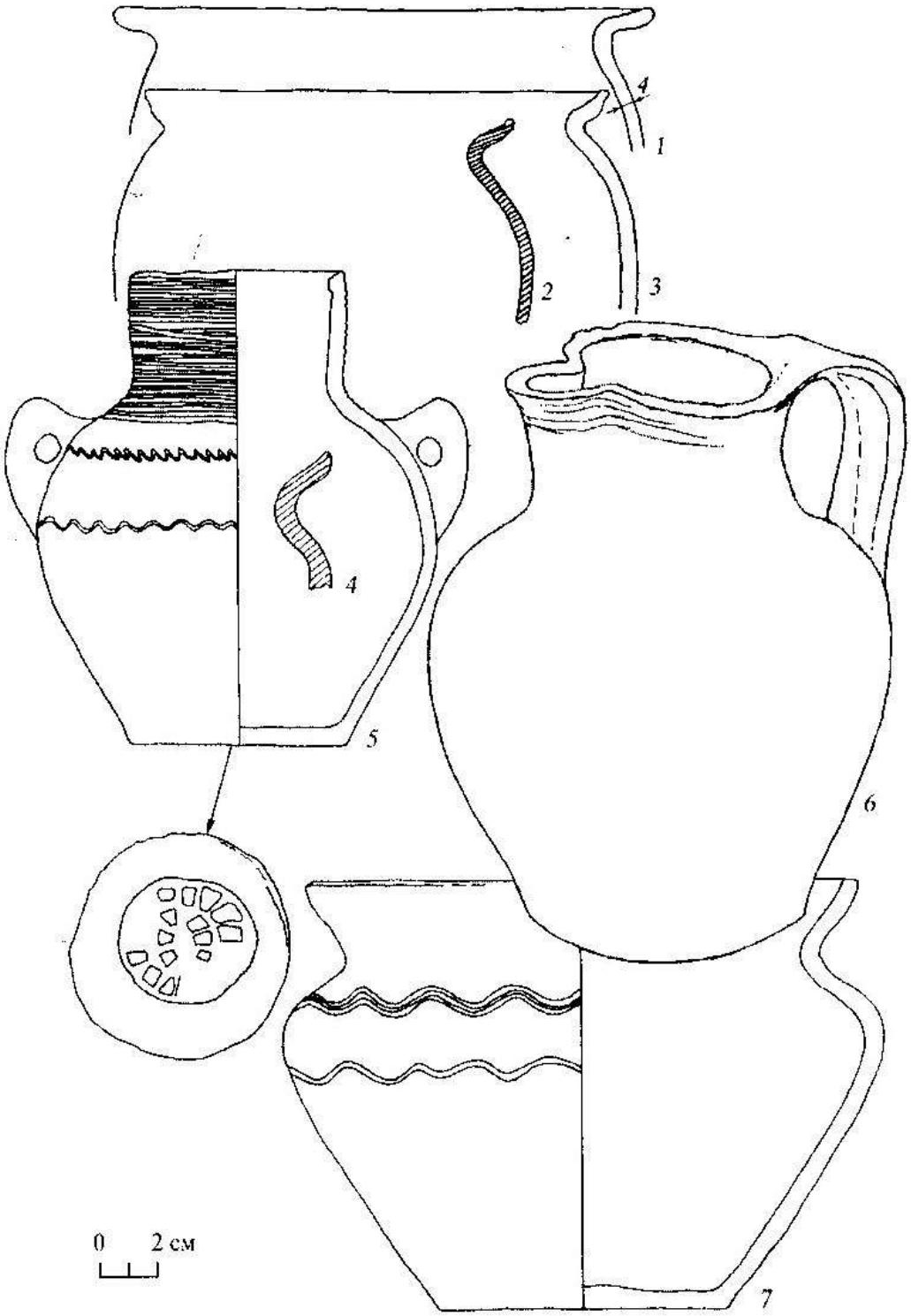


Рис. 17. Липино. Круговая керамика из погребений этапа III.
1 – г.1, к.87; *2, 3* – г.1, к.84; *4, 5* – г.1, к.113; *6* – г.1, к.5, п.1; *7* – г.1, к.115 (№№1-3 – по: КО; №6 – по: НО-49).

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ИМПОРТА СЕРДОЛИКОВЫХ БУС НА ТЕРРИТОРИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

© 2008 г. В.В. Енуков
Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси

Бусы из сердолика относятся к числу одних из самых многочисленных категорий украшений, входящих в состав ожерелий древнерусского населения, чем и объясняется немалое внимание, которое им уделялось в научной литературе. Обращение к ним автора первоначально имело сугубо прикладной характер: при обработке материалов курганов, входящих в состав Липинского археологического комплекса на р. Сейм, возникла необходимость в уточнении их хронологии. В итоге были получены результаты, касающиеся динамики поступления этих украшений на Русь, что и послужило посылкой к публикации настоящей работы. В ней не приводятся иллюстративные материалы, так как речь пойдет об общеизвестных типах бус, которые, помимо этого, фигурируют в статье, посвященной курганам в Липино (см. настоящий сборник).

В свое время М.В. Фехнер отнесла сердоликовые бусы к предметам восточного импорта, что до сих пор не вызывает сколько-нибудь серьезных сомнений. Была намечена и их хронология: шарообразные и призматические были отнесены к X–XI вв., бипирамидальные – к XI–XII вв., 14-гранные – к IX – началу XII вв. (Фехнер, 1959. С. 152, 154–155). В целом ее подтвердила и М.Д. Полубояринова, отметив, что на территории Восточной Европы призматические известны с IX в., а 14-гранные и бипирамидальные – даже с VI в., хотя большинство ранних находок происходит с территорий, расположенных за пределами Древней Руси (Полубояринова, 1991. С. 26–27, 48). Новгородская шкала дает заметные уточнения: шарообразные бусы встречаются только в слоях X – 1-й половины XI в., тогда как бипирамидальные – только начиная с XII в. (Колчин Б.А., 1981. С. 170). К позднему времени (конец XI в.) отнесла появление бипирамидальных бус и Т.В. Равдина, которая при этом отметила относительно ранний характер выхода из обихода призматических. По ее подсчетам эти украшения были встречены в 3 раза чаще с монетами X в., нежели XI в. (Равдина, 1979. С. 97 98). Следовательно, в XI в. эти бусы постепенно выходят из употребления. К числу последних из числа вышедших в свет работ, в которых затрагивалась хронология сердоликовых бус, относится исследование В.В. Богомольникова, посвященное курганам «радимичей» X–XII вв. Автор провел корреляционный анализ инвентаря погребений, в результате чего были выделены три последовательные хронологические стадии. Для самой ранней стадии А (2-я половина X – начало XI вв.) были характерны сердоликовые призматические, плитчатые, как нередко называют 14-гранные уплощенные, причем последние, по наблюдениям исследователя, встречаются только в этот период времени. Кроме того, В.В. Богомольников указывает, что сердоликовые бипирамидальные также входили в состав ожерелий стадии А (Богомольников, 2004. С. 90–91). Подведем итог: в предложенных построениях подтверждается хронология шарообразных бус, уточняется бытование плитчатых, однако не определяется верхняя граница использования призматических, при этом факт раннего появления бипирамидальных вступает в противоречие как с новгородским материалами, так и с выводами Т.В. Равдиной. Выход из этой ситуации может быть только один: еще раз проверить основы датировки сердоликовых бус.

Проанализируем бусы из курганов «радимичей». В тексте монографии очень скупо охарактеризованы результаты взаимовстречаемости украшений, однако приведена подробная сводная таблица. К сожалению, в матрицу данных исследователь не включил лимоновидные бусы, а бисер был учтен только желтого цвета (Богомольников В.В., 2004. Табл. 20–21). Всего в нашем распоряжении оказалось 111 погребений с ожерельями. Почти в половине комплексов присутствовали бусы только одного типа из числа учтенных. Их количественное распределение весьма красноречиво: по одному случаю приходится на комплексы, где были встречены только призматические печеночного цвета, бисер и серебростеклянные бусы, трижды в погребениях были одни бипирамидальные сердоликовые и в 47 захоронениях обнаружены только золотостеклянные (42% всех использованных комплексов), что указывает на их самое широкое распространение (табл. 1). Это подтверждают и комплексы с ожерельями из разнотипных бус: из оставшихся 58 погребений в 39 (два случая в табл. 1 не учтены, т.к. в захоронениях не было сердоликовых бус) присутствовали византийские золотостеклянные и еще в двух аналогичные украшения, однако с серебряной фольгой. Таким образом, бусы с фольгой содержали 86 комплексов, или более трех четвертей всех учтенных (78%).

Сердоликовые бусы были встречены в 59 захоронениях. Если сравнить доли «радимичских» комплексов, в которых были обнаружены только бусы с фольгой (47%), в целом ожерелья с золото-, серебростеклянными (78 %) и сердоликовыми (53%) бусами, то окажется, что эти показатели в Липино практически тождественны: 45%, 81% и 45% соответственно**. С учетом того, что липинская выборка является относительно небольшой в количественном отношении, этот факт выглядит еще более значимым и может объясняться только одним: распределение, а точнее характер поступления бус и к населению Липино, из «радимичам» был подчинен единым закономерностям. Этот вывод подтверждается и количественными параметрами, что особенно хорошо видно на примере наиболее массовых бус – золотостеклянных. Для липинских погре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История Юго-Востока Руси в свете материалов по погребальной обрядности: кладбища древнего Липина», проект № 07–01 72108 а/Ц.

** Здесь и далее: данные о материалах курганов в Липино содержатся в статье, помещенной в настоящем сборнике.

бений этапа II характерно очень небольшое количество этих украшений. В.В. Богомольников также указывает, что на стадии Б, которую он условно называет стадией «золотостеклянных бус», в редких случаях количество этих украшений превышает 10 (Богомольников, 2004. С. 90).

Итак, бусы с металлической фольгой и изготовленные из сердолика составляли основу ожерелий «радимичей». Так как нас главным образом интересуют сердоликовые, для удобства дальнейшей работы классифицируем ожерелья, в которых они были встречены в сочетании с другими типами (всего 56 наборов). Цель классификации имеет сугубо прикладной характер, поэтому в ее основу логично положить принципы морфологии и возможной хронологии этих украшений (табл. 1). Напомним, что предположительно в общем массиве сердоликовых бус имеются, условно говоря, «ранние» (шаровидные, призматические и 14-гранные) и «поздние» (бипирамидальные). К типу 1 были отнесены ожерелья, в которых были встречены только «ранние» бусы. Он делится на три варианта: А – только с шарообразными, Б – только с призматическими, В – сочетание разных «ранних» бус. Выделение варианта, в основе которого были только 14-гранные, не имеет смысла ввиду исключительной редкости таких наборов. Тип 2 включал в себя ожерелья из «ранних» и «поздних» бус. Основу типа 3 составляли «поздние» (бипирамидальные) бусы.

Тип 1 обладает одной интересной особенностью. Только в составе этих ожерелий были встречены немногочисленные находки призматических печеночного цвета и белоромбических стеклянных бус, хорошо датирующихся концом X – началом XI вв. (Равдина, 1979. С. 98), а также желтого рубленого бисера, который был распространен до 1-й половины XI в. (Щапова, 1956. С. 173). Таким образом, 10 из 28 погребений с ожерельями данного типа датируется временем не позднее начала – 1-й половины XI в. Отметим, что бусы с «узкой» датой присутствовали во всех трех вариантах наборов типа 1. Из числа сердоликовых наиболее распространенными являются призматические, обнаруженные в 20 из 28 комплексов. Также широко представлены золото- и серебростеклянные бусы (14 комплексов из 28). Их появление в курганах «радимичей» не позднее конца X – начала XI вв. засвидетельствовано, помимо прочего, ожерельями из курганов 4 в Антоновке и 28 в Кветуне, в которых не было сердоликовых, однако присутствовали бусы с «узкой» датой (Богомольников В.В., 2004. Табл. 20).

Ожерелья типа 2 (11 комплексов) можно трактовать однозначно: зафиксированный в Великом Новгороде хронологический разрыв в поступлении между «ранними» и бипирамидальными сердоликовыми бусами на землях «радимичей» отсутствовал. Следовательно, сочетание бус в ожерельях Липино представляло собой явление хотя и не столь уж распространенное, однако известное. Всего, с учетом всех захоронений, получается, что из 59 комплексов с сердоликовыми бусами в 11 было встречено сочетание «ранних и «поздних». Для этих ожерелий все также характерны золотостеклянные бусы.

Наборы типа 3, который был обнаружен в 17 комплексах, отличаются исключительной простотой: их основу составляют сердоликовые бипирамидальные и золотостеклянные бусы.

Итак, «стержнем» ожерелий являлись золотостеклянные бусы, которые очень часто могли встречаться без сочетаний с другими типами. Нередко их дополняли сердоликовые, причем «ранние» и «поздние» бусы в течение какого-то периода сосуществовали. Закономерно встает вопрос: на какое время приходится это сосуществование? Заметная часть ожерелий типа 1 попала в погребения не позднее начала – 1-й половины XI в. На первый взгляд, было бы очень заманчиво, да и логично, считать, что «переходный» период приходится на середину XI в., отнеся к этому времени и появление бипирамидальных бус. К этому подталкивает и сам облик таблицы взаимовстречаемости бус, а также тот факт, что широкое распространение бипирамидальных сердоликовых в XII в. не вызывает сомнения. Однако для такого вывода были бы желательны дополнительные аргументы. Практически единственным путем попытаться уточнить их хронологию является обращение к данным нумизматики.

База для такого рода изысканий содержится в каталоге Т.В. Равдиной «Погребения с древнерусскими монетами на территории Древней Руси» (1988). До издания этой работы, напомним, исследователь относила появление бипирамидальных бус к концу XI в. Проанализируем погребения с монетами, разбив полученные материалы на две основных группы – погребения с «ранними» и «поздними» сердоликовыми бусами, которые, в свою очередь, делятся по находкам монет, чеканенным до X и в XI вв. При составлении выборки были опущены комплексы с монетами, имеющими определения самого общего характера («дирхем» или «денарий»). В случаях, если монет было несколько, указывались главным образом младшие.

Бусы «ранних» форм были встречены в 57 погребениях с монетами, из них в 45 случаях они были чеканены в X в. (табл. 2). Особенно резкие отличия выступают при сопоставлении количества найденных бус: с монетами X в. их было найдено 276, XI в. – 33 (количество дано с учетом данных, приведенных в табл. 3). Правда, необходимо уточнить, что эти цифры нельзя абсолютизировать. Количество поступающего восточного серебра в конце X в. сократилось, а пришедшие ему на смену в XI в. западноевропейские монеты завозились в заметно меньших объемах. Кроме того, часть монет, чеканенных в X в., могла относиться к погребениям XI в. Полученные цифры, свидетельствующие о постепенном исчезновении из обихода бус «ранних» форм, надо рассматривать как отражение общих тенденций импорта.

Погребений с монетами, в которых были встречены бипирамидальные бусы (табл. 3), было встречено гораздо меньше (всего 21), что вполне объяснимо, так как пик их распространения приходится уже на безмонетный период. Однако становится бесспорным факт начала их относительно раннего поступления на Русь: в 12 комплексах содержались монеты X в. В пределах этого времени можно уточнить динамику их импорта. Напомним, что сами по себе отдельные находки восточных монет не могут служить основанием для точной, чуть ли не до года, датировки комплексов, что хорошо подтверждается составами кладов, в которых разница между старшей и младшей монетой составляет не-

редко 100–150 лет. Поэтому если дирхемы, попавшие на территорию Восточной Европы в поздние периоды обращения куфических монет, могут служить хронологическими маркерами, то находки более раннего времени нередко таких потенций не имеют.

В большинстве случаев монеты, встреченные в погребениях с бипирамидальными бусами, были чеканены в середине, 2-й половине или даже в конце X – начале XI в. Явно выпадают из этой картины два погребения с монетами начала X в. В Казаричах был обнаружен дирхем, чеканенный в Андерабе при Ахмаде ибн Исмаиле в 913/914 гг. На территории Восточной Европы находки монет эмиров Андерабы редки, однако время их поступления хорошо фиксируется. Они входили в клады Новой Мельницы (974 г.), Ерилово (978 г.) и Денисов (1005 г.) (Янин, 1956. Табл. 11). Таким образом, погребение в Казаричах датируется концом X – началом XI вв.

Знаменитый курган 13 в Гнездово, где была найдена амфора с надписью «Горухща», содержал самый ранний из числа известных комплекс, в котором были найдены 16 призматических, 45 четырнадцатигранных и 2 бипирамидальных бусины наряду с пятью аббасидскими монетами, младшая из которых была чеканена в Мадинат ас-Саламе (Багдаде) в 907/908 гг. (табл. 3). Д.А. Авдусин, проанализировав сопутствующий инвентарь, пришел к следующему выводу: «Приведенные наблюдения и факты говорят в пользу более поздней даты, чем начало X в. Однако скорее этот курган следует датировать серединой X в., чем его 2-й половиной» (Авдусин Д.А., 1970. С. 113). Таким образом, гнездовский комплекс почти смыкается с начальной хронологией бипирамидальных бус. Важным является и еще один факт: украшения из кургана 13 определены как «крупные» (Равдина, 1988. С. 43), что для них нехарактерно. В Заужелье и Вахрушеве, где были найдены монеты середины – конца X в., бипирамидальные бусы обладали асимметричностью (Равдина, 1998. С. 32, 61). Отклонение от стандартов следует расценивать как свидетельство начальных этапов их изготовления, когда морфология новых изделий еще не устоялась.

Позднее в пределах X в. появление бипирамидальных бус подтверждается и общей статистикой. Если с монетами X в. было найдено 294 шарообразных, призматических и 14-гранных сердоликовых бус (с учетом данных, приведенных в табл. 3), то бипирамидальных – всего 32, или 9,8% от общего количества. Таким образом, начало ввоза на Русь первых и немногочисленных бипирамидальных бус следует отнести ко 2-й половине X в. В дальнейшем импорт этих украшений постепенно растет: с монетами 2-й половины XI в. их встречено в 2 раза больше, нежели 1-й половины этого столетия (табл. 3).

Самыми массовыми из числа «ранних» типов сердоликовых бус были призматические. Тенденция уменьшения их количества в XI в. была выявлена Т.В. Равдиной верно, однако темпы их выхода из обихода были заметно выше. Напомним, исследователь указывала, что с монетами X в. они встречаются в три раза чаще, чем с монетами XI в. По сведениям составленного ей позднее каталога это соотношение выглядят заметно контрастнее: 163 находки против 8, или в 20 раз больше. В связи с большим количеством находок этих украшений можно достаточно точно проследить динамику их поступления к славянам Восточной Европы в пределах X в. С монетами 1-й половины этого столетия было встречено 56 призматических бус, 2-й половины – 93, причем пик приходится на 3-ю четверть X в. (65 находок). С учетом того что между датой чеканки арабских дирхемов и временем их «выпадения» в землю проходило 10–20 лет, следует полагать, что наибольшее их количество попало на Русь в конце X в., после чего наблюдается значительный спад в их импорте, хотя в отдельных случаях они встречаются с западноевропейскими монетами чеканки до 50–60-х гг. XI в. включительно (табл. 2; 3) Самая поздняя находка этих украшений происходит из кургана 3 в Гайгово, где наряду с более ранними была обнаружена монета графа Экберта II (1068–1090 гг.). Таким образом, к середине XI в. сердоликовые призматические бусы выходят из употребления.

Близкую картину распределения имеют и 14-гранные сердоликовые бусы: 115 экземпляров встречено с монетами X в. и только 6 – XI в. (табл. 2; 3). В то же время они известны с монетами середины XI – рубежа XI–XII вв. Следовательно, эти украшения становятся малохарактерными для XI в., однако в небольшом количестве доживают до довольно позднего времени, как и полагала М.В. Фехнер.

Абсолютно неожиданный облик распределения во времени, резко отличный от предыдущих предположительно «ранних» типов, имеют самые немногочисленные из числа сердоликовых – шарообразные бусы. Они хорошо известны на протяжении X–XI вв., однако если в погребениях с монетами X в. они были встречены 5 раз (14 экземпляров), то с монетами XI в. – 8 (19 экземпляров) (табл. 2; 3). Этот рост на фоне существенного сокращения поступлений монетного серебра позволяет сделать только один вывод: в XI в. в условиях спада поступления других «ранних» форм импорт шарообразных бус заметно увеличился. Можно говорить о том, что они гораздо более характерны для XI в., нежели для десятого столетия, а пик их поступления по совместным находкам с монетами приходится на середину – 2-ю половину XI в. Это подтверждается и их взаимовстречаемостью с другими типами украшений в курганах «радимичей». Шарообразные бусы в составе ожерелий с «ранними» типами (призматические, 14-гранные) обнаружены в 9 случаях из 58 (15,5%), с бипирамидальными, которые особенно будут характерными для XII в., – в 6 из 31 (19,4%).

На этом фоне малообъяснимым выглядит факт исчезновения во 2-й половине XI в. шарообразных бус в напластованиях Новгорода. Предположительно объяснить это можно следующим образом. В XI в. Новгород уже превратился в крупный городской центр. В наряде горожанок, в отличие от сельских жительниц, бусы начинают занимать весьма скромное место (Лихтер, Щапова, 1991. С. 255), причем бусы из сердолика в Новгороде были найдены вообще в незначительном количестве (Рыбина, 1978. С. 52–53). Вероятно, эти украшения в городе перестают пользоваться спросом.

Подведем итоги. Анализ находок сердоликовых бус показал, что начальные и финальные стадии в их поступлениях на Русь оказались более растянутыми во времени, нежели это нередко считается. Тем не менее, очевидны

и новые хронологические индикаторы, которые являются отражением динамики импорта. Призматические, крайне популярные в X в., в XI в. встречаются несравненно реже и после середины этого столетия практически исчезают. Близкие тенденции определяли поступление и 14-гранных бус, однако их окончательное исчезновение приходится уже на конец XI – начало XII в. Как оказалось, известные на протяжении длительного времени шарообразные сердоликовые бусы особенно активно завозились на Русь в середине – 2-й половине XI в., хотя при этом не находят сбыта в городах (по крайней мере, в Новгороде). Первые партии бипирамидальных бус появились на Руси достаточно рано, еще во 2-й половине X в. В XI в. их ввоз растет, что становится особенно заметно во 2-й половине XI в.

Общие тенденции в распространении на Руси сердоликовых бус приводят к еще одному выводу. Эти находки могут служить для хронологических построений главным образом при анализе состава ожерелий, которые, как правило, происходят из погребений. Использовать для датировок отдельные и зачастую немногочисленные находки, обнаруженные на поселениях, следует с большой долей осторожности, так как в противном случае можно получить искаженную картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982.

Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города. М., 1991.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Равдина Т.В. Погребения с древнерусским монетами // СА. 1979. № 3.

Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33.

Таблица 1. Бусы из погребений курганов «радимичей» (на основе данных: Богомольников, 2004)

№ п/п	Курган, погребение	Тип	Вариант	Шаровидные сердоликовые	Призматические сердоликовые	Плитчатые сердоликовые	Белоромбические стеклянные	Призматические печеночные	Бисер желтый рубленный	Золотостеклянные	Серебростеклянные	Бипирамидальные сердоликовые
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1.	Демьянки, 11/2	1	А	+				+				
2.	Кветунь, 44			+						+		
3.	Кветунь, 56			+						+		
4.	Кветунь, 105			+						+		
5.	Кветунь, 146			+						+		
6.	Влазовичи, 19		Б		+					+		
7.	Влазовичи, 42			+						+		
8.	Гуловка, 40			+			+					
9.	Кветунь, 27			+			+		+			
10.	Кветунь, 47/3			+							+	
11.	Кветунь, 53			+					+			
12.	Кветунь, 134			+						+		
13.	Кветунь, 136			+			+				+	
14.	Кветунь, 141			+					+			
15.	Попова Гора			+				+				
16.	Проскурни, 2			+						+		
17.	Холеевичи, 6			+						+		
18.	Юдичи, I, 3			+						+		
19.	Высокое, 7		В	+		+						
20.	Гетманская Буда, 94			+	+	+						
21.	Кветунь, 1/1			+						+		
22.	Кветунь, 5/1			+	+	+						
23.	Кветунь, 84/1			+	+	+				+	+	
24.	Кветунь, 89				+					+		
25.	Кветунь, 92			+		+						
26.	Кветунь, 111/2			+	+	+						
27.	Кветунь, 180/2			+					+			
28.	Новое Новицкое, 5			+	+				+			
29.	Гетманская Буда, 50	2			+	+				+		
30.	Кветунь, 2			+						+	+	
31.	Кветунь, 3				+					+	+	
32.	Кветунь, 14			+	+						+	
33.	Кветунь, 33/2			+	+						+	
34.	Кветунь, 40			+						+	+	
35.	Кветунь, 46			+	+					+	+	
36.	Кветунь, 48/1			+		+					+	
37.	Кветунь, 49				+					+	+	
38.	Кветунь, 73			+	+	+					+	
39.	Кветунь, 126/2			+	+	+				+	+	

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
40.	Боровина, 3	3								+		+
41.	Демьянки, 28									+		+
42.	Займище, 9									+		+
43.	Кветунь, 3									+		+
44.	Кветунь, 13/2									+		+
45.	Кветунь, 14/1									+	+	+
46.	Кветунь, 31									+		+
47.	Кветунь, 55									+		+
48.	Кветунь, 84/2									+		+
49.	Кветунь, 93/2									+		+
50.	Кветунь, 99/1									+		+
51.	Кветунь, 246									+		+
52.	Курганье Гомельской обл., 33									+		+
53.	Новый Быхов, 2									+		+
54.	Поповка, 4									+		+
55.	Хизово, 2									+		+
56.	Холеевичи, 4									+		+
			Всего:	15	27	16	4	2	5	37	4	28
Погребения, содержавшие только один тип бус из числа учтенных								1	1	47	1	3
			ИТОГО:	15	27	16	4	3	6	84	5	31

Таблица 2. Сердоликовые шарообразные, призматические и 14-гранные бусы в погребениях с монетами на территории Древней Руси (на основе данных: Равдина, 1988)

№ п/п	№ по каталогу	Месторасположение	Курган, погребение	Бусы сердоликовые			Монеты
				шарообразные	призматические	14-гранные	
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*9*
Погребения с монетами, чеканенными до X в. включительно							
1.	194.	Слободка, Витебская обл.	III-4	6			Англия, Этельред II, тип «Большой крест», 997–1003
2.	229.	Шестовицы, Черниговская обл.	100	1			Ахмад ибн Исмаил (907–914).
3.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	23 (1949)	+*	+		Дирхем: Самарканд, Исмаил ибн Ахмад, 904/905.
4.	126.	Мизинова, Смоленская обл.	333	1	4		Брактеат дирхема: Наср ибн Ахмад, 942
5.	118.	Левоча, Новгородская обл.	5	6	2	2	Наср ибн Ахмад, 933
6.	37.	Володина, Вологодская обл.	I-6		1		Бунды, Фарса, Адуд ад-даула, 975/976

1	2	3	4	5	6	7	9
7.	1.	Абаконово, Калининская обл.	к. 3		2		Четверть дирхема X в.
8.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	38 (1949)		1		«Два аббасидских дирхема»: Арминия, ал-Васик, 842/843; начало IX – начало X в.
9.	87.	Избрижье, Калининнская обл.	124 (1976)		1		Андераба, Сахлан ибн Мактум, 977/978 или 979/980 (два)
10.	50.	Глиники, Калининская обл.	8		1		Буидский дирхем 976–984 (атрибуция отчета 1906 г.). Очевидно, это чеканка Адуд ад-Даула (949–983)
11.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	20		1		Регенсбург, герцог Генрих II, второе правление (985-995)
12.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	Ц-212 (1977)		3		Дирхем: Аббасиды; Мадинат ас-Салам, ал-Махди, 779/780
13.	94.	Карлуха (Хвалевщина–Никольское–Николыцина), Ленинградская обл.	7А		17		Андераба, Абд ал-Малик ибн Нух, 958
14.	94.	Карлуха (Хвалевщина–Никольское–Николыцина), Ленинградская обл.	12В		1		Денарий Этельреда II (978-1016)
15.	99.	Киев	14		5		Исмаил ибн Ахмад (892–907)
16.	103.	Кобожа, Вологодская обл.	23		3		Наср ибн Ахмад, 914.
17.	156.	Панова, Смоленская обл.	27		2		Аш-Шаш, Мансур ибн Нух, 972
18.	158.	Пекуново, Калининская обл.	II–8		1		Самарканд, Нух ибн Наср, 945
19.	158.	Пекуново, Калининская обл.	II–40		5		Брактеат саманидского дирхема: возможная дата чеканки 914–932 (первая половина правления Насра ибн Ахмада)
20.	193.	Слобода, Смоленская обл.	3		4		Брактеат: Наср ибн Ахмад (914-943).
21.	196.	Сорогожское, Калининская обл.	24		+		Дирхемы Мансура ибн Нуха: Бухара, 971; Самарканд, 975
22.	204.	Тимерево, Ярославская обл.	95		+		Полудрахма аббасидских наместников Табаристана, анонимный чекан 780–788 гг.
23.	219.	Челмужи, Карельская АССР	2		8		Герцог Генрих II, второе правление (985–995)
24.	213.	Федово, Калининская обл.	1		+		Саманиды, Андераба, нач. X в.
25.	229.	Шестовицы, Черниговская обл.	78		1		Андераба, Ахмад ибн Исмаил, 913/914
26.	14.	Березовецкий могильник, Калининская обл.	86		5	2	Андераба, Наср ибн Ахмад, 922
27.	29.	Вахрушева, Ленинградская обл.	117/II		+	+	Зальцбург, герцог Генрих IV (995–1002)
28.	29.	Вахрушева, Ленинградская обл.	117/IV		2	8	Аугсбург, епископ Лиутольф (987-996)

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*9*
29.	49.	Гиттойла, Карельская АССР	VI		3	2	Мааден, Наср ибн Ахмад, 935/936
30.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	47 (1950)		5	2	Византия, имена императора Феофила (829 842), Михаила II и Константина
31.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	Ц-208 (1974)		3	2	Милиарисий, Лев VI (886–912).
32.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	Ц-251 1978		1	1	Византийская бронзовая монета: Роман I, 919–921 гг.
33.	75.	Залющик, Ленинградская обл.	1		21	+	Нух ибн Наср (943–954).
34.	94.	Карлуха (Хвалевщина Никольское–Никольцина), Ленинградская обл.	7В		3	2	Хамданиды, Насибин, Насир ад-даула ал-Хасан и Сайф ад-даула Али, 945 967
35.	119.	Лепляво, Черкасская обл.	7		+	+	Подражание куфическому дирхему X в.
36.	147.	Нюбиничи, Ленинградская обл.	2		4	8	Самарканд, Нух ибн Мансур, 979/980
37.	115.	Куреваниха, Вологодская обл.	2		5	6	Нух ибн Мансур, 978/979 и 984/985.
38.	152.	Ольгин Крест, Ленинградская обл.	7		3	1	Хамданиды, Насир ад-даула ал-Хасан и Сайф ал-даула Али (монета 945–967 гг.)
39.	172.	Посады, Калининская обл.	2		4	3	Мансур ибн Нух (974)
40.	196.	Сорогожское, Калининская обл.	2 (1843)		14	2	Самарканд, Мансур ибн Нух, 973
41.	212.	Устье, Калининская обл.	3		+	+	Четыре брактеата саманидского дирхема Насра ибн Ахмада (914–943)
42.	66.	Дудино, Вологодская обл.	3			1	Два дирхема, «конец X в.»
43.	90.	Казаков Сад, Гомельская обл.				4	Самарканд, Мансур ибн Нух (961–976);
44.	99.	Киев	112			7	Мерв, 914/915; аш-Шаш, 914/915 и 922/923
45.	108.	Красная Заря, Ленинградская обл.	12			2	Вормс, Оттон II (973–983)
			Всего:	14	143	59	
С монетами XI в.							
47.	37.	Володина, Вологодская обл.	1-5		1		Два – Вормс, император Генрих III, 1046–1056 и 1053–1056
48.	46.	Гайгово, Ленинградская обл.	1	1	2		Три денария XI в.; Чехия: кн. Болеслав I (929–967); междуцарствие, 1003 г.
49.	46.	Гайгово, Ленинградская обл.	3	1	2		Гронинген, граф Экберт I (1057–1068); Доккюм, граф Экберт II (1068–1090); Утрехт, архиепископ Вильгельм (1054–1076); герцог Ордульф (1059–1071) (три); граф Герман (1059–1086); Эмден, граф Герман фон Кальвелаге (1020–1051)
50.	50.	Глиники, Калининская обл.	10	8			Фрисландия, граф Бруно III (1038–1057)

1	2	3	4	5	6	7	9
51.	59.	Грицково, Псковская обл.	6	1			Монета «английская XI в.»
52.	63.	Деревяницы, Новгородская обл.	14			1	Денарий императора Генриха II (1014–1024)
53.	66.	Дудино, Вологодская обл.	6	2		1	Дирхем: Нух ибн Мансур, 976/977 г. Денарий: Англия, Кнут (1016–1035). «Денарий 1080 г.» (?).
54.	100.	Кириллина, Ленинградская обл.	93	1			Денарий: император Конрад II (1027–1039) с сыном Генрихом; два денария: Утрехт, епископ Бернольд (1027–1054); архиепископ Вильгельм (1054–1076); денарий: Чехия, князь Бржетислав I (1037–1055); Брейзах, X в.; Шпейер, Генрих III (1039–1056)
55.	118.	Левоча, Новгородская обл.	3			1	Архиепископ Герман II (1036–1056)
56.	162.	Пестово, Новгородская обл.	I-17		+		Два денария
57.	197.	Старая Ладога, Ленинградская обл.			1		Этельред II, тип «Большой крест», 997–1003; Кнут, тип «Остроконечный шлем», 1023–1029
58.	212.	Устье, Калининская обл.	13		1	1	Экберт I (1057–1068)
			Всего:	14	8	4	
			Итого в погребениях X–XI вв.:	28	151	46	

* Точное количество монет неизвестно. При подсчетах общего количества учитывалось как «1», т.е. минимальное количество.

Таблица 3. Сердоликовые бипирамидальные бусы в погребениях с монетами на территории Древней Руси (на основе данных: Равдина, 1988)

№ п/п	№ по каталогу	Месторасположение	Курган, погребение	Бусы сердоликовые				Монеты
				шарообразные	призматические	14-гранные	бипирамидальные	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Погребения с монетами, чеканенными до X в. включительно								
1.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	13 (1949)		16	45	2	Мадинат ас-Салам, ал-Муктафи, 907/908
2.	29.	Вахрушева, Ленинградской обл.	17/IV		2	8	1	Аугсбург, епископ Инутольф (987–996)

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*
3.	76.	Замошъе, Ленинградская обл.	2		+		+	«Клипна шиллинга англосаксонского короля Этельреда II (978–1016)»
4.	91.	Казаричи, Брянская обл.	63			1	10	Андераба, Ахмад ибн Исмаил, 913/914
5.	127.	Митино, Смоленская обл.			+	+	+	Нух ибн Мансур (976–997), с именем халифа ал-Мути биллах (946–974), что датирует дирхем в пределах 976–980 гг.
6.	213.	Федово, Калининская обл.	27			1	1	Варварское подражание саманидскому дирхему X в.
7.	11.	Белая Вежа, (ныне ст. Цимлянская Ростовской обл.)	24/6				6	Таманское подражание византийскому милиарисию Василия II и Константина VIII (976–1025)
8.	52.	Гнездово, Смоленская обл.	61 (1950)				1	Мааден, Наср ибн Ахмад, 932–940.
9.	24.	Ботвиновка, Гомельская обл.	15				5	Два дирхема: 916 и 943 гг.
10.	79.	Заужелье, Гомельская обл.	147				2	Милиарисий: Константин VII и Роман II (945–959)
11.	99.	Киев	124				1	Константин VII, Роман I, Стефан и Константин, 931–944
12.	186.	Рябцово, Брянская обл.					1	Бухара, Нух ибн Наср, 950/951
			Итого:	0	20	56	32	
Погребения с монетами XI в.								
13.	11.	Белая Вежа (ныне ст. Цимлянская Ростовской обл.).	17/10			+	1	Подражание западноевропейскому денарию рубежа XI–XII вв.
14.	13.	Бердыж, Гомельская обл.	32				1	Гронинген, король Генрих IV и архиепископ Вильгельм, 1056–1076
15.	31.	Видлицы, Карельская АССР.	3				2	Денарии: Регенсбург, Генрих III (1039–1056); Кельн, архиепископ Герман III (1089–1099); Лондон, Кнут (1016–1035)
16.	87.	Избрижье, Калининская обл.	4 (1879)				+	Денарий: Шпейер, епископ Конрад I (1056–1060)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
17.	87.	Избрижье, Калининская обл.	82 (1978)	4			1	Граф Экберт II (1068–1090)
18.	214.	Харлапова, Смоленская обл.	4				+	Марваниды, Наср ад-даула Ахмад, 1011–1020
19.	214.	Харлапова, Смоленская обл.	8				+	Милиарисий: Василий II и Константин VIII (976–1025)
20.	219.	Челмужи, Карельская АССР	5	1		1	13	Денарии: подражание денарию Этельреда II (978–1016); Эдуард Исповедник (1042–1066); Чехия, Вратислав II (1061–1092). Милиарисии: Византия: Константин VII и Роман II (945–959); Иоанн Цимисхий (969–976); Василий II и Константин VIII (976–1025).
21.	228.	Шейки, Московская обл.	72				1	Денарии: Майнц, Конрад II (1024–1039) или Генрих III (1039–1056); Германия, неопределенный монетный двор, первая половина XI в.
		Итого:		5	0	2	22	
		Итого в погребениях X–XI вв.:		5	20	58	54	

ДРЕВНЕРУССКИЕ АМУЛЕТЫ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА

© 2008 г. Ю.В. Есикова
Елецкий государственный университет

Украшения имеют существенное значение для археологии не только в качестве показателя развития уровня техники, торговых связей и т. д., они позволяют осветить важные стороны восточнославянских языческих верований, проследить процесс взаимодействия идеологических представлений в разноэтнической среде. К сожалению, этот материал еще не приведен в надлежащую систему, т.к. мы располагаем лишь описаниями отдельных типов вещей. Следует отметить редкость находок украшений не только на древнерусских городищах, но и в курганных могильниках, принадлежавших восточным славянам.

Первые раскопки городищ в Подонье производились еще в дореволюционное время (Ефименко, Третьяков, 1948). Однако амулеты как отдельный предмет исследования не рассматривались. Начало специальному исследованию амулетов положила А. Н. Москаленко в работе, посвященной городищу Титчиха (Москаленко, 1965). Автор предприняла попытку систематизации материала. Составляя классификацию амулетов Верхнего и Среднего Дона, А. Н. Москаленко взяла за основу материал, из которого они изготовлены. Магическое значение привесок-амулетов Анна Николаевна раскрывает, обращаясь к повадкам животных, наверняка хорошо знакомым древнему населению Подонья. Подробному анализу подвергнуты три лунницы, найденные на городище Титчиха. В работе представлены техника их изготовления, сравнение привесок по форме и орнаменту, определено время бытования. Классификация А. Н. Москаленко является основополагающей, поскольку в ней заложены принципы исследования амулетов Подонья.

Период 1970-х – начала 1990-х гг. характеризуется активным накоплением археологического материала. В это время имели место раскопки Боршевского могильника, I Белогорского, Животинного, Семилукского городищ и других памятников. В основном работы проводились экспедицией Воронежского университета. Однако теоретическое обоснование накопленного материала носило фрагментарный характер. Подтверждением тому служит монография А.З. Винникова (Винников, 1995), которая подвела итог изучению славянских памятников в Подонье. В работе рассмотрены наиболее яркие категории амулетов. Исследователь обращает внимание на то, что в процессе расселения по Восточно-европейской равнине и вступления в контакты с различными народами (финскими, балтскими, тюркскими) славяне заимствовали у них некоторые типы украшений (Винников, 1995. С. 67). Нередко у восточных славян отдельные украшения появлялись в результате торговых отношений. Автор отмечает, что арабские монеты являлись не только сырьем для производства изделий из серебра, но и довольно часто сами служили украшениями (Винников, 1995. С. 68). Многие монеты, найденные на памятниках, имеют отверстие. На поселениях донских славян обнаружен ряд предметов, связанных с финским миром: бронзовые треугольные орнаментированные подвески. А.З. Винниковым приведен обширный иллюстративный материал украшений с памятников донских славян. Опубликованы не только амулеты, изготовленные из металла (трапециевидные и монетовидные привески, лунницы и т. д.), но и костяные амулеты (Винников, 1995. Рис. 20; 22; 24).

Начиная с 1990-х гг. получена новая коллекция амулетов. В данной статье предпринимается попытка систематизировать новый круг источников. С учетом ранее накопленного материала, в том числе результатов раскопок В.И. Матвеевой в 1970–1980-х гг., мы считаем правомерным говорить о 85 амулетах, происходящих с древнерусских памятников IX–XIV вв. Верхнего и Среднего Дона. Используя типологию А. Н. Москаленко, мы выделяем амулеты, изготовленные из когтей и зубов животных, металла и перламутра.

Среди амулетов первой группы – просверленные астрагалы бобра и косули, амулеты из зубов медведя и лисы. Они отражают воззрения, возникшие в первобытном обществе, прежде всего представления о родстве определенных групп людей (рода) с почитаемым животным (тотемом). Тотем обеспечивал продолжение рода, защищал обратившихся к нему за помощью, передавал им свою силу. Так возникла традиция носить при себе часть тотема (шкуру, когти, зубы) (Голубева, 1997. С. 157).

Многочисленную категорию изделий представляют подвески из позвонков, таранных косточек бобра. В общей сложности на памятниках Подонья из числа известных альчиков 39 имеют сквозные отверстия, многие орнаментированы. Именно просверленные астрагалы следует отнести к амулетам. Наибольшее количество альчиков найдено на городищах Титчиха (рис. 1, *1, 2, 5, 7*), Животинном (Винников, Кудрявцева, 1998. Рис. 6) (рис. 1, *3*), Воргольском, селище Каменное (Москаленко, 1965. Рис. 59; Винников, 1995. Рис. 24; Тропин, 2004. С. 173–174) и т.д. Широкое распространение данные предметы получили в восточнославянской среде, в том числе на славянских памятниках Верхнего и Среднего Дона в VIII – начале XI вв. Исследователи также фиксировали эти находки в слоях IX–XIII вв. (Тропин, 2004. С. 173–174).

Наличие на городищах Подонья большого числа амулетов из костей бобра нельзя считать случайным. Промысел бобра играл большую роль в жизни древнего населения. Охота на бобра велась с целью добычи пушнины для торговли. Какая-то часть этих животных шла в пищу (Беляева, 1996. С. 93–95; Цалкин, 1956. С. 125–126).

Магическое значение данной группы амулетов становится понятным, если обратиться к повадкам этих зверьков, наверняка хорошо знакомым древнему населению Подонья. Для язычников, у которых вся окружающая их природа была наделена сверхъестественными силами, повадки этих животных казались какими-то необычными. С бобрами связано происхождение таких персонажей языческой религии, как водяные, которые, якобы, пасут скот и валят деревья, а в лунные ночи хлопают по воде ладонями и т.д. Таким образом, черты, которыми

язычники наделяют своих водяных, очень легко обнаружить в повадках бобров (Москаленко, 1965. С. 167–169).

Некоторые исследователи высказывают сомнение по поводу того, что астрагалы являются амулетами, и считают, что они использовались как игральные бабки. Однако находки амулетов из астрагалов бобра в погребениях, например, Ярославских могильников полностью рассеивают сомнения относительно их назначения. Судя по Ярославским могильникам, такие амулеты носили на цепочке у пояса или их прикрепляли к фибулам, скрепляющим платье. В двух женских погребениях они составляли целые ожерелья. Что же касается астрагалов других животных, в том числе и косули, то, действительно, они нередко служили для игры. Но, в отличие от игровых бабок, наборы которых были встречены в Черной могиле, в Киевском некрополе, в Салтовском могильнике и на городищах Подонья, отверстия на амулетах просверливались не в центре, а с краю, как на обычных подвесках.

Культ бобра был распространен у различных народов. Амулеты-обереги из бобровых астрагалов найдены среди древностей финских племен Прикамья, Приуралья, Волго-Окского междуречья, на поселениях Прибалтики.

Вторую подгруппу амулетов составляют амулеты из зубов и когтей животных. Их количество достигает 22 экземпляров. Видовой состав животных удалось определить лишь для некоторых. Так, на городище Титчиха из семи амулетов вид животного удалось определить только в трех случаях (рис. 1, *11, 13- 16*). Они были сделаны из зубов медведя и лисицы. На Семилукском городище были найдены пять амулетов из клыков животных (Пряхин, Цыбин, 1996. Рис. 8; 11; 13; 19). На Животинном городище обнаружены пять амулетов из звериных когтей и зубов (Винников, Кудрявцева, 1998. Рис. 5) (рис. 1, *6, 8, 9, 10, 12*). На поселении Замятино-10 найден амулет из медвежьего клыка. Также единичные находки данной категории амулетов представлены на Воргольском (Тропин, 1991. Рис. 5) и Кузнецовском городищах (Винников, 1992. С. 6).

Подвески из клыков и когтей животных были широко распространены. Женщины носили их либо в составе ожерелий, либо на цепочках, прикрепленных к одежде на плече, вместе с другими амулетами и бубенчиками.

Амулеты из медвежьей шерсти, зубов или когтей обладали магическими свойствами. О сложности образа медведя говорит многозначность его трактовок: с одной стороны, это священный зверь, покровитель рода, с другой стороны, медведь относится к нечистой силе: считалось, что он «лешему родной брат» или подвластен ему как своему господину. Образ медведя имел отношение к разнообразным сторонам жизни человека и занимал в них важное место. Общепризнанным на сегодняшний день является мнение, что это и привело к формированию медвежьего культа, куда входят тема зверя с точки зрения охотничьей магии, тема предка-тотема, тема возрождения и смерти (магия плодородия) и тема строения мироздания как основа этиологических и космогонических мифов (Воронин, 1960).

Амулеты в виде просверленной челюсти хищника были обнаружены на поселении в с. Казинка (Тропин, 2004. С. 171–173) (рис. 1, *17*) и на Лавском селище (Тропин, 1998. Рис. 9). В эпоху Киевской Руси им, по всей вероятности, придавалось охранительное значение. Зубы зверя должны были отпугивать врагов видимых и невидимых. Данные типы амулетов могли носиться как в составе наборов амулетов, так и отдельно (Голубева, 1997. С. 158).

Ко второй группе, по типологии А. Н. Москаленко, относятся две поделки из перламутра, найденные на городище Титчиха. Одна из них – украшение в виде округлой пластинки с отверстием посередине, вторая – часть створки раковины с вырезанным углом. В единственном экземпляре во II Белогорском могильнике был найден каменный оселок-амулет (Винников, 1995. С. 160).

К третьей группе относятся амулеты из металла. А. Н. Москаленко считает, что часть украшений, выявленных на памятниках донских славян, являются результатом местного производства, но изготовленых по восточным образцам. К данной категории амулетов она относит и лунницы (Москаленко, 1965. С. 122–123).

Лунницы-привески в виде полумесяца, символизирующие луну, представляют собой типичное и наиболее распространенное общеславянское украшение. Лунница (от слова «луна») – исключительно женский оберег, ибо луна всегда считалась женской покровительницей. Луннина оберегала от ночных духов и навьих сил, просыпающихся при свете луны. Лунницы носились на шее в составе ожерелий и изготовлялись, как правило, из серебра или иного серебристого металла, символизирующего луну (Рыбаков, 1994. С. 535).

В общей сложности на территории Верхнего и Среднего Дона было найдено четыре целых лунницы и три обломка. Экземпляры, найденные на Титчихе, отлиты из бронзы по готовым образцам следующим способом: мастер оттиснул готовое изделие на глине и в полученную форму залил металл. Два предмета, к сожалению поломанные, обладают редкой формой. Они отличаются от обычных тем, что посередине у них имеется язычок (рис. 2, *1, 2*). Анна Николаевна, ссылаясь на мнение чешского исследователя В. Грубого, называет данные лунницы трехконечными. На каждом из концов трехконечных лунниц отчетливо видны по три утолщения, имитирующих зернь, а на горбике – петля. Эти лунницы могут быть отнесены к типу широкорогих среднего размера. Трехконечные лунницы встречаются очень редко. Не случайно о них не упоминает В.В. Гольмстен (Гольмстен, 1914) в своей классификации, их нет и в числе древнерусских привесок-амулетов в специальном исследовании Н.П. Журжалиной (Журжалина, 1961). На территории России известны трехконечные лунницы лишь из нескольких пунктов. Все они отличались от титчихинских лунниц по форме, а некоторые – по орнаменту. Третий амулет с Титчихи может быть отнесена к типу остророгих средней величины (рис. 2, *3*). Ее наибольшая ширина составляет 3 см, расстояние между концами – 1,5 см, в верхней части имеется лужка. Орнамента на луннице нет (Москаленко, 1965. С. 122–123).

На Кузнецовском городище найдены две трехконечные лунницы из серебра и бронзы с имитацией филиграни (рис. 2, *8, 9*). Одна из привесок аналогична титчихинским, однако она значительно меньше по размерам. По форме ее можно отнести к типу круторогих. На ее концах также видны следы ложной зерни. Находки их связаны с крупными городскими центрами, их окрестностями и речными магистралями. Датируются они концом X – началом XI – 1-й половиной XII в.

Единичная находка лунницы встречена на селище Каменное. Она относится к типу короткорогих, на ее поверхности прослеживается орнаментация ложной зернью. Изделие изготовлено из белого металла (билона?) (рис. 2, *4*). В основном эта категория украшений датируется XII–XIII вв. (Тропин, 2004. Рис. 84).

На Животинном городище обнаружен обломок узкорогой лунницы. Привески такого типа появляются в XI в. (рис. 2, *7*).

К монетовидному типу относится подвеска-амулет с поселения Замятино-10, связанная с космогоническими верованиями (Ивашов, Тропин, 2003. Т. 2. Рис. 84) (рис. 2, *5*). Она представляет собой крестообразную фигуру, вписанную в круг. Крест – древнейший символ огня земного и огня небесного – солнца. Сочетание креста и круга в различных композициях образуют солярные символы. Также знак креста является одним из древнейших выразителей идеи пространства. Крест помещали внутри солнечного круга, чтобы обозначить повсеместность его света, распространяющегося во все стороны.

Более упрощенный вид имеет обломок подвески, происходящей с городища Титчиха, также представляющий сочетание вписанной в круг крестообразную фигуру (рис. 2, *6*). По поводу аналогичных амулетов С.А. Плетнева пишет, что они были «... широко распространены в пределах Хазарского каганата, были символами Тенгрихана – бога неба...». К середине IX в. подобные амулеты выходят из употребления на всей территории Хазарской державы, включая ее самые отдаленные районы (Винников, 1995. С. 134). В одном из погребений Боршевского могильника обнаружены бронзовый бубенчик и бронзовая крестовидная подвеска, датируемые П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым IX–X вв. (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 91–92).

Монетовидные подвески носили обычно в ожерелье по несколько штук. Иногда ими украшалась нижняя часть одежды. Эти привески часто встречаются в курганных погребениях вятичей и смоленских кривичей, но они попадаются и в северо-западных и северо-восточных районах Древней Руси. Делали привески из меди, бронзы и других сплавов. Основная техника их изготовления – литье. Подобный вид украшений в XII–XIII вв. имел широчайший ареал. Они известны на всех землях, где к этому времени расселялись восточные славяне.

Привески, отражающие космогонические представления славян, по своему происхождению связаны с аграрной магией. Славяне-земледельцы придавали важнейшее значение стихийным силам природы и небесным светилам (солнцу, луне). Поэтому и в декоративно-прикладном искусстве славян эти символы сохраняли свое магическое значение и после принятия христианства (Голубева, 1997. С. 67).

Как уже указывалось, арабские дирхемы могли выступать и в качестве украшений. Многие обнаруженные на Титчихинском городище монеты пробиты, некоторые – дважды. Монета с отверстием, сильно обожженная, была обнаружена вместе с кальцинированными костями в одном из курганов на II Белогорском могильнике. С Воргольского городища происходит серебряная подвеска со звериным орнаментом (Винников, 1995. С. 161). На Большом Боршевском городище найдена бронзовая трапециевидная подвеска с припаянным к ней дирхемом (Винников, 1995. С. 156).

На поселениях донских славян выявлен ряд предметов, связанных с финским миром. Это – бронзовые трапециевидные орнаментированные подвески. На поселениях Верхнего и Среднего Дона они представлены в количестве шести штук. С Воргольского городища происходит одна трапециевидная подвеска, украшенная точечным орнаментом в нижней части, располагающимся в три ряда (Тропин, 1991. Рис. 5) (рис. 2, *11*). Аналогичное украшение, но с более узкими пропорциями, известно на Животинном городище (рис. 2, *12*). Так же как и подвеска с Воргольского городища, она орнаментирована, но орнамент располагается ближе к краям, по всему периметру подвески, в два ряда. С этого же памятника происходит еще один экземпляр таких амулетов, представляющий собой более упрощенный вариант: среднего размера, вытянутая, высокая и узкая трапеция. Подвеска не орнаментирована, но имеет колечко, через которое продевался шнурок (рис. 2, *13*).

С поселения Замятино 10 происходят следующие привески: бронзовая пружина и две прямоугольные пластины, напоминающие по форме высокую трапецию. Одна из них имеет в нижней части острые углы и украшена точечным орнаментом по всей площади (рис. 2, *15*). Другая имеет сглаженные углы и орнаментирована косыми линиями (возможно, символика дождя) (рис. 2, *14*). Единичная находка такого рода обнаружена на городище Титчиха (Москаленко, 1965. С. 31). Предметы близки по форме к украшениям племен мордвы, муромы и мери, а также встречаются у кривичей.

На памятниках Подонья были найдены амулеты, относящиеся к заклинательной магии и имеющие вид миниатюрных предметов быта: ложки, ключи, гребни и т.д. (Голубева, 1997. С. 155). На Животинном и I Белогорском городищах обнаружены два гребня (рис. 2, *16, 17*). Гребень с Животинного городища имеет изображение волной идеограммы и дужку. Часто в погребениях они встречаются вместе или в сочетании с другими амулетами: зооморфными привесками, клыками животных и др. Обычно такие подвески прикреплялись к цепочкам, служившим нагрудным, плечевым или поясным украшением. Б.А. Рыбаков отмечает, что частой находкой в системе подвесных оберегов являются небольшие бронзовые модели гребешков. Они всегда увенчаны двумя головами животных (коней?) с почти обязательной идеограммой воды в том или ином ее облике. Ассоциативная связь гребней с водой двояка. С одной стороны, расчесанные волосы или заплетенная коса связываются со струями воды и волнами, с другой стороны, не подлежит сомнению и бытовая связь с мытьем головы и последующим расчесыванием волос.

Включение гребней в состав амулетов-оберегов вполне естественно, так как этот предмет прямо связан с гигиеной, а следовательно, со здоровьем и жизнью человека. В русских сказках волшебный гребень в руках героя является мощным оружием против Бабы-Яги, его преследующей. Таким образом, амулеты-гребни следует рассматривать как гигиенически-медицинский профилактический оберег от тех видимых и невидимых носителей болезней, которые народ определил как врагов человека (Рыбаков, 1994. С. 547).

На поселении I у с. Куракино в нижнем течении р. Красивая Меча найдена бронзовая односторонняя подвеска ажурного вида (рис. 2, *18*). Она передает стилизованное изображение двух сросшихся волчьих фигур, головы которых повернуты друг к другу. Ее размеры составляют 2,5 х 1,7 см (Тропин и др., 2003. С. 68–72). Изображения волкообразных существ служили символами мудрости.

Рассмотренные амулеты происходят со славянских памятников Верхнего и Среднего Дона IX–XI вв., а также фиксируются в слоях XII–XIV вв. У древнерусского населения Подонья наблюдаются те же черты дохристианских верований, что и у восточных славян в целом. Специфика представленных амулетов определяется разноэтническим составом населения данного региона. Основная масса амулетов характерна для славянского населения.

Преобладают амулеты из костей и зубов животных, обнаруженные на каждом из рассмотренных памятников, что подчеркивает сакральную сторону охоты. Можно выделить культы отдельных животных, прежде всего бобра и медведя. Однако в языческих традициях населения Верхнего и Среднего Дона имеет место и влияние неславянских обычаев, что особенно ярко прослеживается в наличии здесь специфического набора амулетов, которые типичны для населения салтово-маяцкой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляева С.А. Из истории охоты Древней Руси // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.

Винников А.З. Памятники VIII – первой половины XI в. //Археологические памятники славяно-русского времени в черте и окрестностях Воронежа. Воронеж, 1992.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII - начало XI века). Воронеж, 1995.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусское Животинное городище // Вопросы истории славян. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. IV. Ярославль, 1960.

Голубева Л. А. Амулеты //Археология СССР: Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Гольмстен В.В. Лунницы Российского исторического музея //Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914.

Ефименко П. П., Третьяков Н. Н. Древнерусские поселения на Дону //МИА. 1948. № 8.

Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2.

Ивашов М.В., Тропин Н.А. Древнерусское селище X – первой половины XIII вв. у д. Замятино на р. Дон // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: В 2 т. Т. 2. Тула, 2003.

Москаленко А.Н. Городище Тигчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991.

Пряхин А. Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище: Материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1994.

Тропин Н.А. Воргольское городище боршевской культуры // Археологические памятники на территории и в окрестностях города Ельца. Воронеж, 1991.

Тропин Н.А. 10 лет археологических исследований Елецкого пединститута // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.

Тропин Н.А. Орудия труда, предметы быта и украшения из раскопок сельских поселений XII–XIV вв. южных районов Рязанской земли // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Тропин Н.А., Иншаков А. А., Надов К.О., Нестеров Л.В., Целыковский М.В. Древнерусские памятники XIII–XIV вв. в нижнем течении р. Красная Меча // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: В 2 т. Т. 2. Тула, 2003.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж. 2004.

Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР // 1956. МИА. № 51.

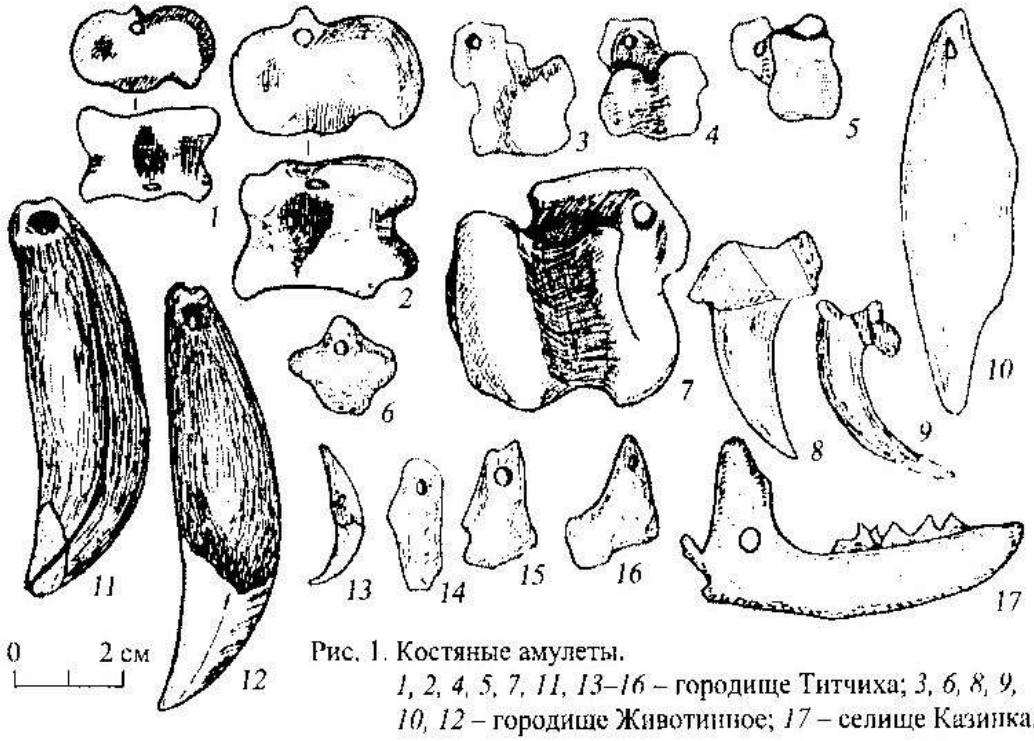


Рис. 1. Костяные амулеты.
1, 2, 4, 5, 7, 11, 13–16 – городище Титчиха; *3, 6, 8, 9, 10, 12* – городище Животинное; *17* – селище Казинка.

Рис. 2. Языческие привески и амулеты.
1–3, 6 – городище Титчиха; *4* – Каменное; *4, 14, 15* – Замятино; *7, 12, 13, 16* – Животинное городище; *8, 9* – Кузнецовское городище; *10* – Большое Боршевское городище; *11* – Воргольское городище; *17* – Белгородское городище; *18* – Курапово.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ В ВЕРХОВЬЯХ ПСЛА И СЕЙМА

© 2008 г. И.В. Зиньковская
Воронежский государственный университет

На территории Курского края в разное время было исследовано 4 грунтовых могильника колочинской культуры VI–VII вв. со 184 погребениями по обряду кремации.

Авдеево. Могильник расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Сейм. В 1970–1971 гг. исследовался Э.А. Сымоновичем, который открыл 12 погребений по обряду кремации (Сымонович, 1974. С. 153–158).

Лебяжье-I. Могильник расположен на дюнной гряде правого берега р. Сейм около с. Лебяжье в 8 км к югу от г. Курска. В 1964–1965 гг. исследовался Ю.А.Липкингом. На площади 2000 кв. м было открыто 110 погребений, из них 33 урновые и 63 ямные. 14 погребений разрушено во время распашки. По мнению автора раскопок, первоначально в могильнике имелось 200–250 погребений. Среди них имеются захоронения сахновско-волынцевского типа (15, 37, 64, 92, 102, 104) (Липкинг, 1974. С. 141–143). Материалы раскопок хранятся в КГОМА.

Княжий. Могильник расположен на левом берегу р. Суджа. В 1964- 1965 гг. исследовался Ю.А. Липкингом. На площади 100 кв. м открыто 25 погребений по обряду трупосожжения. Из них 20 – урновые, 2 – ямные и 3 кенотафа. Предполагается, что всего в могильнике имелось около 40 погребений, среди которых имеются захоронения сахновско-волынцевского типа. У юго-западного края могильника на глубине свыше 1 м было выявлено место кремации умерших – обожженная глинобитная площадка овальной формы, размерами 2 х 1,5 м, по краям подостланная камнями и керамическими блоками (Липкинг, 1964. С. 20–21). Материалы раскопок хранятся в КГОМА.

Картамышево-2. Могильник расположен на дюне правого берега р. Псел у с. Картамышево. В 1979–1980 гг. исследовался Е.А. Горюновым. На площади 1796 кв. м было обнаружено 43 погребения с сожжениями, из которых 21 урновое, 22 ямные и 8 жертвенных ям с костями животных, а также остатки деревянных погребальных сооружений. Материалы раскопок хранятся в ИИМК РАН (Горюнов, 2004. С. 10–17; Горюнова, 2004. С. 18–42).

Все погребения колочинской культуры совершены по обряду кремации на стороне. Погребальным сооружением является грунтовая яма без наземной конструкции (86,4%) или с деревянной наземной конструкцией (5,9%), а также площадка в грунте (7,7%). Среди грунтовых ям: 88,2% были округлой формы, 10,5% – овальной и 1,3% прямоугольной. Размеры ям: от 0,2–0,6 м – 2% случаев, 0,6 -1м в – 4%, 1–2 м – 6%. Глубина погребений: 0,2–0,5 м - 71,8%, 0,5–1 м – 8,2%. Все овальные ямы имеют ориентацию по линии восток-запад (80%) или северо-восток-юго-запад (20%). На Картамышевском могильнике исследованы остатки семи наземных деревянных погребальных сооружений, заключавших погребения и жертвенные ямы – ритуальные захоронения остатков сожжения коней. От сооружений сохранились прямоугольные площадки размером от 2,1 х 1,5 м до 3,9 х 3,9 м, ограниченные со всех сторон узкими канавками, шириной 20–30 см, глубиной 10–16 см. Они ориентированы по линии запад-восток, юго-запад - северо-восток (Горюнова, 2004. Рис. 4; 5).

Анализ погребального обряда и планиграфии могильника (Горюнова, 2004. Рис. 2) позволяет предположить наличие большего количества погребальных сооружений, что было зафиксировано во время раскопок памятника. По-видимому, можно говорить о существовании еще двух наземных конструкций: № 8, где выявлено одно погребение (11) и жертвенная яма (10) и № 9 с двумя погребениями (7, 9) и жертвенной ямой между ними (8). Погребальные сооружения следует, на наш взгляд, реконструировать как деревянные постройки столбовой конструкции. Их назначение не исчерпывалось только функцией хранения праха умершего. Скорее всего, это были места постоянного семейно-родового культа предков, который, как известно, играл определяющую роль в языческом мировоззрении.

Останки погребенного помещали на дно погребальной ямы (53%), прикрывали обломками посуды (0,6%) или перевернутым сосудом типа «клош» (1,2%), распределяли по заполнению ямы (5,3%), помещали в яму и в урну (2,9%) или только в урну - керамический сосуд (37%). Урна в 74% погребений ставилась на дно ямы, в 17,4% – на площадку (уровень древнего горизонта), в двух погребениях (2,9%) она была перевернута вверх дном, в двух располагалась в сосуде (1,4%) и в трех (4,3%) – в урне («двойная урна»). Как правило, урна оставалась открытой (77%). В семи погребениях (10,7%) урна была накрыта обломком сосуда, в семи погребениях (10,7%) перевернутым сосудом, в одном погребении (1,6%) – дисковидной глиняной крышкой. Не исключено, что и открытые урны накрывались крышками (из бересты или дерева), которые не сохранились. Многие сосуды-урны были положены в погребения бракованными, иногда в днище сосуда пробивалось отверстие, по-видимому, с ритуальными целями (Лебяжье-1, п. 70, Картамышево-2, п. 21). При исследовании консистенции останков кремации зафиксированы кости самой различной степени обжига: от слабого обжигания (19,6% погребений) до полной кремации костей, от которой остаются мелкие косточки (80,4%).

Остатки погребального костра отсутствуют в 63,5% всех погребений, в 11,8% случаев они встречены в заполнении погребальной ямы, в 14,1% – под кальцинированными костями на дне ямы, в 8,2% - в виде обсыпки урны и в 1,8% - среди кальцинированных костей в урне, в 0,6% они залегали слоем в яме, над останками кремации. Остатки погребального костра варьируют от темного сажистого заполнения без включений угля (5,9%) и от отдельных угольков (60,8%) до большого количества пепла и угля (33,3%).

Инвентарь характерен для 41,7% погребений. В 5,8% встречены сосуды-приношения, в 35,9% – вещи, предметы быта, орудия труда. Из предметов личных украшений больше всего браслетов (65,4%) и бус (23%), также имеются кольца (11,6%). Детали костюма представлены поясными пряжками, накладками (86,6%), фибулой (одно

погребение, 6,7%) и трапециевидной подвеской (одно погребение, 6,7%). Предметы личного использования и орудия труда включают в себя пряслица (64%), ножи (20%), оселок (4%), ключ (4%), кремневые отщепи (8%). Детали воинского снаряжения найдены в четырех погребениях: в двух – наконечники копий и в двух – кольчужные кольца. Вещи, обнаруженные в погребениях, повреждены (16,7%), имеют следы пребывания в огне (54,1%), а также поломаны, согнуты, обожжены (29,2%).

Другие ритуальные действия прослеживаются по наличию в погребениях фрагментов несобирающихся сосудов (35,8%), по наличию собирающихся сосудов (5%), костей животных (6,7%). Обожженность фрагментов сосудов и костей животных не зафиксирована.

Типологический спектр погребений колочинской культуры состоит из десяти типов.

Тип 1. Останки погребенного размещены на дне ямы, остатки костра отсутствуют (всего 56 комплексов или 33%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Тип 2. Останки погребенного размещены на дне ямы, остатки костра в яме (всего 35 комплексов или 20,6%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Тип 3. Останки погребенного размещены в заполнении ямы, без остатков костра (всего 4 комплекса или 2,3%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Тип 4. Останки погребенного размещены в заполнении ямы, остатки костра в яме (всего 5 комплексов или 3%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Тип 5. Останки погребенного – на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа «клош», остатки костра отсутствуют, без фрагментов сосудов (всего два комплекса или 1,2%).

Тип 6. Останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра отсутствуют, без фрагментов сосудов (всего 1 комплекс или 0,6%).

Тип 7. Останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра – в яме (всего 5 комплексов или 3%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Тип 8. Останки погребенного отобраны в урну, остатки костра отсутствуют (всего 46 комплексов или 27%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Тип 9. Останки погребенного – в урне, остатки костра - в урне - всего 4 комплекса - 2,3%.

Тип 10. Останки погребенного – в урне, остатки погребального костра – в виде обсыпки урны (всего 12 комплексов или 7%).

Вариант А. С фрагментами сосудов.

Вариант Б. Без фрагментов сосудов.

Впервые вопрос об этнокультурной атрибуции погребальных комплексов с кремациями в деревянных конструкциях впервые был поставлен в 60-х годах XX в. по отношению к древностям последней четверти I тысячелетия н. э. Днепро-Донского междуречья. Тогда внимание исследователей привлекли известные Боршевские курганы с погребальными камерами, истоки которых П.Н. Третьяков видел в курганах начала 3-й четверти I тысячелетия н. э. Шаньково и Почепок на Верхней Оке. Последние, в свою очередь, являлись звеном между «домиками мертвых» Березняковского и Звенигородского городищ и боршевскими погребальными сооружениями. Деревянные конструкции в захоронениях П.Н. Третьяков считал элементами восточно-балтийского происхождения конца I тысячелетия н. э. (Третьяков, 1966. С. 294–297; 1969. С. 78–90). Точку зрения П.Н. Третьякова некоторое время разделял В.В. Седов. Он отмечал, что камеры в вятических курганах с трупосожжениями имеют прототипы в балтских древностях бассейна Оки, в курганах Шаньково и Почепок (Седов, 1973. С. 14 15). Позднее В.В.Седов допускал возможность связи домовин с похоронной обрядностью дославянского, балтского населения (Седов, 1982. С. 118). После тщательного анализа архивных материалов Е.Н. Носов показал, что курганы Шаньково и Почепок остатков погребальных домовин не содержали (Носов, 1974. С. 12). И.В. Дубов рассматривает подкурганные сооружения как результат финского влияния и сравнивает их с «домиками мертвых» Березняковского и Звенигородского городищ, с финно-угорской атрибуцией которых согласен и К.А. Смирнов (Дубов, 1977. С. 120–123; Смирнов, 1990. С. 59). Е.И. Горюнова, выступая против непосредственной связи Березняковского «домика мертвых» с подкурганными камерами, считает, что поставленные на курган или скрытые в насыпи деревянные сооружения отражали общечеловеческие представления о загробной жизни и являлись отражением жилища, в то же время они не были славянской традицией (Горюнова, 1961. С. 78–82).

По мнению Б.А. Рыбакова, истоки деревянных погребальных конструкций необходимо искать на памятниках культур полей погребений 1-й половины I тысячелетия н. э. В процессе расселения славян по лесной зоне над домовинами стали сооружать курганы, оберегая их от чужого воздействия (Рыбаков, 1970. С. 44; 1989. С. 102).

Появление сравнительных материалов 3-й четверти I тысячелетия н. э. с территории лесостепного Днепро-Донского междуречья дает новый импульс для решения проблемы происхождения и этнической атрибуции погребальных комплексов с кремациями и деревянными сооружениями.

Наиболее примечательным является погребальный комплекс II Картамышевского могильника, содержащий ямное погребение (восточное п. 16) с бронзовой литой фибулой, урновое захоронение (п. 17) с парой бронзовых круглопроволочных колец, двумя сосудами и ритуальное погребение пережженных костей коня (западное п. 18), в котором найден серебряный язычок поясной пряжки. По стилю и декору фибула соответствует небольшой верхнеднепровской группе украшений, обнаруженной в Хотыще Могилевской обл., (Третьяков, 1966. С.279), в Борковском могильнике в Рязанской обл., на городище Демидовка Смоленской обл., в Посудичах на р. Десне Брянской обл. (Амброз, 1970. С.70). А.К. Амброз соотносит все украшения с решетчатым орнаментом с памятниками типа Тушемля-Колочин и датирует их VI в. (Амброз, 1970. С. 70–73). Трехгранно-выемчатый декор, стилистические особенности украшений из Верхнего Поднепровья характерны для позднеримских изделий дунай-

ских и рейнских провинций и древнегерманских племен на Дунае, в Италии, в Средней и Северной Европе 2-й половины V – VI вв. (Амброз, 1970. С. 73). Картамышевская находка не имеет точных аналогий в европейских древностях и лишь отдельными элементами декора и формы близка меровингским пальчатым и другим типам германских фибул VI–VII вв. (Werner, 1961. Т. 5–11). Бронзовые круглопроволочные кольца из Картамышево-2 известны по материалам памятников ареалов тушемлинско-банцеровской, позднедьяковской и колочинской культур: Демидовка и Акатово в Верхнем Поднепровье, Дьяково и Борки в Верхнем Поволжье и Москворечье, Суджа и Княжий на р. Псел (Седов, 1995. С. 220. Рис. 62).

Керамика из погребального комплекса 2 представлена двумя сосудами. Первый сосуд – высокий, с коническим туловом горшок (Н1:Н=0,78; Д3:Д2=1,1 (рис. 1, *3*), имеющий аналогии среди пражской керамики середины V–VI вв. (Parczewski, 1993. С. 38. Рис. 6; 8). Горшки этого типа встречены в нижней части культурного слоя и в жилых комплексах славянских памятников Подонья, датирующихся временем до VIII в. (Винников, 1995. С. 73–81. Рис. 25, *1*; Москаленко, 1965. С. 39). Второй сосуд – маленький биконический, с лощением (рис. 1, *2*). Такая посуда имеется и в боршевских курганах VIII–X вв., где атрибутируется как «мордовская» (Винников, 1984. С. 136–137).

Рассматриваемый комплекс содержал ритуальное захоронение пережженных костей коня. Трупосожжения с конем известны в культуре смоленских длинных курганов, а также встречены в кургане 7 в Борках и в бескурганном погребении 15 в Акатово (Енуков, 1990. С. 43–44). Деревянное погребальное сооружение, от которого сохранилась прямоугольная площадка 3,2 х 2 м, ориентированная по линии запад-восток, ограниченная узкой канавкой, шириной 0,25 м и глубиной 0,13–0,16 м (рис. 1), имеет параллели в захоронениях с трупосожжением культуры смоленских длинных курганов: Акатово, Торопец-2, Озерцо (Енуков, 1990. С. 161). Остатки деревянных конструкций были исследованы Л.В. Артишевской в двух курганах VII–VIII вв. Кветунского могильника на р. Десне. Узкие канавки в кургане 21 образовывали прямоугольник размером 2,4 х 4 м. Ширина канавок 0,2 м, глубина – 0,4 м. Внутри них обнаружены три погребения с трупосожжениями (Артишевская, 1963. С. 91). Деревянные погребальные сооружения характерны также для курганов с трупосожжениями конца VII – X вв. Гомельско–Могилевского Поднепровья: Боровичи, Сомик, Палужье, Воронино, Арав (Енуков, 1990. С. 161) и курганов VIII–X вв. лесостепного Подонья (Винников, 1984). Наибольшее типологическое сходство погребальные конструкции Среднего и Верхнего Поднепровья обнаруживают с подкурганными сооружениями верховьев Вислы и Одера (Цоль-Адамикова, 1982. С. 83. Рис. 1).

На могильниках пшеворской культуры известны четырехугольные «ровикообразные объекты» с трупосожжениями и жертвенными ямами, в которых видят остатки деревянных культово-погребальных построек, появившихся в латене под влиянием кельтов и доживающих до начала V в. (Gedl, 1985. С. 186–190). В.В. Седов для культовых построек западного (венедского) славянства раннего средневековья проводит те же параллели (Седов, 1989. С. 3–9).

Население колочинской культуры на севере граничило с носителями культуры Тушемля-Банцеровщина, на западе – с носителями пражско-корчакской культуры («склавены» письменных источников VI в). На могильниках культуры Тушемля-Банцеровщина Акатово и Узмень исследовано 71 погребение VI–VII вв. (Минасян, 1979. С. 169–189). Преобладали грунтовые ямы усеченно-конической формы, диаметром 0,3–0,6 м и глубиной 0,2–0,6 м. Останки кремации находились на дне ямы (70%) или в урне (30%), иногда урны прикрывались перевернутым сосудом. Во всех захоронениях зафиксированы остатки погребального костра. Погребальный инвентарь представлен в 6% погребений. В четырех погребениях Узменьского могильника найдены бронзовые височные кольца, обломок браслета, проволока, а также биконическое пряслице. В 93% погребений какие-либо ритуальные действия не прослежены, только в пяти захоронениях Узмени найдены фрагменты сосудов.

На могильниках культуры Прага-Корчак исследовано более 20 погребений (Русанова, 1973. С. 26–30). Одиночные захоронения в Вилах, Шумске, Барашевке, Тетеревке, Папирни – урновые; в заполнении урн встречены пережженные кости вместе с золой и углем, то есть неочищенные остатки сожжения. В Хорске и Хотомели перевернутые вверх дном сосуды прикрывали скопления костей, пепла и угля. В захоронении на поселение Корчак-IX в урне находились очищенные кости, а остатки погребального костра были ссыпаны на дно ямы. В могильнике Шумск исследовано 11 ямных погребений с костями, угольками и фрагментами керамики, такие же погребения исследованы в Тетеревке и Хорске (Русанова, 1973. С. 37).

Деревянные погребальные сооружения колочинских могильников имеют аналогии в курганах 3-й четверти и конца I тысячелетия н. э. Днепровского Правобережья (Межирички, Мирополь, Большие Горба, Миляковичи, Радость). Под насыпями курганов исследованы деревянные погребальные сооружения столбовой и срубной конструкции размерами 1,6 х 0,8 м, 2 х 2,4 м, 2,6 х 1,8 м, 3,2 х 3,6 м, 4 х 4 м, ориентированные по линии З-В или СЗ-ЮВ, в которых находились ямы с пережженными костями или кострища с остатками сожжения.

В Миляковичах в основании насыпи кургана сохранилась прямоугольная канавка от деревянного погребального сооружения шириной 10–30 см, глубиной 10–15 см, размером 2 х 2,8 м, ориентированная по линии З-В. В терминологии, используемой авторами раскопок, при обозначении погребальных подкурганных сооружений (камера, гробовище), подчеркивается их отличие от прямоугольных оградок (Русанова, 1973. С. 39–47).

Тождественность в конструкции, размерах, ориентировке погребальных сооружений колочинских могильников 3-й четверти I тысячелетия н. э. и пражско-корчакских курганных могильников указывает на общность погребальных традиций населения лесостепного Днепро-Донского междуречья и славянского населения Правобережья Днепра.

Небезынтересно будет также отметить черты сходства погребальных традиций колочинского населения и носителей культуры длинных курганов. В насыпях длинных курганов известны погребальные площадки, на которых располагались захоронения. При исследовании насыпей курганов в Линдора было установлено, что первоначально была сооружена погребальная площадка прямоугольной формы, окруженная ровиком, где затем были совер-

шены три безынвентарных захоронения, а уже после возведена насыпь. В некоторых курганах в одном захоронении найдены останки кальцинированных костей двух одновременно сожженных умерших. Так же как и в колочинских могильниках, отмечена различная степень сжигания кальцинированных костей; большинство захоронений в материковых ямах содержит много слабообожженных костей плохой сохранности. В центре насыпей некоторых курганов известны деревянные погребальные сооружения (Рысна-Сааре-I, к. 1, Лаоссина-II, к. 11). На основании изучения погребального обряда длинных курганов на территории юго-восточной Эстонии М.Э. Аун пришла к заключению, что в этом районе курганы пришли на смену грунтовым захоронениям на специальных погребальных площадках (Аун, 1981. С. 17–22).

Сходство погребальных систем колочинской культуры и КПДК (культура псковских длинных курганов) может быть еще более весомым, если учесть данные о возможной принадлежности к Колочину курганных могильников типа Кветунь-Артюшково (Артишевская, 1963. С. 92; Енуков, Енукова, 2005). В Кветуне под насыпью кургана 21 исследована деревянная погребальная камера, а в Артюшково остатки кремации, кости и уголь рассеивались непосредственно по насыпи, что является характерной особенностью длинных курганов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Структуры погребений колочинской, пражско-корчакской, тушемлинско-банцеровской культур, а также КПДК близки между собой, что обусловлено, по-видимому, не только спецификой обряда кремации, заключающейся в конвергентности многих его элементов и проявлений, но и этническим родством населения этих культур.

2. Общность погребальных традиций в рамках колочинской, тушемлинско-банцеровской и КПДК может быть объяснено родственным компонентом, участвующим в генезисе этих культур. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев высказали предположение о формировании культуры Тушемли-Банцеровщины и КПДК на основе киевских древностей (Лопатин, Фурасьев, 1994. С. 136–142).

3. Население колочинской культуры являлось составной органичной частью обширного этнокультурного массива Восточной Европы, непосредственно участвовавшего в процессе формирования восточнославянской общности во 2-й половине I тысячелетия н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. МИА. 1970. №176.

Артишевская Л.М. Могильник раннеславянского времени на Десне //МИА. 1963. № 108.

Аун М.Э. Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // КСИА. 1981. № 166.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII–начало XI века). Воронеж, 1995.

Горюнов Е.А. Могильники колочинской культуры // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. Спб., 2004.

Горюнова В.М. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. Спб., 2004.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. №94.

Дубов И.В. «Домики мертвых» ярославских могильников // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Артюшковские курганы на Сейме // Археологические памятники Восточной Европы: Межвуз. сб. научн. трудов. Воронеж, 2005.

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // РВД. Л., 1974.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III–V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли- Банцеровщины // ПАВ. 1994. №9.

Минасян Р.С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень //Тр. Эрмитажа. Т. XX. Л., 1979.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Носов Е.Н. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры // КСИА. 1974. № 139.

Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. 1981. № 166.

Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25.

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв.: Культура пражского типа. М., 1976.

Рыбаков Б.А. Несторо славянских обычаях // МИА. 1970. № 176.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1989.

Седов В.В. Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. № 135.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XII вв. М., 1982.

Седов В.В. Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979–1985 гг. // КСИА. 1989. № 195.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Смирнов А.П. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА. 1990. № 2.

Сымонович Э.А. Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка-II возле г. Курска // РВД. Л., 1974.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л., 1966.

Третьяков П.Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. №4.

Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжениями у восточных и западных славян // СА. 1982. №4.

Werner J. Die Fibeln der Sammlung Diergard. Berlin, 1961.

Gedl M. Obiekty rowkowe na cmentarzyskach z okresu latenskiego i wczesnego okresu wplywow rymskich w poludniowej Polsce// Przeglad Archeologiczny. 1985. №33.

Parczewski M. Die Anfdnge der frhslawischen Kultur in Polen. Wien, 1993.

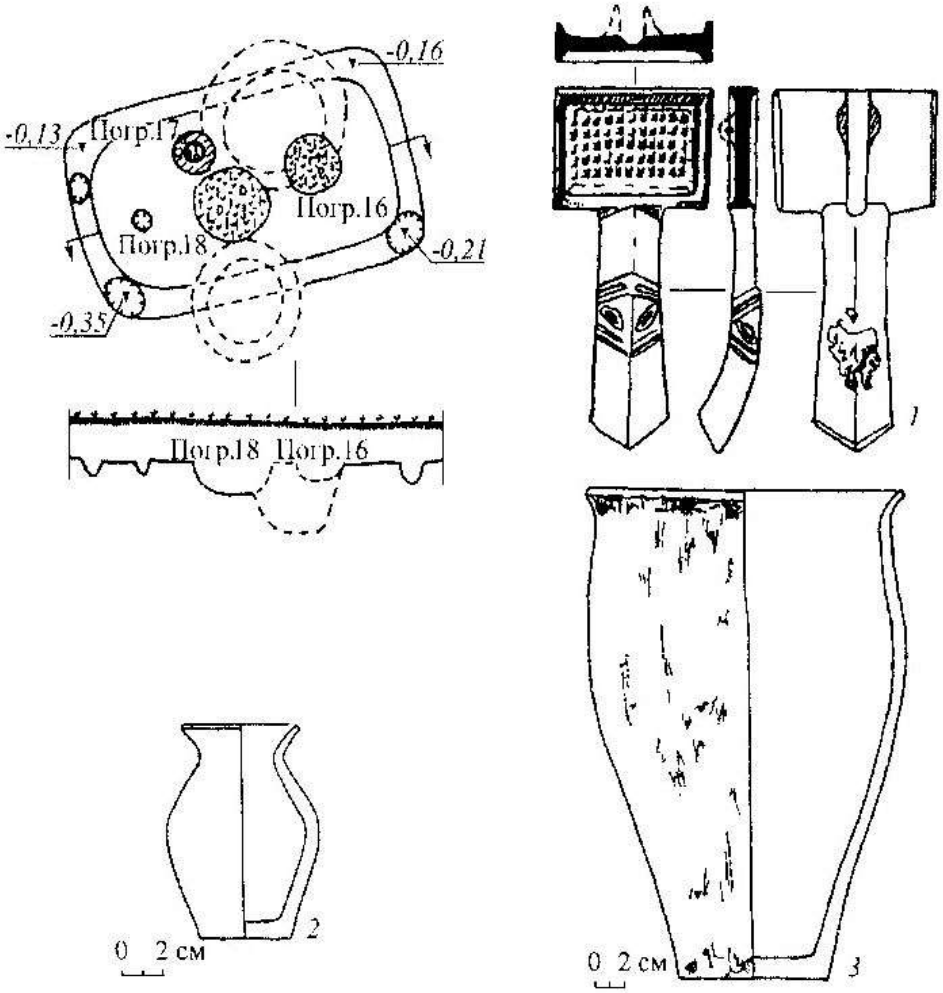


Рис. 1. Второй погребальный комплекс Картамышевского могильника.
План и профиль погребального сооружения, инвентарь.

КУРСКОЕ ГОРОДИЩЕ, ГОРОДЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ГУСИН БРОД (ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И КУРСКО-РЫЛЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В XIV–XV вв.)

© 2008 г. А.В. Зорин, А.Г. Шпилев
Курский государственный областной музей археологии

В грамоте великого князя Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею о встрече и безопасности московского посольства от 4 марта 1487 года говорится: «...чтобы межи нашим послом путь не затворился, чтобы еси послал свои люди, сколько будет пригоже, встрече против своего посла и моего боярина, а велел бы еси им ждати своего посла и моего боярина на Семи, ниже Гусина броду, на усть Ревута реки, против Курскаго городища» (Сборник РИО, 1884. С. 57–58).

Анализировавшие это сообщение исследователи по-разному локализовали место предстоящей встречи. И.З. Баскевич считал, что имеются в виду руины древнерусского Курска, разрушенного Батыем, «и это вовсе не означает, что городище это расположено непосредственно у места предполагавшейся встречи. Курское городище указано как ориентир» (Баскевич, 1991.).

С.П. Щавелев соотносил «Курское городище» с расположенным на правом берегу Сейма городищем у с. Городенск (Льговский район), опираясь при этом на сторожевые росписи 1571 г., где упоминалась «1-я сторожа на Семи против Городенского городища» (Щавелев, Зорин, Раздорский, 1999. С. 138–139; АМГ. Т. I, 1890. С. 11). Имея это городище своим опорным пунктом, сторожа должна была патрулировать его окрестности, достигая при этом «усть Реута». Именно это упоминание Реута и послужило, видимо, основанием для отождествления обоих городищ – «Курского» 1487 г. и Городенского 1571 г. Исследователь предположил, что «Курским» это городище было «поименовано московским чиновником XV в. в собирательном, как видно, смысле – его принадлежности к области Курска» (Щавелев, Зорин, Раздорский, 1999. С. 138–139).

А.А. Чубур, исходя из материалов археологических разведок в Курчатовском районе в 1999 г., отождествил «Курское городище» с выявленным им комплексом у с. Дроняево (Чубур, 2003а. С. 68–72).

А.И. Раздорский, не вдаваясь в спор о местоположении городища, полагает, что оно «возможно ... было основано в конце XIII – начале XIV вв. выходцами из Курска, переселившимися после окончательного разорения города монголами к западу от него, поближе к рыльско-путивльскому району, где в течение XIV–XVI вв. сохранялось присутствие постоянного русского населения. Название «Курское» это поселение могло получить по старому месту жительства своих основателей» (Раздорский, Селин, 2004. С. 107–115).

Однако грамота Ивана III весьма чётко и определённо обозначает место, где посланцам хана следовало ожидать прибытия «своего посла и моего боярина»: «на Семи, ниже Гусина броду, на усть Ревута реки, против Курскаго городища». Т.е. крымцы должны были стоять в устье Реута, на левом («польском», «крымском») берегу Сейма, ниже Гусина брода напротив Курского городища, которое, в свою очередь, должно располагаться на правом берегу реки, близ устья Реута.

В «Росписи сторожам Орловским и Карачевским» 1571 г. о местонахождении Городенского городища сказано следующее: «1-я сторожа на Семи против Городенского городища; а Городенское городище с левую, с полскую сторону Семи ... а переезжати им (сторожевщикам) налево вверх по Семи до устья Курицы, до Юрьева городища, проезду верст с 20 или полтретьядцать, а направо вниз по Семи верст с 10 до усть Реута, а Реут впал в левую в полскую сторону» (АМГ. Т. I, 1890. С. 11). Следует обратить внимание на то, что все ориентиры в росписи дублируются – сторожевщики должны ехать не просто налево, но и вверх по реке, не просто направо, но вниз по течению, конечный пункт находится не просто в устье Курицы, а ещё и у Юрьева городища.

Таким образом, составители инструкции сделали всё, чтобы исключить возможность ошибки при выборе маршрута и явно руководствовались сведениями, полученными от людей, хорошо знавших описываемые «Росписью» местности. В этой связи невозможной представляется гипотеза С.П. Щавелева о «явной ошибке московского писца или дьяка», поместившего Городенское городище на «левой полской стороне Семи», поскольку на левом берегу Сейма «городищ вообще нет, все они на его правом берегу» (Щавелев, Зорин, Раздорский, 1999. С. 139). При таком дотошном подходе к составлению документа подобная ошибка была абсолютно исключена. Кроме того, городища на левом берегу Сейма есть, и в первую очередь это указанное в «Росписи» Юрьево городище, которое действительно располагается напротив устья р. Большая Курица, на территории современного с. Маслово Октябрьского района. Помимо этого, между Курском и Льговом на левом берегу Сейма известно ещё два городища: у с. Сугрово (Льговский район) и с. Нижние Деревеньки под г. Льговом.

Таким образом, из текста росписи следует, что 1-й стороже следовало контролировать участок правого берега Сейма, отъезжая от своей базы напротив Городенского городища вверх по течению до устья Большой Курицы и вниз по течению (вправо) до устья Реута, а местоположение Городенского городища локализуется на левом (польском) берегу Сейма примерно в 10 верстах от устья Реута и примерно в 20 верстах от устья Большой Курицы, что делает невозможным существующее ранее отождествление Городенского городища с городищем у с. Городенск Льговского района, расположенным на правом берегу Сейма ниже устья Реута.

В пользу того что средневековое Городенское городище не тождественно известному ныне городищу у с. Городенск, свидетельствует и «Книга Большому Чертежу». Это наглядно видно из следующих отрывков.

«А на Семи татаровя перелазили Семь реку ниже Курска 40 верст под Городенским городищем; и на том татарском перевозе ныне деревни Рыльского уезду, а сторожа от татар на Городенском городище стоит из Курска» (КБЧ, 1950. С. 102).

«А Городенское городище от Курска 40 верст; а под городищем татарской перелаз, хаживали в тот перелаз татарове Бакаимурза на Свиную дорогу; а Свиною дорогою к Карачеву и к Болхову и на Орловские места; а на Городенском городище ис Курска сторожа» (КБЧ, 1950. С. 105).

«А с другие стороны реки Семи ниже Курицы с 3, пала речка Ворожба, а ниже речки Ворожбы версты с 2 с правые стороны реки Семи пала в Семь речка Рогозна; а ниже Рогозны верст с 5 пала в Семь речка Дична; ниже Дичны верст с 8, пала в Семь речка Реут; а ниже Реута, под Городецким городищем, пали речки Деревни» (КБЧ, 1950. С. 105).

Из приведённых отрывков хорошо видно, что Городенское городище помещается в 40 верстах от Курска ниже по течению Сейма близ брода, к которому подходят с юга Бакаев шлях и с севера Свиная дорога, что вполне совпадает с его местоположением, указанным в «Росписи» 1571 г. – 20 вёрст от устья Курицы. Можно, конечно, предположить, что расстояние от Курска до Городенского городища в «Книге Большому Чертежу» дано в так называемых «межевых верстах» (1 верста – 2160 м), что составляет 86,4 км. Это действительно можно соотнести с расстоянием от Курска до современного льговского с. Городенск. Однако протяжённость всех прочих участков, отмеченных в тексте, не даёт оснований для такого предположения. Так, длина р. Кур указана в 12 вёрст, что свидетельствует о применении обычной «путевой версты» (1080 м). Следующим городищем на берегах Сейма, первым из тех, что расположены ниже устья Реута, «Книга Большому Чертежу» называет некое «Городецкое городище», близ которого в Сейм «пали речки Деревни». Вероятно, это и есть находящееся близ современного Льгова городище у с. Городенск.

Таким образом, историческое Городенское городище находилось в 40 верстах (около 43,2 км) от Курска, где-то на левом берегу Сейма на участке между устьем Реута и устьем Большой Курицы, верстах в 10 (около 10,8 км) выше по течению от первого пункта и верстах в 20 (около 21,6 км) ниже по течению от второго (рис. 1). Назначением его, скорее всего, было прикрывать брод через Сейм, к которому подходил Бакаев шлях.

К сожалению, учитывая обширные земляные работы, сопровождавшие строительство Курчатовского водохранилища, точно определить это место ныне не представляется возможным.

Следует отметить, что именно на данном участке поместил 1-ю сторожу 1571 г. С.Л. Марголин ещё в 1948 г. (Марголин, 1948. С. 21, 24, карта). Именно здесь, а не в окрестностях Льгова, как это считалось ранее, состоялось и известное сражение с татарами курского воеводы князя С.Р. Пожарского в декабре 1645 г. Об этом говорит хронология и топография этих боёв: 20 декабря курские служилые люди бились с ногайцами у д. Жеребцово (на Большой Курице), 23 декабря С. Р. Пожарский снял осаду Ворожбинского острожка близ Дични, 24 декабря он имел бой с татарами «у рыльской деревни Сорокино», а 28 декабря происходит битва у Городенска, после чего князь преследует крымцев по Бакасву шляху – таким образом, видно поступательное движение сил князя вниз по Сейму и далее в междуречье Сейма и Псла (Новосельский, 1948. С. 351–357). С боями, в условиях суровой зимы, очищая окрестности от татарских заго-нов, он за неделю продвинулся на 40 верст от Курска до Городенска, уже в Сорокино вступив на территорию сопредельного Рыльского уезда.

Весьма любопытным представляется замечание о том, что «на том татарском перевозе ныне деревни Рыльского уезду, а сторожа от татар на Городенском городище стоит из Курска». Похоже, что рыльские деревни появились здесь не так давно, тем более что сохранилась традиция высылать сюда сторожу из Курска. Учитывая, что в 1571 г. сторожа тут стояла из Орла, Карачева и Рыльска, следует предположить, что курян сюда стали высылать после возобновления Курской крепости в 1596 г., а рыльские деревни, соответственно, появились тут ещё позднее.

В результате «переезда» Городенского городища из-под Льгова на территорию современного Курчатовского района возникает, казалось бы, возможность отождествления его с Курским городищем 1487 г. Оба они привязаны к устью Реута, оба располагаются на переправах через Сейм сравнительно недалеко от Курска. Однако существует ряд моментов, делающих подобное отождествление невозможным. Во-первых, Городенское городище расположено на левом берегу Сейма; во-вторых, до устья Реута от него добрых 10 верст; в-третьих, оно имеет собственное устоявшееся название, а в-четвёртых, оно стоит непосредственно на «перевозе», а не ниже него, поскольку татарам следовало ожидать послов «на усть Ревута реки, *против* Курскаго городища», а не на самом городище, как было бы в данном случае.

Таким образом, «Курским» должно было называться городище, находящееся на правом берегу Сейма в виду устья Реута и ниже переправы через Сейм. Требуемым условиям вполне удовлетворяет обследованное в 1999 г. А.А. Чубуром городище у с. Дроняево. Подкрепляется это и данными топонимики: «Старожилы называют место в 1,2 км выше городища по течению Сейма Гусиным бродом, а современное устье Реута расположено примерно в 1,5 км ниже. Таким образом, все ориентиры размещены компактной группой. Юго-западнее городища близ моста через Сейм, на сниженном мысу правого берега собрана керамика XV–XVI вв. и кресальный кремень. Здесь прослеживается ров с запада на восток шириной до 3 м и глубиной до 1 м, отделяющий мыс от основного массива. Возможно, это остатки одной из сторож по Сейму близ места встречи посольств» (Чубур, 2003а. С. 68–72).

Интересно отметить, что подобная структура размещения укреплённых пунктов прослеживается и в районе г. Льгова, где броды через Сейм прикрываются расположенными на левом берегу Сугровским и Нижнедеревеньковским городищами с позднесредневековыми (XV–XVII вв.) селищами, находящимися на расстоянии 5 и 10 км от правобережных городищ у с. Городенск и д. Люшинка (Чубур, 2003б. С. 65; АКР, 2000. Ч.2. С. 18). Материалы разведок Ю.А. Линкинга, П.Г. Гайдукова и А.А. Чубура позволяют говорить о том, что левобережные льговские городища были возведены в раннем железном веке носителями юхновской культуры, после длительного перерыва заселены северянами-«роменцами», а затем с перерывами функционировали в качестве сторожевых укреплений вплоть до XV–XVII вв. Целью их возведения было воспрепятствование проникновению отрядов ко-

чевников (скифов, печенегов, половцев, татар) на занятое осёдлым населением правобережье Сейма и контроль за удобными переправами.

Определив взаимное расположение Городенского, Городецкого и Курского городищ, следует рассмотреть другой, ещё более важный вопрос, связанный с данными пунктами, – по каким причинам именно здесь, между устьем Реута и Гусиным бродом, должны были ожидать татары приезда московского боярина?

Известно, что в 40–е гг. XVII в. данная территория входила в состав Рыльского уезда, границы которого простирались вплоть до д. Сорокино (современный Октябрьский район). Но где находились пределы Рыльских земель в более ранний период?

В первой половине XV в. округа Курска, без всякого сомнения, принадлежала северскому князю Свидригайло Ольгердовичу. Об этом сообщает трактат князя с тевтонским орденом (1432 г.), перечисляющий среди владений Свидригайло «Rylesk, Putywl, Chotmisl, Kuresk cum multis districtibus, Donyesk cum multis districtibus, Oskol, Milolubl, Muszecz cum multis districtibus» (Коцебу, 1835. С. 8). Во второй половине столетия на данных территориях известны только две политические единицы – вассальные Литве княжество Новгород-Северское и Еголдаева тьма. Рыльск подчинялся власти новгород-северского князя Василия Ивановича Шемячича, а верховья Оскола и сопредельные территории занимала Еголдаева тьма («Сараевич Яголдай с тьмою»), в состав которой также входили Оскол, Мужеч и Милолюбль, которые в 1497 г. унаследовали киевские бояре, женатые на племянницах князя Романа Яголдаевича (АЛМ, 1896. С. 131–132). Согласно Е.Е. Русиной, проанализировавшей сведения оброчной книги Путивльского уезда за 1628–1629 гг., Милолюбльская волость находилась где-то на Северском Донце, а Мужецкая охватывала собой территорию вдоль верхнего течения Псла между Суджей и Обоянью (по рекам Пслу, Псельцу, Обоянке, Ивнице, Пенам, Бобровице, Воробже, Белице, Рыбнице и Каменке) (Русина, 2001. С. 144–152).

Но ни Курск, ни Курская тьма не упоминаются в данный период при описании событий, связанных с деятельностью Василия Шемячича и присоединением этих земель к Московскому государству. Исключением является такой специфический источник, как ярлыки крымских ханов, считавших себя законными преемниками властителей Золотой Орды. Так, ярлык, выданный Менгли-Гиреем великому князю литовскому Сигизмунду в 1506–1507 гг., перечисляет в одной связке следующие податные единицы: Рыльск, Курскую тьму, Егалтаеву тьму, Милолюбль, Мужеч, Оскол (Сборник кн. Оболенского, 1838. С. 88; АЗР. 1848. С. 4–5). В 1539 г. Саип-Гирей, подтверждая заключённое ранее соглашение, вновь обещает великому князю литовскому Казимиру вернуть несправедливо отторгнутые московитами земли. Среди этих владений фигурируют «Хотомышле, Оскол и з землями и водами, Сараевич Яголдай со тьмою, Куреск со тьмою, Путивль, Радогощь, Милолюбл и з землями и водами» (АЗР, 1848. С. 363). В обоих случаях перечни, несомненно, отражают реалии более раннего времени. Но каковы были пределы Курской тьмы и её владельческая принадлежность в конце XV в., из документов остаётся неясным.

Приблизительные границы этого образования можно определить, если обратиться к анализу материалов курских кладов и отдельных находок джучидских монет XIV – начала XV в. (Шпилев, 2001; Травкин, Зорин, 2005; Шпилев, 2005). Скопления таких находок на верхнем Псле между Гочево и Обоянью и на Сейме в районе Курска и Ратского городища, а также единичные клады в г.Щигры, у с. Ястребовка (Мантуровский район), Липино (Октябрьский район) и Пыхтино (Курчатовский район), вероятно, маркируют собой пределы Курской тьмы в ордынское время (рис. 1). Интересно отметить, что зона распространения чётко локализованных джучидских кладов не распространяется в Посеймье далее Реута.

Учитывая, что псёльские земли в XV в. принадлежали уже Еголдаевой тьме, можно предположить, что и расположенные севернее окрестности Курска также отошли в это же время к владениям Яголдаевичей. Предположить существование между Верховскими княжествами, Новгород–Северским княжеством и Еголдаевой тьмой глубокого клина «ничейных» земель представляется совершенно невозможным. То, что в ярлыках «Еголтаева тьма» упоминается отдельно от тьмы Курской, отнюдь не говорит против такого предположения – в тех же ярлыках отдельно от владений Яголдая упоминаются Мужеч, Милолюбль и даже Оскол. Возможно, все эти территории не принадлежали к изначальному ядру Яголдаевых владений и были присоединены к ним позднее.

Уже упоминавшаяся грамота Ивана III может помочь и в уточнении одного из участков границы между Курской тьмой и Рыльским княжеством. Обозначенное в ней место встречи московского боярина с крымскими татарами выглядит довольно странно, если учесть, что выбрано оно было на территории, находящейся со второй половины XIV в. в пределах Великого княжества Литовского. Исходя из этого, некоторые исследователи даже выдвигали предположение о переходе с середины XV в. данного региона обратно в ордынское подданство. Так, В.П. Загоровский считал, что вряд ли подобная встреча могла намечаться на литовской территории, которая к тому же находилась под властью такого князя, как внук Дмитрия Шемяки (Загоровский, 1991. С. 19). Кроме того, именно на 1487 г. падает начало той серии московско-литовских конфликтов, которые получили у современных историков название «странной войны» (Зимин, 1982. С. 93; Борисов, 2000. С. 471). Первым в этом ряду стал набег князя И.М. Воротынского и поддерживавших его князей Одоевских на литовский Мезецк. Вероятно, этот поход произошёл летом 1487 г., т.к. литовское посольство с жалобой на это вторжение явилось в Москву в октябре.

Несмотря на то что владения Шемячича и Романа Яголдаевича располагались в стороне от зоны назревающего конфликта, они вряд ли могли чувствовать себя в безопасности, зная о тесных союзнических отношениях между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем. Складывающаяся обстановка вынуждала правителей юго-восточных окраин Литовского княжества серьёзно учитывать угрозу со стороны нависающей с севера Москвы и всё более активного Крымского ханства на юге, находить компромиссы и не всегда действовать в интересах центральной власти. Возможно, даже существовали какие-то сепаратные договоренности, позволявшие Ива-

ну III уверенно назначить встречу московского боярина и крымцев в устье Реута.

Любопытно, что место встречи было назначено «ниже Гусина брода», а не на известном «перевозе» у Городенского городища, где к Сейму подходил Бакаев шлях. Это может объясняться тем, что шляха под таким названием, выходящего именно к этому броду, тогда ещё просто не существовало. Он получил своё название позднее, когда в 1570 г. силы Бакай-мурзы, сконившиеся в верховьях Береки и Тора, прошли по Муравскому шляху и, свернув в междуречье Псла и Сейма, пересекли реку у Городенска, выйдя на Свиную дорогу (Новосельский, 1948. С. 430).* Возможно, что успех набега Бакая был связан именно с тем, что он прошёл новой тропой, миновав привычный старый путь у Гусина брода, куда ранее выводила дорога, проходившая по водоразделу Сейма и Псла. Примечательно, что в «Книге Большому чертежу», детально расписывающей все приметные места и переправы, Гусин брод не упоминается вовсе, а его место занимает перелаз у Городенского городища. Похоже, что к первой половине XVII в. эта переправа, как и «Курское городище», окончательно утратила своё былое значение.

Если исходить из того, что район устья Реута, далее которого находки кладов джучидских монет пока не известны, некогда являлся границей между Рыльским княжеством и Курской тьмой, то наименование расположенного тут городища «Курским» представляется неслучайным – оно действительно было крайним курским порубежным пунктом, далее которого находились уже рыльские владения.

На исходе XV в. этот район мог сходным образом разделять владения Шемячича и Романа Яголдаевича. В таком случае именно этот пункт был наиболее удобен для встречи московского посла с татарами – и князь Василий Иванович, и князь Роман Яголдаевич в случае необходимости могли заявить, что упомянутая встреча произошла без их ведома и не на их территории.

В заключение можно сделать несколько выводов.

1. «Курское городище», упоминаемое в грамоте 1487 г., следует, вслед за А.А. Чубуром, отождествить с городищем у с. Дроняево Курчатовского района Курской области.

2. Городенское городище, располагавшееся на левом берегу Сейма между устьями Реута и Большой Курицы и упоминаемое в источниках XVI–XVII вв., следует отличать от правобережного Городецкого городища (у с. Городенск Льговского района). Городенское городище, вероятно, входило в систему укреплений, размещённых на левом берегу Сейма между Курском и Льговом и служивших для контроля над речными переправами.

3. «Курское городище», вероятно, служило пограничным пунктом Курской тьмы ордынского времени, а граница между тьмой и Рыльским княжеством проходила на данном участке в районе устья р. Реут.

4. Во второй половине XV в. территория Курской тьмы могла входить в состав владений вассальных Литве князей Яголдаевичей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АЗР. Т. 2. 1506–1544. СПб., 1848.

АЛМ. Т. I. Вып.1. Варшава, 1896.

АМГ. Т. I. М., 1890.

АКР: Курская область. Ч. 2. М., 2000.

Баскевич И.З. Курск от Сурска далече // Курская правда. 21.11.1991.

Борисов Н.С. Иван III. М., 2000.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

КБЧ. М., 1950.

Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский или дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской. СПб., 1835.

Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Тр. ГИМ. Вып. XX. Военно-исторический сборник. М., 1948.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.

Раздорский А.И, Селин А.А. «Курск» в изустной памяти жены князя Ивана Семёновича Ростовского Аграфены (1568 г.) // Очерки феодальной России. Вып. 8. М., 2004.

Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001.

Сборник РИО. Т.41. СПб, 1884.

Сборник князя Оболенского. М., 1838.

Травкин С. Н., Зорин А.В. Медные монеты Золотой Орды с Ратского археологического комплекса // Ю. А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.

Чубур А.А. К вопросу о локализации «Курскаго городища» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: История, проблемы, перспективы (Труды центра славяноведения). Брянск, 2003а.

Чубур А.А. Сугровское городище // Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в г. Брянске. Брянск, 2003б.

Щавелев С. П., Зорин А.В., Раздорский А.И. Курск. История города от Средневековья к Новому Времени. X–XVII вв. // Курский край. Т.IV. Курск, 1999.

Шпилев А.Г. Курские клады джучидских монет // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001.

Шпилев А.Г. Находки предметов ордынского времени на территории Курского края // Тр. международной нумизматической конф. «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков»: III Международная нумизматическая конф. – Старый Крым 2004. М., 2005.

* Автор ошибочно помещает верховья Береки и Тора между Псёлом и Ворсклой

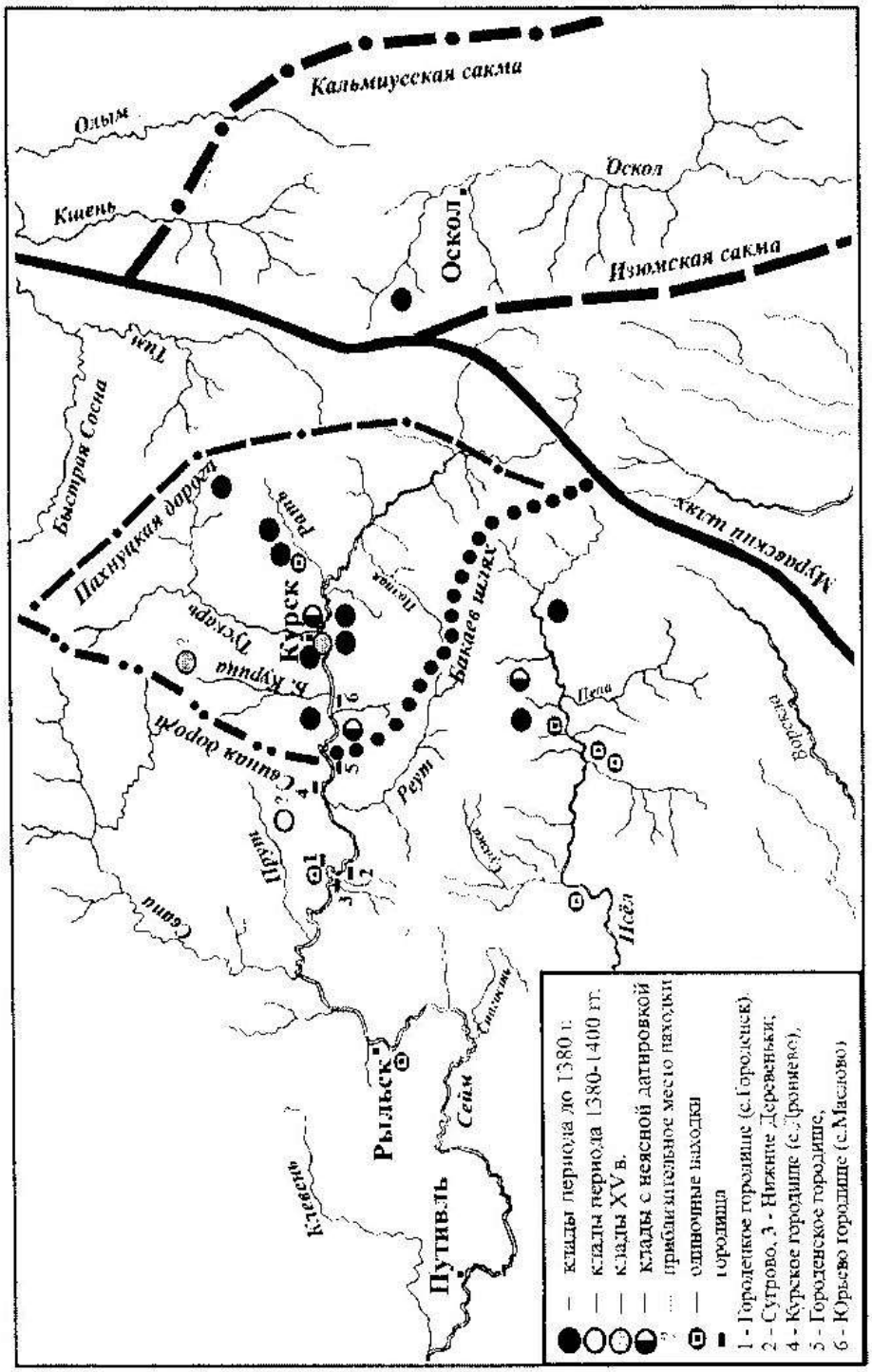


Рис. 1. Татарские сакмы, находки кладов и отдельных джучидских монет на территории Курского края.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОСЕЛЕНИЯХ XII–XV вв. В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. БЫСТРАЯ СОСНА

© 2008 г. А.А. Иншаков
Елецкий государственный университет

В бассейне нижнего течения Быстрой Сосны разведками преимущественно Воронежского госуниверситета и Елецкого пединститута в 1980–1990-х гг. выявлена группа памятников древнерусского времени. К 2000 г. насчитывалось более 60 поселений XII – начала XV вв. Установлено, что расположение поселений обусловлено особенностями ландшафта. Основная территория их распространения связана с левобережьем Быстрой Сосны. В правобережье выявлено всего лишь одно селище XIII–XIV вв. на р. Воронец (поселение 4 у с. Воронец) (Тропин, 2000. Рис. 1). Кроме того, раскопками исследовались многослойные поселения XIII – начала XV вв. у с. Аргамач – Пальна (поселения 1, 5), древнерусское селище XIV в. на городище у д. Александровка, Лавский археологический комплекс (Тропин, 1999).

В последние годы экспедиция Елецкого госуниверситета, продолжая изучение сельских поселений, акцентировала внимание на правобережье Быстрой Сосны. В 2005 и 2007 гг. проводились разведки по ранее не обследованным рекам Паниковец и Свишня (Иншаков, 2005). По итогам работ обнаружены девять поселений. В ходе разведок памятники привязывались к топооснове 1:10000, уточнялись их границы, топография, мощность культурного слоя, датировка, проводился сбор подъёмного материала и учёт современного состояния.

На р. Паниковец обнаружены шесть памятников. Один из них относится к раннему железному веку (поселение 5 у с. Паниковец). Остальные являются многослойными поселениями, на которых встречены находки II тысячелетия до н. э. (поселение 1 у д. Приречье, поселение 3 у с. Паниковец), городецкой культуры I тысячелетия до н. э. (поселение 1 у д. Приречье, поселения 1 и 2 у с. Паниковец), культурной группы типа Каширки – Седелки 2-й половины III – начало IV в. н. э. (по А.М. Обломскому) (поселение 1 у д. Приречье, поселение 1 у с. Паниковец), древнерусского времени (XII–XV вв., поселения 2–4 у с. Паниковец), позднего средневековья (XVII–XVIII вв., поселение 1 у д. Приречье, поселения 1–4 у с. Паниковец).

Подробнее остановимся на памятниках древнерусского времени. На всех трёх поселениях выявлены находки 2-й половины XIII – XIV в., а на двух из них – к тому же керамика домонгольского времени конца XII – 1-й половины XIII в. (поселения 3 и 4 у с. Паниковец).

Все три памятника находятся на территории села на незначительном расстоянии друг от друга (до 50 м). Поселения расположены на высокой надпойменной террасе высотой 8–15 м, переходящей в коренной правый берег. Их площадки частично распахиваются под огороды. Границы селищ установлены с учётом сбора подъёмного материала и их топографии. Размеры поселения 2 составляют 60 х 360 м, поселения 3 – 40 х 150 м, на поселения 4 – 30 х 75 м. Кроме того, на поселении 2 у с. Паниковец зафиксированы три участка с концентрацией керамики XIII–XIV вв. размерами 25 х 50 м и удалённых друг от друга на 30–50 м.

Подъёмный материал с трёх поселений немногочислен и представлен круговой керамикой XII–XIV вв. (91 фрагмент, в числе которых 12 венчиков). Это сосуды с простым оформлением края венчика (рис. 2, *3*), с наплывом вовнутрь (рис. 2, *8*), в виде закругленного манжета с желобком под крышку (рис. 2, *2, 4, 5, 6*) или отгибом наружу в виде козырька (рис. 2, *7*).

По технологическим признакам керамика делится на два типа:

– красноглиняная (33 экз.) (рис. 2, *1, 4–6*), ожелезнённая, неполного восстановительного (7 экз.), неполного окислительного обжига (26 экз.) керамика. Формовочная масса с добавлением примесей песок + дресва (7 экз.) и песок + шамот (26 экз.). Отметим также, что значительная часть фрагментов посуды сделана на медленно вращающемся круге, поэтому заметны шероховатости её поверхности. Данная группа керамики относится к домонгольскому времени (XII – 1-я половина XIII в.) и имеет близкие аналогии с посудой Лавского археологического комплекса;

– белоглиняная (58 экз.) (рис. 2, *2–3, 7–8*), слабо ожелезнённая (36 экз.) или неожелезнённая (22 экз.), неполного окислительного обжига (49 экз.), неполного восстановительного обжига (3 экз.) керамика. Формовочная масса с добавлением примесей песка (11 экз.), песок + дресва (9 экз.), песок + дресва + шамот (4 экз.) и песок + шамот (30 экз.). Данная группа керамики нами относится к XIII–XIV вв., а ближайшие аналогии находим на сельских поселениях нижнего течения Быстрой Сосны.

На р. Свишня обнаружены три памятника (поселения 1 и 2 у д. Котово; селище 1 у д. Хитрово). Это многослойные поселения с находками древнерусского времени XII–XIV вв. и XVII–XVIII вв.

Поселения 1 и 2 у д. Котово расположены на окраине деревни. Поселение 1 занимает высокий левый коренной мысообразный берег высотой 30–35 м. над уровнем реки. Его площадка частично распахивается. Точные границы поселения установить не удалось. Однако зафиксирована концентрация подъёмного материала на участке 150 х 60 м. Поселение 2 расположено на склоне левого коренного берега на высоте 10–12 м над уровнем реки. Площадка памятника задернована. Размеры поселения предположительно составляют не менее 30 х 50 м.

Селище 1 у д. Хитрово находится на окраине деревни и удалено от предыдущих памятников на 0,6 км. Оно расположено на первой надпойменной террасе высотой 6–8 м над уровнем реки. Площадка памятника задернована. Размеры селища предположительно составляют не менее 30 х 40 м.

Подъёмный материал с селищ представлен круговой керамикой. Самая многочисленная серия фрагментов посуды происходит с поселения 1 у д. Котово (64 экз.). Посуда представлена горшками. Это сосуды с оформлением края венчика в виде желобка под крышку (рис. 2, *12–13*), с наплывом вовнутрь (рис. 2, *9–11*), вертикальный венчик, по середине которого проходит желобок (рис. 2, *14*), в виде закругленного манжета с желобком под крышку (рис. 2, *15*), манжетовидный (Котово 2) (рис. 2, *16*).

По технологическим признакам керамика делится на два типа:

– красноглиняная (41 экз.) (рис. 2, *12–13, 15*), ожелезнённая (11 экз.) или слабоожелезнённая (30 экз.), неполного восстановительного (3 экз.) или неполного окисли-

тельного обжига (38 экз.) керамика. Формовочная масса с добавлением примесей песка (22 экз.), песок + дресва (7 экз.), песок + шамот (12 экз.). Отметим также, что часть фрагментов посуды имеет заметные шероховатости её поверхности. Данная группа керамики предположительно относится к домонгольскому времени (конец XII – 1-я половина XIII вв.) и имеет близкие аналогии с посудой Лавского археологического комплекса;

- белоглиняная (24 экз.) (рис. 2, *9–11, 14*), неожелезнённая, неполного окислительного обжига (16 экз.), неполного восстановительного обжига (6 экз.), полного окислительного (2 экз.) керамика. Формовочная масса с добавлением примесей песка (19 экз.) и песок + шамот (4 экз.). Данная группа керамики датируется XIII–XIV вв., а ближайшие аналогии находим на сельских поселениях нижнего течения Быстрой Сосны. Предположительно к этому периоду отнесём фрагмент серпа (рис. 2, *18*) и ножа (рис. 2, *17*).

Подводя предварительные итоги разведок, отметим то, что единственное поселение древнерусского времени в правобережье Быстрой Сосны до недавнего времени было известно только на р. Воронец (Пичугин, 1991). Выявленные новые поселения XII–XV вв. на реках Паниковец и Свишня позволяют говорить о более широком освоении правобережья Быстрой Сосны, чем предполагалось ранее.

Кроме разведочных работ в нижнем течении Быстрой Сосны, в 2006 г. продолжались раскопки поселения 5 у с. Аргамач-Пальна Елецкого района. Оно расположено на левобережном склоне высотой 40–45 м над уровнем р. Пальна. Впервые обследовано в 1991 г. в ходе совместных работ Воронежского госуниверситета и Елецкого пединститута (Говоров, 1991). В 1991, 1995 гг. отрядом экспедиции ЕГПИ на памятнике вскрыто 133 м^2. Результаты раскопок были опубликованы (Тропин, 2002).

В ходе работ изучены постройка с глинобитной печью, горн по обжигу гончарной посуды и две хозяйственных ямы. В заполнении постройки встречены каменный пест, предназначавшийся для растирания примесей к формовочному тесту, а также остатки сырья для изготовления гончарной посуды (прокалённые и не прокаленные слои сырцовой глины), значительное количество фрагментов гончарной керамики, в том числе и целых форм (6 экз.). Данная постройка отождествляется с ремесленным сооружением по производству гончарной посуды.

Изученные производственные сооружения, по мнению автора раскопок, являлись одновременными и ассоциируются с производственным посёлком по выпуску гончарной продукции, на котором проживал и сам гончар. Постройки функционировали во 2-й половине XIV в.

В 2006 г. раскопом № 2 нами изучено юго-западное пространство поселения на площади 192 м^2. Культурный слой имеет мощность от 0,05 м до 0,5 м. Под слоем дёрна толщиной 0,05 м залегает тёмный гумусированый слой чернозёма мощностью 0,05 – 0,4 м и суглинка толщиной 0,1 – 0,15 м. Материк – выходы известняка и лишь в северо-восточной части – глина. В раскопе встречены находки, относящиеся к различным археологическим эпохам, и одно наземное сооружение. К эпохе камня относятся отщепы из кремня чёрного, серого и коричневого цветов. Впервые обнаружена лепная керамика городецкой культуры раннего железного века (I тысячелетие до н. э.). Основная же масса находок и наземное сооружение относится к древнерусскому времени (XIII–XIV вв.) Кроме того, встречены предметы XVII–XVIII вв.

К массовому материалу относится гончарная керамика, которая по технологическим признакам и составам формовочного теста относится к концу XIII-XIV в. Ближайшие аналогии находим на поселении 1 у с. Аргамач-Пальна, расположенном на противоположном берегу.

При зачистке в квадратах №№ В/5-6, Г/6-7 открыты остатки наземной постройки прямоугольной формы размерами 2 х 3,5 м. Ее заполнение представлено тёмным гумусом с вкраплениями угольков, а её северная часть заполнена слоем пепла и золы мощностью до 0,2 м с незначительным количеством обмазки. Внутри постройки расчищены две хозяйственные ямы размерами 1,4 х 0,8 м и 0,4 х 0,6 м с пологими стенками. Они углублены в суглинок на 0,2 м.

Заполнение хозяйственной ямы № 1 представлено слоем пепла с незначительным количеством угольков мощностью до 0,2 м. Хозяйственная яма № 2 заполнена светло-серым гумусом с единичными фрагментами гончарной посуды XIII–XIV вв. Отметим отсутствие находок костей животных и древнерусской керамики в нижнем заполнении постройки. Возможно, это связано с тем, что она использовалась для просушки горшков перед обжигом. Аналогичная постройка, расположенная недалеко от гончарных горнов, без каких-либо материалов в заполнении и выполнявшая предположительно те же функции, раскопана на поселении у хут. Полозово (Тропин, Чалых, 2001).

Наша постройка была уничтожена пожаром, о чем свидетельствуют угольки, слой пепла и золы в её заполнении, прокалённый материк под ней. Она относится к древнерусскому времени и являлась частью производственного комплекса XIV – начала XV в.

Таким образом, исследования последних лет показали перспективность дальнейшего изучения разведками правобережья Быстрой Сосны и раскопок на поселении 5 у с. Аргамач – Пальна, где важно проследить восточную границу усадьбы гончара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Говоров М.И. Разведка по р. Пальна // Елец и его округа (археологические исследования 1991 г.). Воронеж, 1991.

Иншаков А.А. Отчёт об археологических исследованиях по р. Пальна и р. Паниковец Елецкого района Липецкой области в 2005 г. // Архив ИА РАН.

Пичугин М.Н. Разведка по р. Воронец // Елец и его округа (археологические исследования 1991 г.). Воронеж, 1991.

Прихин А.Д., Цыбин М.В. Ранняя история Ельца и данные археологии // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1996.

Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII – начала XV в. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны // РА. 2000. №2.

Тропин Н.А Гончарные сооружения второй половины XIV века на селище Аргамач – Пальна-5 // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей: В 2 т. Т. 1. Археология. Тула, 2002.

Тропин Н.А., Чалых Н.Е. Находки гончарных горнов второй половины XIII – XIV вв. на р. Воронеж // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001.

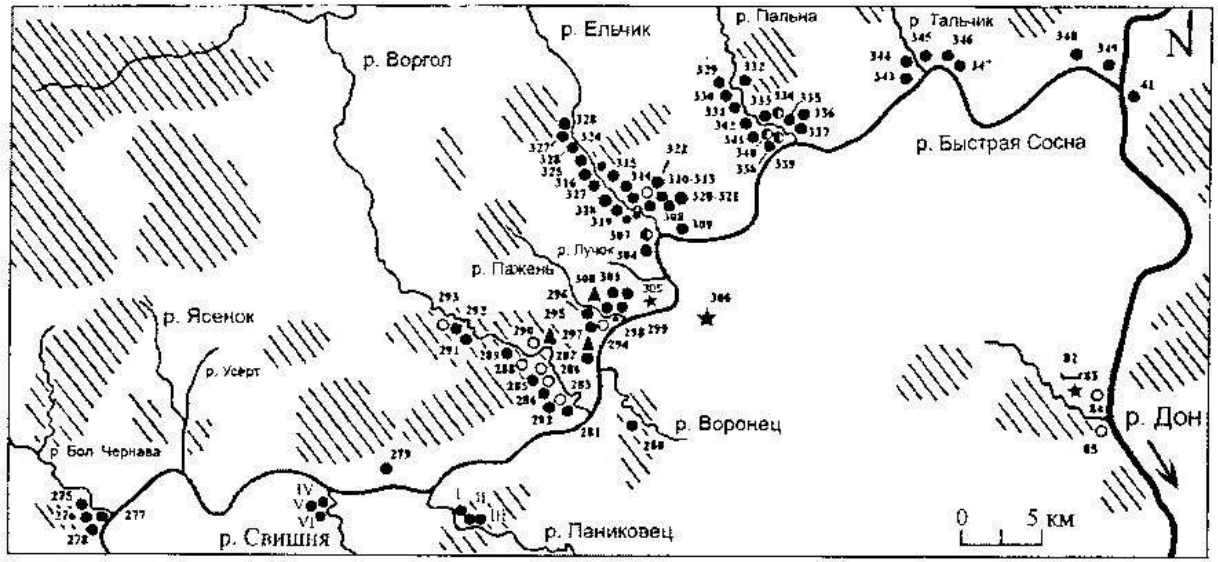


Рис. 1. Древнерусские памятники в нижнем течении Быстрой Сосны (по Н. А. Тропину).

275 – Троицкое 2; 276 –Троицкое 1; 277–Чернава 1; 278 – Чернава 2; 279–Глущица; 280 – Воронец; 281 – Воргол 9; 282 – Воргол 8; 283 – Воргол 5; 284 – Воргол 6; 285 – Воргол 7; 286 – Воргол 4; 287 – Воргол 12; 288 – Воргол 11; 289 – Воргол 3; 290 – Воргол 1; 291 – Рябинки 3; 292 – Рябинки 2; 293 – Рябинки 3; 294 – Лавский археологический комплекс; 295 – Воргольское городище; 296 – Пажень 1; 297 – Дачный поселок 2; 298 – Дачный поселок 1; 299 – Лавы 1; 300 – Паженьское городище; 301 – Лавы 5; 302 - Лавы 6;303 – Лавы 2; 304 – Лавы 7; 305 – Лавы; 306 – Елецкий уезд; 307 – г. Елец (ул. Октябрьская, 97); 308 – г. Елец, Соборная площадь; 309 – завод мостовых конструкций; 310 – Целыковка 3; 311 – Знаменский монастырь; 312 – Черная слобода 4; 313 - Черная слобода 5;314 – Александровка 3; 315 – Александровка 4; 316 – Хмелинец 4; 317 – "Лесная школа"; 318 – Александровское городище; 319 – Александровка 1; 320 – Черная слобода 11; 321 – Черная слобода 12; 322 – Целыковка 4; 323 – Александровка 8; 324 – Созыкино 7; 325 – Подхорошее 5; 326 – Созыкино 2; 327 – Подхорошее 6; 328 – Подхорошее 1; 329 – Касимовка 1; 330 – Касимовка 2; 331 – Касимовка 3; 332 – Пальна Ламская 2; 333 – Аргамач-Пальна 4а; 334 – Аргамач-Пальна 4; 335 – Аргамач-Пальна 3; 336 – Аргамач-Пальна 5; 337 – Аргамач-Пальна 6; 338 – Аргамач-Пальна 7; 339 – Аргамач-Пальна 1; 340 – Аргамач-Пальна 2; 341 – Аргамач-Пальна 8; 342 – Аргамач-Пальна 9; 343 – Талица 4; 344 – Талица 5; 345 – Талица 3; 346 – Талица 2; 347 – Талица 1; 348 – Засосенки 1; 349 – Засосенки 2.

I – Паниковец 2; II – Паниковец 3; III – Паниковец 4; IV – Котово 1; V – Котово 2; VI – Хитрово 1.

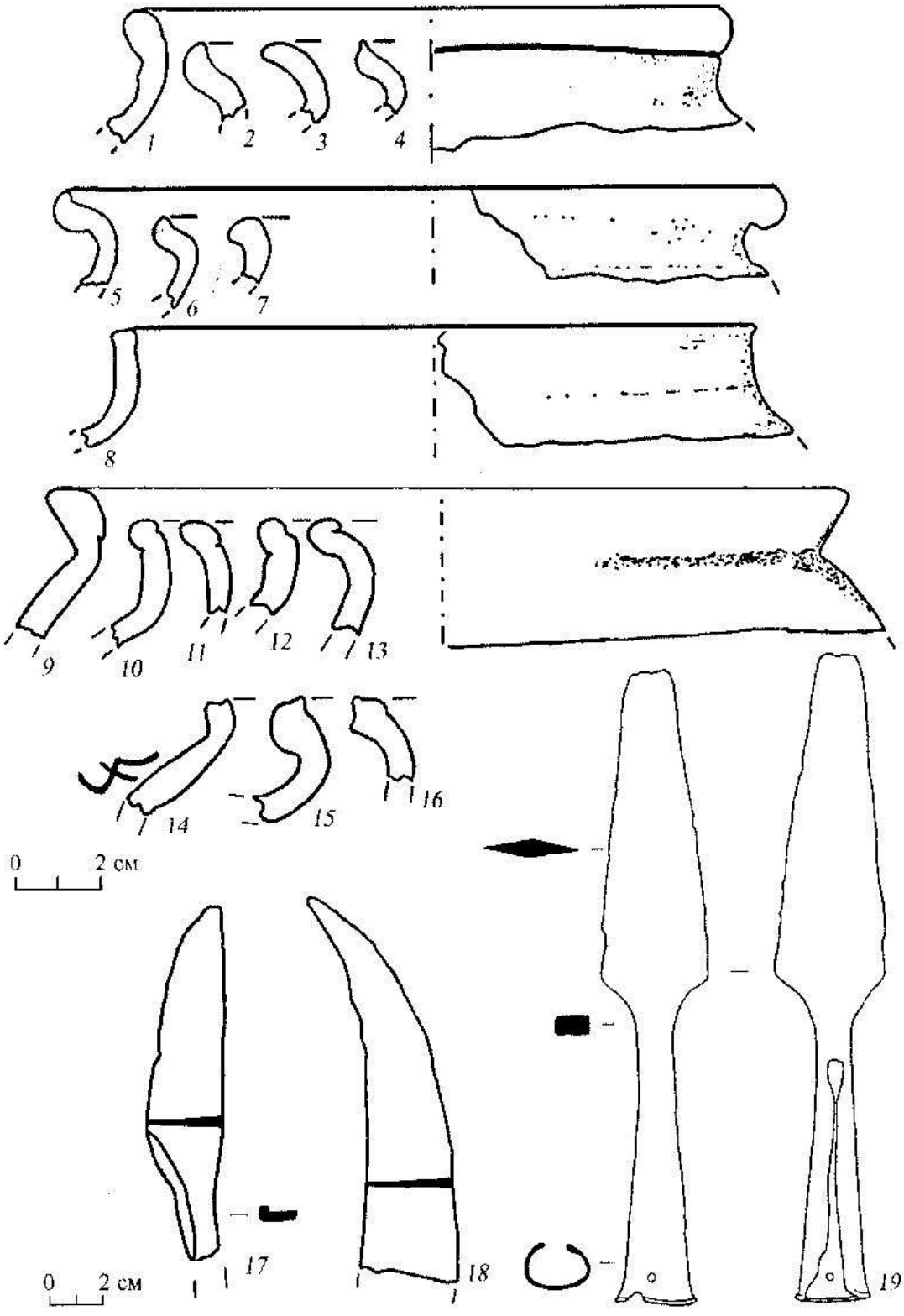


Рис. 2. Находки из разведок по рр. Паниковец и Свишня.
1–8 – поселение 3 у с. Паниковец; *9, 15, 17, 18* – поселение 1 у д. Котово;
16 – поселение 2 у д. Котово; *19* – случайная находка в д. Свишни.
1–16 – керамика, *17–19* – железо.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ САЛТОВСКИХ ЖИЛИЩ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛИЩА КОРОБОВЫ ХУТОРА ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2008 г. В.И. Квитковский

Харьковский гуманитарно-педагогический университет

Жилище представляет собой один из наиболее существенных и ярких показателей материальной и духовной культуры любого общества. Несмотря на это, жилым помещениям салтово-маяцкой культуры (в дальнейшем – СМК) уделялось недостаточное внимание со стороны археологов. Только в последнее время они стали темой отдельного диссертационного исследования (Красильникова, 2004). При этом, несмотря на более чем столетнюю историю изучения памятников СМК и огромный накопленный материал, аналогичной работы для лесостепного варианта этой культуры нет.

В той или иной степени изучением жилищ лесостепного варианта СМК занимались многие исследователи. Прежде всего необходимо отметить И.И. Ляпушкина, который ещё в середине XX в. предложил этническую классификацию построек СМК и разделил их на аланский и болгарский варианты (Ляпушкин, 1958.). Важным этапом в изучении салтовских жилищ является работа А.З. Винникова по итогам работ на Маяцком городище и селище (Винников, 1984. С. 34–72). В те же годы, практически одновременно, свои работы по этой проблеме продолжили Г.Е Афанасьев (1987. С. 38–47) и С.А. Плетнёва (1989. С. 101–189). Последняя классификация жилищ была проведена по материалам раскопок Дмитриевского комплекса. Классификация С.А. Плетневой базировалась на данных о форме, глубине котлована и конструкции стен. Считаем необходимым отметить работу В.В. Колоды по исследованию интересующих нас объектов на памятниках Харьковской обл. – поселение Верхний Салтов (Колода, 2000), а также его реконструкцию жилища с городища Мохнач (Колода, 2003). Кроме того, в упомянутой выше диссертации Л.И. Красильниковой в качестве аналогий также рассматривались материалы домостроительства лесостепных памятников СМК.

С 2003 г. начаты планомерные исследования памятника – городища и селища Коробовы Хутора (экспедиция Харьковского педуниверситета, руководитель – В.В. Колода). Селище расположено вокруг укреплённого городища на правом берегу Северского Донца (рис. 1).За время работ на нём было заложено 13 шурфов и 5 раскопов. Общая вскрытая площадь составляет около 1000 м². Особенностью данного селища является то, что места расположения построек легко прослеживаются по западинам на поверхности. Поселение находится в лиственном лесу и, видимо, с момента ухода салтовского населения не было подвержено деятельности человека (кроме военного времени), что делает его уникальным памятником и открывает большие перспективы дальнейшего изучения. К настоящему времени здесь исследовано 5 жилых помещений, и все они требуют внимательного рассмотрения.

В данной работе мы проанализируем и предложим реконструкцию одного из них, что будет первой попыткой реконструкции жилой постройки с данного памятника. Сам объект был в обнаружен 2004 г. во время работ на раскопе 2 (рис. 2). Отметим, что во время работ в жилище мы пытались сохранить дерево, попавшее в его северо-восточную часть, что важно для дальнейшей реконструкции (рис. 3).

Это была прямоугольная в плане углублённая в грунт постройка, ориентированная длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Углы её были закруглены. Верхние размеры котлована составляли 390Ч260 см. Книзу котлован несколько сужался (365Ч250 см). Таким образом общая площадь жилища составляла приблизительно 10,1 м². Общая глубина пола составляла 135 см от современной поверхности (рис. 3). В центре было обнаружено стандартное для данного варианта СМК отопительное приспособление. Им оказался прямоугольный открытый очаг в центре жилища. Он чётко просматривался пятном обожженного пола с небольшим, в 2–3 см, слоем золы и мелких фракций древесного угля. Размеры очажного пятна составляют 55Ч50 см.

Размеры и конфигурация жилища свидетельствуют о проживании в нём малой семьи в составе 4–6 человек. Степень углублённости и форма говорит об оседлом образе жизни его обитателей. Существуют широкие аналоги таких построек, как на памятниках лесостепного (Винников, 1984. С. 51; Плетнёва, 1989. С. 113), так и степного варианта СМК (Красильникова, 2004. С. 65–75). Однако, очаг в центре – это свидетельство кочевнического влияния. Таким образом, мы можем говорить о взаимовлиянии на данном памятнике кочевнической и оседлой традиций домостроительства с преобладанием последней.

Вдоль продольных стен и в углах жилища были обнаружены 16 столбовых ямок преимущественно округлой формы. Из них 7 ямок располагались вдоль юго-восточной стены, 4 ямки – вдоль северо-западной и 1 ямка – у юго-западной, практически вплотную к материковым стенам котлована. Это даёт возможность предположить каркасно-столбовую конструкцию стен. Мы предлагаем возможную реконструкцию помещения (рис. 4). На наш взгляд, брёвна, которые как строительный материал были достаточно доступны в лесостепи, закладывались за вкопанные столбы, что могло служить и опорой крыши. Разное количество столбовых ямок у противоположных стен может быть объяснено недостаточным количеством брёвен нужной длины для изготовления стен.

Ещё 5 ямок разной формы, вдоль северо-западной стены, не вписываются в общую систему и, скорее всего, не служили опорой стен. Можно предположить, что они были основанием для деревянной мебели (лежанок, стола) или для дополнительного укрепления крыши постройки. Глубина столбовых ямок в большинстве случаев составляет 140–145 см. Диаметр – от 15 до 40 см. Своей глубиной выделяются две из них: в северном углу – 180 см и по середине юго-западной стены – 155 см. Эти же ямки вместе с той, что в западном углу, отличаются и большими горизонтальными размерами. Исходя из этого можно предположить, что они также служили дополнительной опорой для двускатной крыши. Наличие последней

на наш взгляд, подтверждает интересная ямка, выявленная в 10 см к юго-востоку от торцевого борта котлована. Её диаметр составляет 35 см, а глубина – 90 см. Скорее всего, она держала коньковую конструкцию двускатной крыши. Мы считаем возможным предположить, что противоположная сторона конька опиралась на столб, который располагался внутри жилища. Ямку от него, на наш взгляд, не удалось обнаружить в связи с вышеупомянутым сохранённым деревом у северо-восточной стены (рис. 3).

Стропила, которые лежали на коньке, своими внешними концами опирались на землю за пределами котлована. Это давало возможность уменьшить трудозатраты на возведение стенки между поверхностью земли и крышей, что также повышало и теплоизоляцию помещения. Пространство между стенами и крышей образовывали грунтовые полочки, которые могли служить для хранения дров или инвентаря. Высота постройки вряд ли превышала 2–2,5 м, что обуславливается ростом жителей и затратами на обогрев жилища. О покрытии каркаса крыши можно только предполагать; в условиях лесостепи это могло быть мелкое дерево, солома, камыш и другой лёгкий подручный материал, а также дёрн. Вход в жилище, скорее всего, располагался с юго-восточной стороны. Так как не было обнаружено никакого коридора или ступенек, можно предположить использование жителями деревянной лестницы.

Предложенный вариант реконструкции был сделан исходя из имеющегося опыта воссоздания облика подобных жилищ. Вместе с тем мы понимаем, что это лишь один из возможных вариантов (особенно, что касается устройства крыши).

Описание жилища будет не полным, если не сказать о находках, которые были сделаны при его изучении. Заполнение котлована состояло из чернозёма, насыщенного крошками печины, древесными угольками и разнообразными фрагментами салтовской керамики. Присутствовали в яме и особые находки. К ним мы относим ряд железных изделий: два стержня, черешок от ножа и целый нож, лучковое сверло. В комплексе выявлена бронзовая фигурная пластинка, несколько точильных камней и неполный развал красноглиняной гофрированной амфоры. Во время зачистки стенок жилища был найден обломок стремени (рис. 5, *12*). Здесь же были встречены несколько обломков неясных по назначению железных предметов.

В раскопе, возле жилища (рис. 2), была также обнаружена салтовская керамика, обломки камней, кости домашних животных и несколько железных предметов: фрагмент иголки (рис. 5, *3*), два колечка (рис. 5, *1, 2*), несколько шильев и проколок различной сохранности (рис. 5, *3, 11*), а также обломок ножа (рис. 5, *7*). Кроме того, здесь был фрагмент пряслица, изготовленного из стенки гончарного сосуда. Из заполнения культурного слоя видно, что хозяйственная деятельность обитателей жилища была достаточно насыщенной и происходила длительное время.

Таким образом, жилище принадлежало малой семье оседлого населения селища (аланы), которые долго и активно проживали на этой территории. Об этом свидетельствует форма и конструкция жилища, расположение очага, чему есть аналогии на других памятниках (Ляпушкин, 1958; Винников, 1984. С. 51). Исходя из артефактов, найденных в жилище и за его пределами, можно предположить, что обитатели вели привычное для того времени хозяйство: шили одежду (находка пряслица, иглы); занимались обработкой шкур животных, приготовлением пищи, домашними ремёслами (сверло). Находка обломка стремени позволяет говорить, что житель его был конным воином или же являлся осевшим кочевником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны Среднего Дона в VIII–X вв. // АОН. 1987. Вып. 2.

Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984

Колода В.В. Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові //Археологія. 2000 №4.

Колода В.В. Опыт реконструкции одного из раннесредневековых жилищ осевшего кочевника // Проблеми історії та археології України. Харків, 2003.

Колода В.В., Крыганов А.В., Михеев В.К., Ряполов В.М., Свистун Г.Е., Тортика А.А. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 г.

Красильникова Т.И. Постройки салтово-маяцкой культуры степного Подонцовья: Дисс... канд. ист. наук. Киев, 2004.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. №62.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

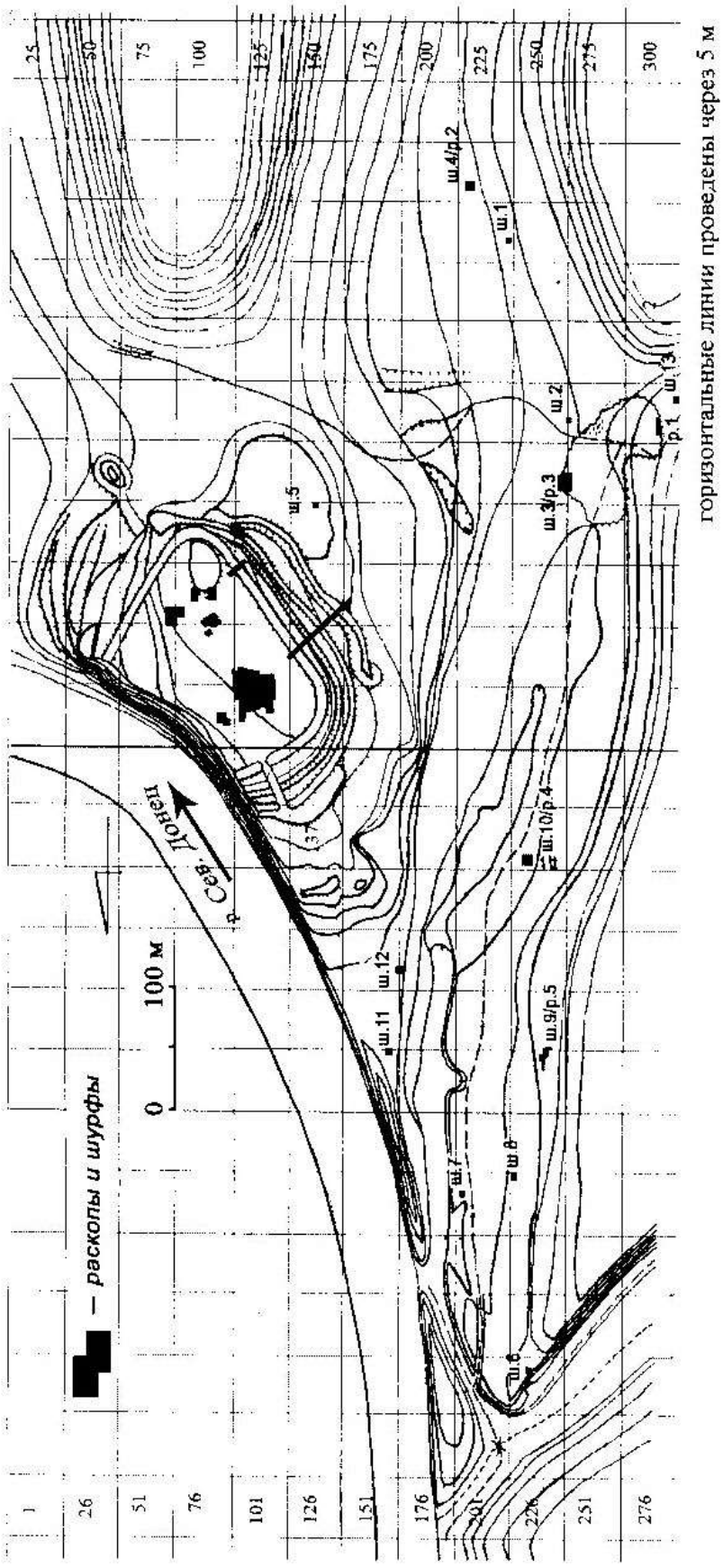


Рис. 1. Общий план городища и селища Коробовы Хутора.

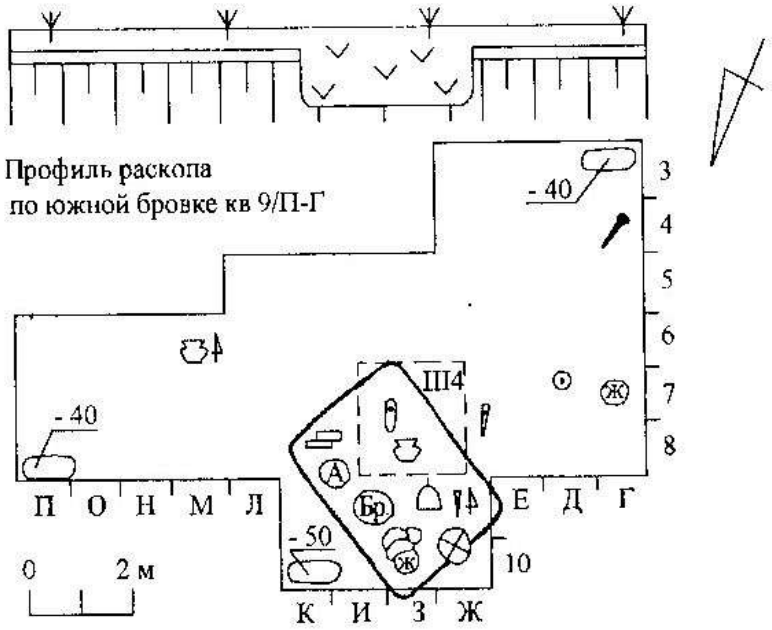


Рис. 2. Селище Коробовы Хутора. Раскоп №2.

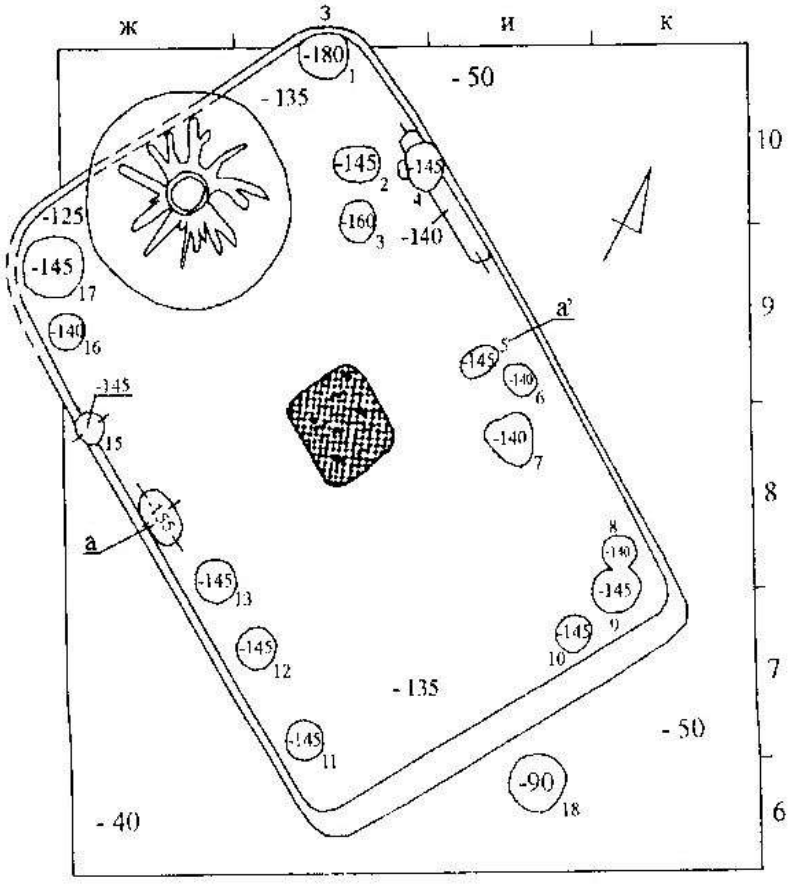


Рис. 3. План комплекса №1 в раскопе №2 на селище Коробовы Хутора.

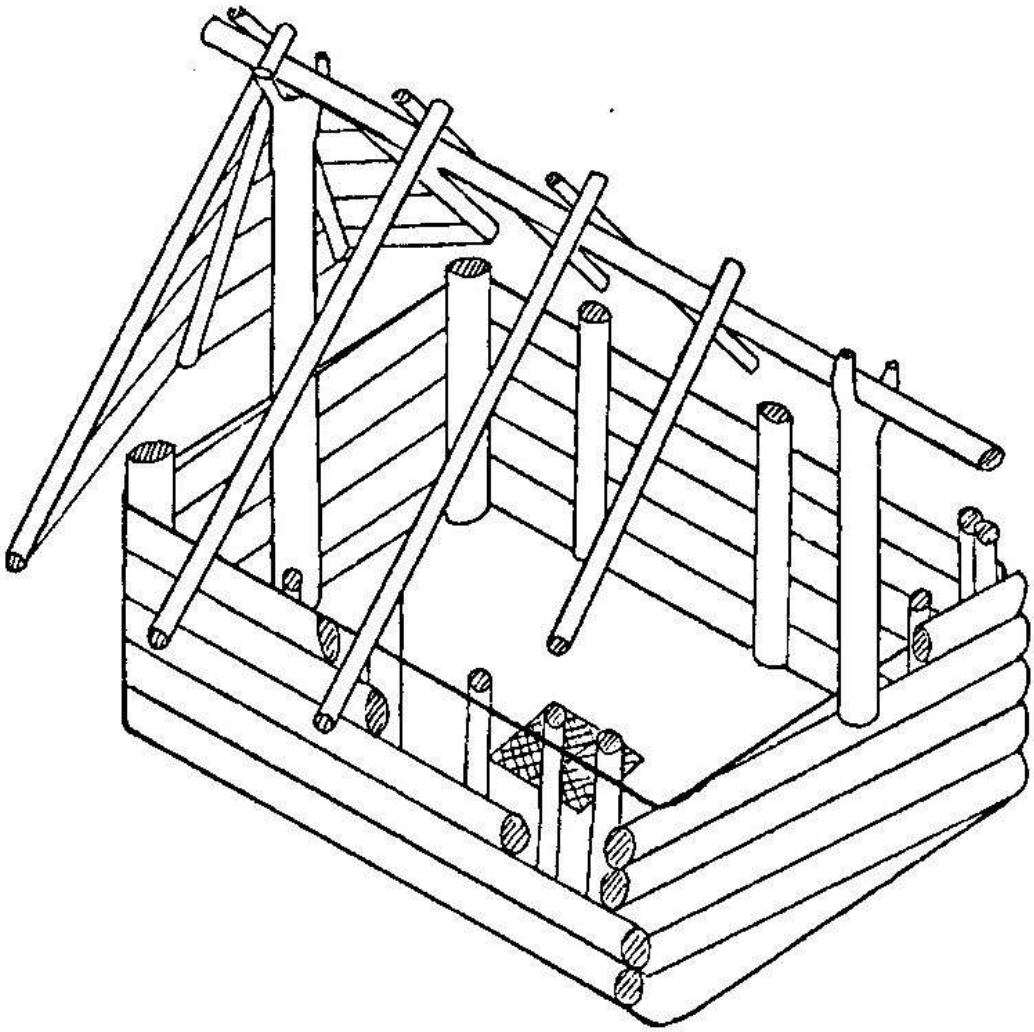


Рис. 4. Реконструкция жилища.

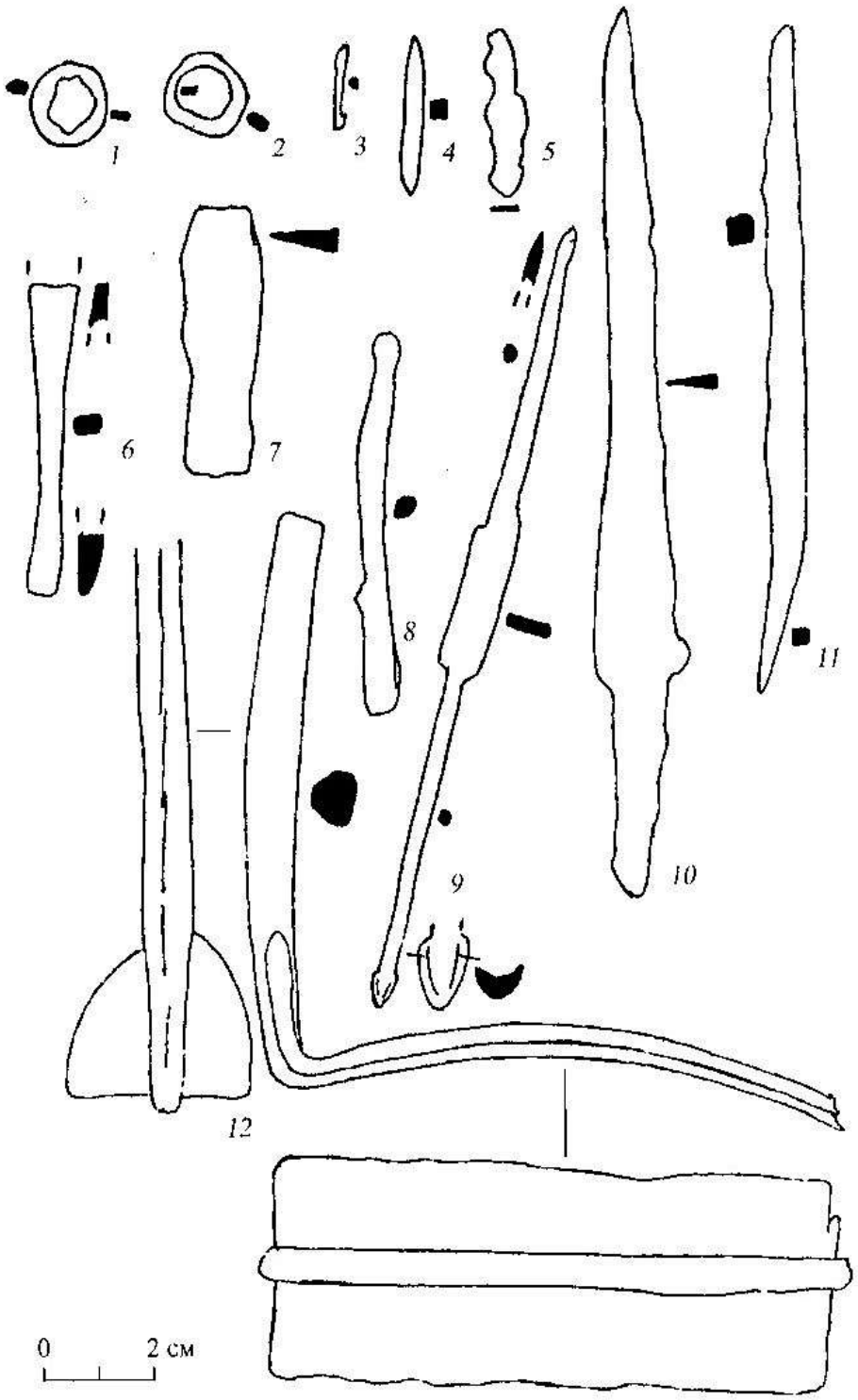


Рис. 5. Особые находки в раскопе №2 на селище Коробовы Хутора.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СЕВЕРЯНСКОЙ И АЛАНО-БОЛГАРСКОЙ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

© 2008 г. **Колода В.В.**

Харьковский национальный педагогический университет

В конце I тысячелетия н. э. на юге Восточной Европы доминируют две этнополитические силы, занимающие сопредельные территории: восточные славяне, освоившие лесную, полесскую и северную часть лесостепной зоны, и разноэтнические племена, объединенные в своём большинстве в раннефеодальное государство – Хазарский каганат, расположенный к юго-востоку от славян и охватывающий зону южной лесостепи, степь, а также Северный Кавказ и Крым. Вопросы взаимоотношений славян и Руси с Хазарией и народами, населявшими её, находятся в плоскости практического интереса историков России начиная с конца XVIII в. (Ващенко, 2006, С. 8–9). Работы специалистов по изучению салтовских и восточнославянских древностей, вышедшие в конце XX – начале XXI вв. (Новосельцев, 1990. С. 219–231; Плетнёва, 1999; Плетнёва, 2000. С. 82–98; Колода, 2002а. С. 56–58; 2002б. С. 14–15; 2005а. С. 338–345; 2005в. С. 14–36; 2005. С. 72–81; Приходнюк, 2002. С. 125–130; Сухобоков, 2003. С. 85–93), а также ряд международных форумов* свидетельствуют, что и сейчас одним из важных направлений современной восточноевропейской медиевистики является выявление и изучение культурных взаимовлияний различных народов, в том числе восточных славян и населения Хазарского каганата. В этом контексте и следует рассматривать данную работу, в которой мы предлагаем анализ синкретических явлений в керамике на памятниках роменской и салтовской археологических культур в одной из контактных славяно-хазарских зон – бассейне верхнего течения Северского Донца. Относительно археологического материала мы понимаем синкретизм как смешение, слияние отдельных элементов, свойственных различным этносам (с их технологическими, типологическими, морфологическими и художественными традициями). В керамическом производстве это проявляется в технологии изготовления сосудов, их форме, типологии и орнаментации. Исследование проявлений синкретизма в керамическом комплексе отдельных общностей и конкретных памятников можно проводить как минимум на двух уровнях. Их условно можно определить как ***макроуровень*** и ***микроуровень***. Для каждого из них присущ свой объект исследования.

Макроуровневый анализ направлен на изучение керамического комплекса в целом (поселение, могильник, жилище и т.п.). На этом уровне суть синкретизма может выражаться двояко, как ***«внешний»*** или ***«внутренний»***. Внешний синкретизм проявляется в одновременном использовании изделий собственного и импортного производства. В некоторых случаях при анализе импортных артефактов наиболее сложным является выявление места производства: был ли это импорт в чистом виде, т.е. сосуд привезён извне рассматриваемого круга памятников (извне поселения), или произведён иноэтничным мастером, существовавшим в пределах рассматриваемой общности (памятника). Внутренний синкретизм проявляется в копировании внешней формы сосуда, не свойственной данной этнической общности, но известной по импортным образцам. Здесь налицо определённая новация керамического производства, свидетельствующая о понимании преимущества сосуда новой формы (практического или эстетического).

Микроуровневый анализ предусматривает исследование единичного артефакта (сосуд или его фрагмент), изготовленного с использованием технологических, морфологических или орнаментальных традиций, которые характерны для представителей разных этносов. Особенно показательны в этом плане сосуды, орнаментированные в двух этнических традициях, что свидетельствует о глубоком синкретизме в эстетических воззрениях мастера-изготовителя, а возможно и потребителя его продукции. Отсюда следует, что наиболее глубокие проявления синкретизма, позволяющие поставить вопрос об этнокультурной комплиментарности и слиянии культурных традиций, можно проследить прежде всего на микроуровне. Возникает закономерный вопрос: где граница между синкретизмом и появлением на её основе новой культурной традиции? С точки зрения исследуемого объекта – керамики – говорить о появлении новой культурной традиции можно лишь тогда, когда сочетание отдельных элементов синкретики станут повторяться, то есть стандартизируются (с точки зрения психологии – станут одним из элементов этнокультурного фона).

Взаимовлияние редко проявляется в равной степени к субъектам процесса взаимодействия по причине того, что человеческие сообщества развиваются неравномерно. Применительно к ситуации между северянами-роменцами и жителями северо-западной Хазарии процесс находится в стадии накопления материалов и первоначальных обобщений. Однако уже очевидно, что заимствования проявляются в таких этноопределяющих аспектах, как домостроительство, отопительное устройство и интерьер жилища, где заметно влияние славян на своих южных соседей (Красильников, 1998. С. 44–50; Колода, 1999а. С. 40–45; 1999б. С. 15–20; 2000. С. 40–54; Красильникова, 2005. С. 17). Это также заметно в земледелии (Горбаненко, 2002. С. 64–74; 2005. С. 14; Колода, Горбаненко, 2004. С. 68–77) и фортификации (Колода, 2002б. С. 109–120), где наблюдается обратное влияние. Каждый из этих аспектов взаимодействий культурных и технологических традиций требует отдельного внимания. Мы же продолжим рассмотрение данного вопроса на примере керамического производства.

Знакомство славян Днепровского Левобережья с аланo-болгарской керамикой Хазарского каганата произошло ещё на стадии существования волынцевской культуры (середина VII – середина VIII в.), что требует отдельного изучения. Однако уже сейчас очевидно, что взаимодействие культурно-этнических традиций северян и их южных соседей имело место.

* Два хазарских коллоквиума: в Иерусалиме (1999) и в Москве (2002), а также Хазароведческий симпозиум в Харькове (2002).

На памятниках роменской культуры (середина VIII – I-я половина X в.) и синхронных им салтовских проявления синкретизма богаче и разнообразнее, чем на первом этапе развития северянских древностей. Во-первых, чертами синкретизма отмечен керамический комплекс как славянских (роменских), так и алано-болгарских (салтовских) памятников, чего не было в предшествующий период. Во-вторых, он проявляется как на макро-, так и на микроуровне. Последнее, по нашему мнению, более важно. Предварительно отметим, что определённое военно-политическое доминирование и заметное экономическое превосходство Хазарского каганата над соседствующими славянскими племенами обусловили и большее влияние салтовских керамических традиций на роменские племена, хотя и процесс обратного воздействия также имел место. В подтверждение этих тезисов следует привести материалы из раскопок разноэтничных поселений рассматриваемой контактной зоны.

Новотроицкое городище (Сумская обл.), датируемое его исследователем рубежом VIII–IX – началом X в. (Ляпушкин, 1958. С. 188), исследовано полностью. Поэтому в определённой степени его материалы могут быть эталонными. Здесь выявлено крайне малое количество импортных салтовских, в том числе и крымских, сосудов, а также их подражаний. Все они выделены исследователем в особую группу посуды – «кувшины и сосуды с ручками» (Ляпушкин, 1958. С. 44). Первые из них – явный импорт (Ляпушкин, 1958. Рис. 25, *7–10*), вторые (рис. 1) – местное лепное производство в подражание импортным образцам. Анализ роменской, да вообще восточнославянской керамики показывает, что традиционный посудный набор местного производства включает миски, сковородки и разнообразные по типологии горшки, с подавляющим доминированием последних (Сухобоков, 1975. С. 75–80; Славяне Юго-Восточной Европы..., 1990. С. 279–288; Петрашенко, 1992). Появление самодельной лепной посуды, имитирующей по форме салтовские парадные сосуды, может быть вполне объяснимо желанием иметь изделия полюбившихся форм, которые известны у южных соседей и отсутствуют в традиционном славянском гончарном наборе (рис. 1, *1–3, 6*). Однако два других изделия (рис. 1, *4, 5*) лишь в принципе, по наличию ручек и сужающемуся горлу, напоминают салтовские. Возможно, что в этом проявилась определённая морфологическая новация их изготовителей.*

Таким образом, материалы Новотроицкого городища свидетельствуют о макроуровневом синкретизме внешнего и внутреннего порядка. Первый проявляется в использовании привозной салтовской керамики, а второй – в лепной имитации аланских гончарных сосудов, прежде всего кувшинов, с элементами типологических новаций.

Городище Водяное (Харьковская обл.) имеет два этапа своего развития: скифский (конец V – IV вв. до н. э.) и роменский – от рубежа VIII–IX до начала XI ст. (Колода, 2004. С. 171). Среди обилия керамического роменского материала,** полученного в результате работ на средневековой части городища, обнаружены обломки традиционных, импортируемых в северянскую среду с территории каганата, гофрированных амфор и столовых лощёных кувшинов (около 1 % от общего числа выявленных). В этом мы видим типичное незначительное проявление макроуровнего внешнего синкретизма.

Более примечательна следующая группа артефактов. Это – остатки лепных и гончарных изделий, несущих в себе традиции роменского и салтовского производства. Обращают на себя внимание обломки от двух лепных сосудов (рис. 2, *1, 2*). Они изготовлены из рыхлого шамотированного теста, имеют некачественный обжиг (внешняя поверхность – светло-коричневая, внутренняя и излом – чёрные), что вполне в северянских традициях. Однако орнамент, нанесённый по их тулову, несёт в себе сочетание роменской и салтовской традиций. К первой мы относим отпечатки верёвочного штампа, ко второй – ряды горизонтально и вертикально прочерченных гребешком линий. Ещё одна группа осколков принадлежит, скорее всего, придонной части единого сосуда (рис. 2, *3–5*). Он был изготовлен из мелко шамотированного плотного теста, имел хорошо заглаженную поверхность, по которой были прочерчены горизонтальные и вертикальные тонкие линии, что не известно в роменской культуре (Сухобоков, 1975. С. 116. Рис. 58). Этот орнамент распространён на кухонной и тарной посуде в салтовской среде (Михеев, 1985. Рис. 6; 11; 15), откуда и был позаимствован.

Следует обратить внимание и ещё на один гончарный сосуд (рис. 2, *6*). Этот горшок изготовлен из плотного, практически без примесей, хорошо вымешанного теста и имел однотонный серый обжиг на обеих поверхностях. Он был орнаментирован одной прорезанной волнистой линией по шейке и рядами горизонтально прочерченных через примерно равные промежутки полос по тулову (практически до дна). Если волнистая прорезанная линия по верхней части тулова изредка встречается на роменской посуде, то второй элемент орнамента, покрывающий всё тулово – нет, однако он характерен для салтовских кухонных горшков (Плетнёва, 1967. С. 107–108; Михеев, 1985. С. 115, 122–124).

Таким образом, наряду с привозными салтовскими сосудами жители городища Водяное использовали самостоятельно изготовленные лепные и гончарные сосуды, в орнаментации которых использовали как собственные, так и заимствованные из алано-болгарской среды декоративные элементы и композиции. Налицо глубокий внутренний синкретизм, свидетельствующий о том, что мастера-изготовители были носителями двух керамических традиций. Он (синкретизм) зародился ещё на стадии лепной технологии и был продолжен в период освоения гончарного круга поздними роменцами (X – начало XI вв.).

* Д.Т. Березовец, указывая на салтовские истоки новоявленных форм лепных роменских сосудов с ушками, связывает появление этих новаций с прекращением функционирования Пастырского и Битицкого центров гончарного керамического производства (Березовец, 1965. С. 58). Мы готовы согласиться относительно пастырских прототипов, которые, по мнению исследователя данного памятника, восходят к провинциально-римской или аланской традиции (Приходнюк, 2005. С. 64), но аналогичные битицкие материалы нам неизвестны.

** Его анализу посвящена специальная статья (Колода В.В., Колода Т.А. Керамика раннеславянского городища Водяное на Харьковщине) в одном из готовящихся выпусков журнала «Stratum+», который будет посвящён В.В. и М.В. Седовым.

Городище Мохнач (Харьковская обл.) имеет более сложную историю. Только по материалам фортификации тут прослеживается 4 разновременных и разнокультурных этапа строительства (Колода, 2006). Здесь, на салтовском участке городища (раскоп 10), в пределах усадьбы осевшего кочевника, найден фрагмент лепной сковородки с бортиком (Колода, 2005б. С. 231). Этот вид кухонной посуды неизвестен на салтовских памятниках, но широко представлен у их северных соседей – славян (Сухобоков, 1975. С.76–80; Винников, 1995. С. 77). Остатки ещё одного сосуда – гончарного горшка – также симптоматичны. Они были выявлены в аланском жилище на соседней усадьбе. Привлекает внимание тот факт, что типично салтовский, из плотного теста, гончарный, качественно обожжённый сосуд был украшен традиционным прорезным горизонтальным линейным орнаментом по тулову, двумя рядами разнонаправленных косых отпечатков гребенчатого штампа по плечику и косыми отпечатками по отогнутому краю венчика (рис. 3, *1*). Сам по себе гребенчатый штамп изредка использовался салтовцами для орнаментации для орнамента в виде сплошных или ярусных прочерчиваний, а также однорядных отпечатков (иногда в отдельных зонах) по плечику. Однако такие отпечатки свойственны большим кувшинам или парадным пифосам. В данном случае со всей определённостью можно сказать, что салтовский мастер, используя традиционный для себя инструмент, поверх типичного салтовского орнамента нанёс типичный северянский орнамент (Сухобоков, 1975. С. 116. № 17).

Таким образом, в салтовский период существования городища Мохнач мы фиксируем проявления синкретических явлений в керамике. Один случай (сковородка) мы связываем с заимствованием тюрко-болгарами нетрадиционного для них вида посуды, В это мы видим отчётливое проявление макроуровневого внешнего синкретизма. Второй случай (горшок) – одно из проявлений внутреннего синкретизма в виде попытки традиционным способом создать сосуд с нетрадиционным для своей этнокультурной среды орнаментом. В данном конкретном случае мы считаем, что это произошло в общем контексте адаптации бывших скотоводов-кочевников к новым хозяйственным условиям и оседлому жизненному укладу.

Показательны и находки, которые выявлены в роменской части памятника, датирующейся X – 1-й половиной XI вв. Синкретичный посудный набор обнаружен во всех жилищах. Безусловно, наибольшее количество керамических фрагментов и реконструированных целых форм относится к роменской культуре. Это лепные сосуды, изготовленные из грубо шамотированного теста, со слабым обжигом и традиционным «гусеничным» орнаментом по плечику, и сковородки. В каждом жилище, равно как и по всему раскопу, встречается салтовская керамика. Это не только фрагменты амфор или столовой посуды, которые могли быть предметом импорта, но и обломки гончарных кухонных салтовских горшков с традиционным горизонтально прочерченным орнаментом. Представить себе последние в виде импорта затруднительно. Скорее всего, это продукция местного производства, равно как и толстостенные шамотированные пифосы с характерным для салтовской культуры орнаментом из косых гребенчатых наколов. Весьма показательным в этом плане является заполнение печи из жилища «А», в котором вместе с фрагментами лепных роменских сосудов (горшки и сковорода) были найдены обломки кухонных салтовских горшков (Колода, 2005г. С. 74–76). Здесь налицо внешний синкретизм, связанный с одновременным проживанием представителей разных этносов (Колода, 2005а).

Интересно отметить и остатки лепного сосуда (к сожалению, без края венчика), который был изготовлен из мелко шамотированного плотного теста с добавлением песка. Он был украшен косыми отпечатками гребенчатого штампа по плечику в той декоративной манере, что была свойственна роменцам, а также рядами горизонтально прочерченных полос практически по всему тулову. Последний элемент орнамента наиболее характерен салтовцам. Форму сосуда можно признать славянской (рис. 3, *2*). По нашему мнению, мастер, изготовивший это изделие, был носителем двух культурных традиций: роменской и салтовской, а если так, то этот случай следует рассматривать как проявление внутреннего синкретизма.

Таким образом, средневековые керамические материалы городища в с. Мохнач свидетельствуют о том, что проявление внешнего и внутреннего синкретизма были присущи его населению как в «салтовский», так и в «роменский» периоды его существования.

Селище Коробовы Хутора (Харьковская обл.) расположено вплотную к одноимённому городищу и занимает площадь более 25 га. Здесь в заполнении одного из юртообразных жилищ были найдены фрагменты от двух гончарных сосудов. Судя по профилям венчиков и орнаментации, это были кухонные горшки, изготовленные из плотного, хорошо отмученного теста без видимых примесей. Фрагменты имели качественный одноцветный коричневый обжиг. Эти салтовские по форме и гончарной технологии сосуды были украшены как в традициях СМК, так и в роменской традиции. В первом случае мы имеем в виду горизонтально прочерченные параллельные линии по шейке и плечику одного из сосудов (рис. 3, *3–4*). К традициям северянской орнаментации мы относим использование зубчатого «верёвочного» штампа для нанесения косых отпечатков по плечику и краю отогнутого венчика. Качество теста и отпечатков позволяет отличить эти «славянские» отпечатки от изредка используемых для подобной орнаментации отпечатков зубчатого «гребенчатого» штампа. В последнем случае чётко прослеживался бы каждый отдельно вырезанный зубчик орнаментального «гребешка», что в нашем случае исключено. Полученные данные вполне соотносимы с последним из выше описанных случаев и позволяют говорить о смешении этнических традиций в керамическом производстве (внутреннем синкретизме).

Селище Верхний Салтов (Харьковская обл.), давшее название всей археологической культуре, также даёт примеры проявления «керамического» синкретизма. Здесь, в жилище № 14 (Колода, 1999б; 2000. С. 43–45)***, наряду с традиционной керамикой СМК есть и типично роменская: лепная, со средним и крупным шамотом, плохо обожжённая (Колода, 1999б. С. 19). На один из фрагментов

*** Яма № 8 по полевой документации.

нанесён традиционный северянский орнамент (рис. 3, *5*). С учётом наличия в этом комплексе роменской печи и элементов славянского домостроительства можно сказать, что в этом жилище жил представитель славянского этноса, инкорпорированный в алано-болгарскую среду.

Селище Червоный Шлях (Харьковская обл.), многослойное, расположенное вблизи салтовского городища Меловое, в своём средневековом слое и в комплексах содержит славянскую и салтовскую керамику (Буйнов, Дегтярь, 1989. С. 7–21). Его материалы ещё изучаются, но уже сейчас ясно, что здесь есть проявления не только внешнего, но и внутреннего синкретизма в керамическом производстве. Обращают на себя внимание два фрагмента гончарных горшков. На одном из них мы видим сочетание традиционного салтовского горизонтального частого прочерчивания по плечику и косые отпечатки верёвочного штампа по отогнутому краю венчика, а на тулове второго нанесён типично роменский орнамент из двух рядов косых отпечатков верёвочного штампа (рис. 3, *6, 7*). Синкретизм данного памятника подкрепляется и материалами по домостроительству, что требует отдельного анализа. Таким образом, данные по указанному селищу свидетельствуют не только о совместном существовании в конце I тысячелетия н. э. представителей различных этносов (в том числе и славян), но и о начале слияния культурных традиций, в том числе и в керамическом производстве.

Городище Большое (Белгородская обл.) многослойное, его средневековые отложения относятся к СМК (Шрамко, 1969. С. 1–9; Афанасьев, 1987, С. 91–93). Здесь, в раскопе и в отдельных комплексах, также выявлены фрагменты салтовских и роменских горшков, что свидетельствует о совместном проживании славян и алан (Шрамко, 1969. С. 3–7. Табл. VIII, X). Кроме того, есть обломки сосудов, которые по тесту – лепные, с обильным шамотом, но относительно тонкостенные и украшенные традиционным для салтовцев горизонтальным прорезным орнаментом (Шрамко, 1969. Табл. VIII, 3–7), что можно расценить как попытку соединить в одном изделии техническую традицию славян с орнаментальной традицией СМК.

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что поселенческие материалы дают значительный материал о разнообразном взаимодействии этнокультурных и технологических традиций между восточными славянами и населением Хазарского каганата. В данной статье мы пытались привлечь внимание к одному из аспектов этой многовекторной проблемы – к синкретизму в керамическом комплексе и производстве на памятниках контактной зоны в бассейне Северского Донца. Проявление рассмотренного выше синкретизма свидетельствует не только о преимущественно мирном сосуществовании в указанном регионе, но и смешении этих этносов на уровне семейно-брачных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) //Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.

Березовець Д.Т. Слов'яни й племена салтівської культури // Археологія. 1965. Т. XIX.

Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Отчёт о работе Северско-Донецкой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 1988 г. // Архив ИА НАНУ. № 1988/60.

Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. Санкт-Петербург, 2006.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995.

Горбаненко С.А. Про землеробство жителів городища Мохнач (роменська культура) // Історична наука: проблеми розвитку: Мат. міжнародної наукової конф. Луганськ, 2002.

Горбаненко С.А. Землеробство и тваринництво слов'ян лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. Автореф. канд. дис. Київ, 2005.

Колода В. Некоторые итоги археологических исследований Мохначайского городища // Християнські старожитності Лівобережної України. Полтава, 1999а.

Колода В.В. Слов'янське житло на Верхньому Салтові // Збірник наукових праць: історичні науки. Науковий вісник ХДПУ. Вип. 2. Харків, 1999б.

Колода В.В. Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові // Археологія. 2000. № 4.

Колода В.В. К вопросу о роли каганата в истории восточных славян // Хазары: Второй международный коллоквиум: Тез. М., 2002а.

Колода В.В. Южная линия обороны городища в с. Мохнач (к проблеме славяно-хазарских отношений) // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Белгород, 2002б. Ч. II.

Колода В.В. Ещё один сезон работ на городище у с. Водяное на Харьковщине // АВУ 2002–2003 рр. Вип. 6. Київ, 2004.

Колода В.В. К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян //Хазары: Евреи и славяне. Т. 16. М., 2005а.

Колода В.В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследования городища Мохнач) // Хазарский альманах. Т. 4. Харьков, 2005б.

Колода В.В. Розвиток слов'яно-хозарських стосунків на Дніпровському лівобережжі // Культурна спадщина Слобожанщини: Історія, археологія, краєзнавство. Ч.5. Харків, 2005в.

Колода В.В. Слов'яно-хозарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Донця // АЛЛУ. 2005г. № 1–2.

Колода В.В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. 2007. № 2.

Колода В.В., Горбаненко С.А. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині // Археологія. 2004. № 3.

Красильников К.И. Печи славянского типа в жилищах салтово-маяцкой культуры Среднедонечья //Вопросы истории славян: Археология. Этнография: Сб. научн. тр.: Вып. 12. Воронеж, 1998.

Красильникова Л.І. Будівлі салтово-маяцької культури степового Наддніпров'я. Автореф. канд. дис. Київ, 2005.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII IX ст. Правобережного Середнього Подніпров'я. Київ, 1992.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.–Иерусалим, 1999
Плетнёва С.А. О заселении славянами Саркела Белой Вежи // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Европейская лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.
Приходнюк О.М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.
Приходнюк О.М. Пастирське городище, Київ-Чернівці, 2005.
Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.
Сухобоков О.В. До витоків ранніх контактів тюркського та слов'янського етносів на Лівобережній Україні // Східний світ. 2003. № 3.
Шрамко Б.А. Отчёт о раскопках и разведках у села Большое Городище Белгородской области в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4046.
Koloda V.V. The Change of hierarchical dominant in slavik – Khazar Relations (based on the Seversky Donets current Middle Area Date // Иерархия и власть в истории цивилизаций.: Вторая международная конференция (Санкт-Петербург): Тез. М., 2002в.

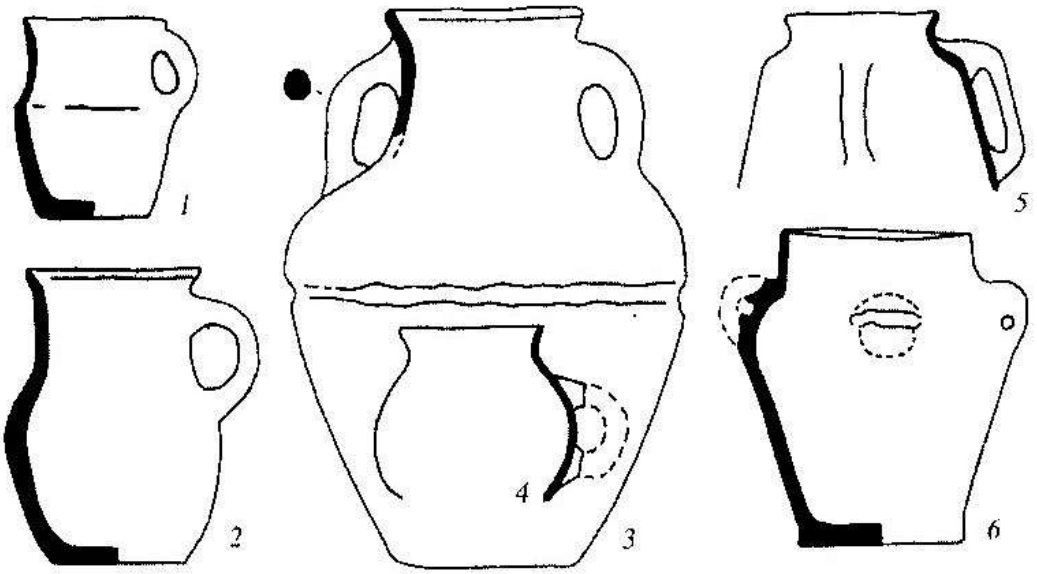


Рис. 1. Лепные сосуды с городища Новотроицкое.

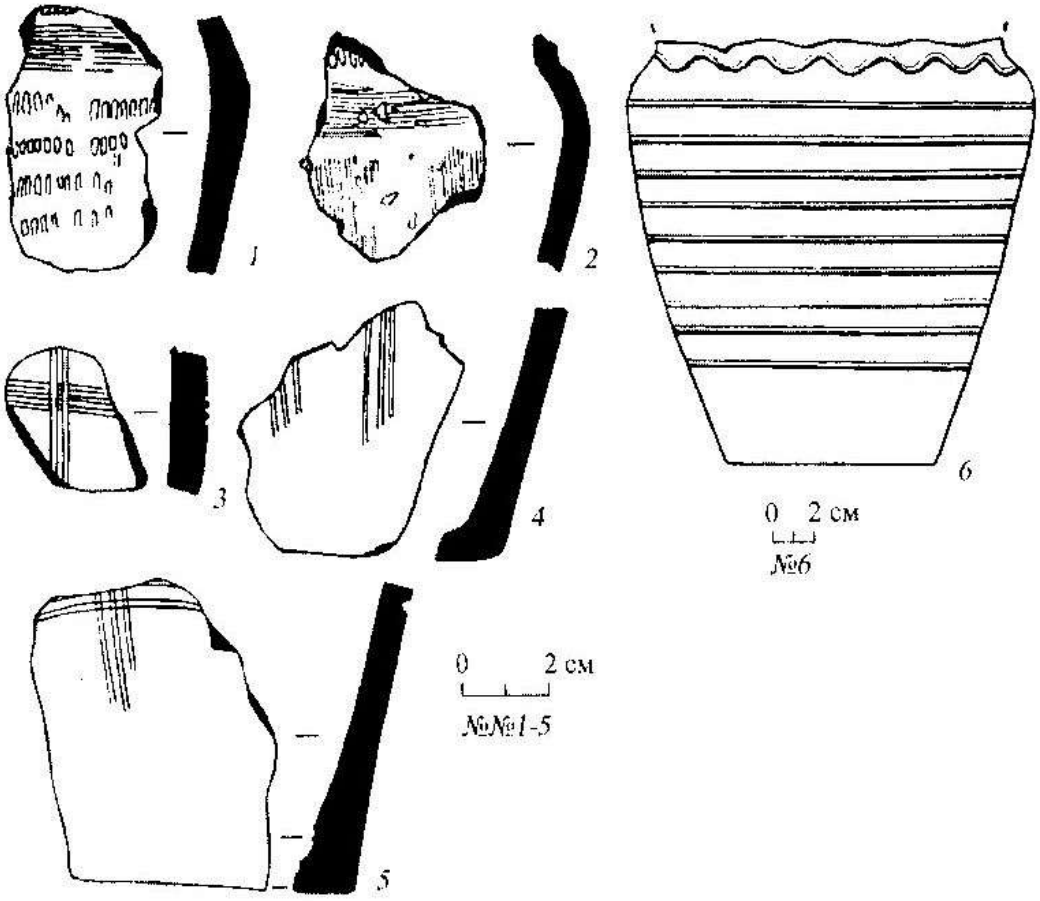


Рис. 2. Керамика с городища Водяное.

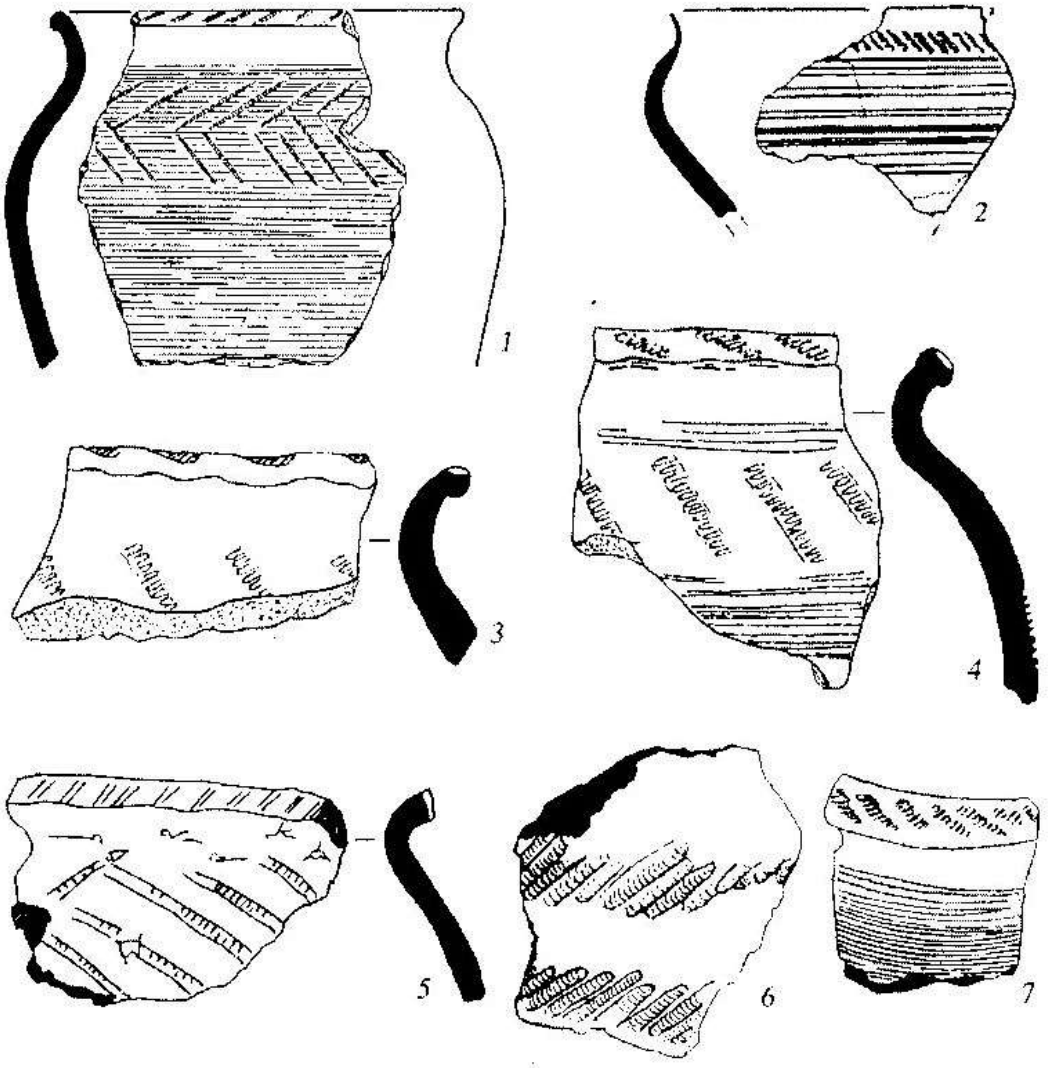


Рис. 3. Керамика с памятников Харьковской области.
1, 2 – Мохнач; *2, 4* – Коробовы Хутора;
5 – Верхний Салтов; *6, 7* – Червоный Шлях.

ДОРОГИ И ВОЛОКИ ДОНО-ДЕСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ VIII–XV вв.

© 2008 г. Р.Н. Перелетов
Елецкий государственный университет

Письменные источники донесли до нас некоторую, но весьма скудную информацию о торгово-транспортных магистралях Доно-Деснинского междуречья в эпоху средневековья. Между тем этот регион в силу своих географических особенностей выполнял важнейшую роль связующего элемента в системе непрерывных культурно-экономических контактов между Европой и Азией, византийско-причерноморским и славяно-русским миром этого времени. Археологические и нумизматические материалы ярче всего подтверждают стратегическую значимость целого ряда дорог Доно-Деснинского междуречья не только для населения роменской и боршевской культур или для жителей Чернигово-Рязанского порубежья, но и для множества других чрезвычайно удаленных друг от друга крупнейших цивилизационных центров Евразийского пространства в рамках VIII–XV вв.

Значительная часть этих трасс преимущественно носила характер транзитных магистралей, по которым товары направлялись на ведущие евразийские рынки либо при прямом посредничестве местного населения, либо минуя его. Все эти пути по способу транспортировки грузов с учетом специфики последних могут быть разделены на речные и сухопутные. Транзитные сухопутные маршруты тяготели, судя по всему, не к берегам, а к водоразделам рек. Что же касается речных дорог то в силу того что междуречье всегда изобилует мелководными верховьями рек, они не могли нормально функционировать без целой системы волоков. Участие местного населения в этих перевозках вместе с тягловым скотом и транспортными приспособлениями являлось необходимым условием регулярного перемещения купеческих караванов из Донского бассейна в Днепровский. Наконец, практически все дороги Донского бассейна, выходившие напрямую в бассейн Десны, вели к верховьям реки Сейм; таким образом, мы рассмотрим здесь сравнительно узкий участок трансконтинентальных путей между Европой и Азией, тяготевший в первую очередь к Чернигово-Северской земле.

Одной из наиболее активно использовавшихся для торгово-транспортных перевозок рек этого региона был в первую очередь Северский Донец.

К категории специфических находок, однозначно фиксирующих наличие постоянно действовавшего речного пути, мы, прежде всего, относим тарную амфорную керамику. Амфоры, использовавшиеся в эпоху средневековья для перевозки и хранения вина, оливкового масла, пряностей, нефти, возможно ароматических смол, зерновых культур, соленой рыбы и икры, в силу своей формы вряд ли могли транспортироваться иначе, как на кораблях беспалубного типа с обязательным наличием киля. Узкое дно амфоры не позволяло перевозить ее на плоскодонных судах и плотах, а также в возах и телегах по суше. При таком способе транспортировки неизбежным становился значительный процент боя. Наличие двух ручек у горла амфор говорит о том, что их грузили на дно судна, опуская между банками (сиденьями гребцов), погрузка через бортовое или палубное отверстие также привела бы к некоторым потерям товара. На сегодняшний день считается практически доказанным, что все известные на территории степей Северного Причерноморья амфоры – предмет ввоза, а не местного производства (Археология Украинской ССР, 1986. С. 241). Так называемые «причерноморские амфоры» VIII–X вв. в значительной части изготавливались в Крыму, амфоры же XI–XIII вв., по наблюдениям В.Ю. Коваля, происходили преимущественно из Трапезунда и Никеи (Коваль, 2003. С. 349).

Сопоставление карт распространения амфорной керамики на территории Восточной Европы, составленных С.А. Плетневой и В.Ю. Ковалем, в сочетании с некоторыми новыми данными даст весьма показательную картину функционирования речной торгово-транспортной магистрали по Северскому Донцу (Коваль, 2003. С. 344; Плетнёва, 1967. С. 132). Амфорные обломки встречаются практически на всем протяжении течения этой реки. В среднем и верхнем течении ее, где к Донцу максимально приближаются верховья рек Днепровского левобережья и Сейма, зафиксировано не менее 16 поселений, в культурном слое которых амфорные обломки составляют не менее 40–50 % всех керамических обломков. Кроме того, в верхнем течении Северского Донца выделяется еще 8 поселений, где процент таких обломков составляет 10–30 % от общего количества всей остальной керамики. Большая часть находок тяготеет к месту локализации летописного Донца и Донецких городков. Нам представляется, что такой процент выпадения амфорных обломков – результат боя амфорной тары, а не только потребления ввозимых продуктов исключительно местным населением. Бой неизбежно возникал при волоке кораблей из Северского Донца к верховьям соседних рек. Концентрация скоплений боя наводит на мысль о существовании волоков из верхнего и среднего течения Донца в Самару, Орель, Ворсклу, Псел и Сейм. Из всех перечисленных только последняя река выводила непосредственно в густозаселенные районы Чернигово-Северской земли. Впрочем, в среднее течение Сейма можно было попасть через волоки по верховьям все тех же Псла и Ворсклы (Шинаков, 1991. С. 93).

Письменные свидетельства служат косвенным подтверждением того, что жители бассейна Северского Донца специализировались на поставках вина в северо-западном направлении. По данным Ипатьевской летописи, в 1111 году жители осажденного Шарукана (городок со смешанным русско-половецким населением на Северском Донце) поднесли Владимиру Мономаху вино в качестве откупных даров на мирных переговорах. «В лето 6619 (1111 г.) ... Вложи Бъ Володимеру въ срдце . и нача ити брату своему Стополку . понужая его на поганыя на весну... и поидоша к Донови въ вторник . и оболичишася во броне . полкы изрядиша . и поидоша ко град Шаруканю... вечеру сущю и в неделю выидоша из города . и поклонишася княземъ Рускымъ . и вынесоша рыбы и вино...» (ПСРЛ, 2001. Стб. 265, 266). Можно предполо-

жить, что названные здесь товары, являвшиеся, несомненно, символическим даром признания власти Владимира Мономаха над городком, были основным богатством Шарукана. Рыба, вероятно, предназначалась для сплава и продажи на Нижнем Дону, а поступавшее оттуда и из Крыма вино шаруканцы могли продавать на Русь. Шарукан, таким образом, служил одним из перевалочных пунктов транзитной торговли Донского бассейна.

Хотя находки амфорной керамики в бассейне Сейма не столь многочисленны, та же Ипатьевская летопись в рассказе о событиях феодальной войны 1146 г. подтверждает наличие крупного склада импортного вина в городе Путивле. Здесь Изяславом Мстиславичем Киевским в качестве военной добычи было взято множество корчаг вина (ПСРЛ, 2001. Стб. 333, 334). Археологически районы крупной концентрации амфорной керамики в Подесенье зафиксированы у Чернигова, Новгорода Северского и Брянска.

Конечно, какая-то часть амфор и перевозившихся в них товаров могли уходить из Северского Донца в Киев и далее по рекам Днепровского левобережья, минуя Чернигово-Северские земли. Зато путь движения амфорной тары по реке Оскол почти наверняка ориентировался в первую очередь на Сеймское направление. Впрочем, нельзя полностью отрицать возможность перехода части купцов и грузов из Оскола на Быструю или Тихую Сосну для дальнейшего путешествия в Муромо-Рязанские или Владимиро-Суздальские земли (Коваль, 2003. С. 344).

На всем течении реки Оскол фиксируется 5 поселений, где количество амфорных обломков превышает 40–50 %, и 7 поселений, где количество амфорных обломков составляет 10–30 % всей остальной керамики. К бассейну Тихой Сосны тяготеют до 6 поселений с концентрацией амфорных обломков от 10 до 40 % от общего числа. Хотя на Быстрой Сосне отдельные амфорные обломки фиксируются лишь в районе Лавского археологического комплекса, тем не менее нельзя не учитывать, что правобережные притоки этой реки (Тим, Кшень и Олым) приближаются к верхнему течению Оскола и на сегодняшний день археологически мало изучены. Вообще же на водоразделе Северского Донца и Дона благодаря топографии распространения амфорных обломков в качестве предположительных водных маршрутов можно выделить еще реки Айдар, Калитву и Чир, позволявшие купцам, плывшим с товарами из Черного и Азовского морей, сократить путь по Дону.

Нельзя не отметить, что приведенные данные по амфорным обломкам из бассейна Дона преимущественно составлены по материалам карты С.А. Плетневой, ориентировавшейся в основном на VIII–X вв. Для более позднего времени (XI–XIII вв.) находки амфорной керамики здесь весьма немногочисленны. Не сопоставимо с данным ареалом и распространение аналогичных находок на Руси в целом. Археологическая картина здесь вступает в некоторое противоречие с письменными источниками и нашими рассуждениями. В том же Киеве, одном из наиболее значимых торговых центров Восточной Европы домонгольского времени, обломки амфор VIII–X вв., которых в Донском бассейне подавляющее большинство, единичны, а по всей Руси их практически нет. Единичны амфорные обломки и в Путивле, где согласно выше приведенному летописному сообщению они должны встречаться во множестве. Объяснение, по нашему мнению, здесь может быть следующее. Амфора вообще была довольно дорогостоящим сосудом, малопригодным для повседневного употребления в быту после того, как ее содержимое заканчивалось. Оседлое население Восточной Европы могло значительную часть этих сосудов отправлять обратно с кораблями традиционных поставщиков, но с другим грузом. Амфора из-под вина, масла, пряностей или благовоний могла элементарно вымываться, высушиваться и заполняться той же икрой, соленой рыбой, наконец, зерном, транспортировка которых на корабле в другой таре вызвала бы неизбежную порчу товара от влаги. Для нас весьма показательна в этом смысле находка нескольких целых амфор в Лебедяни. В подвальном помещении древнего строения, вероятно, XIII в., амфоры хранились, по-видимому, пустыми, весьма возможно, в ожидании прихода кораблей торговцев, которым они и были бы возвращены с другим грузом, который в свою очередь должен был заполнить сосуды непосредственно перед отправлением (Коваль, Надов, 2006. С. 47).

Поставки товаров в амфорах на территорию Восточной Европы в VIII–X вв., таким образом, по нашему мнению, были весьма объемными. Население Хазарского каганата в бассейне Дона выступало как посредником при перепродаже и транспортировке, так и потребителем этих товаров. Большая часть этой посуды из земель славян и Руси уходило в обратном направлении с другими грузами. После падения Хазарского каганата и принятия на Руси христианства картина несколько изменилась. Вино для русского населения стало не только престижным алкогольным напитком, но и необходимым элементом евхаристии (Коваль, 2003. С. 346). Поставки товаров в амфорах на Русь в XI–XIII вв. увеличились, отсюда многократно возросшее количество амфорных обломков в Русских землях. В то же время в Северо-Причерноморских степях после гибели Хазарского каганата в середине X в. количество потребителей сократилось, но оставшееся население продолжало по традиции заниматься организацией транзита этих товаров в северном направлении (Шарукан). Таким образом, мы полагаем, что амфорные обломки, фиксируя речные торговые пути, вовсе не являются стопроцентным показателем интенсивности поставок товаров, в них содержавшихся.

Сейчас большинство из перечисленных водных артерий превратилось в мелкие ручьи, плавание по которым практически невозможно. Это обстоятельство также может вызвать изрядную долю недоверия ко всему изложенному нами выше. Однако нельзя забывать, что глобальное обмеление рек – это результат хозяйственной активности человека в период последних двух столетий, и главным образом в XX в. К примеру, еще в XIX в. по той же Быстрой Сосне ходили транспортные баржи, плоты и лодки. Сегодня же ее невозможно пройти на байдарке даже в нижнем течении из-за обилия мелей и перекатов (Пясецкий, 1893).

Хотя амфорная тара фиксирует регулярное использование речных магистралей Доно-Деснинского междуречья лишь в рамках примерно VIII–XIII вв., так как с нашествием монголов поступление этой керамики на Русь в основном прекратилось, тем не менее мы можем

с известной долей уверенности сказать, что речные пути этого региона продолжали использоваться и в более позднее время. Здесь нам могут послужить письменные источники XVI в. «Записки» Герберштейна предоставляют широкий спектр информации по истории экономической географии Восточной Европы. «О путях купцов, которыми они пользуются при ввозе и вывозе товаров, а также при разъездах по различным областям Московии...» сообщается в специальной главе «Записок» – «Хорографии (географии) государства и владычества великого князя московского...» (Герберштейн, 1986. С. 84–85, 532). Здесь содержится ряд интереснейших замечаний о связях Донского с другими бассейнами, позволяющих существенно пополнить представления о роли последнего в системе важнейших путей того времени.

Герберштейн указывал на близость Дона и Волги в их нижнем течении, сообщал о географической близости истоков Дона с Окой, а также сделал интересное замечание о таком притоке Дона, как Быстрая Сосна: «...Говорят, что от истоков Оки берут начало две другие реки: Сейм и Сосна, из которых Сейм протекает по Северскому княжеству и, пройдя мимо города Путивля, впадает в реку Десну, которая протекает через город Чернигов и ниже Киева вливается в Днепр; Сосна же течет прямо в Дон». Данное сообщение позволяет сделать вывод о связях Донского, Сеймско-Деснинского и Окского бассейна, причем, несомненно то, что Герберштейн сам не бывал в этих местах, но получил сведения о них от купцов, о чем он и предупреждал в предисловии к своей «Хорографии» (Герберштейн, 1986. С. 84, 93, 95). Что же касается Быстрой Сосны, то археологические источники подтверждают ее активное использование купцами для дальней транзитной торговли уже в XII в. Сюда проникали вещи из Византии, Иерусалимского королевства и с Северного Кавказа.

Наконец, в «Записках» содержатся дополнительные сведения о причерноморских торговых центрах, куда путь лежал опять-таки через Дон. Еще дважды упоминается Азов, подробно описывается торжище в Перекопе, куда «...открыт свободный доступ всем, к какому бы народу они ни принадлежали». Упоминается также в системе речных торговых путей и Северский Донец – вторая по величине река Донского бассейна (Герберштейн, 1986. С. 93, 94).

Из числа сухопутных магистралей Доно-Деснинского междуречья, как наиболее ранний, нельзя никоим образом обойти широко известный путь из Булгара в Киев (IX–XII вв.). Эта торгово-транспортная магистраль на сегодняшний день, пожалуй, один из самых ярких примеров вычленения подобных трансконтинентальных маршрутов исключительно на основе синтеза археологических и письменных данных. Впервые в научный оборот на основании материалов карты ал-Идриси 1154 г. и ряда других источников он был введен Б.А. Рыбаковым. Общее направление данной магистрали определялось им как караванная тропа от Среднего Поднепровья до Верхней Волги через территорию Среднего Дона и земли донских славян (Рыбаков, 1952. С. 30; 1969. С. 193). Комплексные исследования Института археологии АН УССР, Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и Воронежского государственного университета в ходе экспедиции 1989–1990 гг. в основном подтвердили мысль и расчеты Б.А. Рыбакова. На большей части маршрута Киев – водораздел Сейма и Сулы – верховья Северского Донца – Дон (между устьем Воронежа и устьем Тихой Сосны) – верховья Цны и Хопра – водораздел Мокши и Суры – Булгар археологами была выделена практически непрерывная цепь поселений, расположенных друг от друга на расстоянии дня караванного пути. И хотя материалы карты ал-Идриси относятся к середине XII в., было доказано, что описанная магистраль сложилась гораздо раньше, еще в период формирования восточнославянской общности. На славяно-русских поселениях VIII–XII вв. были встречены предметы восточного и булгарского импорта, клады и отдельные находки арабских монет. От Среднего Дона до Верхней Волги подобные поселения не выявлены, что соответствует данным арабских источников, свидетельствующих о безлюдности этого региона в рамках VIII–XII вв. (Моця, Хаников, 1990. С. 17).

Наши представления о сухопутных дорогах Доно-Деснинского междуречья более позднего времени формируются в первую очередь благодаря «Книге Большому чертежу», то есть описанию крупнейшей несохранившейся карты России XVII в., представляющей собой свод географических и этнографических сведений и составленной в 1627 г. в Разрядном приказе. Из упомянутых в этом документе шляхов и сакм через интересующий нас регион проходили по меньшей мере пять стратегических военно-транспортных магистралей. К их числу относятся Муравский шлях, Бакаев шлях, Пахнутцова дорога, Кальмиусская сакма и Изюмская сакма, которые связывали Крымские торговые центры Перекоп и Бахчисарай с Тулой, Рязанью, Курским Посемьем, Серпуховом и Москвой. Перечисленные дороги, в отличие от упомянутого выше широтного пути из Булгара в Киев (восток–запад, с некоторым отклонением на северо-восток – юго-запад), являлись меридиональными (юг–север), и если последний использовался преимущественно для караванной торговли, то шляхи и сакмы помимо средств экономических связей выступали еще в качестве основных маршрутов кочевнических набегов на Юго-восточные окраины России.

Согласно «Книге Большому чертежу», Кальмиусская сакма проходила сначала в восточном направлении из Крыма вдоль побережья Азовского моря и от верховьев рек Кальмиус и Миус поворачивала на север. Далее дорога вела через среднее течение Северского Донца по водоразделу Айдара и Оскола к среднему течению Тихой Сосны. Затем путь шел через верховья реки Потудань по водоразделу рек Олым и Свинна, пересекал Быструю Сосну напротив устья речки Чернавы и от водораздела Чернавы и Ясенка вел далее к верховьям сначала Воргола, а затем Красивой Мечи. На стратегическое значение этой трассы указывает то обстоятельство, что в районе Чернавского устья действовали сезонные пограничные заградительные отряды русских войск: «...в летнюю пору, на реке Сосне, на усть реки Чернавы, в городке стоят заставные головы сотнями, переменяясь, на Кальмиюской дороге...» (КБЧ, 1950, С. 60). Севернее Ливен Кальмиусская сакма сходилась с Муравским шляхом, и далее вела уже просто Муравская дорога (современная дорога Ливны – Тула) (КБЧ, 1950, С. 60-78).

Изюмская сакма вела от верховьев Кальмиуса к верховьям Самары, пересекала Северский Донец около устья Оскола возле крепости Изюм, а по правобережью этой реки она доходила до верховьев Сейма, где соприкасалась с Пахнутцовой дорогой, Бакаевым шляхом и сливалась с Муравским шляхом. Уже упомянутая Пахнутцова дорога шла от Болхова и верховьев Оки и соприкасалась с истоками Сейма и Быстрой Сосны: «...а Сосна река вытекла ис под Пахнутцовы дороги...» (КБЧ, 1950, С. 78–81). Бакаев шлях от Среднего Поднепровья по водоразделу Псла и Ворсклы выходил к вышеназванной точке соприкосновения Муравского шляха, Пахнутцовой дороги и Кальмиусской сакмы у истока реки Сейм. Что же касается Муравского шляха, то он проходил в основном по правобережью Северского Донца через верховья левобережных притоков Днепра Самары, Орели, Мерлы, Ворсклы и Псла, а затем через водораздел Тима и Кшени шел к Ливенскому перелазу через Быструю Сосну в направлении на Тулу.

Исследователи давно уже обратили внимание на то, что пограничные городки Юго-Востока Руси XII–XIII вв., расположенные в верховьях Северского Донца, Оскола, на Дону и Воронеже городища Романово, Животинное, Семилуки, Холки, Крапивное, Хорошево, Гайдары, Мохнач, прикрывали собой шляхи начала XVII века (Дьяченко, 1983; Цыбин, 2000. С. 135; Кудрявцева, 2000. С. 152). Таким образом, данные «Книги Большому чертежу» удревняются, по меньшей мере, на четыре столетия и восходят к временам половецкого преобладания в степях Северного Причерноморья. К.В. Кудряшов связывал с маршрутами шляхов направление похода войск Игоря Новгород-Северского на половцев в 1185 г. (Кудряшов, 1959).

Говоря о торгово-транспортных магистралях, нельзя не упомянуть о нумизматических материалах, находки которых, конечно же, являются прямым и главным свидетельством торговой деятельности в любом человеческом обществе. Оценка этих материалов в контексте средневековой истории описываемого региона неоднократно производилась в работах В.В. Кропоткина, Г.А. Фёдорова-Давыдова, А.Г. Шпилёва, В.В. Енукова, С.П. Щавелева, А.В. Григорьева и др. (Кропоткин, 1962. С. 21–37; 1968. С. 72–79; Фёдоров-Давыдов, 1960. С. 94–192; 1963. С. 165–221; 1974. С. 176–182; 2003. С. 71–161; Шпилёв, 2001. С. 58–62; 2003. С. 344–361; Енуков, 2005. С. 145–164; Щавелев, 2001. С. 145–218; Григорьев, 2000. С. 162–224). После такого количества обобщающих работ трудно сказать на эту тему что-либо принципиально новое, не имея на руках каких-либо новых данных, но мы все же попытаемся изложить некоторые наши общие представления о методологии исследования нумизматических материалов при оценке торговых связей.

Прежде всего, по нашему мнению, значительная часть вышеназванных исследователей допускает в своих рассуждениях несколько специфических, часто повторяющихся ошибок. Во-первых, мы полагаем, что проводить на основании топографии монетных кладов маршруты речных торговых магистралей не совсем корректно. Монета на берег реки могла попасть откуда угодно, это не тот товар, который нуждается исключительно в речной транспортировке. Не секрет, что подавляющее большинство нумизматических находок VIII–XV вв. из региона Доно-Деснинского междуречья составляют арабские и золотоордынские дирхемы. И арабы, и ордынцы для своих перекочевок и путешествий традиционно пользовались сухопутными маршрутами. То, что большинство монет оседало именно по берегам рек, говорит лишь о том, что здесь концентрировалась основная масса местного населения, а вовсе не о наличии именно речной перевозки серебра. Во-вторых, для нас не совсем приемлемо одностороннее направление денежных потоков, описываемое в работах упомянутых авторов как перевозка монет из Курского Посемья в славяно-русские земли. Не ясно, почему авторами исключается или не принимается во внимание обратный отток серебра в восточном, юго-восточном направлении, что кажется нам вполне естественным при регулярном товарно-денежном обмене. Переходя из рук в руки, монеты могли совершать самые невероятные перемещения. Вовсе не обязательно, что, скажем, арабские дирхемы попадали в бассейн Десны через Донской или Окский бассейны. Купцы могли везти монеты с рынков Волжской Булгарии или Хазарского каганата в тот же Новгород Великий, а уже оттуда ездить в Чернигов и Киев. Наконец, в-третьих, массовые монетные клады на том или ином отрезке торгово-транспортных магистралей, на наш взгляд, свидетельствуют скорее об угрозе жизни и имуществу купцов и местного населения в определенный период времени, нежели об экономической развитости региона или активном передвижении торговых караванов. В силу этого мы не считаем возможным выделять какой-либо конкретный речной или сухопутный маршрут в качестве основного пути поставок драгоценных металлов в Восточную Европу на основании топографии монетных находок и кладов.

На наш взгляд, весьма показательную информацию несет в себе количественный состав монетных кладов, свидетельствующий о финансовом состоянии торговцев региона. Примечательно, что в лесостепной зоне Верхнего и Среднего Дона до сих пор неизвестны клады арабских и ордынских монет, количественный состав которых намного превышал бы 500 экземпляров. Зато в Курском Посемье известны клады арабских дирхемов, в составе которых находилось от 800 до 1000 экземпляров (д. Шеховцово 1937 г. и 2-я Воробьевка 1965 г.), а также золотоордынский монетный клад, содержавший в своем составе около 1000 дирхемов и 5 серебряных слитков (Петровы Буды 1868 г.) (Шпилёв, 2001. С. 58-59; 2003. С. 357, 358). Самыми значительными кладами Донского бассейна на сегодняшний день являются, наверное, клад арабских дирхемов из окрестностей Острогожска (1925 г.) и золотоордынский монетный клад села Лавы Елецкого района (1974 г.). Судя по весу (1 кг 250 г), Острогожский клад включал в себя не менее 419 экземпляров арабских монет, что же касается Лавского клада, то только в сохранившейся его части насчитывается 301 экземпляр золотоордынских дирхемов, и, по разным данным, от одной трети до половины монет этого клада разошлось по рукам (Фёдоров-Давыдов, 2003. С. 107).

Помимо золотоордынских и арабских в Доно-Деснинском междуречье встречаются еще клады и отдельные находки золотых и серебряных византийских и древнерусских монет различного времени. Впрочем, последних значительно меньше.

Конечно, не одни только амфорные обломки и нумизматические находки служат доказательством развития торговых связей и активного функционирования речных и сухопутных дорог Доно-Деснинского междуречья в рамках VIII–XV вв. В рамках данной статьи мы позволим себе лишь перечислить некоторые другие категории импортов, являвшихся не менее значимыми товарами в указанный период времени и систематически встречающихся во время ежегодных археологических раскопок. Сюда относятся каменные хрустальные и сердоликовые бусы, поступавшие из региона Передней Азии, и шиферные пряслица Овруча. Довольно часто встречаются всевозможные изделия из цветного стекла: это и бусы, и браслеты, и фрагменты сосудов арабской, византийской, киевской и северорусской работы. Значительная часть этих материалов нуждается в специальной оценке и спектральном анализе. Полагаю, мы не ошибемся, если назовем бронзу и ее компоненты преимущественно импортным материалом. Хотя местные мастера-ювелиры довольно часто использовали бронзу в своих работах, собственных запасов цветных металлов у них не имелось, а значит, они должны были закупать их у проезжих торговцев. Среди ввозимых товаров, несомненно, присутствовали предметы домашнего обихода и орудия труда. К сожалению, в весьма плачевном виде до нас дошли немногочисленные фрагменты импортных тканей, чаще всего они попадаются в могильниках (детали савана), а между тем, судя по письменным данным, именно ткани были наиболее востребованным на средневековых рынках товаром.

В заключение нам хотелось бы отметить, что полномасштабная оценка значения торгово-транспортных магистралей Доно-Деснинского междуречья требует специальной кропотливой работы по анализу широчайшего спектра источников с привлечением большого количества специалистов самых разнообразных вспомогательных исторических дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.

Герберштейн С. Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып.2. Тула, 2000.

Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1983.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край: Научн.-популярн. серия: В 20 т. Т. 3. Курск, 2005.

КБЧ. М.–Л., 1950.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Коваль В.Ю., Надов К.О. Находки византийской тарной керамики в Лебедяни. // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича: Сборник материалов. Вып. 7. Елец, 2006.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1962. Вып. Е 4–4.

Кропоткин В.В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX вв. // Славяне и Русь. М., 1968.

Кудрявцева Е.Ю. Древнерусско-половецкое пограничье в лесостепном Подонье (вторая половина XII – первая треть XIII вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000.

Кудряшов К.В. Про Игоря Северского, про землю русскую. М., 1959.

Моця А.П., Халиков А.Х. Путь из Булгара в Киев: Результаты и задачи исследований // Археологическое изучение микрорегионов: итоги и перспективы. Воронеж, 1990.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА, 1967. № 142.

ПСРЛ. Т. 2. М., 2001.

Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда // Тр. Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1893.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г.// КСИИМК. 1952. Вып. 43.

Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Цыбин М.В. Юго-Восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (История развития идеи) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Вып. 14. Воронеж, 2000.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых норм в Золотой Орде) // НЭ. 1960. Т. I.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Шпилёв А.Г. Курские клады джучидских монет // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции: труды Юбилейной науч. конф. Тула, 2001.

Шпилёв А.Г. Курские клады куфических монет и Северянское Посемье // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 1.

Щавелев С.П. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы I и II тысячелетий н. э.) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника // Тр. ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ VIII–XI вв.

© 2008 г. В.В. Приймак

Историко-культурный заповедник «Бельск», Полтава

1. Состояние источниковой базы

Приступая к изучению роменских памятников, О.В.Сухобоков опубликовал статью с перечислением актуальных проблем изучения роменской культуры (Сухобоков, 1971. С. 37–49). Реализации этой программы, частично совпадающей с пунктами программной работы Д.Т. Березовца (Березовец, 1953. С. 28–44), но учитывающей и некоторые положения, выдвинутые И.И. Ляпушкиным, исследователь посвятил более 30 лет активных полевых исследований. Тем не менее не все из поставленных вопросов ему удалось разрешить, сделав при этом однозначные выводы. Источниковая база работ О.В.Сухобокова обширна, но мало опубликована. Последующему поколению специалистов по роменской культуре придется работать в первую очередь с материалами, накопленными этим исследователем. Одному ученому ввести их в научный оборот явно не по силам.

Из нескольких десятков жилищ Волынцева (Стан), исследованных Д.Т. Березовцом и С.П. Юренко, О.А. Щегловой опубликованы два керамических комплекса из раскопок первого исследователя (Щеглова, 1986. С. 18. Рис. 2; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 282. Рис. 97). Из более 50 жилищ Битицы 1 введены в оборот два комплекса – из раскопок И.И. Ляпушкина, а также В.В. Приймака и А.Н. Некрасовой (Ляпушкин, 1959. С. 71–78. Рис. 9–16; Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 92–105).

Роменские керамические комплексы известны значительно хуже волынцевских. Из бассейна Сулы опубликованы только довольно бедные наборы посуды Городища (средневековая Многа) (Приймак, 1997. С. 23–28. Рис. 3–8), очень скудные материалы Сенчи (Самсонов остров) (Моргунов, 2003. С. 32–40). Ждут публикации роменские материалы раскопок Ю.Ю. Моргунова в Снепороде и О.В. Сухобокова в Лубнах. Немногим лучше ситуация разве что с Ромнами, которым посвящено несколько публикаций О.В. Сухобокова и его соавторов.

В бассейне Псла исследовано не менее 70 роменских жилищ (Новотроицкое, Горналь, Зеленый Гай, Каменное), однако не опубликован ни один керамический комплекс. Обобщенная типология керамики Новотроицкого (как и Волынцева, Опошни) никоим образом не может заменить публикации комплексов, поскольку они не дают возможности для их полноценного сопоставления и выявления хронологических, региональных и этнографических особенностей роменских древностей и сравнения их с волынцевскими. Введены в оборот один позднероменский курган из Каменного (Сухобоков, 1990. С. 100–101. Табл. XX) и один позднероменского времени, но более ранний, из Краснянской группы Зеленого Гая.

Из бассейна Ворсклы доступны также только несколько керамических комплексов – из Заречного (Приймак, 1990. С. 81–86) и Полтавы (Супруненко, Кулатова, Приймак, 2001. С. 52–76; Мироненко, Супруненко, 2002–2003. С. 143–156). Ждут публикации часть комплексов Заречного (работы П.Н. Третьякова и В.В. Приймака), в том числе аналогичные курганным из Городного на Мерле (раскопки А.А. Моруженко) Не введены в научный оборот материалы Ницахи (раскопки О.В. Сухобокова), Глинского, частично – Полтавы (исследования А.Б.Супруненко), Опошни (раскопки И.И. Ляпушкина и О.В. Сухобокова), а также Журавного (исследования А.П. Моци).

В последнее время активно публикуются комплексы из бассейна Северского Донца (раскопки В.В.Колоды).

Лучше известны памятники Посеймья. Введены в оборот керамические комплексы городища Курган (Приймак, 1997. С. 20–23, 30. Рис. 9–10), часть материалов раскопок Д.Т. Березовца на городище Воргол и в курганной группе, расположенной возле этого городища выше по течению Клевени (Приймак, 1993. С. 139–140. Рис. 2; Приймак, 1997. С. 28–29. Рис. 11, 12). Публикация материалов из Курского Посеймья – поселений Тазово (Григорьев, 2000. С. 44–45. Рис. 17–18), курганов Шуклинского могильника (Зорин, 2005. С. 81–90) и Курска на Тускари, Липино (Енуков, 2005. С. 267–306. Рис. 56–60) на Сейме, позволяет произвести сравнение памятников Путивльского и Курского течений Сейма между собой и с материалами Новгород-Северского Подесенья (Григорьев, 2000. С. 30–42. Рис. 7, 8, 16). Однако данные ряда интереснейших памятников Путивля и округи, имеющих роменские отложения, из раскопок Б.А. Рыбакова (Городок) и, главным образом, О.В. Сухобокова (в Путивле – Городок, Никольская Горка, Коптева Гора, ближайшей округи – Латышовка, Лухтовка), опубликованы без иллюстраций. Отсутствует план могильника у с. Октябрьское, на котором работали Д.Т. Березовец и С.С. Ширинский (в составе экспедиции Б.А. Рыбакова 1965 г.). Ждут публикации материалы раскопок автора на городище Литвиновичи.

Нетрудно заметить, что Псел, являющийся по существу осевым стержнем памятников юго-восточного локального варианта роменской культуры (Приймак, 1999. С. 11–19), для данного времени остается «белым пятном».

2. Проблемы изучения волынцевских древностей

В основном волынцевские памятники, кроме опубликованных к моменту выхода в свет монографии Е.А. Горюнова и материалов исследований, изданных после его смерти О.А. Щегловой (Горюнов, 1981. С. 83–94; Щеглова, Бажан, 1983. С. 64–67. Рис. 2, *29–31*; Щеглова, 1987. С. 43–48), известны по небольшим раскопкам периферийных относительно Битицы поселений и могильников. Комплексы бассейнов Псла (округа Битицы–Токари, Запселье), Ворсклы (Солдатское), Посеймья (Веселое) опубликованы автором (Приймак, 1994. С. 31–48, 59–76. Рис. 7–11, 14–15, 20–25). Материалы исследований памятников Посеймья (Литвиновичи, Попово-Лежачи) и близких им поселений бассейна Ворсклы и Псла (Обломский, Терпиловский, 2001. С. 5–16; Обломский, 2000. С. 142–151; Казанский, Середа, 2001. С. 19–25), Сулы (Жаров, Терпиловский, 2003. С. 4–7) также опубликованы. Стали известными памятники Курского Посеймья (Обломский,

Радюш, Веретюшкин, Приймак, 2003. С. 54–58; Енуков, 2005. С. 113, 115–117; Веретюшкин, Обломский, Приймак, 2005. С. 53–57). Готовятся к публикации материалы могильника с волынцевскими материалами у с. Лебяжье под Курском (раскопки Н.А. Тихомирова). Введены в оборот материалы раскопок Л.И. Скибы в нижнем течении Сейма (Майко, 2004), памятников Подесенья – Роища, Александровки, Шестовиц (Терпиловский, 1990. С. 45–74; Терпиловський, Шекун, 1996; Коваленко, 1999. С. 40; Терпиловський, Шекун, 2004. С. 215–238).

Готовятся к изданию комплексы только что исследованного поселения с пеньковско-сахновскими материалами у с. Глинское на Ворскле (раскопки В. Шерстюка и Ю. Пуголовка), исследуется поселение в окрестностях Харькова с материалами подобного облика (раскопки И.Б. Шрамко и С.А. Задникова).

До сих пор, к сожалению, говоря о памятниках Битицы, исследователям доступны лишь материалы раскопок И.И. Ляпушкина и автора. Выводы о русах в разных работах О.В.Сухобокова, базирующихся на одних и тех же материалах, совершенно разные (Сухобоков, 1992. С. 64–65; Комар, Сухобоков, 2004. С. 169–170). При этом в последней публикации, где речь идет о связанных с варягами артефактах (наконечники стрел «гнездовского» типа из слоя, а также «топор со щекавицами из волынцевской печки»), читатель не только не увидит рисунков самих предметов, но и внятных ссылок на их аналогии, определений типов вещей. Кстати, отнесение вещи из печки к «слою разгрома» также вызывает некоторое недоумение.

Автором идеи о разгроме Битицы норманнами является Е.А. Шинаков. Однако он исходил из того, что данное событие произошло в последней четверти IX в., аргументируя это невозможностью четко провести грань между указанным временем и 1-й четвертью IX в. (Шинаков, 2002. С. 125). В данном случае важнейшую роль играет датировка клада из кв. Ш-2 Новотроицкого с арабскими монетами, относящегося к первому периоду обращения (на горшочке, в котором он находился, есть «гусеничный» орнамент), а также отсутствие арабских дирхемов на волынцевских памятниках, на что не обратили внимание исследователи. Кстати, совпадают и мысли А.В. Комара и Е.А. Шинакова относительно заимствования системы эксплуатации северян методами Хазарского каганата (Шинаков, 2002. С. 126; Комар, 2003. С. 105). С.В. Воронятов уже достаточно тактично обратил внимание на это обстоятельство (Воронятов, 2005. С. 204).

А.В. Комар, как и С.В. Воронятов, видимо, не знают памятников Битицы. В частности, они не говорят о существующем на соседнем мысе, примерно в 300 м к юго-западу от волынцевского памятника, роменском городище. Подножия стрелок обоих мысов разделяет буквально 10–20 м, один из комплексов последнего из раскопок О.В. Сухобокова 1985 г. (при участии автора) частично опубликован (Колода, 1999. С. 211. Рис. 3, А). Судя по отсутствию на городище гончарной древнерусской керамики, этот памятник должен быть синхронным Новотроицкому. В керамическом комплексе присутствует посуда с орнаментом в виде ломаных линий, подобная встреченной на Новотроицком (Ляпушкин, 1958. С.37. Рис. 21, *1*), как, кстати, и неотличимая от волынцевской лепной, украшенной пальцевыми защипами по венчику, а также обычной роменской, с гусеничным орнаментом. К тому же вокруг обоих городищ находится несколько селищ, выявляемых по группам западин, аналогичных тем, что исследованы на обоих городищах и оказались жилищами. Одна из них, расположенная в напольной части мыса, была разрезана контрольной траншеей еще в начале 90-х гг. XX в., когда предполагалось длительное исследование округи Битицы. По-видимому, данная постройка была хозяйственной, судя по небольшим размерам. Из ее заполнения происходят фрагменты типичной роменской керамики.

Что касается замечания С.В. Воронятова относительно заброшенности погребений Битицы 1, то в объектах из раскопок автора 1984 г., как и в раскопе И.И.Ляпушкина, погребений встречено не было. На городище сохранились только погребения в жилищах и одно – на линии укреплений (Юренко, Сухобоков, 1993. С. 40–43). Естественно, что масштабы разгрома были столь велики, что о судьбе всех жителей Битицы (имеется в виду и посад, значительная часть которого не выявлена, поскольку западины снивелированы плантажной вспашкой при посадке леса) уцелевшая часть населения знать не могла. В пространстве между жилищами (раскопки О.В. Сухобокова и С.П. Юренко при участии автора) встречались находки (сабля, удила и др.), но не костяки.

На основании некоторых черт материальной культуры (домостроительство – печи, вырезанные в материке, дополнительные очажки в жилищах; керамический комлекс; орудия земледелия, контуры оформления напольной части укреплений – глубокий ров и характерный для Битицы 1 и Ваколовщины угол, образуемый валом на этих городищах, возведенных в раннем железном веке, (повторенный на Новотроицком) можно предполагать, что какая-то уцелевшая часть жителей разгромленной Битицы 1 перебралась на Новотроицкое (а может быть, знакомые с Битицей обитатели селища Кудановка), а часть осталась на Битице 2. Сам мыс, на котором располагалось Новотроицкое, в целом является уменьшенной копией мыса городища Битица 1, тогда как городище Битица 2 было во много раз меньшим, по существу, кольцевым.

Относительно поселения в урочище Стан у с. Волынцево: никаких оснований видеть в нем какой-то центр, хотя бы отдаленно напоминающий Битицу, нет. Скорее на роль регионального центра Посеймья могут претендовать другие памятники: Латышовка (раскопки О.В. Сухобокова при участии автора 1982 г.), вблизи которой найден Харьевский клад, Рыльск (гора Ивана Рыльского). Тем не менее, присутствие какого-то салтовского или близкого к нему степного населения собственно на поселении в урочище Стан отмечается по погребальному обряду ингумаций в жилищах.

3. Памятники бассейна среднего Псла и варяги

Ниже по течению Псла, ровно в 7 км от роменского городища Битица 2, начинается восточная часть Зеленогайского курганного некрополя, на котором исследовано несколько камерных погребений (Приймак, Осадчий, 2005. С. 68–76). Еще ниже по Пслу находится Шпилевский археологический комплекс, выделяющийся как наличием нескольких курганных могильников роменско-древнерусского времени, так и кладом вещей с аналогиями из кладов Бирки, датируемых в пределах последней чет-

верти X в. (Приймак, Осадчий, 2005. С. 68–76). Сам Шпилевский клад на основании монет датируют обычно рубежом тысячелетий. Кроме того, уместно вспомнить и об аналогичных находках в Горнале, расположенном в 20 км от Битицы выше по течению Псла. Например, ланцетовидный наконечник стрелы из жилища 16, одного из богатейших в Горнале (Куза, 1981. С. 34. Рис. 17, *б*), относится к типу 62, варианту 2 по А.Ф. Медведеву (Каинов, 1999. С. 49–50, 52–53. Рис. 2, *1–5*). Стрелы Горналя и Новотроицкого относятся к типу 34 по А.Ф. Медведеву, по определению А.В. Кузы (Куза. 1981. С. 29, 34. Рис. 17, *9*). В материалах Ярославского Поволжья, кстати, именно такие наконечники определены как ромбовидные гнездовского типа (Недошивина, 1963. С. 56–57. Рис. 32, *7*). Однако именно на наконечниках типа 34 В.Н. Зоценко специально заострил внимание, поскольку они близки к типу «B-Birka», имеют весьма широкое распространение, являясь восточноевропейской параллелью указанному типу, распространенному в Скандинавии, и относительно широко датируются VIII–X вв. (Зоценко, 1994. С. 92). Следует отметить, что и горнальский боевой топор из постройки 8 также имеет щекавицы и, как указал автор исследований, аналогичен гнездовскому и датируется X в. (Куза, 1981. С. 19, 29).

Говоря о ланцетовидных наконечниках стрел, С.Ю. Каинов отмечает, в частности, скандинавское происхождение типа 62 (варианты 1 и 2). Эти стрелы появляются в Восточной Европе во 2-й половине VIII в. в Старой Ладоге, а период активного бытования относится в основном к X – началу XI вв. (Каинов, 1999. С. 61). Кстати, из учтенных этим исследователем памятников южнорусских земель – мест находки таких стрел – наибольшее количество ланцетовидных наконечников стрел приходится на Шестовицу (кроме того, названы Гомий, Синин Мост, Вышгород, Монастырек, Княжа гора, Галич и Екимауцы). Если учесть и данные, приведенные В.Н. Зоценко, о географии скандинавских находок вооружения в южнорусских землях (Киев, Чернигов, Дорогобуж, Плисиеск, Искоростень), то речь скорее может идти о киевских дружинниках (Зоценко, 2004. С. 90–94; Зоценко, Звиздецкий, 2006. С. 73, 87. Рис. 1, *1*), базирующихся в разных населенных пунктах (в том числе Левобережья). Это полностью согласуется с данными, которые приведены выше. Таким образом, наличие стрел гнездовского типа на городище Битица I, о которых говорится в публикации О.В. Сухобокова и А.В. Комара, объясняется, как это вытекает из археологического контекста, совершенно другими причинами.

Кроме того, следовало бы учесть, что собой представляла Старая Ладога в конце VIII – начале IX в., как и другие центры норманнского пребывания в Восточной Европе. А.Н. Кирпичников в ряде работ характеризует предпосылки формирования Старой Ладоги и данный протогород VIII в. (750–800 гг.) такими чертами:

– расположение поселений славян со середины VIII в. в ключевых местах водного пути у порогов, переправ, мест перегрузки товаров;

– строительство поселений совпало или несколько опередило начало проходившей через Волхов евразийской торговли;

– образование в Юго-Восточном Приладожье зоны межплеменной торговли;

– вероятность посещения Ладоги жителями разных стран (с 825-850 гг. – проживания скандинавов, фризов, чуди и др.).

При этом констатируется достижение размеров городской территории 10-12 га с конца IX в. (т.е., спустя столетие после аналогичной по размерам Битицы 1) (Кирпичников, 1985. С.24-25).

По мнению В.А.Назаренко, огромное влияние на жизнь населения нижнего Поволховья и Приладожья оказал оформившийся в VIII в. северный участок Великого Волжского пути, на котором Ладога играла роль перевалочного пункта в торговле Балтики с Востоком (Назаренко, 1979. С. 110–111). А.Н. Кирпичников на основании монетных находок в Скандинавии датирует уловимое время начала формирования Волжского пути серединой – 3-й четвертью VIII в. (Кирпичников, 1979. С. 97). Е.Н. Носов датирует «восточный» путь со 2-й половины – последней четверти VIII в. Его маршрут: вверх по Волхову, далее по рекам Ильменского бассейна с переходом волоками в верховья Волги и через Волго-Окское междуречье на Дон и к низовьям Волги (Носов, 1999. С. 160). До середины IX в. обмен мехов на изделия из стекла, металла, кости происходил также и неэквивалентно, с разбоем и грабежом (Назаренко, 1979. С. 110–111). Е.Н. Носов подчеркивая трудности пути по рекам, отмечает сезонность всплесков прилива населения в Ладоге, когда и проявлялась посредническая функция Ладоги между регионом Балтики и внутренними районами Восточной Европы (Носов, 2000. С. 167).

Многими исследователями единодушно отмечено, что округа Ладоги не приспособлена для сельскохозяйственного производства, в первую очередь земледелия, развившегося уже ближе к XII в. (Кирпичников, 1985. С. 24–25; Толочко, 1989. С. 82; Носов, 2000. С. 166).

Товарами, на которые обменивались меха, могли быть стеклянные бусы. В VIII–IX вв. средневолжский рынок, связанный с Ладогой, занимал второе место после салтовского по этому показателю (Валиулина, 2000. С. 52). Однако следует иметь в виду, что поступление бус в Восточную Европу, в частности, в Гнездово, осуществлялось не только через южные торговые пути, но и через Прибалтику (Енуков, 1996. С. 20). Что касается бус VIII–IX вв. из Ладоги, то З.А. Львова по этому поводу отмечает: «...именно по водным торговым магистралям Западной Европы и не без посредничества норманнов стеклянные бусы проникали на север Восточной Европы, в частности, в Старую Ладогу» (Львова, 1968. С. 94).

Вполне вероятно, что реализацию мехов, полученных на Севере, норманны могли производить как через Прибалтику, так и Волжским путем, а позже и по пути из варяг в греки. Если бы эти меха не реализовались, то что с ними должны были делать варяги? А.П. Новосельцев специально остановился на причинах подчинения хазарами лесостепных и части полесских племен Поднепровья и Поволжья, считая главным желание хазар удержать в своих руках районы, откуда поступала пушнина (Новосельцев, 1990. С. 202–203). Поэтому, наверное, А.В. Комару следовало бы сосредоточиться на поиске тех археологических материалов, которые бы доказали освоение Днепровского пути в 30-х гг. IX в., как он это утверждает (Комар, 2003. С.103), а не заявлять о «разрушении «тор-

говой» теории происхождения Руси», тем более что это делается на основе логических рассуждений о принятии титула кагана русскими князьями (Комар, 2003. С. 103). Стоило бы обратить внимание на то, что упоминания о приезде аварских посланцев во франкскую столицу исчезают после 822 г. (Эрдели, 1986. С. 317). Поскольку речь идет о западном векторе отношений варягов, то почему не предположить, что титул кагана был ими позаимствован у авар, а не хазар?

Опорными пунктами варягов на пути из Балтики в Константинополь были Рюриково Городище и Гнездово. Е.Н. Носов, более 20 лет изучающий Городище в Новгороде, считает, что «...на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX – X вв., и можно предполагать наличие и более ранних...» (Носов, 2000. С. 164). Становление городов через торгово-ремесленные поселения для Руси этим исследователем представляется одним из вариантов. «Путь вперед в наши дни должен аккумулировать лучшие достижения либеральной отечественной историографии, незаслуженно отброшенные в тридцатые – начале пятидесятых годов нашего столетия» (Носов, 1999. С. 160–161). В своей работе А.В. Комар не затрагивает ни ранней даты Гнездова, не вспоминает и Новоселки с более ранними материалами, чем на первом памятнике, тем более, не анализирует их. В то же время, по поводу Киева А.В. Комар говорит о хронологическом разрыве в Киеве между пражскими (VI–VII вв.) и роменско-древнерусскими (2-я половина IX в.) слоями на Старокиевской горе (Комар, 2003. С. 104). Однако для контроля за водным путем по Днепру ситуация со Старокиевской горой вовсе не является принципиальной. При таком скоплении кладов и отдельных находок на небольшой территории, в районе соседствующих Старокиевской горы и Киселевки (Толочко, 1970. С. 43–55), кстати, и для вопроса о непрерывности развития Киева – тоже. Подобная ситуация с поиском континуитета в развитии города, обусловленная кончанской структурой, наличием Городища и Ярославова Дворища, характерна и для Новгорода. Однако в Киеве территориальный разброс артефактов VII–IX вв. намного меньше, чем в Новгороде. Практически любой пункт на территории Киева мог исполнять контрольную, по отношению к водному пути по Днепру, функцию.

Попробуем взглянуть на походы викингов в Восточную Европу глазами археолога. А.Н. Кирпичников, предполагая нападение варягов на Ладогу в 852 г. на 21 корабле с вместимостью 50–70 человек каждый, по поводу возможности нападения на Новгород писал: «...в середине IX в. он если и существовал, то вряд ли считался богатым и полным сокровищ. К тому же этот город находился внутри страны, что исключало быстротечный и внезапный разбойничий набег» (Кирпичников, 1988. С. 48). Каким же путем, не подняв тревоги, варяги могли добраться до Битицы (разве что по Днепру и Пслу из Черного моря?), остается неизвестным. Что касается набега степняков-всадников, то это было возможно, как свидетельствуют более поздние письменные источники (таких примеров из древнерусского и позднесредневекового периодов для данного региона – десятки). Тем более, следует иметь в виду, что слой разгрома Битицы 1 не обязательно должен принадлежать только побежденным обитателям протогорода. Что-то неизбежно терялось и победителями, и эти материалы дают понять, кем были нападавшие.

О причинах разгрома Битицы 1, где прослеживаются явные черты дружины, нам вряд ли когда-то станет известно, поскольку мы ничего не знаем о ходе смуты в Хазарии, об опорных базах и силах сторон, о позиции верхушки, обитавшей на Битице, в этой смуте. Не исключено, что в Битице мог оказаться, к примеру, самозванец – «каган», титулом которого впоследствии каким-то образом и воспользовались варяги. В таком случае отыскать этот каганат археологическими методами весьма сложно, если вообще возможно (к примеру, попробуем хотя бы сформулировать задачи научного поиска методами археологии по выделению территории, подвластной Лжедмитрию I – Григорию Отрепьеву, в период базирования в Путивле). Для примера можно сослаться на начало «Саги о Сверрире», чтобы увидеть общие черты с началом Пугачевского бунта (многочисленные сны Сверрира ничем, по существу, не отличаются от «царских» знаков на теле Е. Пугачева, и, кстати, у одного из норвежских самозванцев таковые тоже упоминаются) (Сага о Сверрире, 1988. С. 9–17). В описываемый период правящему конунгу Магнусу противостояли три конунга-самозванца, в том числе Сверрир (Сага о Сверрире, 1988. С. 246–248), как затем и самому Сверриру.

Если принять версию разгрома Битицы 1 варягами, непонятно, почему Фативижский клад найден в одном из «медвежьих углов» на севере волынцевского ареала, в истоках Клевени, среди ручьев и болот, в лесах. Также неясно, почему в салтовской культуре волынцевских «трофеев» больше, чем где-либо еще (Аксьонов, 2003. С. 95–102). А.М. Обломский, кстати, не исключал и возможности восстания населения против угнетателей из центра. Благо, примеров с изгнанием варягов, как и других иноземцев-оккупантов, избиений их горожанами, куда хуже вооруженными, чем дружинники, в истории разных городов Руси хватает.

Не вдаваясь в детальный анализ путей сообщения, впоследствии ставших торговыми артериями, поскольку такая работа относительно волынцевско-роменского периода проделана Е.А. Шинаковым (Шинаков, 2002. С. 124), следует отметить, что в литературе XIX – начала XX в. данный вопрос широко обсуждался (Медведенко, 2006. С. 14–26), в частности и в эмигрантской (Пашуто, 1992. С. 57). Так, строительство Саркела объяснялось необходимостью защиты от активности северных русов, начавших с 1-й четверти IX в. совершать набеги по берегам Черного моря (Медведенко, 2006. С. 18) либо же и от них, и от венгров вместе (Эрдели, 1984. С. 22).

Титулатура дружины ранней Руси имеет следы разного происхождения. Литература по данному поводу практически необозрима, хотя набор аргументов весьма близок в разных работах. В публикациях автора, разбирающих близкие к анализируемым А.В. Комаром вопросы (Комар, 2003. С. 104), обращалось внимание на присутствие дружины в Битице, а также на некоторые сходные черты между погребением в жилище № 29 Битицы (Сухобоков, Юренко, 1993. С.40-42) и курганными древностями Подесенья (серпы – 8 в данном погребении и около 10 – в Черной могиле), а также указывалось на стойкую традицию связей Чернигова со степняками (Приймак, 1995.

С. 82; Приймак, Приймак, 1999. С. 353). Почти полностью предположения автора подтвердил затем, преимущественно на иных материалах, А.А. Горский: «...в третьей четверти X в. термин болярин уже укоренился в русском обществе ... заимствован он был у кого-то из тюркских соседей Руси – хазар, печенегов или черных (приазовских) болгар» (Горский, 2006. С. 55).

Делать выводы относительно ранней Руси, базируясь только на лаконичных и не всегда однозначно читаемых сообщениях Бертинских анналов, по мнению Е.А. Шинакова, «...по меньшей мере преждевременно» (Шинаков, 2002. С. 56).

4. Ямные погребения по обряду кремации Новотроицкого

«Заметим сразу, присутствие украшений мадьярского облика в славянском кладе из Новотроицкого отражает, наоборот, контакты, а не военный конфликт славян с мадьярами, как это пытается представить в своих работах В.В. Приймак. Вопреки сообщениям арабских авторов о постоянных нападениях мадьяр на славян, жители Новотроицкого участвовали в меновой торговле с мадьярами» (Комар, Сухобоков, 2004. С. 168). Для последнего вывода, во-первых, наверное, маловато одной вещи – накладки. Во-вторых, что касается предметов из клада в кв. Ш-2 Новотроицкого, то автором в работе, вышедшей в 1998 г., о нем написано следующее: «Бытование вещей из клада в кв. Ш-2 Новотроицкого приходится на несколько более раннее время, чем дата его зарывания, поскольку почти все вещи из состава клада были сломанными и, наверное, предназначались для переплавки на местные предметы. Они могли попасть к обитателям роменского городища посредством торговых связей или из среды салтовского населения, хоронившего своих умерших по обряду трупосожжения. Именно у них связи с поволжско-приуральским регионом были наиболее сильно ощутимыми» (Приймак, 1998. С. 97). Однако А.Н. Москаленко и И. Эрдели в подобных случаях предполагали, что на боршевских городищах характерные венгерские предметы являются свидетельством нападений мадьяр на славян (Эрдели, 1984. С. 22). А.Н. Москаленко даже обратила внимание на необходимость критически переосмыслить отнесение всех слоев пожаров на роменских городищах к нападениям печенегов (Москаленко, 1972. С. 196). И нельзя сказать, что этот призыв не был услышан. Уж теперь в «гибели» роменской культуры обвиняют отнюдь не печенегов. Добрым тоном стало относить эти «акции устрашения» к почти всем первым русским князьям – от Олега до Ярослава Мудрого (Григорьев, Сарачев, 1999. С. 341–353).

«Не выдерживает критики и гипотеза В.В. Приймака о связи кремаций Новотроицкого с поломско-ломоватовским населением, якобы участвовавшим в миграции мадьяр на запад. Во-первых, кремаций пока не известно ни среди мадьярских погребений Северного Причерноморья, ни на могильниках «завоевателей родины» Венгрии. Во-вторых, все они совершены рядом с разгромленными жилищами или непосредственно в них, всегда сохраняя параллельность погребальных ям стенам. Подобное расположение могил скорее указывает, что погребенные – погибшие жители городища, похороненные рядом со своими домами. Отличие погребального обряда от обычного роменского в данном случае однозначно вызвано экстраординарными обстоятельствами, не позволяющими совершить погребальные церемонии по всем канонам. Но даже при этом утверждение В.В. Приймака об отсутствии славянских аналогий новотроицкому погребальному обряду натянуто, так как кремационные погребения в узких деревянных ящиках, ориентированные по оси СВ-ЮЗ, хорошо известны в курганах боршевской культуры. Двусторонние параллели в погребальном обряде северян и вятичей IX в., возможно, отражают не только хрестоматийную общность происхождения и тесные культурные связи этих племен, но и временный отток северян на восток, в вятичский ареал в нач. IX в. с последующим возвращением части населения в сер. IX в.» (Комар, Сухобоков, 2004. С. 168–169).

По поводу последнего замечания следует отметить, что в свое время О.В. Сухобоков – один из соавторов цитируемой статьи – подготовил вместе с автором данных строк рецензию на монографию А.З. Винникова, посвященную именно погребальному обряду боршевской культуры (Сухобоков, Приймак, 1990. С. 143–146). Так что о боршевских камерных погребениях в курганах некоторое представление у автора – объекта критики – имеется. Позиция автора совпадает с точкой зрения И.И. Ляпушкина, высказанной полстолетия назад: «... погребальных сооружений подобного типа (могильных ям, обложенных горелым деревом) указать среди раскопанных памятников мы не можем» (Ляпушкин, 1958. С. 159). В.В. Седов по поводу этих сооружений высказался так: «... место таких погребений в роменских древностях пока неясно» (Седов, 1982. С. 138). Подозревать первого исследователя, выдвинувшего идею объединения роменских и боршевских памятников в единую культуру, в незнании археологических реалий Подонья не приходится, тем более что принципиально новыми оказались открытия на могильниках окрестностей Воронежа, а не на эпонимном памятнике славян Подонья предгосударственного периода. Нет оснований думать, что и В.В. Седов не знал в деталях погребальные обряды славян предгосударственного периода. Среди опубликованных А.Н. Москаленко и А.З. Винниковым камерных боршевских погребений, на которые ссылаются авторы цитируемых строк, погребальных сооружений такого типа, как на Новотроицком, нет. Единственная углубленная в землю (камера в яме) северной ориентации – в кургане № 13 Боршевского могильника из раскопок А.Н. Москаленко, А.З. Винникова и А.Д. Пряхина. Размеры ямы 1,65 м на 0,65 м, глубина – 0,12 - 0,24 м (Винников, 1984. С. 15, 17; Винников, Пряхин, 1983. С. 58–60). Боршевские камерные погребения северо-восточной, как и любой другой ориентации, также имеют другое соотношение размеров по длине и ширине, не говоря уж о глубине ям (или их полном отсутствии), как и отсутствии одной из стенок во многих камерах. Хотелось бы в то же время обратить внимание на кремационные погребения финно-угров, например № 144 Шатрищенского могильника 5-8 вв. (Кравченко, 1974. С. 121, 177), территориально едва ли не ближайшего к Днепровскому лесостепному Левобережью. Оно совершено в яме размерами 2,4 м на 0,9 м, глубиной 0,8 м, северо-западной ориентации, заполнение – сильно насыщенная пеплом и угольками обожжен-

ная земля. Погребения по обряду ингумации этого могильника находились в аналогичных ямах, как, кстати, и в других финно-угорских культурах раннего средневековья.

В более обширной работе, посвященной погребениям Новотроицкого, автором по этому поводу было сказано следующее: «В данном случае трудно определенно говорить, какой из групп финно-угров могли принадлежать погребения на городище Новотроицком (это дело специалистов, поскольку источниковая база финно-угорского погребального обряда исчисляется четырехзначными числами)...» (Приймак, 1998. С. 96). Поскольку уздечные трехлепестковые накладки входят в число этнографических признаков караякуповских (угорских) памятников Южного Урала и Приуралья (Иванов, 1990. С. 112, 115, 142), а также принимая во внимание датировку погребений городища Новотроицкого периодом пребывания в южнорусских степях мадьяр, было отдано предпочтение интерпретации кремаций в ямах, обложенных горелым деревом, как связанных с уграми. Кроме того, следует иметь в виду, что И. Эрдели говорит не только о тюркском облике материальной культуры завоевателей родины, но и о восприятии ими языка каваров (Эрдели, 2000. С. 141–142). Рассматривалась, но как менее вероятная, и возможность соотнесения этих погребений с печенегами (Приймак, 1998. С. 97). Теперь же, в свете построений А.В. Комара и О.В. Сухобокова относительно варяжских вторжений на Левобережье, можно ожидать поиска аналогий новотроицким погребениям среди древностей Русского Севера, что не является абсолютно неприемлемым. Главное, чтобы такого рода идеи были подкреплены материалом. Для сравнения можно, например, привлечь погребения из окрестностей Ростова (Леонтьев, 1998. С. 135–153; Финно-угры и балты, 1987. С. 74–75). Возможно, окажется, что такие погребения имеют точные аналогии в рязанско-окских или скорее мордовских могильниках, и тогда появится возможность говорить о салтовских союзниках, разгромивших Новотроицкое после 30-х гг. IX в., или представителях мордвы в составе угров.

Что касается покоренных или присоединившихся народов, то у кочевников существовал обычай составлять из них авангард или арьергард войск (Шушарин, 1997. С. 150). В силу того что поломско-ломоватовское население было союзником волжских болгар, а не враждебных им угров, они (или представители мордвы) не были многочисленными, а значит, и сохранить свой обряд к моменту прихода в Паннонию не могли. Следует сказать и о пути продвижения мадьяр из Великой Венгрии. В.А. Ивановым прослежена цепочка из 5 погребений от ареала кушнаренковской и карякуповской культур в Прикамье к Волге, которые он интерпретирует как путь венгров на запад (Иванов, 1996. С. 192–198). Вывод данного исследователя о пути венгров: по южной границе лесостепи, т.е. по существу, примерно в 150 км южнее степной части пути Булгар – Киев. При этом Воробьевское погребение вблизи Богучара (Москаленко, 1972. С. 193) является центральным между указанными В.А. Ивановым погребениями и такой же группой погребений в Днепропетровской, Полтавской и Кировоградской областях. Расстояние между районами Воробьевского и Луговского погребений, что в 75 км южнее Саратова, около 400 км; немного меньше – между районами Коробчинского и Воробьевского погребений. Расстояние между р. Белой и районом Луговского погребения на Волге примерно соответствует расстоянию от Волги до Днепра. Таким образом, на каждые 150–200 км пути мадьяр в среднем приходится по одному погребению. Однако их неравномерное распределение указывает или на места задержек, или военных конфликтов. Находки вещей или погребений в лесостепи, в ареале славянских памятников борщевской, роменской и райковецкой культур являются закономерными свидетельствами контактов с венграми, рассматриваемых обычно специалистами как следы нападений последних (Эрдели, 1984. С.22).

Расстояние между Субботицким могильником и Манвеловским погребением около 150 км (правый берег Днепра), между последним и Коробчинским (левый берег Днепра) – около 100 км, около 80 км между Манвеловским и Твердохлебовским (левый берег Днепра) погребениями. Еще два венгерских погребения обнаружены А.Б. Супруненко в 2007 г. под Комсомольском, на левом берегу Псла, в его устье. От Твердохлебовского погребения этот могильник отделяет около 50 км, он находится к западу от первого. По существу, речь идет о районе размерами примерно 200 км в широтном направлении и 100 – в меридиональном. Эти погребения относятся к разному времени, поэтому в последнем случае можно предполагать место обитания мадьяр. Поскольку на бассейны Северского Донца, впадающих в Азовское море речек, приток Днепра – Самары и Орели (Запорожская, Днепропетровская, Луганская области), а также Ингула (Кировоградская и Херсонская области) приходятся десятки мелких гидронимов «Куца» (СГУ, 1979. С. 305–306), имеет смысл специально изучить вопрос о соотношении данного компактного ареала со страной Ателькузу.

Вернувшись к погребениям на городище Новотроицком, следует отметить, что остается непонятным, зачем нужно было совершать этот «экстраординарный» обряд кремации в ямах с обкладкой из горелого дерева таким образом, что только копание могилы занимало не менее чем у двух человек до 2,5 часов, если базироваться на нормах времени, приводимых Г.Е. Афанасьевым по отношению к салтовским укреплениям (Афанасьев, 1987. С. 134). Принимая во внимание параметры ямы погребения № 2 (1,8 м на 0,7 м глубиной 1,4 м), близкие к современным, совершаемым по обряду ингумации, можно смело говорить о значительно большей продолжительности обряда совершения такого погребения. Надо принять во внимание еще минимум два часа (Кравченко, 2004. С. 54–55) на изготовление деревянной конструкции в яме, а также на сам обряд кремации. По данным Гочевского некрополя (погребения с неполными кремациями) высота слоя бревен должна была превышать 0,4 м при размерах 2,3 м на 1,4 м и 2,8 на 1,4 м (Шпилев, 2005. С. 92). Исследованные И.И. Ляпушкиным в жилище № 35 Новотроицкого и О.В. Сухобоковым на Битице 1 в помещении № 29 кремации, остатки которых помещены в горшках, мягко говоря, были совершены, если даже и временно, по куда менее трудоемкому обряду (Ляпушкин, 1958. С. 110–112; Сухобоков, 1992. Фото 7), как и ингумация в разрезе V Битицы 1 (Юренко, Сухобоков, 1993. С. 42).

Кстати, о канонах роменского погребального обряда. Невозможно соотнести ямы погребений Новотроицко-

го и подкурганных погребений раннероменского времени, например, овальную яму в кургане могильника у с. Октябрьское, напротив Путивля. Ее размеры 0,25 на 0,4 м при глубине 0,15 м, инвентарь – кальцинированные кости и бусы, аналогичные бусам из погребений Волынцевского и Дорошевского могильников (диаметр насыпи 5 м, высота 0,8 м) (Березовець, 1955. С. 64).

«Разгром Новотроицкого случился в последней четверти IX в. Как уже упоминалось, В.В. Приймак связывает его с нападением мадьяр, которые в реальности сами в это время подверглись нападению печенегов и были вынуждены уйти в Паннонию» (Комар, Сухобоков, 2004. С. 169). Анализируя взаимоотношения мадьяр с печенегами, В.П. Шушарин пишет: «О сохранении же военных сил мадьяр говорят их активные военно-политические акции сразу после прихода в Среднее Подунавье. Все это – против достоверности рассказа мадьяр относительно разгрома их стоянок в Этелькезе печенегами как причины ухода их общности в Среднее Подунавье» (Шушарин, 1997. С. 181).

Рассказывая о военных действиях мадьяр в Европе, В.П. Шушарин отмечал, что с конца IX в. до начала 70-х гг. X в. венгры побывали в Ломбардии, Баварии, Чехии, Болгарии. В 906 г. в Саксонии два войска мадьяр опустошали территорию. Одно из них при этом поджидало второе в земле славян-доленчан. По данным вторжений 933 и 938 гг. в Саксонию В.П. Шушарин пишет о тактике мадьяр: они вступали двумя отрядами в страну – объект нападения, затем делились на более мелкие отряды, занимавшиеся грабежом. В конце похода предводитель войска собирал рассеявшиеся отряды «...по своему обычаю с помощью огня и дыма» (Шушарин, 1997. С. 288).

Таким образом, сгоревшие жилища Новотроицкого могли послужить кочевникам именно для сигнализации, поскольку и топография Новотроицкого, и отсутствие рядом с ним крупных скоплений роменских памятников (а Посулье и бассейн Ворсклы удалены на расстояния не менее одного дня пути), и возможность отхода на юг междуречьем Ворсклы и Псла способствовали сбору мадьяр именно вблизи Новотроицкого.

Итак, точку зрения относительно принадлежности уграм ямных погребений городища Новотроицкого О.В. Сухобоков и А.В. Комар, даже приписав В.В. Приймаку чужие слова, фактами опровергнуть не смогли.

5. Поздний этап городища Новотроицкого

«Появление новых дунайских типов украшений, наряду с заметными параллелями в орнаментировании сосудов с посудой культуры Луки-Райковецкой, маркирует явный «западный» импульс, отражающий усиление контактов северян с правобережными племенами» (Комар, Сухобоков, 2004. С. 168). О влиянии традиций Луки-Райковецкой в роменском гончарстве говорили многие исследователи еще со времен И.И. Ляпушкина, а наиболее обоснованно, с демонстрацией рисунков керамики Горналя, А.А. Узянов в докладе на V конгрессе МУСА в Киеве в 1986 г. (Узянов, 1981. С. 103–104; Узянов, 1988. С. 313–316). Кроме автора, доклад слушали О.В. Сухобоков и А.З. Винников, достаточно хорошо знающие материалы Левобережья. Но как быть с типично роменской формой керамики – горшками с высоким вертикальным венчиком (тип 4 по И.И. Ляпушкину)? Эта керамика тоже начала покрываться орнаментом под влиянием гончарства Луки-Райковецкой? Хорошо бы это показать на конкретных материалах. Практически безоговорочно о кружальной керамике традиции Луки-Райковецкой на Новотроицком писала В.А. Петрашенко Кроме этой традиции, исследовательница к кружальной относила и керамику волынцевской и салтовской традиций. Однако не было показано, какие отличия в орнаментации между посудой волынцевской и райковецкой традиций на этом памятнике (Петрашенко, 1992. С. 21).

Относительно украшений дунайских типов, то это также далеко не новая тема в археологии Левобережья. Однако следует иметь в виду, что следы производства подвесок волынского (скимауцкого) типа, как и лучевых височных колец, по аргументированным данным Р.С. Орлова, обнаружены в Нижнем Подесенье (Выползово) (Орлов, 1988. С. 154–155. Рис. 1). Кроме того, выражено присутствие такого рода украшений и в Киеве, по крайней мере, не ранее 1-й четверти X в., если судить по материалам погребения 112, датируемого арабской монетой 922/923 гг., а также погребения 124 с византийской монетой 931–944 гг. (Равдина, 1988. С. 13, 73–74. Табл. 6, 1). И материалы кургана Краснянской группы Зеленого Гая – раннегончарная керамика (Приймак, 1999. С. 36. Рис. 7, А; Приймак, Осадчий, 2005. С. 68–70. Рис. 1, *1*), спиральные северянские височные кольца, обломок лучевого височного кольца в совокупности с золотофольговой бочкообразной бусиной дают возможность датировать комплекс явно не ранее середины X в., если даже не позже. Находка подобного по размерам и форме огромному бубенчику из Краснянской группы отмечена в Подунавье (Смиленко, Козловский, 1987б. С. 116. Рис. 14, *10*), а также Табаевском некрополе (устное сообщение В.П. Коваленко). Из Подунавья происходит основная масса подвесок волынского типа, в частности, встреченные на городище Новотроицком (Рябцева, 2005. С. 28–33), что позволяет предполагать участие в антивизантийских походах 40-х гг. X в. северян бассейна Псла. Поход осуществлялся на ладьях и конях (Сахаров, 1980. С. 231). Кстати, керамический материал памятников Подунавья тоже не противоречит данному предположению. Например, формы орнаментации кухонной керамики поселения Богатое (Смиленко, Козловский, 1987б. С. 114, 118. Рис. 12, *7*; 16, *1*) и Шабо (Смиленко, Козловский, 1987а. С. 70–72. Рис. 2; 3) близки некоторым формам сосудов из роменских памятников Посеймья (городище Курган, раскопки О.В. Сухобокова) (Приймак, 1999. С. 31. Рис. 2, А) и упомянутого выше кургана Краснянской группы. Керамические материалы поселений Шабо и Богатое из Подунавья несут на себе явные влияния салтовского гончарства как во внешнем облике, так и в технологии – наличии гончарных горнов. Это объясняется исследователями оттоком болгарских родов на запад после начала IX в. вследствие восстания кабаров, вспыхнувшего после принятия иудаизма в Хазарском каганате (Смиленко, Козловский, 1987а. С. 74–75). Что касается влияния со стороны других регионов Правобережья, то оно маловероятно, так как подобный горну Богатого горн из Ревного имеет аналогии и в керамическом комплексе первого памятника (Смиленко, Козловский, 1987б. С. 113–114, 117. Рис. 12, *3*; 15, *4*. Тимощук, 1982. С. 22. Рис. 7, *5*, *6*. Тимощук, 1976.

С. 163. Рис. 68). Однако посуда, подобная встреченной на Богатом в Подунавье, есть и в Надпорожье (Сміленко, 1975. С. 166. Рис. 60, *4*).

Следует иметь в виду, что взаимное перекрытие горелых жилищ – свидетельство не менее двух пожаров на Новотроицком (Григорьев, 2000. С. 23). Пожалуй, лучше всего это видно на примере жилищ № 44 и № 39. Последнее, как свидетельствуют общий план городища и чертежи жилищ, является более поздним. Оба жилища – со следами пожара, в № 39 – части детского скелета на полу. Если в жилище № 44 горшки 4-го типа (с высоким вертикальным венчиком) слегка пролощены, то о таком же сосуде из жилища № 39 подобная деталь не отмечена (Ляпушкин, 1958. С. 118–119, 127–129). Кстати, присутствие лепной керамики (горшков 4-го типа по И.И. Ляпушкину) прослежено во многих самых поздних роменских комплексах, например Воргола и Полтавы.

6. Некоторые аспекты дискуссии о памятниках предгосударственного периода Днепровского левобережья

За период с конца 80-х гг. прошлого века вышло немало статей относительно дискуссионных вопросов истории Днепровского Левобережья VIII–XI вв. Зачастую они не сопровождались введением в научный оборот новых материалов. Между тем, если бы каждая работа с критикой А.В. Григорьевым О.В. Сухобокова и, наоборот, киевского исследователя по адресу московского коллеги, сопровождалась публикацией хотя бы одного комплекса какого-то волынцевского или роменского памятника (как делала это В.А. Петрашенко), то сегодня мы бы имели другую ситуацию, по крайней мере, с памятниками бассейна Псла. Автор этих строк во многом расходится с А.В. Григорьевым, однако нельзя отнять, что именно он, вслед за памятниками Новгород-Северского Подесенья, смог ввести в научный оборот исследованные разными специалистами памятники VIII–XI вв. Окско-Донского междуречья (Григорьев, 2005. 207 с.). Кроме того, замечания А.В. Комара и О.В. Сухобокова в его адрес относительно личного знакомства с материалами вряд ли справедливы, так как этим он занимался, хотя может быть, и меньше, чем следовало, на ряде памятников Посулья, Подесенья, Поворсклья, в музейных собраниях Полтавы, Сум, Курска, Брянска. Нельзя укорять оппонента в том, что он не знает тех или иных материалов, если они не публикуются.

Что касается приписывания автору (В.В. Приймаку) высказываний, которые затем критикуются, то с таким пришлось столкнуться впервые за более чем 25-летний период присутствия в археологии Днепровского Левобережья. Ссылка на несуществующие комплексы, вещи – такое было. Но опыт показывает, что те, кто осмеливается публиковать или оглашать на конференциях, семинарах непроверенную или искаженную информацию, создают вокруг себя атмосферу недоверия. Ее следствием является стремление избежать ссылки на мнение такого исследователя, а также априорное отнесение любой высказанной последним информации к разряду сомнительной, требующей проверки.

В своих работах А.В. Комар неоднократно характеризовал работы коллег: «...методика датировки А.Г. Атавина [Атавин, 1996, с. 219–232] устарела и сейчас неприемлема» (Комар, 1999. С. 115). Далее А.В. Комар пишет о группах лесостепных кладов, выделенных О.А. Щегловой. Однако обобщающая работа, объединившая в одну систему самые разные группы древностей – степных, лесных и лесостепных, а также поволжских, крымских, кавказских и закарпатских, увидела свет в том же 1996 г., что и публикация А.Г. Атавина (Гавритухин, Обломский, 1996). А.В. Комар пишет: «...прикубанская группа погребений все-таки появляется уже в хазарское время, а следовательно, если и связана с унугундурами, то только с племенем бат-Баяна» (Комар, 1999. С. 115). Между тем из выделяемых четырех культурно-хронологических групп погребений вторую и третью А.Г.Атавин связывал с болгарами орды Баяна и ее остатками соответственно (Атавин, 1996. С. 232–233). Первую он соотносил с Великой Болгарией, базируясь на сведениях письменных источников. А.П. Новосельцев на основании письменных источников уверенно локализовал Великую Булгарию в Западном Предкавказье (Новосельцев, 1990. С. 73). Кстати, этот же исследователь предостерегает: следует воспринимать письменные источники такими, как они есть, а не «реставрировать» их (Новосельцев, 1990. С. 207–208, 242). Но А.В. Комар считает, что имеет место ретроспективное отнесение Кубани к Великой Болгарии на основании локализации племени бат-Баяна (Комар, 1999. С. 115).

А.К. Амброз по поводу споров о хронологии писал: «Постоянное уточнение археологических дат – закономерный процесс, связанный с быстрыми темпами накопления фактического материала». При этом уточнял: «...все более прочный фундамент подводится под использование археологических материалов для решения широких исторических вопросов» (Амброз, 1989. С. 86).

Характерной является интерпретация данных упомянутой работы И.О. Гавритухина и А.М. Обломского по поводу гончарных центров в Канцерке и Мачухах: «Новые попытки отнести время их функционирования к концу VI–VII вв. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 123, 142) малоубедительны – при отсутствии датирующих вещей на самих памятниках находки керамики канцирского типа известны в Вознесенке и Келегеях, маловероятна и случайность расположения поселений аланских гончаров рядом с наиболее богатыми кочевническими комплексами Перещепины и Вознесенки» (Комар, 1999. С. 112). А вот что говорится в обсуждаемой работе на самом деле: «Мнение об относительно поздней хронологической позиции пунктов с находками канцирской керамики ... широко распространено среди исследователей... Тем не менее оно находится в разительном противоречии с ... археомагнитными датами горнов Канцирки: горн 13 – вторая половина VI в., горны 12 и 17 – конец VI – начало VII в. ... Они вполне укладываются в широкие рамки бытования геральдического стиля. ...гончарные центры Поднепровья, производившие керамику кавказского круга, пережили гибель пеньковской культуры и продолжали в течение некоторого времени функционировать и позже. Не исключено в этой связи, что отчасти прав Е.А. Горюнов и его последователи» (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 123). Исследователи предлагают и путь решения данной проблемы: «...раскопки упомянутых выше поселений, обнаруженных Днепровской Левобережной экспедицией под Полтавой» (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 124).

По поводу хронологических построений А.В. Комара, имея в виду цитируемую только что работу, А.В. Богачев аргументированно заметил: «... в недавней большой статье А.В. Комара процедурно-методические аспекты группировки источников также были оставлены за рамками публикации». Далее он конкретизировал свои замечания: «В работе А.В. Комара собран и переопубликован большой массив источников... Материал из наших раскопок, как показано выше, «прочитан» и переопубликован неадекватно. Где гарантия того, что другие источники (многие из которых, кстати сказать, вводились в научный оборот и описывались не русскоязычными авторами) в классификациях А.В. Комара не искажены?» (Богачев, 2001. С. 255–257).

И.О. Гавритухин, оппонируя А.В. Богачеву, по адресу работ А.В. Комара о хронологии также высказался критически: «...ряд типологических оценок, данных в интересных работах нашего киевского коллеги, явно нуждается в более солидном обосновании и, по-моему, в корректировках» (Гавритухин, 2001. С. 260–261).

Для исследователей, занятых преимущественно полевыми работами, от специалистов по хронологии требуются консультации по поводу найденных вещей, соответствующей литературы, археологического контекста данного предмета. Изредка выходят в свет совместные работы, посвященные тем или иным находкам, например, фибулам. Любому специалисту понятно, каков вклад каждого из исследователей-соавторов. Зачастую такой материал передается для публикации специалисту по хронологии без всяких условий (например, из окрестностей Сум – меч римского времени из Могрицы, фибула из Токарей, давшая название типу изделий V в.). Таким специалистом, по рассказам старших коллег, был А.К. Амброз, в этом плане его последователями являются И.О. Гавритухин, Е.Л. Гороховский, О.А. Щеглова, А.М. Обломский и др.

Недоумение вызывает такое утверждение: «По сравнению с единичными памятниками раннероменского этапа, на позднем этапе происходит просто демографический всплеск – Левобережье густо покрывается роменскими городищами и открытыми поселениями, появление которых, во-первых, свидетельствует о политической стабильности в регионе, а во-вторых, о притоке нового населения, скорее всего, из восточносеверянского ареала, который еще до походов Святослава оставался под властью Хазарии» (Комар, Сухобоков, 2004. С. 170).

Открытых поселений роменской культуры в бассейнах Сулы, Псла, Ворсклы известно всего несколько (Воинь, Сенча, Глинское), да и те имеют очень бедные материалы, являясь, кроме первого, селищами-спутниками, находящимися в зоне видимости с комплексами, состоящими из городища, селища-посада и могильника. Вероятно, они были временными лагерями скотоводов, металлургов и т.п. Несколько больше их на Сейме (Камень, Пески, Латышовка, Литвиновичи), а действительно много – в Курском Посеймье и Деснинском Полесье (Сухобоков, 1992. С. 36), что давно утверждалось исследователями, работавшими в Курском Посеймье, и наглядно продемонстрировано на опубликованной карте-вклейке В.В. Енуковым (Енуков, 2005). Едва ли не самое интересное состоит в том, что еще недавно по адресу А.В. Григорьева звучали небезосновательные упреки в неспособности отличить топографию волынцевских и роменских памятников (Сухобоков, 1994. С. 207; Сухобоков, 1998. С. 61). Да и вопрос с городищем Монастырищем не так прост, так как с запада от него, с напольной стороны укреплений, имеется селище (Ляпушкин, 1962. С. 128–129). Многослойное поселение, практически полностью застроенное к середине 1980-х гг., находится в зоне видимости с Замковой горой Ромен, т.е. также является селищем-спутником летописного Ромена роменского этапа. Затем, как это было установлено в результате раскопок О.В. Сухобокова, на нем появились укрепления, т.е. Ромны стали походить на другие роменско-древнерусские комплексы, состоящие из двух и более городищ с окружающими селищами. К тому же это ближайший к детинцу участок, где могла располагаться находящаяся в речной долине часть посада, обычно именуемая подолом. Что касается якобы многочисленных миграций северян в пределах Левобережья, то в это можно поверить при наличии доказательств. Поскольку Ромны расположены в месте локализации группы волынцевских памятников, предпочтительнее гипотеза о связи роменских древностей микрорегиона именно со своими культурно-хронологическими предшественниками.

Именно из западных районов Левобережья в Посеймье наблюдался отток населения, вследствие чего там наблюдается образование громадного количества открытых поселений, тогда как волынцевских и раннероменских памятников там немного, о чем уже говорилось выше. А для VII–IX вв. модель системы расселения была сходной на всей громадной территории роменской культуры лесостепного Левобережья.

Интересными являются и высказывания по поводу верхней даты волынцевских памятников – начала IX в., предложенной О.А. Щегловой как «фактически интуитивно угаданной» (Комар, Сухобоков, 2004. С. 169). Основанием для этого утверждения считается то, что: 1) в самом салтововедении салтовский горизонт VIII в. на тот момент не был выделен; 2) к VIII в. суммарно относили более поздние комплексы; 3) датировки вещей салтовского круга осуществлялись методом общих аналогий (Комар, Сухобоков, 2004. С. 166, 169, 173). Еще не так давно по адресу А.В. Григорьева, О.А. Щегловой и автора О.В. Сухобоков писал: «...увлекаясь хронологическим анализом названных вещей и поиском соответствующих аналогий, не всегда принимаются во внимание как морфологическая специфика (топография, характер и пр.) самих памятников, так и пространственно-временные условия их существования, а также игнорируются особенности общей исторической ситуации (внешнеполитические факторы) на территории их распространения, равно как и в пределах макрорегиона (в данном случае – Северное Причерноморье)» (Сухобоков, 1998. С. 49).

Следует отметить, что, во-первых, «метод общих аналогий», раз уж он почти на два десятилетия опередил «научно обоснованные выводы» А.В. Комара, оказался, как видим, не так уж плох. Во-вторых, когда О.В. Сухобоков писал об интуитивно определенной хронологии роменской культуры Н.Е. Макаренко, было понятно, что это предопределялось самим характером памятников, где отсутствовали надежно датирующиеся вещи. Пока не были получены датирующиеся материалы из раскопок П.П. Ефименко в Подонье, не было и обоснованных да-

тировок (об этом, собственно, писал еще И.И. Ляпушкин, да и сам Н.Е. Макаренко воздерживался от точных культурно-хронологических определений Монастырища именно по данной причине). В-третьих, при определении хронологии двух групп антских кладов О.А. Щеглова вообще не опиралась на хронологию салтовской культуры, о чем убедительно свидетельствует список литературы, в котором нет ни одной вещеведческой работы, посвященной этой культуре (Щеглова, 1990. С. 183-185). Если уж называть вещи своими именами, то отнюдь не изобилующие украшениями салтовские некрополи, а бедные, но кропотливо собранные (начиная еще с предвоенных времен Г.Ф. Корзухиной и др.) и должным образом обработанные комплексы славянского Левобережья (с учетом крымских и кавказских наборов) послужили точкой отсчета в создании хронологии древностей украинской лесостепи VII–X вв. и степи, в том числе и салтовских. В значительной степени этому способствовала дискуссия между специалистами по салтовской культуре (С.А. Плетнева, В.С. Флеров, Г.Е. Афанасьев, И.А. Баранов, О.В. Иченска

я и др.), выявление памятников типа Сивашовки (Р.С. Орлов), пересмотр датировок комплексов, дискуссий по хронологии Евразии эпохи средневековья 1976 г. и последующих лет и т.п.

Например, в 1994 г. автором по данному поводу отмечалось, что наиболее близким к набору бус из Битицкого клада 1984 г. являлся набор из катакомбы № 38 Дмитриевского могильника. Но эта катакомба меняла свое место в периодизациях С.А. Плетневой разных лет. И далее: «…не совсем укладываются в логику и приведенные самой же С.А. Плетневой факты о присутствии аварских вещей в поздних катакомбах» (Приймак, 1994. С. 7). И сейчас место отмеченного комплекса Дмитриевского могильника в работах А.В. Комара остается неясным, хотя сам клад 1984 г. должен был бы заинтересовать авторов, пишущих о горизонте разгрома Битицы. Ведь если этот клад, скажем, более ранний, чем «горизонт разгрома», выделяемый А.В. Комаром, то вполне может родиться предположение о неоднократном разгроме Битицы, как это было с Новотроицким, о чем шла речь выше.

Если мы посмотрим на работы самого А.В. Комара и написанные им в соавторстве, то увидим, что оппонентам, по существу, предъявляется обвинение в непонимании исторической ситуации. Теперь, правда, уже другой ситуации, со ссылкой на другой круг письменных источников.

Несколько слов о древнерусских памятниках, прежде всего, городах. Вопрос о локализации Глебля у с. Красный Колядин или с. Шевченково является дискуссионным, чему посвящено уже несколько публикаций Ю.Ю. Моргунова и автора с анализом аргументов. Еще более странно видеть в перечне древнерусских городов Воргол, упоминаемый уже в период после монголо-татарского нашествия (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004. С. 57, 60–63).

Наверное, нынешнему поколению исследователей, непосредственно не знающих памятников, предпочтительнее работать с публикациями М.П. Кучеры и Ю.Ю. Моргунова, поскольку они опираются на более точную информацию о городищенских комплексах Левобережья, чем работа А.В. Кузы (Куза, 1996. С. 181, 187; Моргунов, 1996. С. 44–48; Кучера, 1999. С. 165–167, 171–172, 219–224).

В период работы автора в Левобережной славяно-русской экспедиции под руководством О.В. Сухобокова, в 1976 – начале 1990-х гг., от него не раз приходилось слышать предостережение В.И. Довженка: «Избегай фантазии, как зла». Тогда же, после выхода в свет учебного пособия Л.С. Клейна, имевшегося в Полтаве, был усвоен урок одного из самых кратких и поучительных разделов этой не самой толстой, заслуженно критикуемой многими исследователями, но и часто используемой многими из них книги. Этот раздел (в котором, кстати, шла речь и об оружии нападавших, т.е. «слое разгрома»), получивший название по инициалам Б.Б. Пиотровского и заглавным буквам Кармир-Блура, иронично назывался «Спор с ББ о КБ». Формулировка: «КБ = археологический источник, КБ + ББ = исторический источник» являлась его квинтесенцией (Клейн, 1995. С. 148–149).

Попробуем применить эту формулировку к Битице 1, и что мы будем иметь?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксьонов В.С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // АЛЛУ. 2003. № 2.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М., 1987.

Березовець Д.Т. До питання про літописних сіверян // Археологія. 1953. Т. VIII.

Березовець Д.Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949-1950 рр. // АП УРСР. 1955. Т. V.

Винников А.З., Пряхин А.Д. Боршевский курганный могильник на р. Дон // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995.

Воронятов С.В. Волынцевская «культура» и «русский каганат» // Альманах молодых археологов 2005. СПб., 2005.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Горский А.А. Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів, 2006.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

Григорьев А.В., Сарачев И.Г. О времени гибели роменской культуры // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Том 5. История и культура древних и средневековых славян. М., 1999.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып.2. Тула, 2000.

Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография// Курский край: Научн.–популярн. серия: В 20 т. Т. 3.

Курск, 2005.
Енуков В.В., Щавелев С.П. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII вв. // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Курск, 1996.
Жаров І.В., Терпиловський Р.В. Скарб прикрас волинцевської культури з верхів'їв Сули // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. Суми, 2003.
Зорин А.В. Курганный могильник у с. Шуклинка и особенности погребальной обрядности Посеймья рубежа X–XI вв. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.
Зоценко В.М. Скандинавські артефакти Південно-Західної Русі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. – Київ, 2004.
Зоценко В., Звіздецький Б. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів, 2006.
Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
Иванов В.А. Урало-поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
Казанский М.М., Середа Д.В. Поселение пеньковской культуры Полузорье-I на Полтавщине // АЛЛУ. 2001. № 1.
Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979.
Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988.
Клейн Л.С. Археологические источники. СПб., 1995.
Коваленко В.П. Нові дослідження Шестовицького археологічного комплексу // АЛЛУ. 1999. № 1
Колода В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. Харьков, 1999.
Комар О.В. Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.
Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Киев, 2004.
Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
Кравченко О.М. Один із варіантів реконструкції камерних поховань (за матеріалами досліджень Зеленогайського курганного некрополя) // Середньовічні старожитності Південної Русі–України: Тези доповідей III міжнародної студентської наукової конференції. Чернігів, 2004.
Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.
Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников. М., 1996.
Кучера М.П. Слов'яно-руські городища III–XIII ст., між Саном і Сіверським Дінцем. Киев, 1999.
Леонтьев А.Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.
Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. 1959. XXIX – XXX.
Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
Майко В.В. Нова пам'ятка волинцевської культури в Чернігівському Посейм'ї // Археологія. 2004. № 3.
Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж, 2006.
Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы / МИАДЛ. Вып. 2. Курск, 1996.
Моргунов Ю.Ю. Самсониев остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М., 2003.
Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
Недошивина Н.Г. Предметы вооружения из ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
Носов Е.Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. СПб., 2000.
Обломский А.М. Новые комплексы волынцевского этапа на территории Среднего Посеймья // Археологічні студії. № 1. Киев, 2000.
Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V-VII вв. на Ворскле // АЛЛУ. 2001. № 1.
Обломский А.М., Радюш О.М., Веретюшкин Р.С., Приймак В.В. Новые волынцевские памятники Курского Посеймья // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. Суми, 2003.
Орлов Р.С. Художественный металл Чернигова (Семантика оковки из Черной могилы) //Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988.
Осадчий Є.М., Покас П.М., Приймак В.В. Дружинні старожитності Зеленогайського курганного некрополя // АЛЛУ. 2002. № 1.
Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991.
Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Киев, 1992.
Приймак В.В. Охранные исследования памятников VIII–X вв. в Верхнем Поворсклье // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава, 1990.
Приймак В.В. Пам'ятки роменської культури нижньої течії р. Клевень // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
Приймак В.В. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. XI ст. Суми, 1994.
Приймак В.В. Роменська культура в межиріччі Десни і Ворскли: дискусійні питання, нові матеріали. Полтава–Суми, 1997.
Приймак В.В. Кремационные погребения городища Новотроицкого // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1997.
Приймак В.В. Ямні поховання городища Новотроїцько-

го // Археологія. 1998. № 2.
Приймак В.В. Регіональні особливості роменської культури // АЛЛУ. 1999. № 1.
Приймак В.В. Деякі аспекти історії Дніпровського Лівобережжя X–XI ст. у світлі досліджень літописної Лтави // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999.
Приймак В.В., Приймак В.М. Д.Т.Березовець і проблема русів та Русі // Полтавський археологічний збірник – 1999 (до 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень). Полтава, 1999.
Приймак В.В., Осадчий Е.Н. Иноэтничные комплексы Зеленогайского курганного могильника // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.
Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ–Чернівці, 2005.
Равдина Т.В. Погребения X - XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М., 1988.
Сага о Сверрире. М., 1988.
Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.
Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
Седов В.В. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. СГУ. Киев, 1979.
Сміленко А.Т. Слов'яни та їх степові сусіди в Степовому Подніпров'ї (II - XIII ст.). К., 1975.
Смиленко А.Т., Козловский А.А. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. Киев, 1987а.
Смиленко А.Т., Козловский А.А. Поселения у сел Шабо и Богатое Одесской области // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. Киев, 1987б.
Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ–Полтава, 2004.
Сухобоков О.В. Деякі проблеми вивчення роменської культури // Археологія. 1971. № 3.
Сухобоков О.В., Приймак В.В. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1984. (192 с., 39 илл.) // Археологія. 1990. № 2.
Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.
Сухобоков О.В. К характеристике могильника у с. Каменное // Питання археології Сумщини. Суми, 1990.
Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VII–XIII ст. Киев, 1992.
Сухобоков О.В. Деякі спірні питання історії населення Дніпровського Лівобережжя другої половини I тис. н.е. // Старожитності Русі-України. Киев, 1994.
Сухобоков О.В. Деякі питання етнокультурної історії Лівобережної України останньої третини I – початку II тис. н.е. // АЛЛУ. 1998. № 1-2.
Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка I – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.
Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Нові дослідження ранньослов'янського поселення Олександрівка 1 // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Киев, 2004.
Тимощук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Киев, 1976.
Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Киев, 1982.
Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. Киев, 1970.
Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
Узянов А.А. Роменская керамика как источник хронологического членения культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. республиканской конф. молодых ученых. Киев, 1981.
Узянов А.А. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в. (некоторые новые данные о хронологии итопографии роменских поселений) // Тр. V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988.
Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.
Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997.
Шпилев А.Г. О конструкции погребальных костров у населения юго-западных районов Курского края в конце X–XI вв. (по материалам Гочевского курганного могильника) // Ю.А.Липкин и археология Курского края. Курск, 2005.
Щеглова О.А. Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на Верхнем Пеле // КСИА. 1983. Вып. 175.
Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187.
Щеглова О.А. Волынцевский горизонт поселения Вовки // КСИА. 1987. Вып. 190.
Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МИАДЛ. Вып. 1. Курск, 1990.
Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище: Тр. советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1984.
Эрдели И. Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии: Конец II тысячелетия до н.э – I тысячелетие н. э. М., 1986.
Эрдели И.Ф. Новая концепция интерпретации погребальных памятников древних мадьяр – обретателей родины // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара, 2000.
Юренко С.П., Сухобоков О.В. О погребальной обрядности носителей памятников волынцевской культуры (по материалам Битицкого городища) // Археология и история Юго-Востока Руси. Воронеж, 1993.

КРЕСТ-ЭНКОЛПИОН С ЭМАЛЬЮ ИЗ ЛИПИНСКОГО ГОРОДИЩА

© 2007 г. В.Г. Пуцко
Калужский областной художественный музей

Результаты археологического изучения Липинского городища, находящегося в 40 км к западу от Курска, близ с. Липино, на мысу верхней надпойменной террасы правого берега р. Сейма, обобщены в специальной статье, опубликованной в 1968 г. (Засурцев, Лисицына, 1968, С. 46–54). Городище оказалось многослойным, с поселением, которое просуществовало от скифского времени до XIII в. Среди найденных вещей оказались дирхем X в., бронзовый накладной крест с рельефным Распятием и гвоздями для крепления на деревянной основе, а также створка бронзового креста-энколпиона (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 50. Рис. 2). Последняя из упомянутых находок представляет особый интерес, ввиду своей уникальности. Именно о ней здесь пойдет речь.

В августе 1987 г. мне пришлось ознакомиться в Курском областном краеведческом музее с этой частью раритетного креста-энколпиона, и в течение последующих лет я неизменно лелеял мечту обнаружить другую створку, что позволило бы реконструировать изделие. Может быть, кто-то из моих коллег в этом окажется более удачливым. Известную же мне створку, думается, все же стоит опубликовать, высказав соображения относительно ее соотношения с уже получившими известность в литературе образцами искусства перегородчатой эмали.

Створка креста-энколпиона, размером 7,5 х 5,0 см и толщиной 0,4 см, отлита из бронзы. Она имеет вид четырехконечного креста с прямыми, резко расширяющимися на концах рукавами и выступающими вверху и внизу спаренными петлями, диаметром 0,8 см, для крепления шарнира. С внутренней стороны неглубокий лоток с узким рельефным обрамлением, предназначенный для помещения реликвий. С внешней стороны крест декорирован орнаментальной композицией: рельефной, выступающей над фоном, залитым изумрудно-зеленой эмалью. Изделие было позолочено, о чем свидетельствуют незначительные следы покрывавшей основу позолоты на боковых его частях.

Форма креста и его пропорции довольно оригинальны (рис. 1). Они заметно отличаются от распространенных в византийской и древнерусской металлопластике XI–XIII вв., а также от встречающихся в более поздних изделиях Новгорода и Московской Руси (Марьянович-Вуйович, 1987; Lovag, 1971. P. 143–163; Собрание..., 1899–1900; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода..., 1996; Николаева, 1976). Византийский крест четырехконечный, с расширяющимися фигурными раздвоенными концами, к которым иногда посредством перемычек прикреплены медальоны. Кресты-энколпионы чаще всего с прямыми либо немного расширенными концами. Продукция киевских мастеров-ремесленников обнаруживает исключительное разнообразие моделей, но их общая типология имеет все же лишь несколько вариантов крестов с закругленными концами; таким образом, липинский крест-энколпион никак не может быть включен в этот ряд. Липинская находка представляет тип четырехконечного орнаментированного креста с прямыми почти равновеликими (кроме нижнего) рукавами, рельефное обрамление которых с «капельками» на концах придает этим рукавам вид резко расширяющихся самих концов, тем самым достигается некоторое типологическое сходство с крестами, обнаруживаемыми в раннесредневековой архитектурной пластике (Николайевич-Стойкович, 1957. №№ 62, 65, 76, 88, 98, 100, 131, 153, 156, 158, 159, 164). Последние, в свою очередь, сближаются с широко известными золотыми крестами равеннских мозаик, украшающих мавзолей Галлы Плацидии, архиепископскую капеллу и апсиду базилики Сант Аполлинаре ин Классе, датируемых соответственно серединой V в., 494–519 гг. и серединой VI в. Они же, как известно, генетически связаны с Крестом на голгофской скале, существовавшем в IV–V вв. в Иерусалиме, украшенным золотом и драгоценными камнями (Айналов, 1895. С. 44–53).

Безусловно, скромное бронзовое изделие, створка которого надолго затерялась на Липинском городище, вряд ли можно непосредственно связывать с древним иерусалимским Крестом на Голгофе. Но ведь, в сущности, каждый из производимых экземпляров служит его отражением. Если говорить о конкретных принципиальных аналогиях, то надо остановить внимание на нескольких бронзовых крестах-энколпионах киевского происхождения, относимых большей частью к XII–XIII вв. Один из них, медный, размером 12,2 х 6,1 см, хранящийся в Государственном Эрмитаже, имеет лицевую створку с размещенными на ней пятью круглыми медальонами с выполненными в технике перегородчатой эмали изображениями Христа, двух архангелов, апостолов Петра и Павла; на оборотной – представлен в рост апостол Фома (Макарова, 1975. С. 90, 92, 125. Табл. 29, №145). Бронзовый крест-энколпион из с. Черняхова на Киевщине – с инкрустированным эмалью Распятием на лицевой створке и шестиконечным крестом с монограммами в медальонах, помещенными на оборотной (Собрание... 1899 1900. Табл. XXIV. №№ 279, 280) (рис. 2, *1*). С подобными изображениями оказалась инкрустированная серебром нижняя створка бронзового креста-энколпиона, найденная на Княжей горе Черкасского уезда (Собрание... 1899 1900. Табл.XX. №239), там же был обнаружен медный крест-энколпион, обе створки которого украшены геометрическими узорами, выполненными перегородчатой и выемчатой эмалью (Собрание... 1899–1900. Табл. XX. №№ 237, 238) (рис. 2, *2*). Все эти изделия дают пример креста с более короткими рукавами и отличающимися от липинского по форме каплевидными выступами на углах. Однако есть и крест, весьма схожий по пропорциям, орнаментированный, укрепленный на перекрестье (верхнем) лицевой стороны Креста преподобной Евфросинии Полоцкой, изготовленного Лазарем Богшей в 1161 г. (Макарова, 1975. Табл. 19, *5*). Таким образом, липинский крест-энколпион, при всем своем оригинальном характере, не выпадает из круга образцов киевского художественного ремесла XII–XIII вв., столь различающихся между собой.

К числу выделенных крестов-энколпионов с перегородчатыми эмалями, форма которых предполагает по-

чти прямые рукава и каплевидные выступы на углах, должен быть присоединен обнаруженный близ Успенского собора в древнем Галиче. Створки этого изделия украшены геометрическим орнаментом и круглыми медальонами с монограммами (в центральном на лицевой находится изображение головы Христа Эммануила). Крест отнесен ко 2-й половине XII в. (Лукомский, Петегирич, 1998. С. 178–181). Схема его декора в какой-то мере близка кресту-энколпиону из Княжей горы.

Попутно надо заметить, что тенденция к украшению плоскости выполненного из благородных металлов наперсного креста сканью, образующей причудливые растительные узоры вокруг Распятия и укрепленных рядом с ним драгоценных камней, в Европе прослеживается по крайней мере с XI в. (Theodorescou, 1976. P. 136, 137. F. 143, 144). В XII–XIII вв. в странах Западной Европы сложнейшей филигранью сплошь покрывают алтарные кресты, иногда достигающие по высоте более 40 см (Steenbock, 1967. S. 41–50; Les tresore..., 1965: №№ 55, 125, 363, 364, 812. Рис. 118, 120, 123, 124, 121).

Существовали ли аналогичным образом украшенные кресты-энколпионы киевского происхождения – остается неизвестным по причине гибели основной массы ювелирных изделий сакрального характера, кроме единичных, сохранившихся в составе кладов (Корзухина, 1954). Наиболее ранние из украшенных сканью новгородских наперсных крестов-мощевиков относятся ко 2-й половине XIII в. (Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода... 1996. №№ 30,33). Именно Новгородом локализовано и изготовление в конце XIII – начале XIV в. крестов-энколпионов с грубоватыми изображениями Распятия и св. Николы, с ангелами и святыми в медальонах, выполненными в технике выемчатой эмали, с залитым бирюзовой эмалью фоном (Полубояринова, 1988. С. 52–55*). В подобных изделиях нельзя не признать своеобразный отклик на византийско-киевские модели раннего XIII в. Еще одно замечание надо сделать относительно характера византийских ювелирных изделий рубежа XII–XIV вв. Хранящийся в Государственном Эрмитаже серебряный с позолотой и филигранью крест размером 7,4 х 6,2 см украшен розетками и пальметтами, орнаментальные мотивы которых скорее сближаются с изделиями восточного происхождения (Банк, 1974. С. 60–61).

На фоне отмеченных художественных направлений крест-энколпион из Липинского городища выглядит как ремесленное изделие, по форме отчасти напоминающее киевские образцы рубежа XII–XIII вв. Довольно «мятые» формы рукавов креста, столь далекие от изящества, присущего продукции элитарных мастеров, не оставляют сомнений на счет того, что речь должна идти о кустарном предмете, если только позволительно так определить рассматриваемую створку. Судя по парным петлям шарнира вверху и внизу, она служила именно нижней, и, следовательно, изображение Распятия украшало иную, лицевую створку. Его характер трудно представить, исходя из представленной орнаментальной композиции, заполняющей плоскость (рис. 1).

Рисунок перегородок, производящих впечатление напаянных проволок, скорее всего, отлит вместе с самой створкой креста-энколпиона. В центре средокрестья находится круг неправильной формы с меньшим кружком внутри, расположенным выше его середины. От круга крестообразно отходят остроконечные листки с широкими стебельками. Оставшееся свободным пространство фона заполняют почти параллелью расположенные выпуклые линии, отчасти создающие иллюзию подложенных листьев. Возникает ощущение графического «книжного» характера этого рисунка. При том, однако, нельзя исключать возможность видеть и радикальную переработку крестообразной орнаментальной фигуры, известной по сиропалестинским бронзовым крестам-складням X – XI вв. (Коллекция музея РАИМК..., 1994. № 215**).

Привлеченный сравнительный материал позволяет, по крайней мере, конкретизировать время изготовления бронзового креста-энколпиона с зеленой эмалью. Это явно 1-я половина XIII в., если не первая треть этого же столетия. Отчетливо опознаются при этом два фактора: воздействие киевских моделей XII- XIII вв. и отсутствие элементов, отличающих изделия зрелого XIII в. Работа ремесленника очень напоминает художественный эксперимент, проведенный в каких-то близких к экстремальным условиях. Их могло создать, вероятнее всего, монголо-татарское нашествие. К сожалению, отсутствие лицевой створки крайне ограничивает наблюдения над формой изделия и в целом упрощенным орнаментом.

Там же, на Липинском городище, как было упомянуто, найден накладной бронзовый крест с литым рельефным Распятием, пластические признаки которого определенно указывают на начало XIII в. (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 50. Рис. 2, *2*). К этому же времени принадлежат подобные медные отливки Распятия на шестиконечном кресте, размером 7,5 х 6 см, прорезные, с четырьмя штырями с тыльной стороны, указывающие на их крепление на деревянной основе (Коваленко, Пуцко, 1993. С. 308. Рис. 3, *5*; Каталог украинских древностей..., 1898. С. 11. №№ 84-88). Указанные находки с Княжей горы современны липинскому бронзовому кресту с Распятием, и поскольку последнее обнаружено в одном слое с рассматриваемой створкой креста-энколпиона, то и она без каких-либо колебаний может быть отнесена к продукции ремесленников 1-й трети XIII в., работавших на южнорусских землях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айналов Д.В. Мозаики IV и V веков. СПб., 1895.

Банк А.В. Серебряный крест из собрания Штиглица // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIII. Л., 1974.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI – XV века. М., 1996.

Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. М., 1968.

* Автор статьи считает лицевой стороной энколпиона этого типа створку с фигурой Богоматери-Оранты (Собрание..., 1899-1900. Вып. II. Табл. XXVI. № 295). Но это нижняя, оборотная створка, как и опубликованная с изображением свт. Николы, на что указывают парные петли шарнира. Лицевая створка с Распятием, соответственно с одиночными петлями, хранится в Смоленске, в Государственном объединенном историческом и архитектурно-художественном музее-заповеднике (Инв. № СОМ-11005).

** Размером 10,6 х 5 см

Каталог украинских древностей В.В. Тарновского. Киев, 1898.
Коваленко В., Пуцко В. Бронзовые кресты-энколпионы из Княжей горы // Byzantinoslavica. T. LIV. Prague, 1993.
Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л., 1954.
Лукомский Ю., Петегирич В. Уникальная находка из княжеского Галича // Церковная археология. Вып. 4. СПб., 1998.
Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
Марьянович-Вуйович Г. Крстови од VI до XII века из збирке Народного музеја. Београд, 1987.
Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
Николайевич-Стойкович И. Рановизантиска архитектонска декоративна пластика у Македонији, Србији и Црној Гори. Београд, 1957.
Полубояринова М.Д. Крест с эмалью из Болгара // Древности славян и Руси. М., 1988.
Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Древности русские. Вып. I–II. Киев, 1899–1900.
Theodorescou R. Un mileniu de arta la Dunarea de Jos (400–1400). Bucuresti, 1976.
Les tresore des Eglises de France. 2e ed. Paris, 1965.
Lovag Zs. Byzantine Type Religuary Pectoral Crosses in the Hungarian National Museum // Folia Archaeologica. T. XXII. Budapest, 1971.
Steenbock Fr. Das Kreus von Valasse // Studien sur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift fur K.H. Usenjer zum 60. Geburtstag am 19. August 1965. Marburg an der Lahn, 1967.

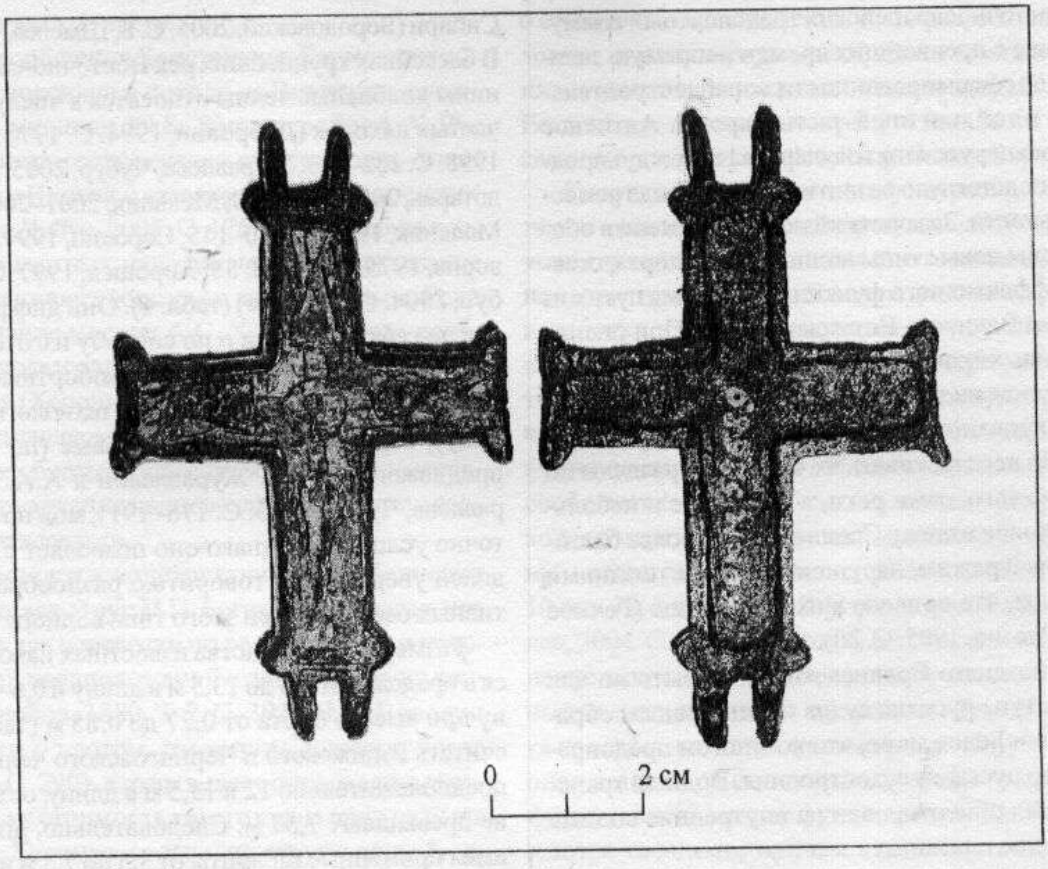


Рис. 1. Створка бронзового с эмалью креста-энколпиона (лицевая и оборотная стороны). Липинское городище. Фонды Курского областного краеведческого музея.

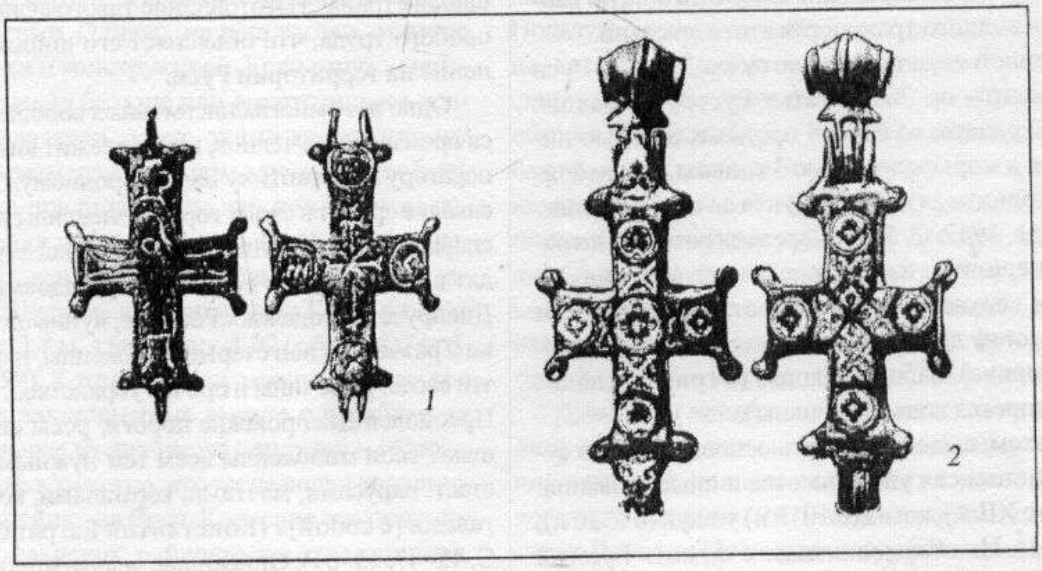


Рис.2. Киевские бронзовые кресты-энколпионы из с. Черняхова (*1*) и Княжей горы (*2*).

СУДОСТРОЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2007 г. А.Г. Рагуштейн
Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси

Развитие восточноевропейских транспортных коммуникаций начиная с древнейших времен напрямую зависело от степени сформированности кораблестроительных традиций в той или иной части Европы. Активное вовлечение Древнерусского государства в международную торговлю подстегнуло развитие данного вида ремесленной деятельности. За короткий период времени в оборот были введены новые типы водного транспорта, ставшие основой эффективного функционирования пути «из варяг в греки» и Великого Волжского пути. При оценке значимости водных транспортных систем Восточной Европы следует учитывать, что бассейны крупных рек не являлись изолированными, поскольку малые размеры судов позволяли перетаскивать их через водоразделы по волокам. Кроме того, сами реки, в том числе и небольшие притоки, имели в эпоху Средневековья более благоприятный водный режим, нарушенный более поздними вырубками лесов, что привело к их обмелению (Речное судоходство в России, 1985. С. 20).

Вплоть до позднего Средневековья открытыми для свободного доступа русских судов были главным образом Балтийское и Белое море, что во многом предопределило характер русского судостроения. Водный транспорт на Руси был ориентирован на внутренние водные пути и каботажное плавание.

Источники по истории этого периода позволяют воспроизвести технические особенности древнерусского корабельного дела. Они представлены главным образом письменными данными и археологическими материалами. Благодаря их синтезу можно получить общую картину характера водного транспорта этого времени.

В определенной мере типологию судов Древней Руси можно проследить по 73-й статье Русской Правды: «Аже лодью украдеть, то 60 кун продаже, а лодью лицемь воротити; а морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, за чели 20 кун, а за струг гривна» (Правда Русская, 1947. С. 577). Переведя размеры штрафов в единую единицу измерения (счетную гривну) и выстроив их в соответствии с возрастанием, получим следующую картину древнерусских судов: челн (0,8 гривны), струг (1 гривна), набойная лодья (2 гривны), лодья (2,4 гривны), морская лодья (3 гривны).

Таким образом, выделяется пять основных типов судов. Однако в летописях упоминаются и иные названия: учан (известен с XII в.), насад (с 1015 г.) ушкуй (с 1320 г.), лоива (с 1284 г.). Их отождествление с судами Русской Правды вызывает заметные затруднения. Вполне вероятно, прав А.С. Хорошев, предположивший конструктивное единство обоих перечней (Хорошев, 1997. С. 121). В дальнейшем целесообразно в качестве схемы придерживаться градации, выстроенной на основе Русской Правды.

Челн-однодеревка использовался людьми с бронзового века и до нового времени. Даже в наши дни он как универсальное средство передвижения применяется в некоторых районах Севера европейской части России и в Сибири (Бородовский, 2005. С. 8, Шмелев, 1999. С. 59–61). В бассейнах крупнейших рек Восточно-европейской равнины долбленые челны относятся к числу относительно частых находок (Дубровин, 1994. С. 177–184; Дубровин, 1998. С. 132–137; Журавлева, Чубур, 2005. С. 176–191; Золотарев, 2005. С. 81–88; Мельник, 2001–2002. С. 466–474.; Мельник, 1995. С. 140–145; Сорокин, 1999. С. 99–110; Фаворов, 1975. С. 77–78, 85; Хорошев, 1997. С. 120–129; Чубур, 2004. С. 171–174) (табл. 1). Они дифференцируются как по габаритам, так и по способу изготовления. Деление долбленых челнов на высокобортные и низкобортные, простые и расширенные (по технологическому принципу), торгово-военные и бытовые (по применению), предложенное Ю.Б. Журавлевой и А.А. Чубуром (Журавлева, Чубур, 2005. С. 176–191), можно считать достаточно условным, однако оно позволяет с определенной долей уверенности говорить о разнообразии конструктивных особенностей этого типа водного транспорта.

Размеры большинства известных находок колеблются в пределах от 3,5 до 13,5 м в длину и 0,6–1,15 м в ширину при высоте борта от 0,27 до 0,85 м (табл. 1). Если не считать Вщижского и Черниговского челнов, имеющих предположительно 12 и 13,5 м в длину, остальные челны не превышают 7,57 м. Следовательно, долбленый челн имел примерные габариты от 3,5 до 7,5 м в длину и около 0,75 м в ширину. Это объясняется естественными причинами, поскольку мастеру-судостроителю не всегда можно было найти дерево подходящих размеров, тем более без дефектов, особенно в районах лесостепной полосы нашей страны. Изготовление такого судна не составляло особого труда, что объясняет его широкое распространение на территории Руси.

Одно из немногих письменных сообщений, касающихся производства челнов, принадлежит византийскому императору Константину Багрянородному. Он сообщал, что славяне «рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы» спускают по Днепру для продажи. «Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их». Преодолев Днепровские пороги, росы «снова переоснащают свои моноксилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]» (Константин Багрянородный, 1989. С. 45–47, 49–51). Описанные челны-моноксилы, видимо, были достаточно крупногабаритными, чтобы совершать длительные переходы. Не вполне понятным остается лишь вопрос о технологии их изготовления. Традиционно челны-однодеревки делят на колоды (изготовленные путем обычного выдалбливания или выжигания сердцевины дерева) и пареные. Последние являются более развитой ступенью в развитии судостроения, поскольку для их изготовления требовалась долгая термическая обработка выдолбленой заготовки, в которую вставлялись упруги для раз-

вода бортов до нужной ширины. Это придавало конструкции дополнительную устойчивость и грузоподъемность (Лебедева, 1987. С. 323). Показательно, что среди находок наиболее крупных по своим размерам челнов только Вщижский является расширенным (пареным). Это может свидетельствовать о слабом распространении такой технологии в древнерусское время.

Несмотря на сообщения Константина Багрянородного об участии моноксилов в походе на Византию, сложно согласиться с мнением Ю.Б. Журавлевой и А.А. Чубура, которые отнесли однодеревки из Чернигова, Алексина, Хотяновки и Вщижа к категории торгово-военных судов (Журавлева, Чубур, 2005. С. 176–191). Вообще членение массива известных находок челнов по принципу их применения выглядит несколько некорректным. Если принять во внимание мнение А.С. Хорошева, что долбленки вряд ли использовались для дальних и средних торговых маршрутов (Хорошев, 1997. С. 121), сфера их применения ограничивалась решением мелких хозяйственных задач. Таким образом, более подходящим представляется общее определение челнов-однодеревок как торгово-бытовых плавсредств.

Спорными остаются конструктивные особенности такого типа судна, как струг. Н.П. Боголюбов полагал, что струги – это суда для перевозки по рекам, однако не высказал конкретных предположений относительно их конструкции (Боголюбов, 1880. Т. 2. С. 392). Н.Н. Воронин отождествлял его с плотом, имеющим дощатые борта (Воронин, 1951. С. 290), что вызывает определенные сомнения, поскольку стоимость такого судна вряд ли была бы высока. А.С. Хорошев соотносил струг с лодьей, занимающей промежуточное положение между однодеревкой-челном и набойной лодией (Хорошев, 1997. С. 120–121). Исследователь практически приравнял струг к набойной лодье, разделив эти типы судов по габаритам. С учетом стоимости струга, морской и набойной лодьи, это вполне допустимо. Однако, на наш взгляд, отличия могли определяться и конструкцией. Если струг меньше набойной лодьи, но больше или вместительнее челна, то где проходила грань между этими двумя типами? Ранжирование по размерам в данном случае может быть условным. Можно предположить, что под стругом понимается небольшая наборная лодочка. Подобные находки известны в Скандинавии, например в Арбю к северу от Упсалы (Швеция) в захоронении IX–X вв. Она имела длину всего 3,8 м, а ширину – 1,02 (рис. 1, *2*) (Арбман, 2006. С. 58–59). К тому же типу можно отнести три маленькие лодки, захороненные вместе с кораблем из Гокстада. Наименьшая из них имела длину 6,6 м (Фиркс, 1982. С. 61). Вполне возможно, что такие лодки использовались и в захоронениях на Руси. Косвенно это подтверждает количество заклепок, найденных в ряде курганов. Например, в Гнездово, в кургане № 20, было обнаружено всего 20 ладейных заклепок, в № 65 – 20, № 23 – 35, № 13 – 61. Д.А. Авдусин полагал, что вместе с покойником сжигалась лишь часть судна, символизирующая ладью (Авдусин Д.А., 1974. С. 76, 81). Однако возникает вопрос: откуда брался этот фрагмент? Либо его должны были отпилить от годного к использованию судна, что вряд ли, либо имелся запас специально заготовленных старых (и крупных по размерам) плавсредств. В то же время не исключено, что для погребений просто использовались небольшие наборные лодки. Подтверждением тому является сообщение Ибн-Фадлана о погребальном обряде русов: «… если (это) бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают его» (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939. С. 80). Речь идет о специально изготовленных для погребального ритуала лодках, однако вполне могли использоваться подходящие целые экземпляры, сходные со скандинавскими находками. Если это предположение верно, то появление стругов было связано с североевропейской корабельной традицией.

Спорным является и вопрос о распространенности такого типа водного транспорта, как набойная лодья. Учитывая архаичные принципы изготовления речных судов на территории Руси, можно предположить, что под данным типом судна подразумевается крупная долбленка с наращенным бортом, конструктивные особенности которой известны как по письменным, так и по археологическим данным. В описании казачьих челнов, сделанном французским офицером Г.Л. де Бопланом в начале XVII в., сообщается: «Cholna – это челн или судно, на котором ходят в море. Именно в этих местах они делают свои челны – лодки для морских походов длиной от 60, шириной 10 или 12, а глубиной 8 футов, с двумя рулями…» (Боплан, 2004. С. 54). Кроме того, Боплан дает некоторое пояснение технологическим приемам изготовления подобных челнов: «Судно не имеет киля. Его основание – лодка из вербы или липы длиною около 45 футов. [По бокам] она обшивается и надстраивается досками от 10 до 12 футов длиною и около фута шириною, которые прикрепляются гвоздями; причем каждый ряд напускается на предыдущий, как при постройке речных судов, пока судно не достигнет 12 футов в высоту и 60 футов в длину, расширяясь кверху по мере завершения… Строятся они [лодки] так, как привыкли и наши плотники, с перегородками и поперечными скамьями, а затем их смолят. Пользуются двумя рулями – [по одному] на каждом конце, так как их судам, очень длинным, требовалось бы слишком много времени, чтобы развернуться… Они обычно имеют от 10 до 15 весел с каждой стороны и идут быстрее, чем гребные турецкие галеры. Суда также имеют мачту, на которой они [казаки] поднимают довольно плохо сделанный парус; пользуются им только в хорошую погоду, а при сильном ветре предпочитают идти на веслах. Эти суда не имеют верхней палубы и если наполняются водой, то укрепленный вокруг судна тростник не дает им утонуть в море» (Боплан, 2004. С. 56).

Даже если принять во внимание, что описание Боплана относится к заметно более позднему времени, технологические приемы совпадают с известными археологическими данными. Лодка схожей конструкции известна в Великом Новгороде (шурф Владимирской башни Новгородского кремля). М.Х. Алешковский определил ее размеры следующим образом: длина до 6,75 м, ширина до 90 см и высота до 55 см. В центре стояла небольшая мачта, о чем можно судить по находке двух спаренных шпангоутов. Мачта и парус были невелики и крепились канатами, протянутыми к носу и корме лодки (Алешковский, 2007).

Кроме того, в Новгороде, на Троицком раскопе X, обнаружены остатки двух лодок 1-й половины XII в.,

которые была идентифицированы как набойные однодеревки. После выдалбливания колода была распарена и установлены шпангоуты. Набойные доски (по одной с каждой стороны борта) соединялись с корпусом при помощи вицы в виде прутьев и древесных корней, разрезанных вдоль (Дубровин Г.Е., 1994. С. 177–184). Отметим, что за пределами Северо-Западной Руси подобные находки неизвестны. Возможно, сама конструкция была порождена двумя традициями, одну из которых можно условно определить как «континентальную восточноевропейскую» (изготовление челнов с древнейших времен), вторую – как «североевропейскую» (северогерманские и финнские народы), ориентированную на изготовление судов из составных компонентов.

Лодья и лодья морская, судя по данным Русской Правды, представляли собой два наиболее вместительных и крупногабаритных транспортных средства. Интересно, что само слово «лодья» перешло в восточноскандинавские языки: древнешведское lodhia, древнедатское lodje, а впоследствии из древнедатского в ганзейский период трансформировалось в средненемецкое loddie, loddige со значением «грузовое судно» (Мельникова Е.А., 1984. С. 71). Можно предположить, что эти два типа схожи по своим конструктивным особенностям, однако отличаются габаритами или предназначением. Предполагаемые крупные размеры подводят к выводу о том, что их конструкцию определяла наборная техника, характерная для Скандинавии.

Скандинавские саги указывают на то, что Ладога активно использовалась как морской порт. В «Саге об Олафе Святом» повествуется о поездке в 1035 г. норвежских вождей на Русь за малолетним наследником Магнусом. Отправившись по морю на кораблях, они достигли Ладоги, откуда послали к Ярославу своих представителей с просьбой разрешить им проход вглубь страны (Джаксон, 1999. С. 20–21). Однако вряд ли морские лодьи могли пройти на Русь далее Ладоги (Сорокин, 1999. С. 104), хотя использование судов с клинкерной обшивкой южнее Поволховья засвидетельствовано археологическими материалами (Рюриково городище, Новгород, Псков, Полоцк, Белоозеро, Тимерево, Михайловское, Ростов, Гнездово) (Дубровин, 1997. С. 77, 79–86; Сгальсберг, 1998. С. 279; Леонтьев, 1999. С. 162–163; Сорокин, 1999. С. 104). Скорее всего, в этих случаях речь должна идти о небольших лодках («обычные» лодьи?).

Выше мы уже касались возможной связи находок относительно немногочисленных (2–3 десятка) заклепок со стругами. Однако известны примеры погребальных комплексов, в которых такого крепежа было несравненно больше. В Гнездовском кургане № 74 было обнаружено 234 железные заклепки, а в кургане № 47 – 276, что позволило Д.А. Авдусину на основании имеющихся в Скандинавии аналогий определить длину сожженных лодок примерно в 10 м (Авдусин, 1974. С. 80, 82). Подобная лодка длиной 9,8 м и шириной 3,3 м, датируемая приблизительно XI в., была найдена на дне Финского залива у города Лапури (Финляндия) (рис. 1, 5) (Alopaeus, 2006). В этой связи особенно важна не сожженная ладья из Усть-Рыбежны, поскольку по положению зафиксированных заклепок можно восстановить примерную длину судна – около 9,9 м. Интересно, что количество крепежа (100 шт.) здесь было даже заметно меньше, чем в Гнездово (Сгальсберг, 1998. С. 278, 279).

Показательно, что следы использования наборной техники укладываются в пределы Северной Руси и в большинстве своем обнаружены в центрах, в которых присутствие скандинавов не вызывает сомнений. В Южной Руси свидетельства использования наборной техники крайне скудны. Немногочисленные ладейные заклепки известны в Шестовице (Коваленко, Моця, Сытый, 2003. С. 65), где, как известно, также фиксируются варяжские элементы.

Находки в новгородских напластованиях многочисленных конструктивных частей кораблей позволили Б.А. Колчину реконструировать примерные параметры новгородского судна XII–XIII вв. При общей длине корабля в 10 м, форштевень и архштевень были расположены под углом 60°. Корпус состоял из 12 шпангоутов с обшивкой вгладь. В центральной части его ширина составляла 3,2 м, высота – 1,4 м на носу и 1,2 м в центре. Шесть пар уключин для 12 гребцов и мачта с прямым парусом являлись основными движителями. Грузоподъемность судна – 15 т. Оно могло вместить до 40 человек с грузом (рис. 1, 3) (Колчин, 1968. С. 60). Подобные габариты, несмотря на всю условность, в целом соотносятся с лодьей, способной совершать как каботажные плавания, так и переходы по рекам и озерам.

Вопрос о характере и интенсивности использования такого транспорта, как морская лодья, в настоящее время во много остается дискуссионным. Ограниченное распространение археологических находок дало А.С. Хорошеву повод утверждать, что морское судостроение Древней Руси не получило в средневековье развития, в связи с удаленностью от морского побережья (Хорошев, 1997. С. 123). Против этого, вроде бы, свидетельствует специальное упоминание этого типа в Русской Правде, а также многочисленные указания в грамотах Новгорода на активную морскую торговлю новгородцев на Балтийском море в XIII–XV вв. (ГВНиП, 1949. №№ 31, 40 42, 43, 44, 47, 51, 61, 62). Однако не исключено, что особое внимание являлось следствием дороговизны морских лодий.

В общем ряду особняком стоят находки из Ростова Великого. Здесь в 1955 г. при раскопках в Митрополичьем саду Ростовского кремля были обнаружены два шпангоута, относящихся к IX–X вв. (рис. 1, 4). А.Е. Леонтьев, проанализировав находки, реконструировал размеры судна. Определив его высоту в 1,68 м, а ширину в 3,75 м, он предположил, что при соотношении длины и ширины в пределах от 3,5:1 до 5:1, длина могла составлять от 14 до 20 м. Видимо, в основе конструкции была система мягкой связи шпангоутов с обшивкой. А.Е. Леонтьев считает, что судно использовалось для речного или каботажного морского плавания (Леонтьев, 1999. С. 161–162).

Ростовский корабль является самым крупным из числа известных на территории Руси. По своим габаритам он сопоставим со скандинавским судном Скульдев-1, которое имело длину 16,5 м, грузоподъемность около 40 т и использовалась для плаваний по морю (Фиркс, 1982. С. 66–78). Такой корабль вполне мог трактоваться в Русской Правде как морская лодья. Возможно, его находка в условиях континентальной части Восточной Европы является тем исключением, без которого не бывает правила.

Различия в составе археологических находок позво-

лили П.Е. Сорокину сделать вывод о локальных вариантах судостроительной традиции – северной и южной, что он объяснил природно-географическими условиями этих регионов (Сорокин, 1999. С. 109). Подобное заключение имеет основание. В связи с затруднением свободного прохода к Черному морю (днепровские пороги), в Южной Руси, в отличие от Северной, в гораздо большей степени сохранились архаичные традиции использования легких разновидностей судов (челн, возможно, набойная лодья и струг). В подобной ситуации применение и развитие сложных наборных судов, таких как лодья и морская лодья, не имело смысла. Использование северных технологий в кораблестроении за пределами Северо-Западной Руси можно доказать преимущественно косвенными данными, несмотря на активное проникновение скандинавских элементов в славянскую среду. О влиянии Византии на эту область ремесленной деятельности говорить нельзя ввиду отсутствия для этого каких-либо оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестн. МГУ. Сер. История. 1974. № 1.

Алешковский М.Х. Ладья XI в. из Новгорода / <http://velizariy.kiev.ua/ avallon/werf/rus1.htm> (1.02.2007).

Арбман Х. Викинги. СПб., 2006.

Боголюбов Н.П. История корабля: Общедоступное изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времен до наших включительно. Т.2. М., 1880.

Бородовский А. Лодки из Таволгана // Наука в Сибири. 2005. №5.

Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М.–Л., 1951.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.–Л.., 1949.

Джаксон Т.Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Дубровин Г.Е. Новгородские лодки-однодеревки // РА. 1994. № 3.

Дубровин Г.Е. Средневековые новгородские дощатые суда ладейного типа с жесткими связями // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Мат. научн. конф. Новгород, 28 30 января, 1997) Вып. 11. Новгород, 1997.

Дубровин Г.Е. Фрагмент лодки однодеревки XI века с Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Мат. научн. конф. Новгород, 27–29 января, 1998.) Вып. 12. Новгород, 1998.

Журавлева Ю.Б., Чубур А.А. Средневековое судостроение юго-восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Куликово поле и юго-восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005.

Золотарев П.М. Находки долбленых лодок на территории верхнего и среднего Дона //Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Коваленко В., Моця А. Сытый Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-східної Європи VIII-XI ст. Чернігів, 2003.

Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. Свод археологических источников. М., 1968.

Лебедева А.А. Транспорт, переноска и перевозка тяжестей // Этнография восточных славян. М., 1987.

Леонтьев А.Е. Детали судов и лодок X–XIII вв. в археологической коллекции Ростова Великого // Археологический сборник: Памяти Марии Васильевны Фехнер: Тр. ГИМ. Вып. 111. М., 1999.

Мельник И.К. Находка днестровского челна // Stratum plus. 2001–2002. № 5.

Мельник А.М. Окские челны // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.

Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984.

Правда Русская. Т.II. Комментарии / Под ред. Б.Д. Грекова. М.–Л., 1947.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. Л., 1939.

Речное судоходство в России. М., 1985.

Сорокин П.Е. Судостроительная традиция Древней Руси // Тр. IV Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. М., 1999.

Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

Фаворов Б.П. Долбленые челны // Катера и яхты. 1975. № 5.

Фиркс И. фон. Суда викингов. Л., 1982.

Хорошев А.С. Средства передвижения // Археология: Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Чубур А.А. Древнерусская ладья-однодеревка из летописного Вщижа // РА. 2004. № 3.

Шмелев К.В. Долбленые суда на северо-западе России // Этнографическое изучение Северо-запада России (итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): IV межведомственная научн. конф. аспирантов и студентов. СПб., 1999.

Alopaeus H. The Lapuri Find / <http://www.abc.se/~m10354/publ/lapuri.htm> (27.11.2006)

Таблица 1. Долблёные челны, найденные на территории Древней Руси

№ п/п	Место находки	Датировка	Размеры		
			Длина в м	Ширина в м	Высота в м
1.	с. Щучье, р. Дон	III– II тыс. до н. э.	7,5/2*	–	–
2.	д. Коровликино, оз. Ладога	III-е тыс. до н. э.	3,62	0,69	0,27
3.	оз. Сарнате, Латвия	II-е тыс. до н. э	7,57	0,58	0,30
4.	с. Саботиновка р. Южный Буг	IV в.	6,81	0,80	0,86
5.	с. Хотяновка, р. Десна	III в. до н. э.	8,00	0,70	0,70
6.	р. Медведица (хранится в Государственном Эрмитаже)	V в. н. э.	7,50	0,57	0,50
7.	г. Серпухов, р. Ока	1722–1782 гг.	5,5	0,7	0,62
8.	с. Друцкое, 25 км от Чернигова, р. Десна	XVI–XVII вв. (?)	12/13,5*	1	0,85
9.	д. Удолье Белгородской области, р. Десна	XVI–XVII вв. (?)	3,1	0,7	0,64
10.	г. Вщиж Брянской обл., р. Десна	XIII в.	8,8/12*	1,25	0,8
11.	Тульская область, устье р. Вашаны	X–XI вв.	6,5	0,7	0,75
12.	с. Хотяновка на р. Десна	Ранее средневековье (?)	8,2	0,7	0,75
13.	с. Половское Рязанской области, р. Ока	IV–VI вв.(?)	5,5/6*	0,6	0,4 -0,6
14.	д. Острая Лука, р. Ока	XV--XVIII вв. (?)	7	0,86	0,4
15.	с. Мальцево Курской обл., р. Сейм	XIV–XVII вв. (?)	1,2	0,8	0,45
16.	Курская область, р. Сейм	XIV–XVII вв. (?)	3,9	0,75	0,3
17.	г. Бендеры Молдавия, р. Днестр	XIV–XVI вв. (?)	4,5	1,15	0,6
18.	о-в. Хортица, р. Днепр	XI–XII вв.	1–1,1	0,65	–
19.	Великий Новгород, (XI Троицкий раскоп)	60–80 гг. XI в.	3,5 (?)	0,7 (?)	0,35 0,48
20.	Великий Новгород (шурф у Владимирской башни Новгородского кремля)	XI в.	6,75	0,90	0,55
21.	Великий Новгород (X Троицкий раскоп)	1-я пол. XII в.	–	–	–
	Средний результат:		3,2	0,75	0,55

* Длина реальная/предположительная.

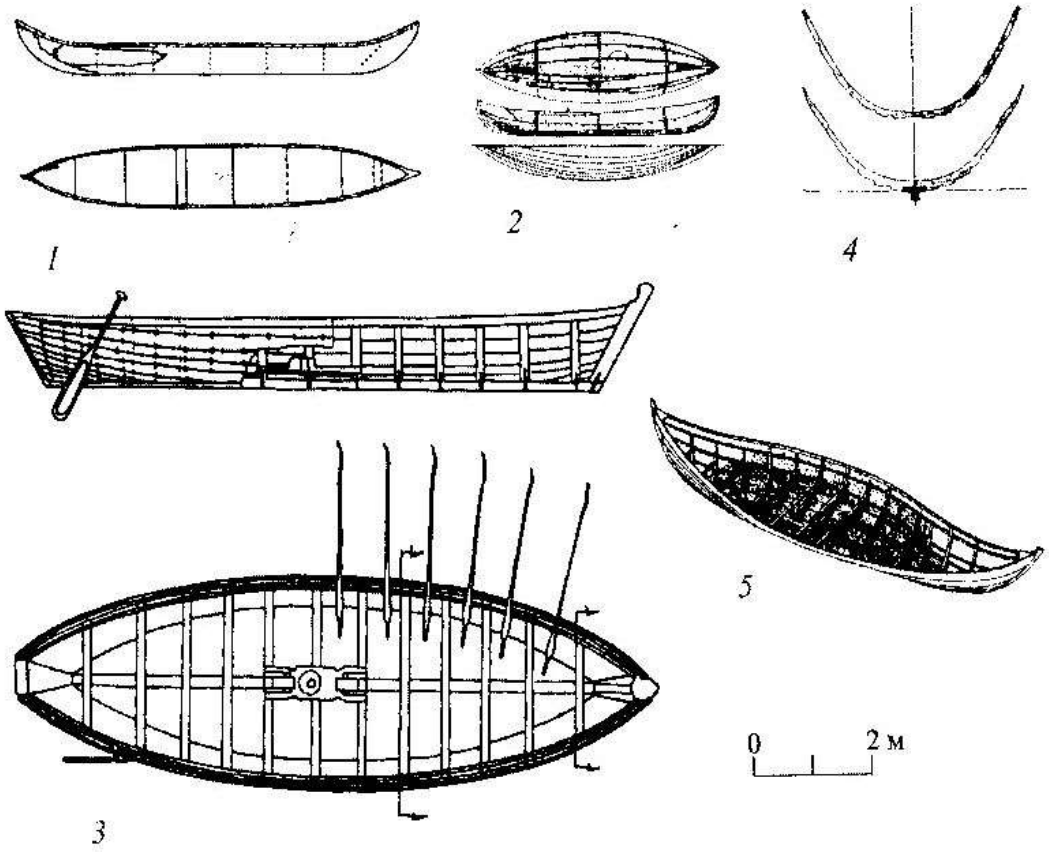


Рис 1. Водный транспорт Древней Руси.
1 – реконструкция ладьи начала XI в. из Новгорода (дано по: Алешковский, 2007); *2* – лодка из Арбю (дано по: Арбман, 2006); *3* – реконструкция новгородской ладьи XII-XIII вв. (дано по: Колчин, 1968); *4* – шпангоуты из Ростова Великого (дано по: Леонтьев, 1999); *5* – реконструкция лодки из Лапури (дано по: Alopaeus, 2006).

НАХОДКИ РИМСКИХ МОНЕТ С ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2007 г. О.А. Радюш
Институт археологии РАН, Москва

Первые находки римских монет стали известны на территории Посеймья еще в XIX в.: крестьяне неоднократно выпахивали на своих полях как клады из нескольких десятков и сотен монет, так и единичные денарии. Нумизматические материалы с территории Курской области нашли свое место в своде В.В. Кропоткина (Кропоткин, 1961). В 2004 г. А.Г. Шпилев опубликовал ряд новых кладов, найденных в рассматриваемом регионе (Шпилев, 2004). Обвальное распространение нелегального поиска археологических артефактов в последние годы привело к многократному росту количества находок металлических изделий вообще и монет в частности. Ценность таких материалов как исторических источников, без точных привязок к месту обнаружения, невелика, большая часть из них переходит в разряд предметов спекуляции и коллекционирования.

Целью данной публикации не является подробное нумизматическое исследование. Её основная задача – ввести в научный оборот ставшие известными в последнее время находки, позволяющие по-новому оценить территорию распространения римских монет и их связь с конкретными археологическими памятниками. К сожалению, получать достоверную информацию обо всех случаях обнаружения монет не всегда возможно. Приводимые находки, конечно, не исчерпывают всей проблемы, но эти наблюдения могут служить основой для дальнейших исследований.

Наиболее ранние находки относятся к известным по своду В.В. Кропоткина и статье А.Г. Шпилева пунктам, более поздние связаны с коллекциями, хранящимися в НИИ археологии юго-восточной Руси при КГУ (НИИ АЮВР), Курском государственном областном музее археологии, Курском областном краеведческом музее и Курчатовском краеведческом музее. Определения для монет из Глушково и Николаевки сделаны Н.А. Фроловой. Сведения о монетах, поступивших в частные коллекции в начале XXI в., предоставлены профессором Курского государственного медицинского университета И.С. Пискуновым; им же сделаны их определения, за что хотелось бы выразить ему особую благодарность.

Картографирование отдельных монет и кладов (рис. 1) показывает их широкое распространение практически по всей территории области, но до сих пор они неизвестны за пределами бассейна Днепра. Скопление монетных находок в Курчатовском районе объясняется только особой интенсивностью проводимых здесь в последние десять лет разведочных работ. Можно предполагать, что расширение полевых исследований в других районах области приведет к изменению сложившейся диспропорции. По информации от местных жителей известны случаи находок денариев из междуречья Пела и Сейма.

Большинство монет в Курской области, также как и на остальной территории черняховской культуры, представлены денариями и сестерциями I–II вв. н. э. (основная часть из них относится к чеканам времени Антонина Пия и Марка Аврелия). По наблюдениям И.С. Пискунова, среди последних единичных находок преобладают фальшивки (плакированные серебром денарии). Зачастую монеты в хорошем состоянии. Все монеты из клада 2000 г. из Прямицыно сильно затерты, но среди них не было ни одной фальшивой.

Связь интересующей нас категории вещей с памятниками позднеримского времени очевидна. Практически на каждом крупном поселении, подробно обследованном в 2003–2006 гг., где встречалась характерная гончарная керамика черняховского типа, известны и монеты. Всего имеются сведения о 34 пунктах находок римских монет в Курской области. Из них 14 совпадают с ранее известными черняховскими памятниками; остальные, по всей видимости, связаны с еще не выявленными поселениями. Достаточно точные привязки к топографическим ориентирам имеют 27 пунктов, приблизительные, в пределах района или реки – 7 пунктов.

В пределах современного Рыльска, судя по публикациям рубежа XIX–XX вв., монеты были найдены в погребениях с кремациями (Кропоткин, 1961. С. 45). Погребальный обряд населения Посеймья в римское время до сих пор практически не изучен, поэтому данные сведения требуют более надежного и документированного подтверждения, так же как и сам факт расселения племен в позднеримское время в этом районе. К настоящему времени, несмотря на длительное обследование окрестностей Рыльска, памятники черняховского периода там не зафиксированы. Складывается впечатление, что долина Сейма от Льгова до устья Снагости была заселена как минимум гораздо реже, чем её восточная часть от Льгова до Курска. Первый памятник с незначительным количеством черняховской гончарной керамики был выявлен разведками А.М. Обломского в 2004 г. в устье р. Свапа (д. Комаровка, Конышевский р-н). Отдельные находки римских монет и черняховской керамики встречаются в верховьях реки Свапы и её притоков, но они, скорее всего, относятся к особой группе памятников раннегунского времени, занимающих труднодоступные районы Сейминско-Фатежской гряды.

Особый интерес, несомненно, представляют монеты IV – начала V в. Монетное обращение этого периода до последнего времени было слабо известно на территории Левобережья Днепра, находки из Курского региона отсутствовали (Гавритухин, 2005. С. 232–233. Рис. 1, 2). Большинство из них представляют собой отдельные экземпляры, найденные на территории селищ на Сейме и его притоках – реках Прутище и Дичня (рис. 2). Только в одном случае (Сугрово), судя по сообщениям находчиков, 9 монет династии Константина I были найдены в составе клада. Единичные находки представлены экземплярами от Константина II (337–340 гг.) до Феодосия I (379–395 гг.) и, возможно, Аркадия (383–408 гг.). Как минимум три медные монеты, из Мармыжей и Николаевки, отчеканены после 375 г. Эта дата традиционно считается историческим рубежом, за которым последовали серьезные социально-экономические и политические изменения, нарушившие прежний ход истории, приведшие к уходу большей части готов на запад и исчезновению черняхов-

ской культуры на территории Восточной Европы. По определению Н.А.Фроловой, два тетрассария из Николаевки могли быть отчеканены в 393–395 гг., что соответствует фазе D1 по Я. Тейралу. Другие находки с данного поселения также относятся к фазе D1 (две фибулы с ромбической ножкой, синяя 14-гранная пастовая бусина, калачевидная биметаллическая пряжка и др.). Также датируется селище в Мармыжах.

Единственная известная находка в Курской области неримского чекана, но непосредственно относящаяся к рассматриваемому периоду – боспорский статер, чеканенный при Рескупориде VI (314–342 гг.), точные координаты которой, к сожалению, нам неизвестны. На левобережье Днепра редкие находки боспорских монет, в основном I–III вв., отмечены в Харьковской области (Бейдин, Григорьянц, 2002/2003. С. 190). Эти находки могут указывать на еще одно направление экономических связей местного населения.

Территория современной Курской области исторически находилась в пограничном положении между лесными и лесостепными культурами. По Сейму проходит граница черноземных почв, которая, как это уже давно отмечено, являлась северным рубежом расселения племен черняховской культуры, а также границей массового распространения амфор и римских монет (Кропоткин, 1988. С. 176). Присутствие носителей черняховской культуры в междуречье Сейма и Псла позволяло им держать под контролем стратегически важную территорию, на которой сходятся бассейны крупнейших рек Восточной Европы – Дона, Волги и Днепра. Значение Сеймского пути для восточноевропейских коммуникаций подробно прослежено для рубежа I и II тысячелетий н. э. (Щавелев, 2001. С. 145–158; Енуков, 2005. С. 147–164). Очевидно, в схожей исторической ситуации, в эпоху возможного существования протогосударственных образований на левобережье Днепра (Казанский, 1997. С. 181–193; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169–170), в конце III – 1-й половине V в. н. э. Сейминско-Псельское междуречье могло играть не менее важную роль. Интерес к северо-восточному направлению в политике остготских правителей хорошо известен по письменным источникам (Щукин, 2005. С. 215, Мачинский, Кулешов, 2004. С. 45). Связующий два крупных днепровских притока путь мог проходить через волоки с Суджи на Реут; использование подобного маршрута позволяло сократить путь в Среднее Поднепровье на несколько сот километров по сравнению с движением непосредственно по Сейму. Недалеко от места наибольшего сближения притоков двух рек были найдены «княжеские» погребения в Большом Каменце и Паниках. Разведочными работами последних лет выявлены новые археологические памятники 2-й половины III – начала V в. н. э., локализующиеся вокруг устья Реута и севернее его (Веретюшкин, Обломский, Радюш, 2005; Радюш, 2007). Материалы, обнаруженные на обследованных поселениях, позволяют предполагать наличие двух хронологически последовательных групп памятников. К первой относятся крупные по площади селища, занимающие долину Сейма и его южные притоки, которые датированы 2-й половиной III – 2-й половиной IV в. Вторая группа в верховьях р. Прутище, Рогозна, Свапа датируется концом IV – началом V в.

Сведения о распространении памятников позднеримского времени в Курской области дополняются новыми нумизматическими материалами. Находки монет раннегуннского времени важны для понимания событий, происходящих на северо-восточном пограничье черняховской культуры на последней стадии её существования. Связи местного населения с Римской империей в данном регионе, очевидно, не прекращались и в последней четверти IV – начале V вв. В настоящее время многие ранее сложившиеся представления об этнокультурной ситуации позднеримского и «раннегунского» времени в Посемье требуют существенной корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. //Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Спб., 2004.

Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н. Находки боспорских монет на памятниках Черняховской культуры Харьковской области // АЛЛУ. 2002/2003. № 1–2

Веретюшкин Р.С., Обломский А.М., Радюш О.А. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья.// Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.

Гавритухин И.О. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // II Городцовские чтения: Тр. ГИМ. Вып. 145. М., 2005.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край: Научн.-популярн. серия: В 20 т. Т. 3. Курск, 2005.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: Рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.–Кишинев, 1997.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР / САИ. Вып. Г4-4. М., 1961.

Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988.

Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «Getica» Иордана. // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

Радюш О.А. Новые группы черняховских памятников III V вв. н. э. в Среднем Посеймье // Мат. семинара: «Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влияний». Тула, 2007 (в печати).

Сымонович Э.А. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988.

Шпилев А.Г. Курские клады римских монет // Десинские древности. Вып. III. Брянск, 2004.

Щавелев С.П. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы I и II тысячелетия н. э.) // Археологический сборник ГИМ. Вып. 124, М., 2001.

Щукин М.Б. Готский путь. Спб., 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень находок отдельных римских монет и кладов на территории Курской области

1. Севенки, Конышевский р-н, р. Котлевка.

Клад. В 1915 г. выпахано до 200 денариев. (Кропоткин, 1961. С. 45; Шпилев, 2004. С. 94)

2. Лебяжье, Курский район, р. Сейм. Весна-лето 2003 г.

Серебро, 2 плакированных и 1 настоящий денарий, Антонин Пий (в частной коллекции).

3. Троица, Курский р-н, р. Рать.

Клад. В 1896 г. на месте городища (возможно Ратского) найдено 283 монеты (29 – медь, 254 – серебро) и медное долото с ручкой (Шпилев, 2004. С. 93)

4. Болваново, Курчатовский район, р. Прутище.

Серебро, силиква, Констанций II (в частной коллекции).

5. Глушково, Курчатовский район, р. Сейм.

а). Серебро, денарий. Антонин Пий (чекан 139 г.) Аверс – голова Антонина Пия, вправо. Реверс – Фортуна стоит, повернув голову влево, в правой руке – руль, в левой – рог изобилия (НИИ АЮВР).

б). Серебро, денарий. Марк Аврелий (ок. 160 г.) Аверс – голова Марка Аврелия вправо. Реверс – Виктория идет влево с венком в правой руке, в левой на плече трофей (НИИ АЮВР).

6. Гупово, Курчатовский район, р. Сейм.

Золото, плакированый солид, Констанций II (в частной коллекции).

7. Дичня, Курчатовский район, р. Дичня.

Медь, АЕ3 – Константин II, монетный двор Фессалоники (в частной коллекции).

8. Мармыжи, Курчатовский район, р. Прутище.

а). Медь, АЕ3 – Феодосий I (в частной коллекции).

б). Серебро, плакированный денарий – Луцилла (в частной коллекции).

в). Серебро, денарий – Траян (в частной коллекции).

9. Николаевка, Курчатовский район, р. Прутище.

а). Тетрасарий плохой сохранности. Тип чекана и отдельные надписи можно разобрать. Аверс – стоящая фигура императора, повернутая анфас. В правой руке он держит стандарт, в левой – глобус. Надпись по краю – GLORIA ROMANORVM – читается частично, внизу должна быть надпись SMNA (обозначение монетного двора), но она затерта. Реверс – бюст императора, повернут вправо. Подобный тип чекана использовался от Валентиниана I (364–375 гг.) до Аркадия (383–408 гг.). По некоторым деталям изображения императора монета, скорее всего, начеканена при правлении Аркадия (НИИ АЮВР). (Веретюшкин, Обломский, Радюш, 2004. С. 44).

б). Тетрасарий плохой сохранности. Аверс – бюст императора, надпись не читается, реверс, по всей видимости – GLORIA ROMANORUM SALVS REI-PUBLICAE, фигура императора в рост, в правой руке – военный значок, в левой – шар-держава. Подобный чекан относится к периоду 393–395 гг.: императоры Феодосий I, Аркадий и Гонорий (НИИ АЮВР).

в). Серебро, денарий, Антонин Пий (149–150 гг.) Сохранность средняя, затерта оборотная сторона, но большинство надписей читаются. Лицевая сторона – голова императора в лавровом венке повернута вправо, по краю – надпись ANTONINVS.AVG.PIVS PP TR P XIII. Оборотная сторона – фигура гения, повернута влево, в правой руке – чаша, в левой – колосья. Надпись по краю – COS III (НИИ АЮВР) (Веретюшкин, Обломский, Радюш, 2004. С. 44).

г). Серебро, денарий, Коммод (180–190 гг.). Сохранность средняя. Затерта с двух сторон, побита по краям. Лицевая сторона – голова императора Комода, повернута вправо, на затылке завязки от венка. Читается часть надписи по кругу ...OMMANTP. Возможно, MCOMMANTPFELAVGBRIT или MCOMMANTPFELAVGBRITPP. На обратной стороне – сидящая на шаре или круглом щите женская фигура в шлеме с длинным плюмажем, в левой руке –скипетр. Надпись сильно затерта, можно прочитать RO-MANN... Ближайшие аналогии – монеты чекана 190–191 гг. (НИИ АЮВР).

д). Серебро, денарий, Адриан (находится в частной коллекции).

10. Пены-1, Курчатовский район, р. Пенка – р. Сейм.

а). Серебро, денарий. Поверхности затерты. На аверсе изображение лица соправителя римского императора Марка Аврелия – Луция Вера (161–169 гг.); повернутое правой стороной надпись по кругу: IMP I VERVS AVG; на реверсе – фигура женщины с рогом изобилия и земным шаром в руках, олицетворяющей Провидение PROV DEOR TR P III COS II (илл. 64: 1а и 1б). Монета чеканена в 163 г., во время второго консульства Луция Вера (НИИ АЮВР).

б). Серебро, денарий, Адриан (находится в частной коллекции).

11. Рязаново, Курчатовский р-н, р. Радутин – р. Реут.

Серебро, денарий (находится в частной коллекции).

12. Сопеловка, Курчатовский район, р. Реут.

Серебро, денарий, Фаустина (находится в частной коллекции).

13. Успенка, Курчатовский район, р. Дичня – р. Сейм.

Серебро, денарий, Антонин Пий (находится в частной коллекции).

14. Чапли, Курчатовский р-н, р. Реут.

Серебро, денарий II в. (в экспозиции в музее г. Курчатов).

15. Сугрово, Льговский р-н, р. Сейм.

Клад. Медь, АЕ2-3 – Константин и его сыновья, 9 монет (в частной коллекции).

16. Луневка (хут. Танеева), р. Туровка – р. Псёл, Обоянский р-н.

Клад. Серебро, денарии. В 1880 гг. в 1,5 верстах от хутора найдено до 300 денариев (Кропоткин, 1961; Шпилев, 2004. С. 92).

17. Шмырево, Беловский район, р. Псел.

Серебро, денарии. Собрано на дюне возле села. Три монеты приобретены Д.Я. Самоквасовым. Бронзовая прорезная подвеска с эмалью и монеты II в. (Кропоткин, 1961; Шпилев, 2004. С. 95).

18. Авдеево, Октябрьский район, р. Рогозна – р. Сейм.

а). Серебро, плакированный денарий, Антонин Пий (находится в частной коллекции).

б). Серебро, денарий II в. (Курчатовский краеведческий музей).

19. Прямицыно, Октябрьский р-н, р. Сейм.

Клад. Серебро, денарии – 276 монет (Домициан – 1; Веспасиан – 1; Тит – 1; Адриан – 21; Сабина – 1; Траян – 12; Антонин Пий – 58; Фаустина Ст. – 24; Марк Аврелий – 68; Фаустина Мл. – 22; Луций Вер – 12; Луцилла – 8; Комод – 39; Криспина – 2; Пертинакс – 1; Клодий Альбин – 1; Септимий Север – 2; Юлия Домна – 1; варварское подражание типа «идущего марса» – 1). Найден в 2000 г. (монеты в частных коллекциях).

20. Филиппова, Октябрьский р-н, р. Рогозна.

На распахиваемых огородах местным жителем собраны 5 монет (4 денария, 1 медная или бронзовая (2 денария в коллекции в КГОМА, остальные – у находчика).

21. Рыльск. р. Сейм

Клад. В 1876 г. в трех верстах от Рыльска найдено до 50 денариев. Клад разошелся по рукам. 7 монет куплено музеем изящных искусств (хранятся в нумизматическом собрании ГМИИ им. А.С.Пушкина) (Кропоткин, 1961. С. 45; Шпилев, 2004. С. 92).

22. Рыльск, р. Сейм.

Возле городища «Синайки» до 1902 г. обнаружены погребения в виде урн с пеплом и римские монеты Коммода (Кропоткин, 1961. С. 45).

23. Парменовка, Рыльский р-н, р. Обеста – р.Клевень – р. Сейм.

Клад. Разобран местными жителями, сохранилось 4 монеты (хранятся в КОКМ) (Шпилев, 2004. С. 94).

24. Лучки, Солнцевский район, р. Лещинка – р. Сейм.

а). Серебро, плакированный денарий, Луцилла (находится в частной коллекции).

б). Серебро, плакированый денарий, Марк Аврелий (находится в частной коллекции).

в). Серебро, денарий, Гальба (находится в частной коллекции).

25. Колычево, Фатежский р-н, балка – р. Никовец – р. Руда – р.Усожа – р. Свапа – р. Сейм.

Клад. В 2000 г. найдено 48 денариев, ранее на этом же месте была обнаружена еще одна монета. Определены 3 монеты (2 – Антонин Пий; 1 – Марк Аврелий) (находится в частной коллекции) (Шпилев, 2004. С. 94).

26. Миленино, Фатежский р-н, р. Усожа – р. Свапа – р. Сейм.

Серебро, денарий, Фаустина Младшая. Выпахан на огороде до 1911 г. (Кропоткин, 1961. С. 45).

27. Титово, Щигровский район, р. Рать.

Медь, АЕ3 – Валент, монетный двор Сисция (находится в частной коллекции).

28. Беловский р-н, р. Псел, точное место находки неизвестно.

Медь, АЕ2 – Валент (находится в частной коллекции).

29. р. Рать, точное место находки неизвестно.

Медь, АЕ сестерций, Коммод (находится в частной коллекции).

30. Рыльский р-н, точное место находки неизвестно.

Медь, статер - Рескупорид VI (находится в частной коллекции).

31. р. Донецкая Сеймица – р. Сейм, Солнцевский район.

Серебро, плакированный денарий, Фаустина старшая (находится в частной коллекции).

32. Курск.

Серебро, «варварские» подражания денариям, 2 шт. (хранятся в Оружейной палате Кремля) (Кропоткин, 1961. С. 45).

33. Семеновка, Щигровский р-н.

Серебро, денарий (Кропоткин, 1961. С. 45).

34. Курчатов, окрестности.

Серебро, денарий, Марк Аврелий (хранится в КОКМ).

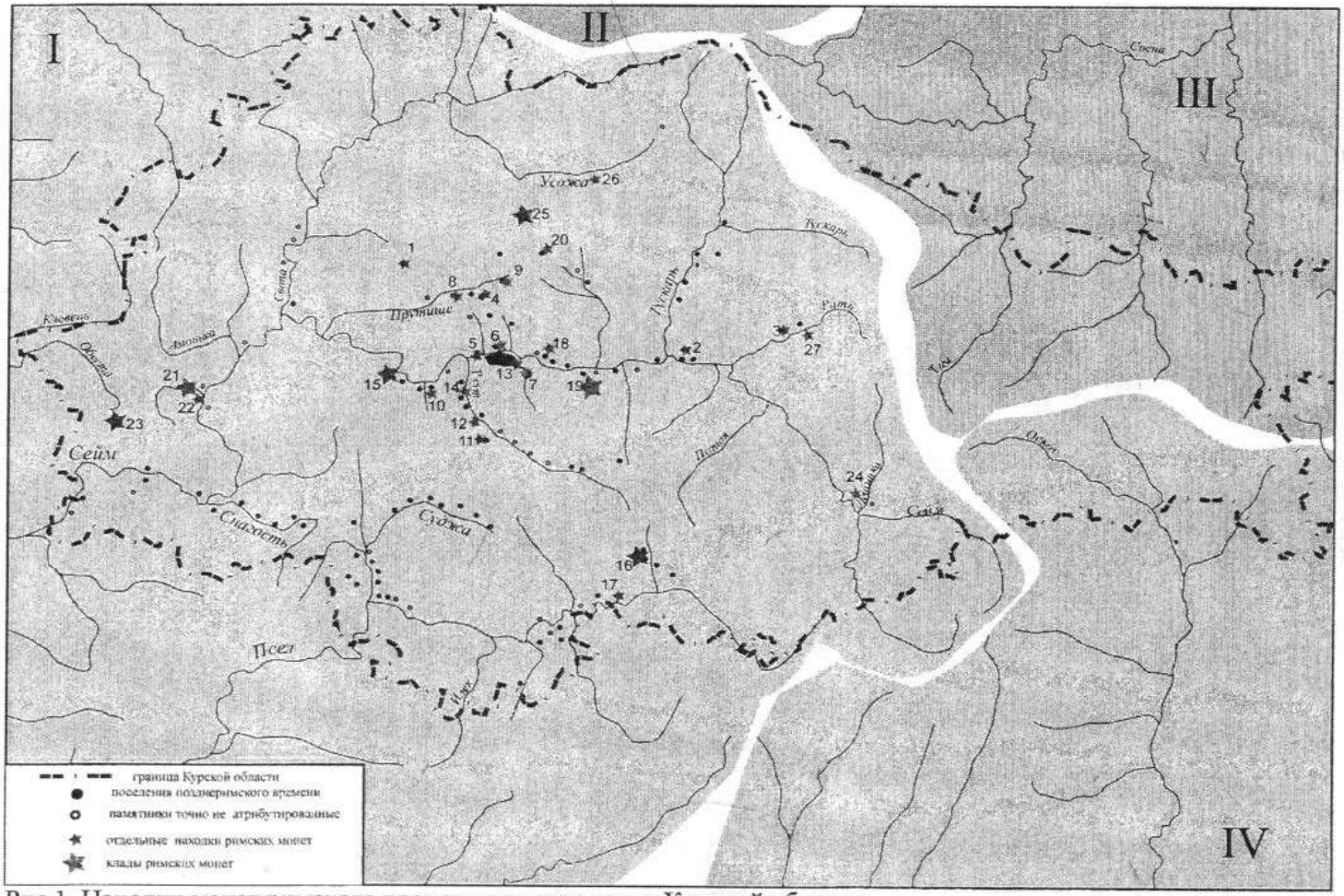


Рис.1. Находки монет римского времени на территории Курской области
I – бассейн Днепра; II – бассейн Оки; III – бассейн Дона; IV – бассейн Северского Донца
Нумерация мест находок монет соответствует приведенному перечню

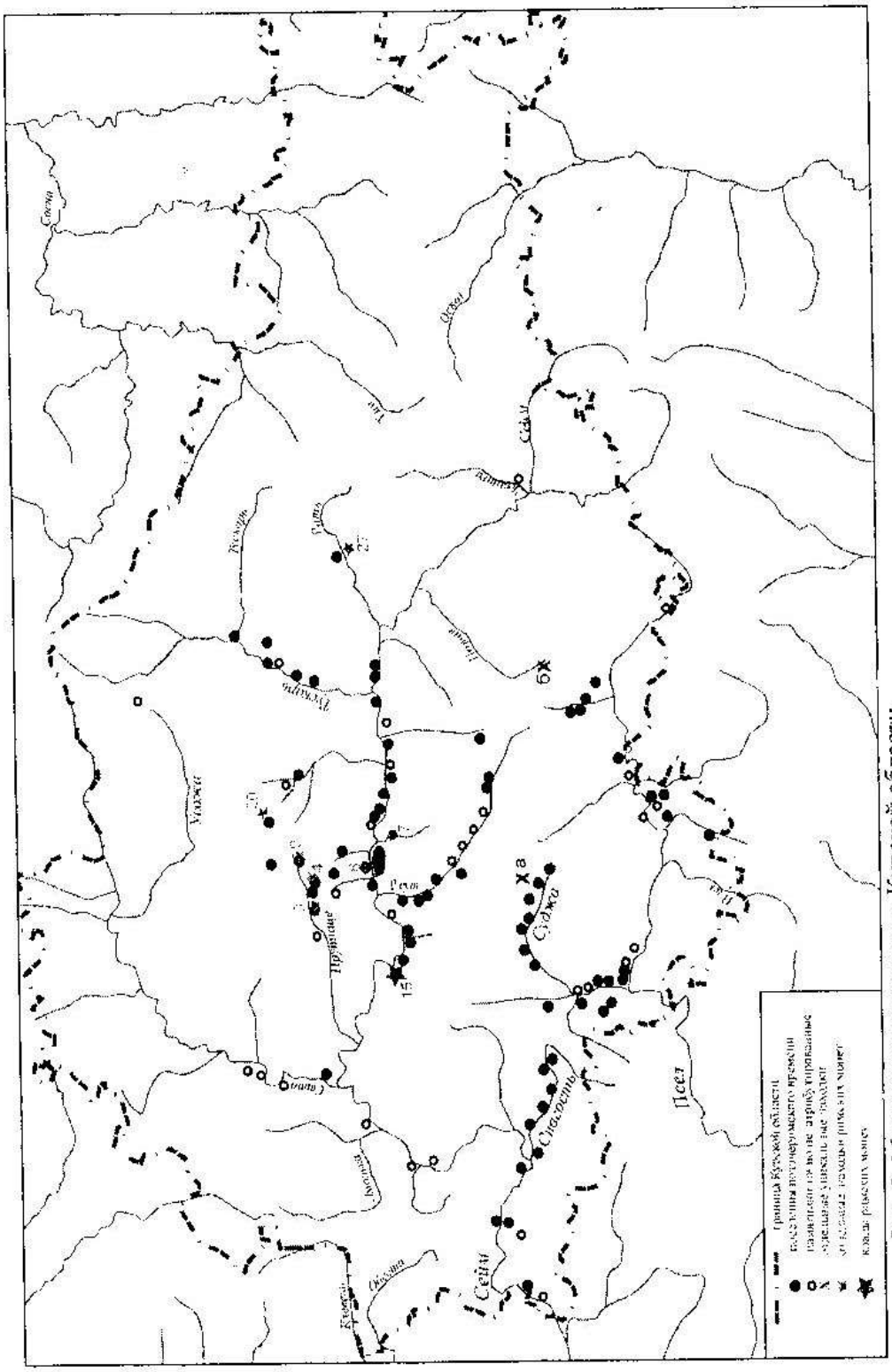


Рис. 2. Монеты на территории Курской области.
а – Старый Суджанский «клад» –с. Большой Каменец; б – Обоянский «клад» – с. Паники.

ЖЕРНОВЕЦКИЙ КЛАД ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ РОМЕНСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2007 г. К.Ф. Сокол, А.В. Зорин, А.И. Пузикова
Курский государственный областной музей археологии,
Институт археологии РАН

Обстоятельства находки. Исследование поселения Жерновец-3 было начато силами Курской экспедиции ИА АН СССР в 1982 г. (раскоп I) и продолжено в 1983 г. (раскопы II и III). В работе экспедиции по сложившейся традиции принимали участие студенты 1-го курса историко-педагогического факультета КГПИ во главе со старшим преподавателем К.Ф. Соколом. Поселение располагалось на мысу, образованном р. Тускарь и впадающим в неё ручьем Жерновец. На исследованной территории были обнаружены остатки временной жилой постройки и восьми хозяйственных ям. Все объекты относились к VI–V вв. до н. э. (Пузикова, 1997. С. 89–96).

Перед началом работ сезона 1983 г. было установлено, что вдоль его площадки в направлении с севера на юг строителями рыбхоза был прокопан канал, русло которого, дойдя до ручья Жерновец, поворачивало на восток, образуя при этом почти прямой угол (рис. 1). С площади поселения, расположенной между раскопом I и руслом канала, строители начали брать грунт для сооружения дамбы. В процессе обследования нами была зачищена вся площадь, на которой строители при помощи скреперов и бульдозеров сняли верхний слой и где, по сведениям А.А. Узянова, проступали темные пятна от фундаментов построек. Зачищенная площадь равнялась 57–60 х 13–15 кв. м. Никаких жилищных пятен обнаружено не было. Скорее всего, строители содрали весь культурный слой (если он здесь и был) вместе с подстилающим материковым суглинком и дошли до подстилающего песка желтого цвета. Но поскольку механизаторы снимали грунт не на одном уровне, то в некоторых местах остались останцы более темного гумусированного грунта, которые и были приняты за пятна от жилищ. В пользу того, что культурный слой был уничтожен строителями, говорит тот факт, что при зачистке такой огромной площади не попалось ни одного фрагмента керамики. Видимо, она вместе с грунтом попала в насыпь дамбы для дороги, сооружаемой вдоль ручья Жерновец.

В первый же день работ на поселении при осмотре бортов канала было обнаружено пятно железной ржавчины, при расчистке которого К.Ф. Соколом и были найдены железные предметы, входившие в состав Жерновецкого клада. Произошло это в тот момент, когда сотрудники экспедиции разошлись, осматривая оставшиеся после строителей отвалы. Место вокруг ручья Жерновец - низинное, и местные жители часто устраивали там гати из брёвен. Поэтому, когда появился К.Ф. Сокол, державший на вытянутых руках свои находки, их поначалу приняли за обломки истлевших брёвен из настила гати. Осмотрев внимательнее найденные вещи, члены экспедиции детально обследовали место находки, обнаружив там крицу, топор и мелкие железные обломки.

Исследование места находки. На месте обнаружения железных предметов на восточном берегу канала был заложен раскоп II площадью 10 х 6 кв. м. Раскоп был разбит с таким расчетом, чтобы место находки вещей приходилось примерно на середину его западного борта (рис. 2, *5*).

Стратиграфия слоя оказалась следующей: на глубину 0,15–0,20 м шел дерновый слой, переплетенный корнями травы. Ниже, до глубины 0,50–0,55 м, следовал черноземный гумусированный слой, который подстилался суглинком желтого цвета. После зачистки на уровне первого пласта на месте находки проявились три круглых пятна диаметром 0,40–0,60 м золотистого оттенка со следами прокала. Вокруг них были видны темные полосы с примесью ржавчины. Никаких находок в слое обнаружено не было. После снятия второго пласта был достигнут почти повсеместно уровень материкового суглинка, причём пятна прокала сохранились (рис. 2, *1*). После окончательной зачистки раскопа пятна прокала исчезли, под ними проступило пятно глины серовато-синеватого оттенка (рис. 2, *2*). Вокруг прослеживалась полоса темного грунта с большой примесью амфорных железистых включений, которая тянулась вдоль западного борта раскопа. Разборка грунта на месте находки железных предметов не дала никаких находок, кроме «неопределённого обломка железа».

Южнее раскопа II, также на восточной стороне канала, был заложен раскоп III площадью 60 кв. м. В его северной части было зафиксировано золистое пятно неопределённых очертаний размером 4 х 3 м, а также слегка углублённая (до 0,2 м) в материк ямка, в заполнении которой обнаружилось скопление скифоидной керамики (30 фрагментов венчиков, стенок и днищ лепных сосудов).

В результате анализа полученных при раскопках материалов руководителями раскопок было сделано обоснованное предположение, что обнаруженные железные изделия являются кладом, закопанным жителями роменского поселения, расположенного в 0,5 км севернее. Здесь в ходе исследований экспедиции под руководством А.А. Узянова были выявлены остатки около 100 жилых и хозяйственных построек, относящихся к позднему этапу роменской культуры (Узянов, 1980. С. 83; 1985. С. 89–90). Возможно, что здесь, при впадении Жерновца в Тускарь, на безопасном удалении от села, располагалась кузница, большая часть которой оказалась снесенной при строительстве канала рыбхоза. В таком случае находку следует интерпретировать как клад ремесленника, укрывшего в момент опасности находившиеся у него на руках готовые изделия.

Подобные клады и ранее были известны на славянских памятниках VIII–X вв. К их числу относятся, например, клад железных орудий труда и набора украшений из раскопок Битицкого городища и клад серпов из раскопа II-Г на Большом Горнальском городище. Первый из них датируется концом VIII в., второй - концом X в. (Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 92–105; Вознесенская, 1979. С. 72, 75). Учитывая несомненную связь Жерновец-

кого клада с расположенным севернее позднероменским поселением, время сокрытия его следует отнести к периоду не ранее 2-й половины – конца X в.

Описание клада. В состав клада входили следующие железные предметы.

1. Топор (рис. 4, *3*). Длина 15 см, проушина 3,5 х 4,5 см, ширина лезвия 5 см. По классификации В.П. Левашёвой относится к типу I (узколезвийные клиновидные проушных). На древнерусских памятниках топоры такого типа не встречаются позднее XII в. (Левашёва, 1956. С. 40-41; Ляпушкин, 1958. С. 20).

2. Изделие в форме расширяющейся полосы с незамкнутой петлёй в узкой части (рис. 3, *1*). Петля утрачена. Длина 30,5 см, ширина от 3,5 см до 4,3 см, толщина от 0,7 см до 0,5 см. Данный предмет (и два последующих) был первоначально атрибутирован А.И. Пузиковой как дверная накладка. Однако с этим вряд ли можно согласиться, учитывая форму и толщину петли, неравномерную толщину самого изделия и отсутствие отверстий для крепления к доскам двери. Аналогии для изделий подобного типа неизвестны. Можно предположить, что данные изделия являются заготовками-полуфабрикатами, которые использовались кузнецом в его дальнейшей работе. Продолговатые плоские железные полосы с петлями на конце было удобно хранить в кузне и, в случае необходимости, перевозить с места на место.

3. Изделие в форме расширяющейся полосы с незамкнутой петлёй в узкой части (рис. 3, *2*). Петля утрачена. Длина 32,5 см, ширина от 2 см до 5 см, толщина от 1 см до 0,3 см.

4. Изделие в форме расширяющейся полосы с незамкнутой петлёй в узкой части (рис. 3, *3*). В отличие от двух других аналогичных изделий, здесь полностью сохранилась незамкнутая петля в узкой части предмета. Общая длина 32,5 см, ширина от 2 см до 4,5 см, толщина от 1 см до 0,3 см. Размеры петли составляют 1 х 1,7 см.

5. Коса-горбуша (рис. 3, *4*). Длина по прямой 30 см, ширина 3 см. Лезвие погнуто. Подобные косы относятся В.П. Левашёвой к южнорусскому типу, предназначенному для косьбы грубых степных и лесостепных трав. Аналоги известны по раскопкам Битицы, Волынцево, Новотроицкого (Левашёва, 1956. С. 88; Славяне, 1990. С. 292; Ляпушкин, 1958. С. 18–19; Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 95–96).

6. Серпа фрагмент (рис. 4, *4*). Размеры сохранившегося фрагмента составляют 11 х 2 см. Исходя из размеров и формы сохранившегося обломка, можно предположить, что серп относится к числу орудий, характерных для роменской культуры (длина 20–30 см, длина рукояти 10,5–14 см, ширина лезвия до 2 см). Аналогами находки следует считать серпы, обнаруженные на Битицком и Новотроицком городищах (Славяне, 1990. С. 291–292; Ляпушкин, 1958. С. 18–19; Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 96).

7. Наральник (рис. 4, *1*). Длина 24 см, ширина втулки от 10 до 8,5 см, ширина лопасти 10 см. Выкован из одного куска железа. Подобные широколопастные наральники относятся к типу I по классификации Ю.А. Краснова (Краснов, 1978. С. 98–113) Ближайшие аналогии встречены на Новотроицком, Волынцево, Битице и Титчихе (Седов, 1982. С. 274; Славяне, 1990. С. 290–292; Ляпушкин, 1958. С. 18–19; Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 96, 98).

8. Тесло втульчатое (рис. 4, *2*). Длина 19,5 см (из них длина втулки 13 см), ширина втулки от 6 см до 3 см, ширина лезвия 5,5 см. Лезвие прямое. Орудие характерно для роменской культуры, хотя и отличается более длинной, чем обычно, втулкой (Ляпушкин, 1958. С. 19–20).

9. Крица (рис. 4, *5*). Имела округлую форму с диаметром 15 см. В настоящее время утрачена.

Помимо того, в составе клада находилось «много невыразительных обломков от железных изделий, скорее всего, ножей». По причине своего крайне плохого состояния все эти обломки вскоре были утрачены. После научной обработки и реставрации клад был передан на хранение в Курский областной краеведческий музей.

В настоящее время все сохранившиеся предметы Жерновецкого клада хранятся и экспонируются в Курском государственном областном музее археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вознесенская Г.А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII–X вв. // СА. 1979. № 2.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

Краснов Ю.А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий по археологическим материалам Восточной Европы // СА. 1978. № 4.

Левашёва В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Тр. ГИМ. Вып. 32. М., 1956.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. 1958.

Седов В.В. Восточные славяне в VI XIII вв. / Археология СССР. М., 1982.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.

Узянов А.А. Городище и селище X в. на р. Тускарь // АО 1979. М., 1980.

Узянов А.А. Селище роменской культуры у д. Жерновец // АО–1983. М., 1985.

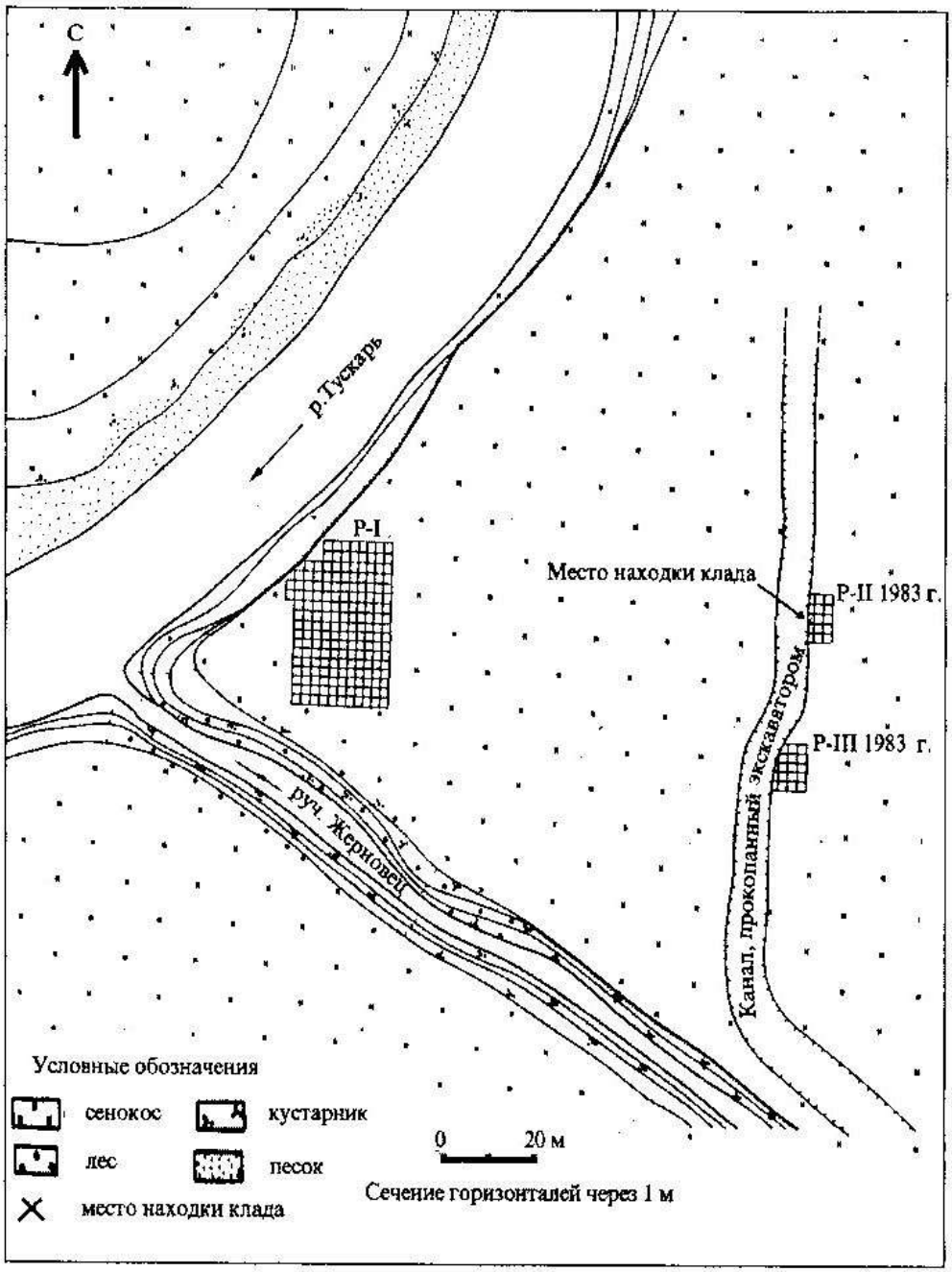


Рис. 1. Поселение Жериовец-3 и место находки клада.

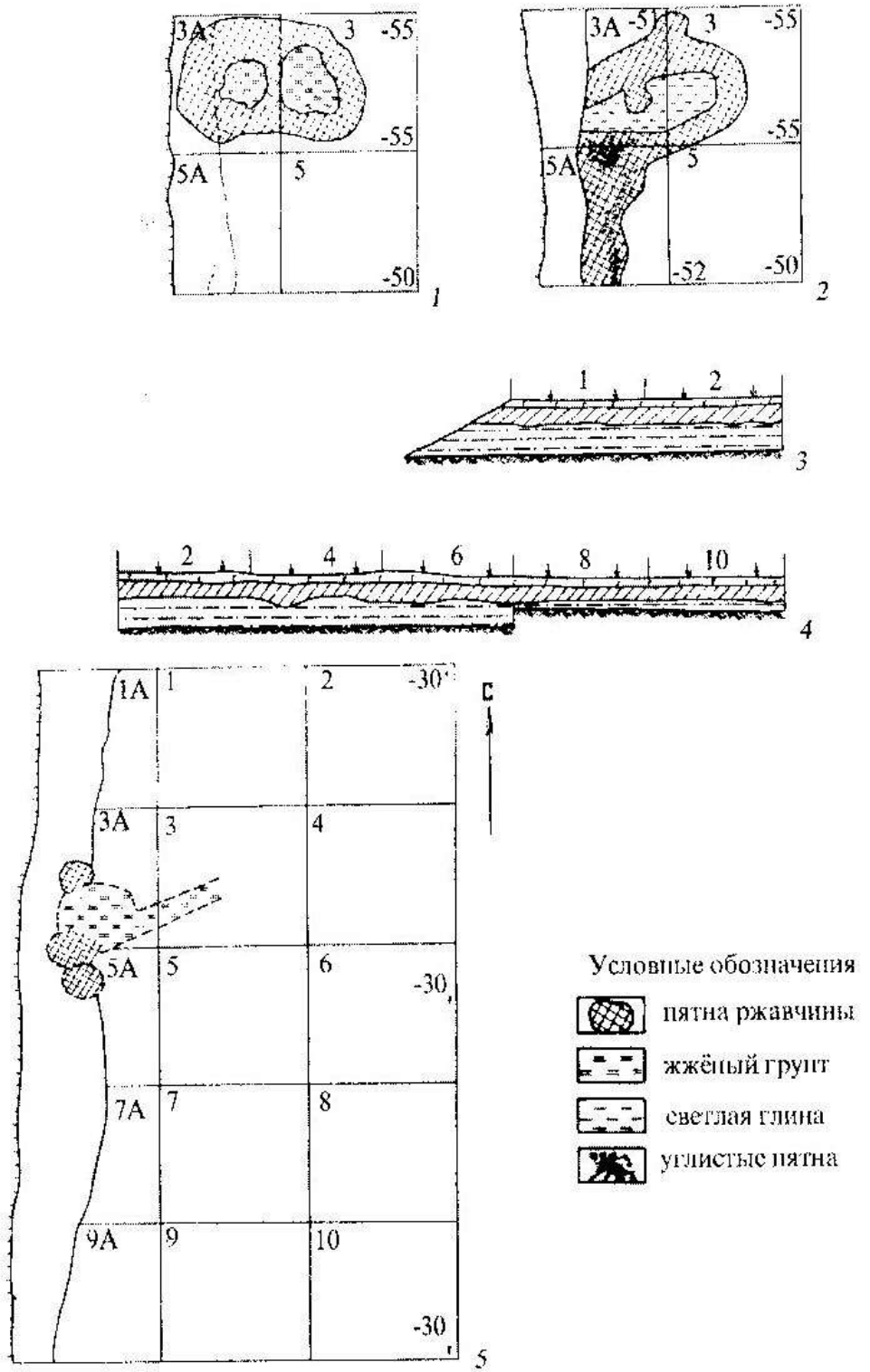


Рис. 2. Планы и профили раскопа II.

1 – план кв. 3, 3А, 5, 5А до зачистки материка; *2* – план кв. 3, 3А, 5, 5А после зачистки материка; *3* – профиль северного борта раскопа; *4* – профиль восточного борта раскопа. *5* – план раскопа II.

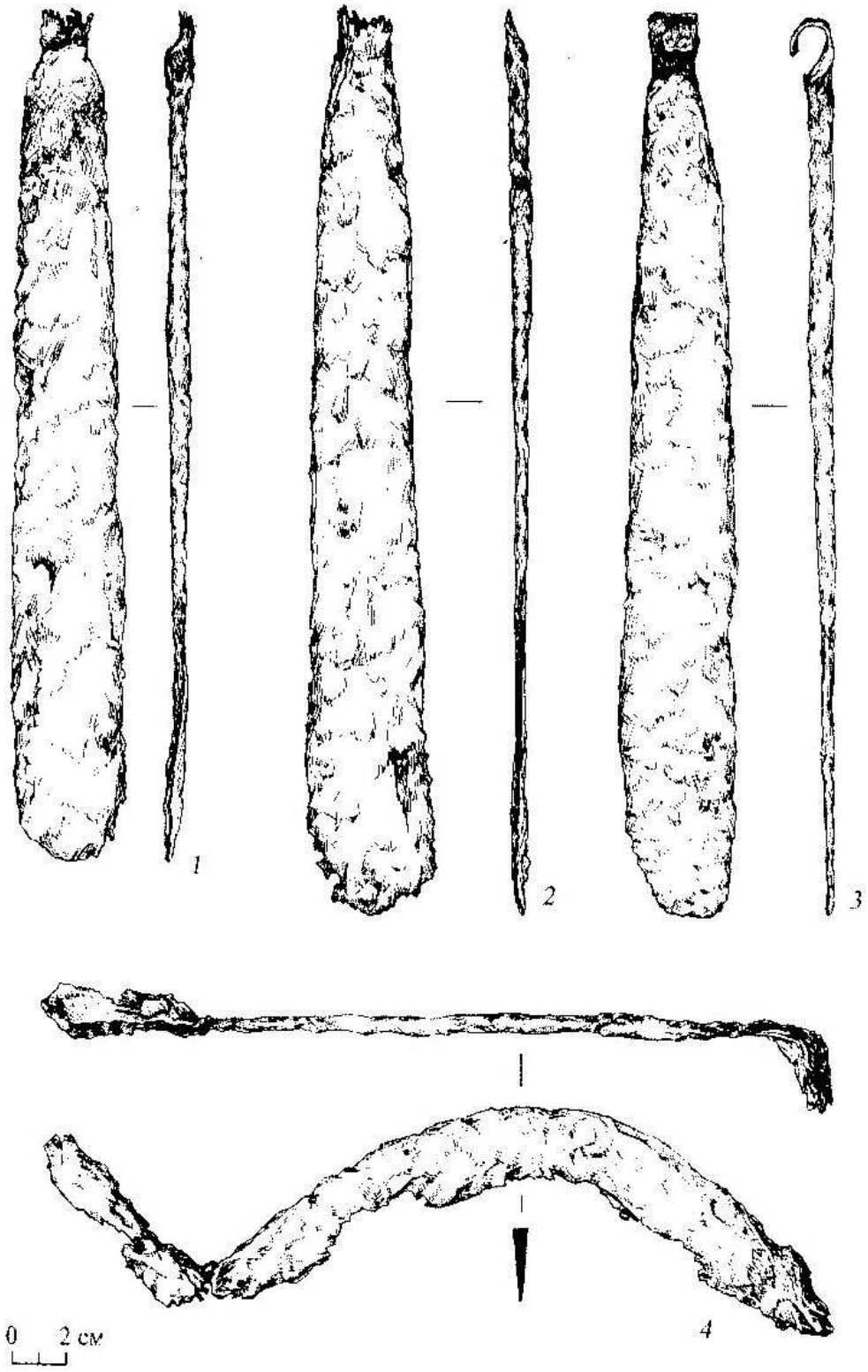


Рис. 3. Предметы Жерновецкого клада.
1–3 – изделия в виде расширяющейся полосы; *4* – коса горбуша.

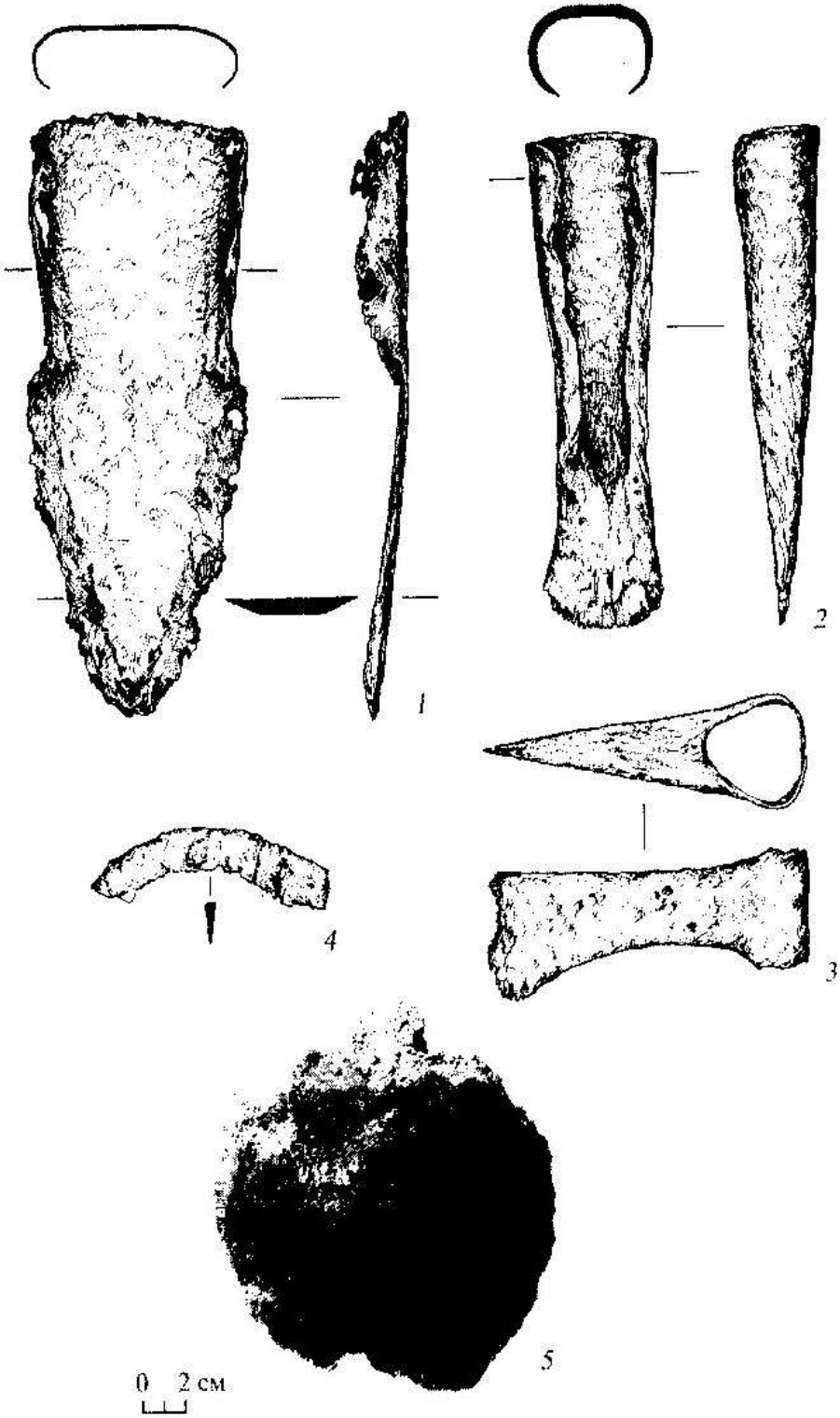


Рис. 4. Предметы Жерновецкого клада.
1 – наральник; *2* – тесло; *3* – топор; *4* – серпа фрагмент; *5* – крица.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ, ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И КОНСКОЙ УПРЯЖИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА «ЦАРСКИЙ ДВОРЕЦ»

© 2007 г. Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин
Курский государственный областной музей археологии

Городище «Царский Дворец» входит в состав Гочевского археологического комплекса, расположенного на правобережной террасе р. Псёл в 2 км к северу от с. Гочево и в 0,5 км к западу от хут. Гочевок Беловского района Курской области (Кашкин, 1998. С. 138). Начиная с исследований Д.Я. Самоквасова (1909 г.) на территории Гочевского комплекса раскопки велись преимущественно на курганном могильнике (Самоквасов, 1915а; 1915б; Рыков, 1912; Глазов, 1913; 1915; Львович, 1913). В 1937 и 1939 гг. Б.А. Рыбаковым проводились исследования городищ и селища. На «Крутом Кургане» было вскрыто 272 м^2, на селище и «Царском Дворце» проведены небольшие разведочные работы (Рыбаков, 1937а; 1937б; 1937в). В 1958 г. незначительные разведочные исследования на комплексе проводил Б.А. Шрамко (Шрамко, 1959. Л. 12–15. Табл. XI–XV). С 1994 г. охранные раскопки комплекса ведет экспедиция Курского государственного областного музея археологии. В 2004 г. её силами были начаты раскопки на городище «Царский Дворец» (Стародубцев, 2006. С. 162–169).

Городище расположено в 3 км к северо-северо-востоку от села Гочево, в 0,3 км к северо-западу от городища «Крутой Курган». Оно занимает один из мысов правого берега р. Псёл. Городище имеет достаточно сложную систему оборонительных сооружений, защищающую внутреннюю и внешнюю площадки крепости. С севера по склону мыса вдоль северной оконечности «Царского Дворца» проходит древняя дорога, ведущая из поймы р. Псёл. При обследовании дороги в 2005 г. были выявлены конструктивные особенности ее сооружения. Склон мыса был подрезан, а грунт отсыпан ниже по склону с северной стороны, образовав насыпь высотой от 0,5 до 2 м.

Внутренняя площадка городища вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ и имеет размеры 80 х 40 м. Её небольшое падение прослеживается по линии ЮЮЗ-ССВ. Глубокий ров охватывает полукольцом внутреннюю площадку с северной, западной и южной сторон. Имеется также ров глубиной 2–3 м на северо-северо-востоке, который отделяет площадку от снижающейся террасы материкового останца. Склоны мыса были эскарпированы. Площадка по краям укреплена валом, имеющим наибольшую мощность с напольной и мысовой сторон. Въезд находится в её юго-восточной части. При установке на площадке опоры ЛЭП ров с напольной стороны был частично засыпан на участке около 5 м, а вал на участке шириной около 8 м – уничтожен. Грунт вала был сдвинут на внутреннюю площадку крепости, перекрыв большую её часть. В северо-западной части площадки с внутренней стороны вала зафиксирована грабительская яма. В её центральной части культурный слой разрушен при установке опоры ЛЭП. Площадка и её склоны поросли лесом.

Внешняя площадка вытянута по линии С–Ю и имеет размер 170 х 100 м. Её падение прослеживается по линии Ю–С. Она примыкает к внутренней площадке с западной напольной стороны. От нее, помимо рва, она отделена небольшим валом, зафиксированным в северо-восточной части внешней площадки. С южной стороны внешняя площадка отделена от поселения валом и рвом, в значительной степени снивелированными распашкой. В северо-северо-западной части в 1909 г. был зафиксирован ров (Самоквасов, 1915а. Табл. 1). В настоящее время визуально он не прослеживается вследствие долговременной распашки. Въезд находится в северо-северо-восточной части.

В ходе раскопок 2004–2007 гг. было начато исследование оборонительных сооружений внутренней площадки городища, что, наряду с полученными находками, дало основания для предварительных выводов относительно датировки данного памятника.

Из числа индивидуальных находок следует особо отметить предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи. К их числу относятся наконечники стрел, наконечник пики, панцирная пластина, фигурная железная накладка на сумку, конские удила и фигурная ременная накладка.

Наконечник пики (рис. 1, *6*), обнаруженный среди завала углей сгоревших клетей оборонительной стены мысовой части укреплений, был четырёхгранный, втульчатый, с «яблоком», общей длиной 26 см. Диаметр втулки в районе воронкообразного расширения достигает 3 см, длина её, включая «яблоко», составляет 12 см. Остриё погнуто и имеет длину 14 см при толщине пера от 1 см до 0,4 см. Согласно классификации А.Н. Кирпичникова, наконечник относится к типу V и датируется периодом не ранее XIV в. (Кирпичников, 1966. С. 15–16). Наконечник сильно погнут, что произошло, несомненно, в тот момент, когда рухнули сгоревшие деревянные конструкции укреплений.

Три наконечника стрел были найдены при исследовании оборонительного вала. Первый из них – треугольный с упором, длина 5,5 см (длина черешка 2,5 см), ширина пера 1,3 см, относится, по А.Ф. Медведеву, к типу 37, употреблявшемуся в VII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 63–64) (рис. 1, *3*). Второй – ромбовидный, длина 5 см (длина черешка 2 см), ширина пера в средней части 1,3 см, относится, по А.Ф. Медведеву, к виду 2 типа 41, имевшему широкое распространение в XI–XII вв. и особенно широко употреблявшемуся в XII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65) (рис. 1, *4*). Бронебойный пирамидальный наконечник с короткой боевой головкой квадратного сечения по А.Ф. Медведеву относится к типу 91 (рис. 1, *5*). Его длина 4,2 см, длина головки 2,4 см, ширина 1,1 см. Он был широко распространен по всей территории Руси в X–XIV вв. и употреблялся для пробивания доспехов (Медведев, 1966. С. 83).

Глинистая подсыпка, в которой были зафиксированы наконечники, находилась в толще вала в одной из его прослоек (слой 10) вблизи его ядра. Третий найден при расчистке деревянных конструкций, которые предохраняли вал от оплывания в ров. Все наконечники располагались в слое острием, в сторону площадки городища. Это свидетельствует о том, что наконечники могли по-

пасть в насыпь только в период её сооружения (возможно во время нападения на крепости), а потому могут использоваться в качестве датирующего материала.

Панцирная железная пластина (рис. 1, *1*) зафиксирована в заполнении отапливаемой полуподземной клети оборонительной стены. Она имеет подтреугольную форму при размерах 10 х 12 х 5 см. В верхней, широкой части пластины сохранилась заклёпка для крепления к другим частям доспеха, по боковым краям идут отверстия, предназначенные, вероятно, для крепления кольчуги (по 8 с каждой стороны). Пластина слегка изогнута. С внутренней стороны сохранились следы коричневого тлена от кожи. Данная находка является нашлечной пластиной панциря, аналоги которому известны в Северной Европе, в частности среди захоронений Висбю, датированных 1361 г. (рис. 2) (Lindholm, Nikolle, 2003. P. 12, 16.).

Из предметов снаряжения найдена *фигурная железная накладка на сумку* размерами 3,9 х 5,6 х 0,5 см (рис. 1, *2*). Близкие по формам накладки встречены на Ковровском городище в бассейне р. Вятки (Макаров, 2001. С. 97. Рис. 53, *7*) и на поселениях Устье 3 и Вединец 1 в районе Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 90. Табл. 6, *15, 16, 18*).

К набору конской упряжи относятся *конские удила* и *фигурная железная ременная накладка* (рис. 1, *7, 8*). Особый интерес здесь представляет накладка. Длина её 5,5 см, в центре имеется отверстие диаметром 5 мм, на концах – расширения с заклёпками, под которыми сохранились следы тлена от кожи. Согласно классификации К.А. Руденко, она близка к накладкам типа I отдела Д, характерным для XIV в. Ближайшие аналогии находке встречены на памятниках того же периода в районе Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 89. Табл. 8, *5, 8*).

Таким образом, практически все предметы вооружения и конской сбруи, обнаруженные к настоящему времени на городище «Царский Дворец», могут быть отнесены к XIV в. Это, наряду с установленным в ходе раскопок фактом гибели городища в огне пожара, сопровождавшего взятие его штурмом, а также в сочетании с рядом находок с территории прилегающего поселения, даёт основания сделать ряд предварительных выводов.

Городище «Царский Дворец» представляет собой мощный укреплённый пункт замкового типа, контролировавший въезд на Гочевское поселение со стороны поймы р. Псёл, а также сухопутный путь, проходящий здесь ещё с XI в. Оно, вероятно, было основано в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после восточного похода Ольгерда в 1362 г., результатом которого стало присоединение территории верхнего Пела (рис. 3).

Гибель замка, вероятно, следует связать с военными действиями конца XIV – 1-й четверти XV вв. Именно на этот период приходится борьба северского князя Свидригайло Ольгердовича за власть в Великом Княжестве Литовском, осложнённая соперничеством татарских ханов – союзника литовцев Улу-Мухаммеда и его противника Сейид-Ахмеда.

В связи с обстоятельствами гибели городища следует отметить наличие на его территории многочисленных погребений. Они были впервые встречены ещё в 1909 г. в ходе раскопок Д.Я. Самоквасова. Шесть погребений были совершены по христианской обрядности в ямах глубиной от 1,0 до 1,8 м от современной дневной поверхности, контуры которых практически не читались в окружающем грунте (Самоквасов, 1915б С. 5–6). В шурфе Б.А. Шрамко, заложенном «у края городища с северо-восточной стороны» (Шрамко, 1959. Л. 14), также было найдено погребение мужчины, лежащего на спине, головой на запад, со скрещенными на животе руками. Края могильной ямы не были зафиксированы из-за однородности окружающего слоя и заполнения могилы, ее глубина – около 15 см. По мнению исследователя, захоронение было произведено наспех вскоре после разгрома городища, а погребённый является жертвой этого разгрома (Шрамко, 1959. Л. 14, 15. Табл. XV). Четыре погребения (одно из которых оказалось разрушенным) были обнаружены в ходе работ 2004–2006 гг. Эти погребения прорезают сохранившиеся следы сгоревших оборонительных конструкций и находятся в крайне неглубоких ямках, контур которых не фиксировался в более поздних культурных напластованиях.

Обследовавший городище в 1989 г. А.П. Моця предположил, что обнаруженные Д.Я. Самоквасовым и Б.А. Шрамко погребения около внешнего вала городища являются частью христианского кладбища, которое появилось здесь после гибели городища (Моця, Халиков, 1997. С. 124–127). Однако более верной следует всё же признать точку зрения Б.А. Шрамко. Скорее всего, вскоре после взятия крепости уцелевшие жители поселения, похоронив погибших на территории городища в неглубоких могильных ямах (Самоквасов, 1915б. С. 5–6; Шрамко, 1959. Л. 14; Стародубцев, Зорин, 2004. Л. 7, 8; 2006. Л. 12, 26–28), продолжали некоторое время жить на прежнем месте. Однако неспокойная обстановка на пограничных территориях и отсутствие крепости заставили их искать убежища на более защищенных землях, например в окрестностях Рыльска или Курска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глазов В.Н. Отчет о раскопках по поручению РАО в Обоянском уезде // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 123/1913.

Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 93/1915.

Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Юга и Севера. М., 2005.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ, Е 1-36. М.–Л., 1966.

Львович В.С. Дневник раскопок курганов у с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 330/1913.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ, Е 1–36. М., 1966.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев, 1997.

Рыков Н.С. Дневник раскопок Гочевского могильника в июле 1912 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 386/1912.

Рыбаков Б. А. Краткий информационный отчет о Гочевской экспедиции 1937 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 231/1937а.

Рыбаков Б. А. Отчет о раскопках городища «Крутой Курган» близ Гочева Курской области в 1937 году // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 230/1937б.

Рыбаков Б. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область) // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 259/1937в.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б.

Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994–2005 гг. // Русский сборник: Тр. кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. Вып. 2–3. Брянск, 2006.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2004 г. // НА КГОМА. I–128.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2005 г. // НА КГОМА. I–137.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) и исторического центра города Курска в 2006 г. // НА КГОМА. I–145.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Городище «Царский Дворец» – замок на восточных границах Великого княжества Литовского (в печати).

Шрамко Б.А. Отчет о работах в 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 1843.

Lindholm D., Nikolle D. Medieval Scandinavian Armies 1300–1500 // Osprey Men-At-Arms series. № 399. London, 2003.

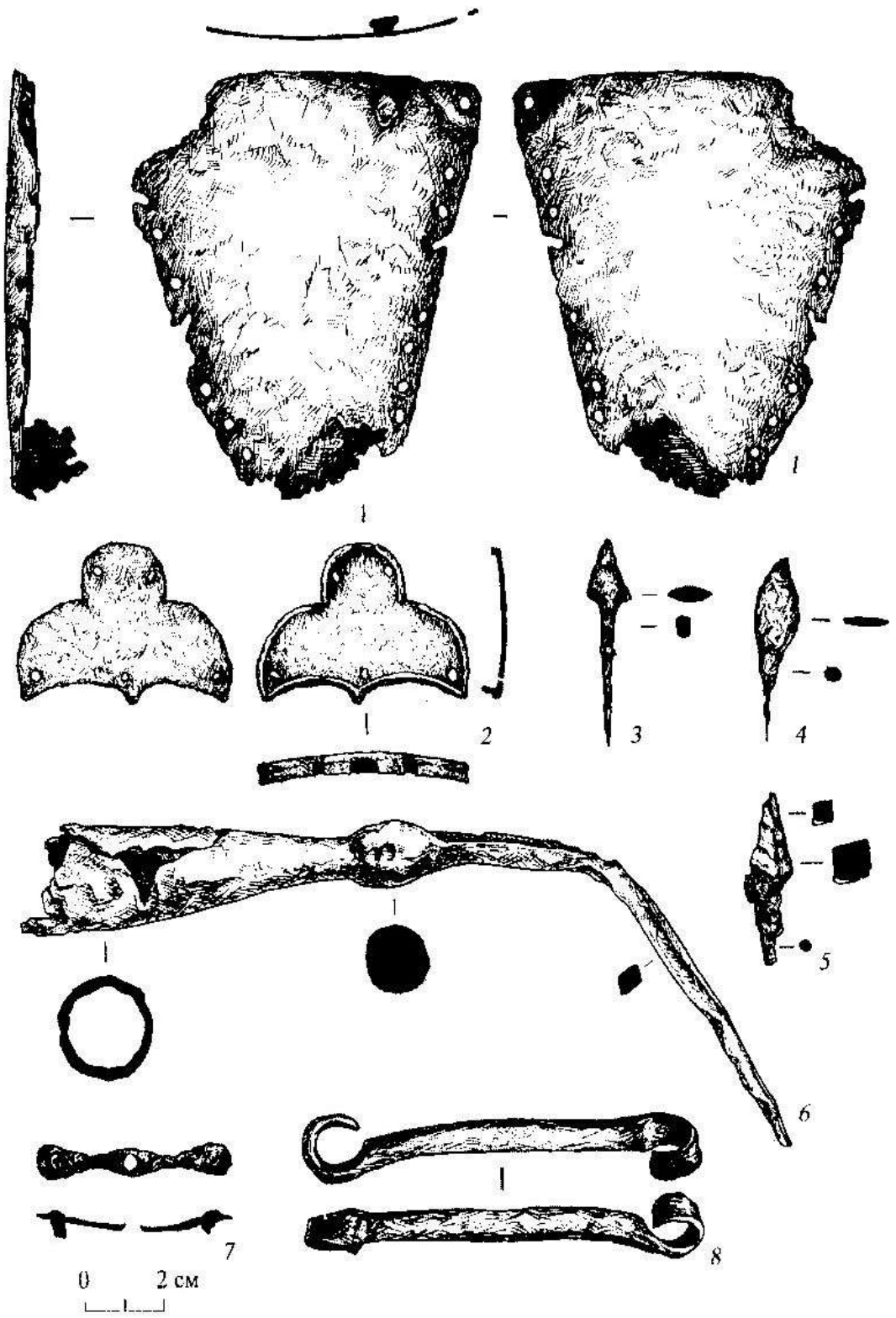


Рис. 1. Железные предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи.
1 – панцирная пластина; *2* – накладка на сумку; *3*–*5* – наконечники стрел; *6* – наконечник пики; *7* – ременная накладка; *8* – удила.

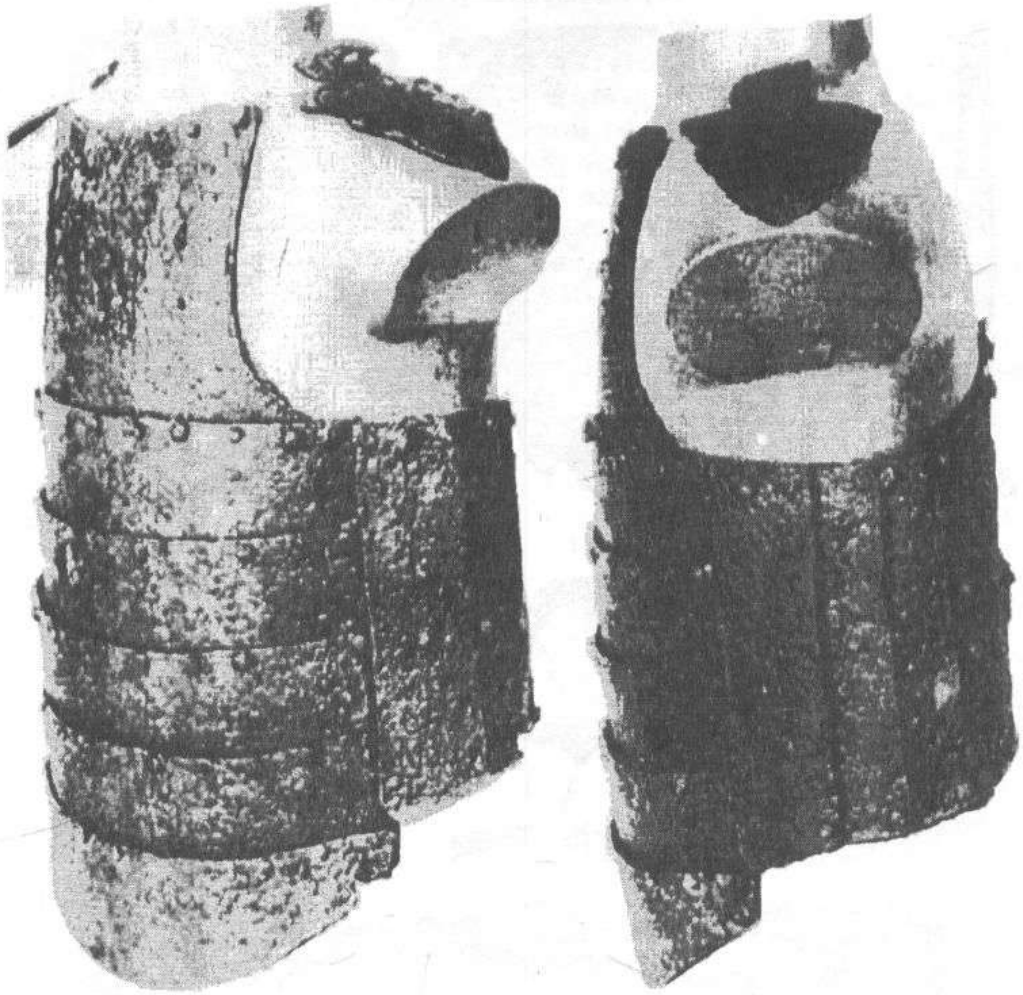


Рис. 2. Доспех № 1 из Висбю. Национальный исторический музей. Стокгольм.

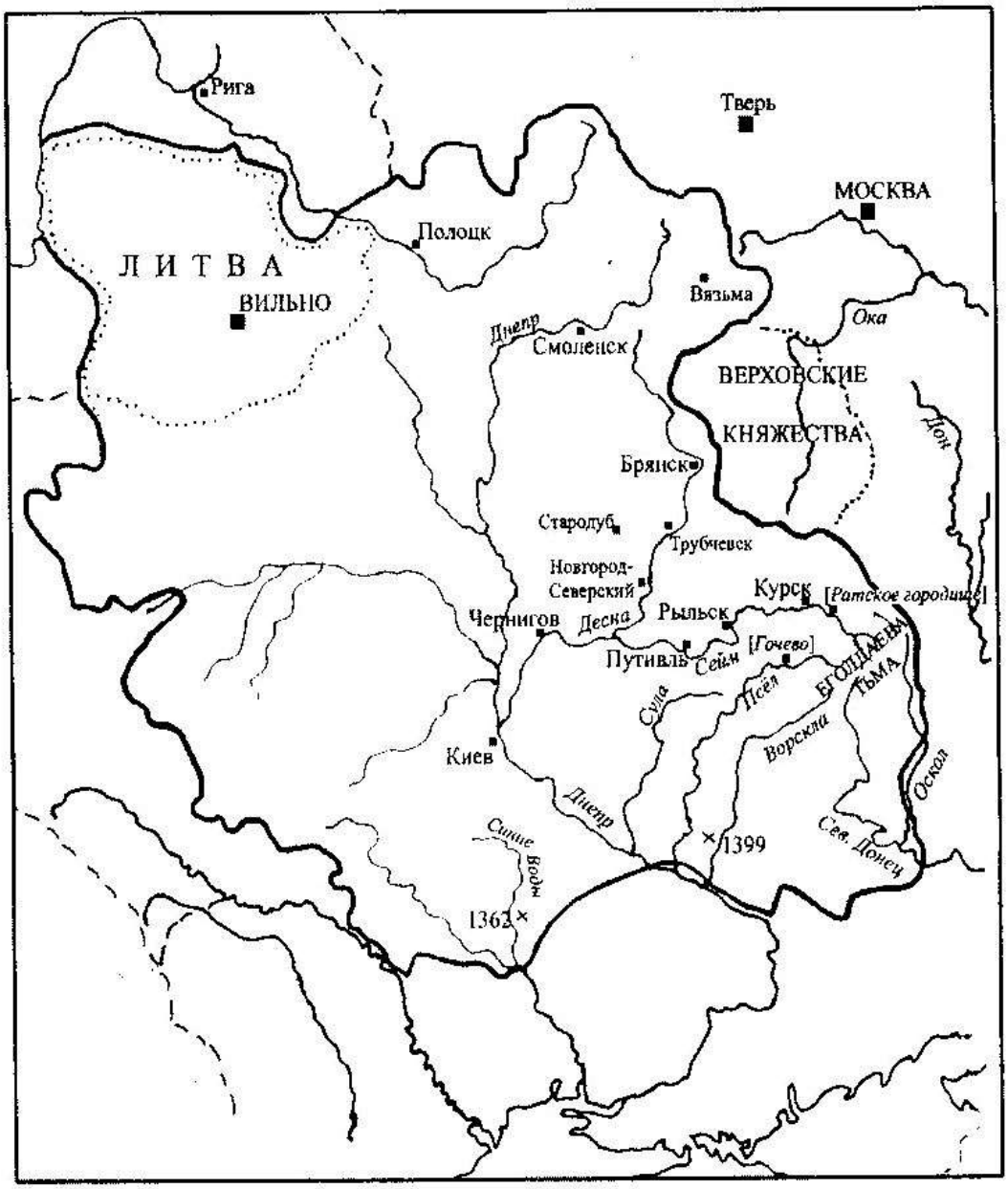


Рис. 3. Днепровское Левобережье в составе Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.

ПОСЕЛЕНИЕ КИЕВСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ЛЕБЯЖЬЕ ПОД КУРСКОМ

© 2008 г. Н.А. Тихомиров
Инспекция по охране наследия, Курск

Участок правого берега р. Сейм в 8 км восточнее Курска у с. Лебяжье давно привлекал внимание археологов. Здесь проводили разведки Л.Н. Соловьев в 1925 г., В.П. Левенок в 1958 г., Э.А. Сымонович в 1961 г., Ю.А. Липкинг в 1968 г., П.Г. Гайдуков в 1978 г., А.В. Кашкин в 1979 г., (Соловьев, 1927. С. 16; Левенок, 1958. С. 4; Сымонович, 1961. С. 12; Липкинг, 1969. С. 61–62; Гайдуков, 1978. С. 12; АКР, С. 37). Ю.А. Липкинг раскопал в этих местах известные могильники – раннесредневековый Лебяжинский (Липкинг, 1974. С. 141–152) и волынцевский Лебяжье 3 (Липкинг, 1971. С. 66–70), поселение киевской культуры Лебяжье 4 (Липкинг, 1968. С. 9–10). Не раз отмечалось, что на данной территории находится скопление памятников 2-й – 4-й четвертей I тысячелетия н. э.

В 1989 г. экспедицией Курского государственного областного музея и Курского государственного педагогического института было исследовано поселение 2-й четверти I тысячелетия н. э. В этих исследованиях в качестве руководителя практики принимал участие К.Ф. Сокол.

В издании «Археологическая карта России. Курская область» А.В. Кашкин обозначил этот памятник как «Лебяжье. Поселение 4» (АКР, С. 108). Оно располагалось на участке первой надпойменной террасы правого берега р Сейм, к северу от крутого левого ее поворота, к северо-западу от старицы. Высота поймы над уровнем воды в реке до 3 м, террасы – 8–10 м. Почти вся площадь памятника была занята сосновыми посадками. Три раскопа общей площадью 333,5 кв. м, заложенные у края террасы, располагались на небольших полянах и просеках (рис. 1, *А*). В ходе исследований обнаружены материалы 2-й четверти I тысячелетия н. э., роменская керамика, древнерусские погребения и волынцевские трупосожжения могильника Лебяжье 3.

Стратиграфические колонки раскопов 1 и 3 в целом сходны. Пашня вместе с дерном мощностью до 38 см перекрывала непотревоженный культурный слой, величина которого достигала 45 см. Ниже располагался материк – светло-желтый песок. Толщина культурного слоя уменьшалась от центральной части раскопа 1 в южном и западном направлениях, что позволило ориентировочно установить границу памятника примерно в 10–15 м к западу от раскопа 3.

В раскопе 2 под пашней был зафиксирован горизонт балласта – светлого песка мощностью до 45 см. Под ним залегал культурный слой толщиной 5–10 см, а затем – материковый песок.

Подквадратное в плане пятно жилища размерами 3,5 х 3,65 м, ориентированное сторонами по линиям восток-северо-восток – запад-юго-запад, было зафиксировано в раскопе 2 на уровне зачистки культурного слоя (рис. 2, *I*). Котлован был заполнен однородным гумусированным песком. К его стенам на всю высоту примыкала прослойка золистого песка мощностью 15–20 см. Такие же прослойки, связанные с ней, зафиксированы и в заполнении постройки. Подквадратный котлован со слабо наклонными стенками и плоским дном имел глубину от уровня зачистки материка от 30 до 52 см. В его углах и на середине юго-западной и северо-восточной стен были расчищены столбовые ямы глубиной около 60 и диаметром около 20 см, заполненные золистым песком. Почти в центре жилища находился очаг, возвышающийся над полом на 1–1,5 см. Эта обоженная глиняная площадка не совсем правильной овальной формы имела размеры 88 х 66 см. К северо-востоку от очага располагалось компактное скопление фрагментов лепной миски (рис. 2, *9*). Другое скопление керамики 2 вплотную примыкало к северо-восточной стенке у ее центральной столбовой ямы и состояло из 11 фрагментов лепных сосудов (рис. 2, *12–14, 16*). В заполнении котлована найдено 32 фрагмента лепной киевской керамики и 7 обломков гончарных черняховских сосудов, что составило 21,8 % от общего количества материала из постройки. Кроме того, в заполнении жилища найдены два фрагмента глиняных грузов от ткацкого станка – пирамидального и конического (рис. 2, *17, 18*), а над очагом фрагмент железного ножа с прямой спинкой и треугольным в сечении лезвием (рис. 2, *19*).

В раскопах 1 и 3 зафиксированы сооружения хозяйственной зоны поселения – 23 ямы и постройка со столбовой конструкцией стен. Все объекты по форме и размерам характерны для памятников киевской культуры. В их заполнении найдена керамика 2-й четверти I тысячелетия н. э. (рис. 3).

Хозяйственная постройка из восточной части раскопа 1 была зафиксирована на уровне материка. Это было округлое в плане пятно сильно гумусированного песка с большим содержанием фрагментов глиняной обмазки стен, имевшее размеры 442 х 475 см (рис. 2, *II*). При его расчистке была выявлена система столбовых ям, располагавшихся по окружности, вдоль границ неглубокого котлована. Стенки его покатые, иногда переход от поверхности материка к плоскому дну был очень плавным. В данном случае не приходится говорить о котловане как конструктивном элементе. Вероятнее всего, неравномерное и слабое заглубление песчаного пола произошло в процессе функционирования объекта. В пределах постройки зафиксированы три глубокие столбовые ямы, которые остались от центральных опорных столбов сооружения. В заполнении постройки и в прилегающих квадратах найдены крупные куски обоженной глиняной обмазки стен с отпечатками прутьев. По зафиксированным материалам данное сооружение реконструируется как округлая в плане постройка со слабо заглубленным котлованом, стены которой имели столбовую с элементами плетня конструкцию и были обмазаны глиной. В заполнении котлована было найдено 89 фрагментов лепной киевской посуды и 15 обломков гончарной черняховской. Черняховский материал составил 14,4% от общего количества керамики из сооружения (рис. 2, *20–31*).

В раскопе 1 зафиксированы столбовые ямы, прямо не связанные с сооружениями. Исходя из их размеров и расположения, реконструируются несколько вариантов линий оград. Очевидно, они проходили по границе поселения с юга, вдоль края террасы, и с юго-запада, по направлению к южному краю раскопа 3 (рис. 1).

Частичное «перекрытие» ям 7 и 9 (хронологическое соотношение не выявлено), расположение ямы 16 в пределах наземной постройки, а также большое количество столбовых ям говорят о том, что в пределах довольно узкого периода существования поселения на нем производились какие-то перепланировки.

При раскопках было обнаружено значительное количество керамики 2-й четверти I тысячелетия н. э. (рис. 4, *1–10, 1–18*). Это, во-первых, фрагменты, изготовленные в ленточной технике с применением поворотного столика, с примесями в глине шамота, песка и органики. В большинстве своем они были слабо профилированы и довольно редко орнаментированы (косые насечки или пальцевые вдавления по верхнему краю венчика). Вторую группу составили фрагменты черняховской гончарной посуды. Среди них встречались как грубые, нелощеные образцы, так и фрагменты с черным или серым лощением. Интересна полностью восстановленная черняховская чернолощеная миска из ямы 9А (рис. 3, *24*). Распределение керамики из культурного слоя и объектов представлено в таблице 1.

Из приведенных данных ясно, что процентное соотношение черняховской керамики к ее общему количеству на поселении в целом (13,3%), раскопах 1 и 2 и в постройке 1 очень близки; в то же время этот показатель увеличивается в культурном слое раскопа 2 (до 20,5%) и в заполнении котлована жилища (до 21,8%).

По набору керамических форм, процентному соотношению лепной киевской и гончарной черняховской керамики поселение можно определить как позднекиевское (Обломский, 1991. С. 95). Несмотря на то что материал сильно фрагментирован, легко заметить явное преобладание профилированных венчиков и обломков тюльпановидных горшков. Обращает на себя внимание довольно высокое количество фрагментов баночных сосудов. Кольцевой поддон и отогнутый венчик миски из жилища (рис. 2, *9*) не характерны для киевских материалов, но соотносятся с черняховскими изделиями (Русанова, Сымонович, 1993. С. 277. Табл. LVII, *18*). Глиняные конические грузы от ткацких станков характерны как для киевских, так и для черняховских памятников (Терпиловский, 1984. С. 32; Ранние славяне Подесенья III–V вв., 1990. С. 166).

В культурном слое поселения найдены два фрагмента глиняных пряслиц – биконического и эллипсовидного (рис. 4, *11, 28*). Среди металлических предметов выделяются железные ножи (рис. 4, *22, 23, 27*; 2, *19*). Такие предметы были широко распространены на памятниках Восточной Европы 2-й четверти I тысячелетия н. э. (Терпиловский, 1984. С. 26).

Статистические данные и профилировка керамики позволяют отнести памятник к концу III – началу IV вв. н. э. Анализ материала показывает, что увеличение количества гончарной черняховской керамики на позднекиевских поселениях свидетельствует не столько об увеличении импорта престижной посуды, сколько об усилении влияния черняховских традиций вообще. На примере данного памятника в пользу этого говорят его топография (южный склон первой надпойменной террасы), конструкция хозяйственной постройки (обилие обмазки), профилировка миски из жилища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7190.

Левенок В.П. Отчет об археологических разведках на Верхнем Сейме и Среднем Дону в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1709.

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // РВД. Л., 1974.

Липкинг Ю.А. Далекое прошлое Соловьиного края. Воронеж, 1971.

Липкинг Ю.А. Отчет о разведках на дюнной гряде на правом берегу р. Сейм против с. Лебяжье Курского района Курской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 3784.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М. Сумы, 1991.

Русанова И.П. Сымонович Э.А. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993

Славяне Юго–Восточной Европы. Киев, 1990.

Соловьев Л.Н. Городища и стоянки окрестностей г. Курска // Известия Курск. губернск. общества краеведения. № 4. Курск, 1927.

Сымонович Э.А. Отчет о разведках Средне-Днепровской археологической экспедиции ИА АН СССР в Курской области в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2248.

Липкинг Ю.А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском // АО– 1968. М., 1969.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев, 1984.

Кашкин А.В. Отчет об археологических разведках проведенных в 1979 г. Центрально-Черноземным отрядом Института археологии АН СССР // Архив ИА РАН. Р–1. № 7968.

АКР: Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Таблица 1. Распределение керамики из культурного слоя и объектов поселения

Атрибуция керамики	Раскоп 1	Раскоп 2	Раскоп 3	Всего	Наземная постройка	Жилище
Киевская	739	35	397	1171	89	32
Черняховская	96	9	51	156	15	7
Доля черняховской (в %)	11,5	20,5	11,4	13,3	14,4	21,8

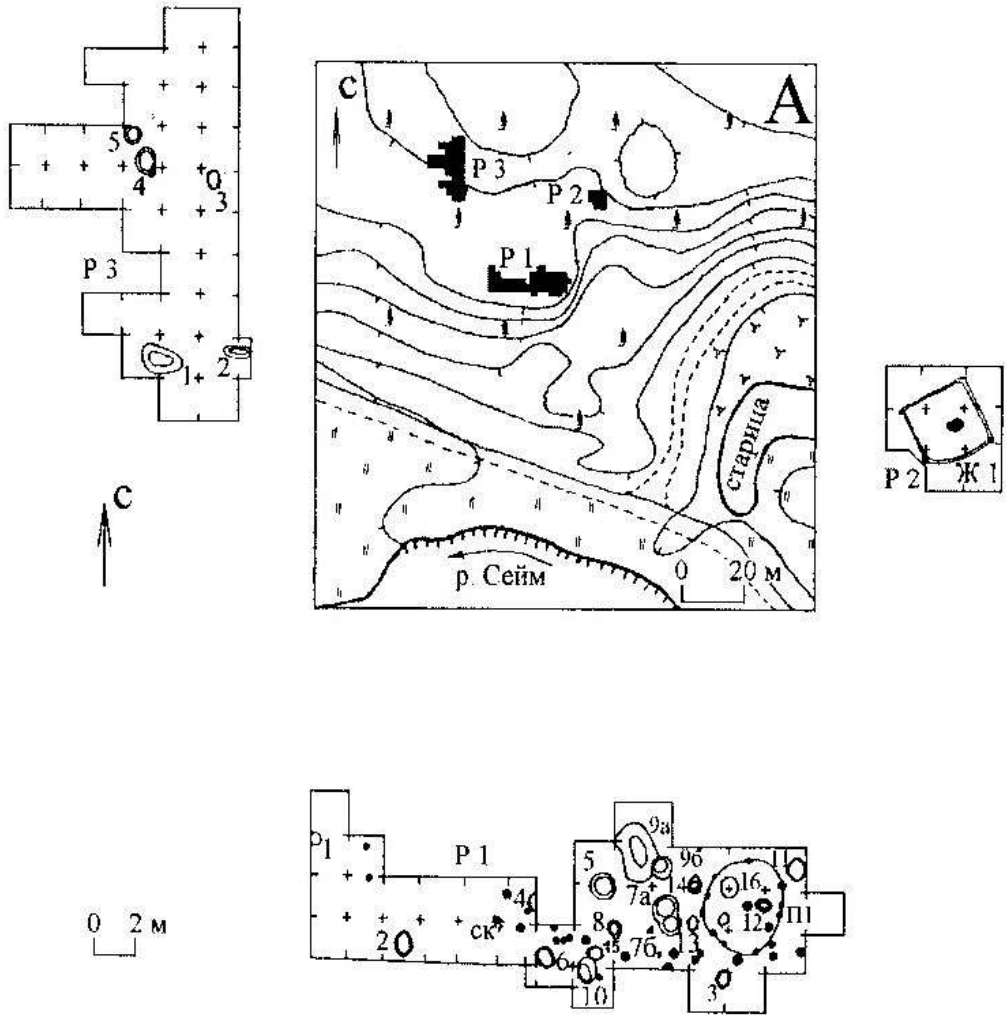


Рис. 1. План расположения раскопов на поселении.
Врезка А - план поселения.

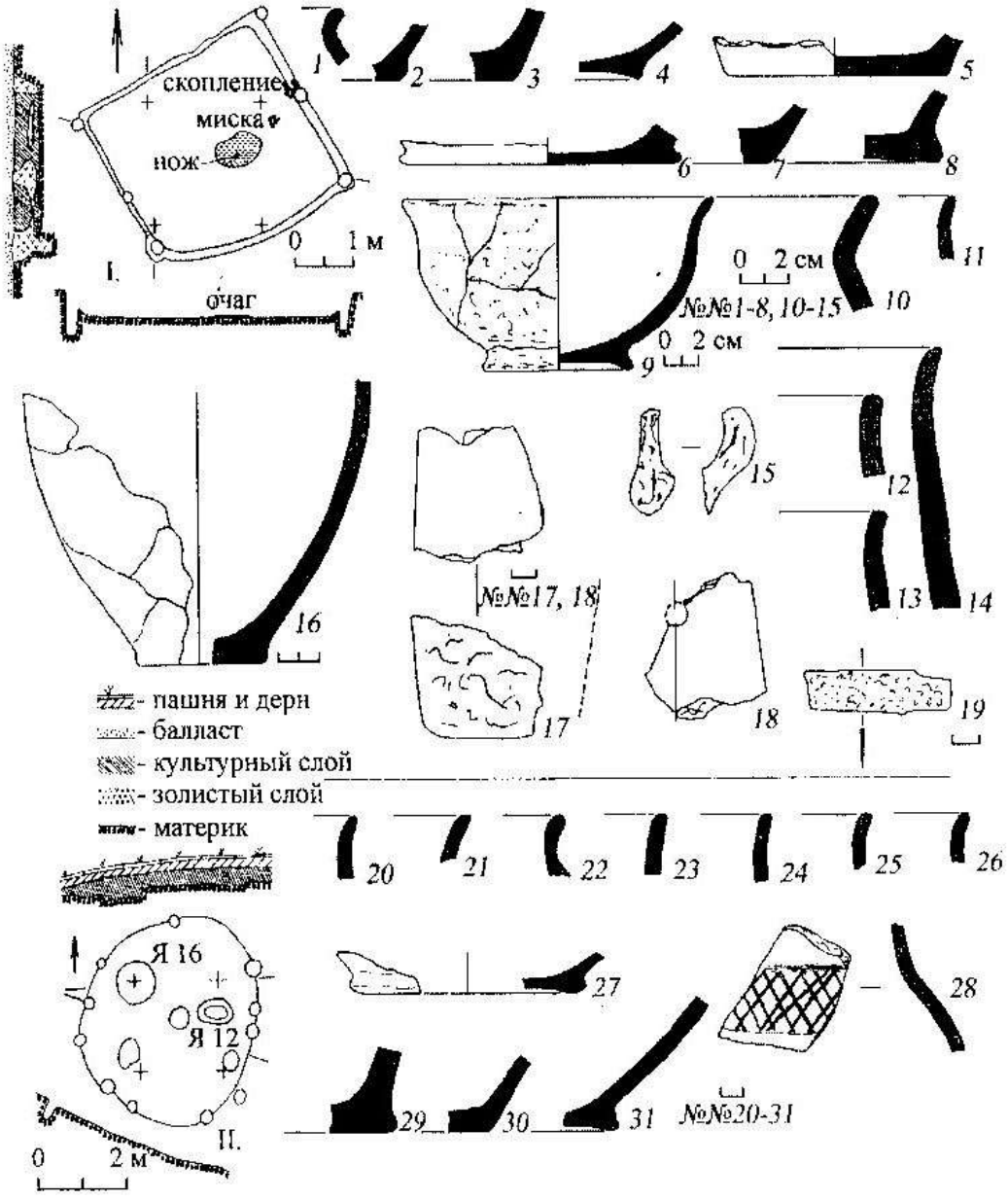


Рис. 2. Сооружения и находки.

I – план, профиль и разрез жилища из раскопа 2.

1–9 – материал из заполнения котлована жилища; *9* – реконструкция миски; *12–14, 16* – керамика из скопления; *17, 18* – фрагменты грузов; *19* – фрагмент железного ножа.

II – план, профиль и разрез хозяйственной постройки из раскопа 1.

20–31 – керамика из заполнения «котлована» хозяйственной постройки.

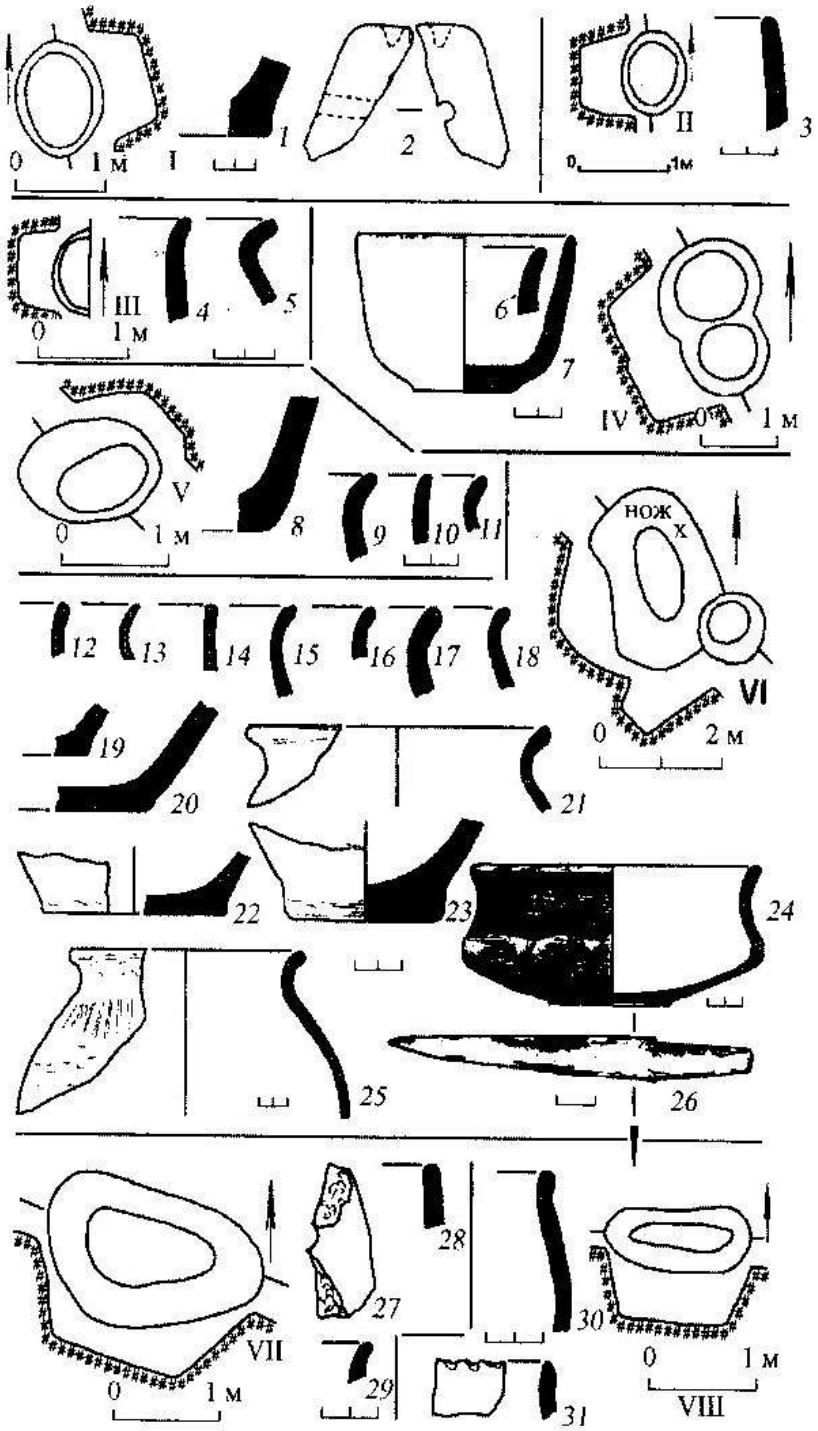


Рис. 3. Хозяйственные ямы и находки на них.
I–VIII – планы и разрезы хозяйственных ям.
1–31 – материал из заполнения хозяйственных ям.

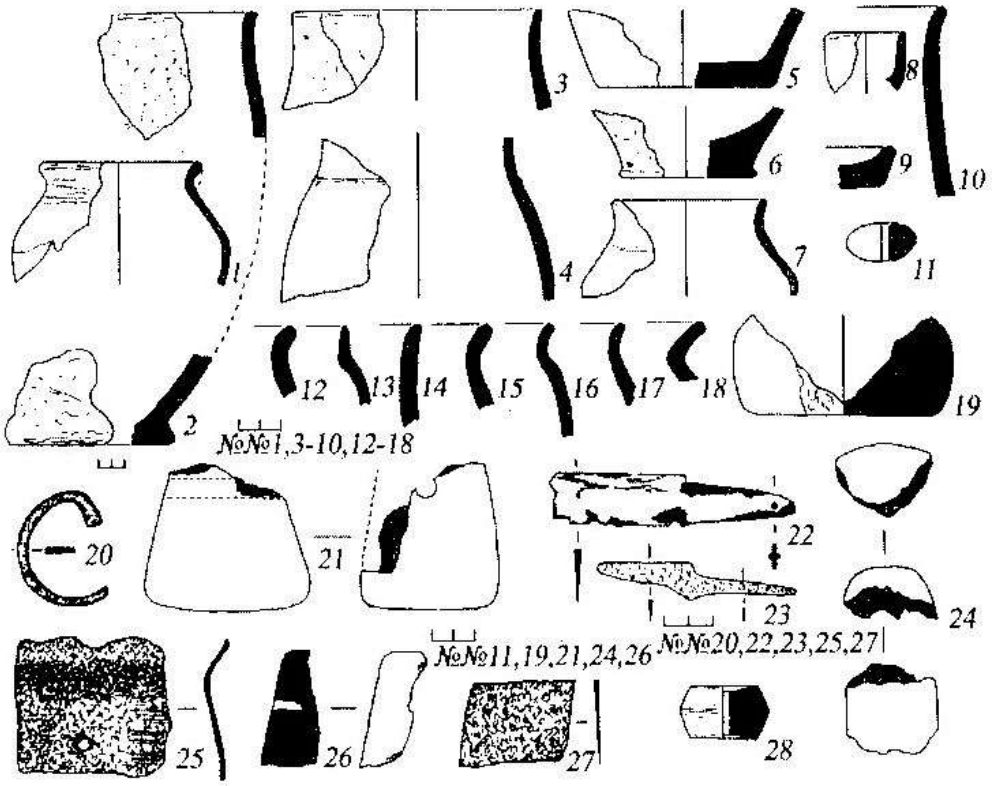


Рис. 4. Материал из культурного слоя поселения.
2, 3, 5, 8, 12 18 – керамика лепная; *1, 4, 6, 7* – керамика гончарная черняховская; *19, 21,24, 26* – фрагменты глиняных грузов; *11, 28* - глиняные пряслица; *20, 25* – фрагменты железных изделий; *22, 23, 27* – фрагменты железных ножей.

МОГИЛЬНИК ЛЕБЯЖЬЕ 3 ПОД КУРСКОМ

© 2007 г. Н.А. Тихомиров
Инспекция по охране наследия, Курск

Не раз отмечалось, что на участке правого берега р. Сейм, в 8 км восточнее Курска, у с. Лебяжье, находится скопление памятников 2-й – 4-й четвертей I тысячелетия н. э. Здесь проводили разведки Л.Н. Соловьев в 1925 г., В.П. Левенок в 1958 г., Э.А. Сымонович в 1961 г., Ю.А. Липкинг в 1960-х гг., П.Г. Гайдуков в 1978 г., А.В. Кашкин в 1979 г. (Соловьев, 1927. С. 16; Левенок, 1958. С. 4; Смонович, 1961. С. 12; Липкинг, 1969. С. 61, 62; Гайдуков, 1978. С. 12; Кашкин, 1979. С. 37). В 1960-х гг. раскопом площадью 84 кв. м и шурфовкой Ю.А. Липкинг исследовал 10 погребений могильника Лебяжье 3 (Липкинг, 1974. С. 141–152; Липкинг, 1971. С. 66–70; Липкинг, 1968. С. 9–10).

В 1989 г. экспедицией Курского государственного областного музея и Курского государственного педагогического института проводились раскопки поселения 2-й четверти I тысячелетия н. э. и могильника Лебяжье 3. В раскопе площадью 140 кв. м, привязанном к раскопу 60-х годов, были найдены еще 7 сожжений (Тихомиров, 1989) (рис. 1; 2). В исследованиях в качестве руководителя практики принимал участие К.Ф. Сокол.

Памятник располагался на участке первой надпойменной террасы правого берега р. Сейм к северу от крутого левого его поворота, к северо-западу от старицы. Высота поймы над уровнем воды в реке до 3 м, террасы – 8–10 м (рис. 1, *1*). Специфика топографии могильника заключалась в том, что он занимал часть территории поселения киевской культуры и роменского селища. Кроме того, в середине 1940-х гг. здесь была проведена распашка под лесопосадки.

Пашня вместе с дерном мощностью до 38 см перекрывала культурный слой толщиной до 45 см. Ниже располагался материк – светло-желтый песок, в котором достаточно надежно фиксировались трупосожжения. Верхние границы могильных ям прослеживались редко. Венчики большинства сосудов-урн были разрушены.

Материалы проведенных полевых исследований вместе с данными Ю.А. Липкинга показали, что около половины погребений могильника были урновыми, с отобранными костями. Среди ямных комплексов кости были отобраны в половине случаев. Остатки костра под погребением отмечались в двух урновых и одном ямном погребениях. Фрагменты керамики встречались в большинстве ямных погребений. При этом вся керамика могильника не носила следов повторного обжига, за исключением урны из погребения 7. Остатки ритуальной пищи зафиксированы только в двух ямных комплексах в виде необгоревших костей животных.

Наличием остатков ограждения и конструкцией могильной ямы из общего контекста выбивается погребение 6. Однако это и является его главным отличием. По остальным признакам оно соответствует группе урновых погребений с отобранными кальцинированными костями и определенным набором сопровождающего инвентаря.

Вещи – украшения и бытовые предметы – находились в основном в урновых погребениях (как в самих урнах, так и за их пределами). Они были фрагментированы и носили следы пребывания в погребальном костре.

Анализ комплексов показывает, что наиболее регламентированные правила обряда относились, скорее всего, к состоянию остатков умершего, их положению в погребении. Кроме того, достаточно сильно могли быть определены действия, связанные с культовыми представлениями: например, очищение огнем могильной ямы (остатки костра под погребением). Более изменчивы правила, касающиеся характера и положения в погребении сопровождающего инвентаря.

Систематизация с данных позиций погребальных комплексов позволяет разделить их на четыре вида и двенадцать вариантов (табл. 1).

Сравнительный анализ показывает, что по данному набору признаков аналогии трупосожжениям из Лебяжье 3 находятся в материалах могильников Лебяжье, Княжье и Картамышево 2. Главное отличие их в том, что в Княжинском и Лебяжинском могильниках вариабильность видов и вариантов несколько шире (Тихомиров, 1990. С. 153). В Лебяжье 3 нет комплексов с расположением урны в другом сосуде. Только в погребении 6 находились сосуды-приставки, и только в одном ямном погребении 2 найден сопровождающий инвентарь – фрагмент кресального кремня. Прямые аналогии погребению 6 имеются среди комплексов I–VII из Картамышево (Горюнова, 2004. С. 23). Как отмечали Е.А. Горюнов и В.М. Горюнова, аналогии погребениям с оградками известны в материалах VII в. верховьев Оки и Дона (Горюнова, 2004. С. 26). Подобные захоронения были обнаружены и на могильнике у с. Волынцево (Сухобоков, 1975. С. 53). Однако более ранних аналогий на смежных территориях пока не известно. В то же время количество и характер захоронений с оградками заставляют считать, что данный элемент обряда сложился, видимо, в конце VI–VII в. под воздействием иных погребальных традиций.

Вся керамика могильника была изготовлена в ленточной технике из глины с примесью крупного и среднего шамота и навоза. Чаще всего встречаются сосуды с грубой поверхностью. Урны из погребений 14 и 12 были тщательно заглажены, а фрагмент венчика из погребения 1 подлощен. Кроме того, лощеной была кружка из погребения 6.

Венчики некоторых сосудов были украшены пальцевыми вдавлениями по верхнему краю, а урна из погребения 7 – параллельными волнистыми линиями по нижней части тулова.

По профилировке керамика делится на несколько групп (рис. 6).

В группу I входят сосуды вытянутых пропорций с наибольшим расширением тулова на границе верхних первой и второй четвертей высоты, с довольно короткими, слабо отогнутыми венчиками.

Группу II составили приземистые горшки с наибольшим расширением тулова на границе первой и второй третей высоты, с короткими, слабо отогнутыми венчиками.

В группу III входят сосуды, близкие по форме горшкам первой группы, но с наибольшим расширением на границе первой и второй верхних третей высоты.

Группа IV представлена сосудами с вертикальным венчиком и наибольшим расширением тулова на границе первой и второй верхних третей высоты. К данной группе близок сосуд из погребения 7 с выраженным ребром на месте наибольшего расширения.

Группу V составили фрагменты верхних частей тюльпановидных горшков с короткими, слабо отогнутыми венчиками.

Аналогии значительной части представленной керамики находятся в материалах, близких хронологически и территориально Лебяжинскому и Княжинскому могильникам (Тихомиров, 1990. Рис. 3; 4. С. 158, 159).

Так, сосуды аналогичные горшкам из группы II могильника Лебяжье 3 были найдены в погребениях 64 (сосуд № 1) и 82 Лебяжинского могильника. Группе III соответствует керамика из Лебяжинских погребений 89 и 110, а также из Княжинского сожжения 16. Урне из погребения 12 четвертой группы очень близок сосуд из погребения 108 Лебяжинского могильника. Тюльпановидные профили из Лебяжьего 3 (группа V) находят аналогии в материалах Лебяжинского могильника: погребения 31 (сосуд № 1), 17 (сосуд № 1), 31, 18 и Княжинского (погребение 19).

Близкие по профилировке сосуды имеются в материалах могильника Картамышево. Так, группе II соответствует сосуд из погребения 42, группе III – горшок из погребения 46, группе V – урна из погребения 13 (Горюнова, 2004. Рис. 11, *1, 4*; 7, *1*).

Большинство керамических форм из могильника Лебяжье 3 соответствуют хронологически близким культурным традициям Левобережья. Так, тюльпановидные сосуды V группы характерны для колочинских древностей (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 101. Рис. 93, *6, 7*). Аналогии сосудам II группы встречаются в материалах Пастырского городища (Приходнюк, 2004. С. 265. Рис. 1, *1, 3, 7*; 2, *2, 3, 9*). Керамика III группы может быть отнесена к пеньковской культурной традиции (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 112. Рис. 95, *12, 13*). Известны они и на сахновском Пастырском городище (Приходнюк, 2004. С. 265. Рис. 1, *1, 3, 7*; 2, *1, 4*). Кроме того, к пеньковским образцам близок сосуд из погребения 7 (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 95, *20*). Схожие по форме лепные горшки были найдены в погребениях 60 и 95 черняховского могильника Компанийцы (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 96, *12, 13*).

Аналогии кружке из погребения 6 широко известны в материалах салтовской культуры, в частности в погребениях Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 68 -78). Сосуды с ручками, такие же, как и кружка из погребения 6, имеются в материалах Новотроицкого городища, в жилище 11 (Ляпушкин, 1958. рис. 25, *1, 2*; 48, *2*).

Профилей, сходных с сосудами I и IV групп, в материалах культур VII в. не обнаруживается. В то же время такие горшки, вместе с керамикой II и III групп, существуют и в роменское время (Ляпушкин, 1958. Рис. 18, *2*; 19, *12*; 20, *7*; 22, *2, 4*; 23, *2, 3*). При этом сосуды IV группы являются характерным элементом волынцевских памятников (Сухобоков, 1975. С. 53. Рис. 25; 26).

Не все керамические формы из Лебяжье 3 продолжают культурные традиции, характерные для VII в. Сосуды группы I могли трансформироваться (изменение пропорций, перемещение наибольшего расширения вверх) из близкой по профилировке керамики группы III. Появление формы сосудов группы IV связывается исследователями с салтовским влиянием (Сухобоков, 1975. С. 148).

Кроме керамики, в погребениях 2, 6, 11, 12, 13, 14, найдены и вещи сопровождающего инвентаря. Все они были повреждены огнем, многие фрагментированы. Для идентификации пригодны только железный нож, остатки кольчуг и бронзовые перстни. Железные ножи, аналогичные изделию из погребения 13 (рис. 5, *1*), характерны для памятников 2-й половины I тысячелетия Левобережья (Тихомиров, 1990. С. 142. Рис. 5). Фрагменты кольчуг из погребений 6 и 14 могильника Лебяжье 3 (рис. 4, *5*; 5, *2*) аналогичны Лебяжинским. При этом необходимо отметить, что кольчужные колечки из Лебяжинского могильника не укреплены ни сваркой, ни клепкой, и поэтому такое изделие не может использоваться по назначению (Гопак, Тихомиров, 1988. С. 105). Бронзовые перстни из погребения 11 Лебяжье 3 (рис. 3, *2, 3*) имеют аналогии в материалах катакомб 5 и 14 Старосалтовского могильника и датируются 2-й половиной или последней четвертью VIII в. (Аксенов, 2002).

Материалы могильника Лебяжье 3 в значительной степени дополняют представления о памятниках волынцевского облика. Можно отметить, что семантика погребального обряда практически не отличается от колочинско-пеньковских традиций, однако ряд его элементов носит явно символический характер. Это – фрагменты керамики в погребениях, фрагменты кольчуг, которые не могли применяться по назначению, в целом большое разнообразие вещей сопровождающего инвентаря.

Датировка могильника 2-й половиной VIII в. (перстни из погребения 11) может быть несколько расширена на основании анализа керамического материала. Вполне вероятно, что нижняя хронологическая граница располагается где-то в 1-й половине VIII в. (керамика группы V), а верхняя заходит в начало IX в. (керамика группы I). Во всяком случае, это подтверждается топографически материалами расположенных поблизости могильников Лебяжинский (до начала VIII в.) (Тихомиров, 1990. С. 134) и курганного роменского (не позднее IX в.) (Тихомиров, 1989. С. 26).

Материалы могильника Лебяжье 3 позволяют полагать, что в конце VII – начале VIII вв. происходит затухание колочинско-пеньковской культуры (Лебяжинский и Княжинский могильники; лощеная керамика и сосуды группы III). Создаются условия для изменения старых и появления новых культурных элементов, усиления и перенятия иных традиций. Скорее всего, данные процессы проходили без сколько-нибудь заметной смены населения. При этом значение влияния салтовских традиций на материальную культуру VIII в. Подесенья исследователями явно преувеличивается. В погребальном обряде нет элементов, характерных для хазарских могильников. Основная масса керамики имеет корни в пеньковско-колочинских прототипах. Наличие в материалах памятников VIII в. салтовской посуды может быть связано не столько с усилением хазарского культурного влияния вообще, сколько с проявлением моды.

Наиболее вероятно, что так называемые волынцевские древности являются «связующим звеном» (Щеглова, 1986. С. 21) между раннесредневековыми культурами

колочинско-пеньковского облика, с одной стороны, и роменскими памятниками – с другой. В связи с этим наиболее целесообразно применение к ним термина «памятники волынцевского культурно-хронологического горизонта» (Щеглова, 1996. С. 136).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Восточноевропейский археологический журнал. № 5 (18). Сентябрь октябрь 2002 г. (http://archaeology.kiev.ua/pub/aksenov.htm).

Гавритухин И.О. Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7190.

Гопак В.Д. Тихомиров Н.А Железные изделия Княжинского и Лебяжинского могильников // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Каменец-Подольский, 1988.

Горюнова В. М. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Кашкин А.В. Отчет об археологических разведках проведенных в 1979 г Центрально-Черноземным отрядом Института археологии АН СССР/ Архив ИА РАН. Р–1. № 7968.

Левенок В.П. Отчет об археологических разведках на Верхнем Сейме и Среднем Дону в 1958 г.// Архив ИА РАН. Р–1. № 1709.

Липкинг Ю.А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском // АО–1968. М., 1969.

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // РВД. Л., 1974.

Липкинг. Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края // Воронеж, 1971.

Липкинг Ю.А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжьего // АО–1968. М., 1969.

Липкинг Ю.А. Отчет о разведках на дюнной гряде на правом берегу р. Сейм против с. Лебяжьего Курского района Курской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 3784.

Липкинг Ю.А. Отчет о раскопках в Лебяжьем 1968 г. // НА КГОМА. Д1-31/7.

Пятушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. 1958.

Приходнюк О.М. Керамическая посуда Пастырского городища и некоторые проблемы становления славянского гончарства // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.

Соловьев Л.Н. Городища и стоянки окрестностей г. Курска// Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4.

Смонович Э.А. Отчет о разведках Средне-Днепровской археологической экспедиции ИА АН СССР в Курской области в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2248.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья. Киев, 1975.

Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // МИАДЛ. Вып. 1. Курск, 1990

Тихомиров Н.А. Отчет о работах возле с. Лебяжье Курского района Курской области в 1989 г. // НА КГОМА. № Т 1-62.

Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. № 187. 1986.

Щеглова О.А. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Могильник Лебяжье 3. Описание погребений (рис. 2–5)

Погребение 1

Сильно разрушено старой ямой и распашкой. Видимо, было урновым. Сохранилась восточная часть ямы глубиной около 50 см и диаметром 65 см. В ней – часть сосуда, заполненного кальцинированными костями. Стенки сосуда подлощены. В яме – кальцинированные кости. Граница ямы прослеживалась не четко. Под костями – углистая прослойка.

Погребение 2

Обнаружено на глубине от 15 до 30 см. Разрушено распашкой. Кости и фрагменты керамики встречаются на всей площади квадрата. Нижняя часть ямы имела диаметр 75 см и глубину 35 см. В заполнении – кальцинированные кости, фрагменты керамики, кусок обработанного кресального кремня со следами пребывания в огне.

Погребение 3

Обнаружено на глубине 15–30 см. Разрушено распашкой. По площади квадрата встречаются кости и фрагменты керамики. Нижняя часть ямы имела диаметр 75 см и глубину 35 см. В заполнении кальцинированные кости и фрагменты керамики.

Погребение 4

Обнаружено на глубине от 30 до 60 см. Округлая яма имела диаметр 45 см. Она была заполнена углистым песком с угольками, кальцинированными костями и фрагментами керамики.

Погребение 5

Округлее углистое пятно диаметром 45 см появилось на глубине 15 см. С глубины 25–35 см прослеживалось нечетко. Яма глубиной 55–60 см. заполнена отобранными кальцинированными костями без угля и золы с небольшим количеством фрагментов керамики. Под этим слоем с глубины 30 см располагался углистый песок с мелкими фрагментами кальцинированных костей.

Погребение 6

С глубины 20 см встречены фрагменты обожженной глины. На глубине 55 см зафиксирована прямоугольная площадка длинной 190–200 см и шириной около 1 м, ограниченная канавкой. Площадка с уплотненным и более темным песком. На ней установлены 6 сосудов.

Сосуд 1 лепной, диаметром 25 см и высотой 27 см, венчик орнаментирован защипами. В нем крупные фрагменты кальцинированных костей.

Сосуд 2 лепной, диаметром 19 см, не орнаментирован. В верхней части – кальцинированные кости.

Сосуд 3 высотой 23 см и диаметром 19 см, лепной, сходен с сосудом 1. Орнаментирован защипами по венчику.

Сосуд 4. Сходен с сосудом 3, диаметр 15 см.

Сосуд 5. По форме «русский горшок» (по Ю.А. Липкингу), диаметром 17 см, со следами пребывания в огне. В сосуде среди кальцинированных костей обнаружен фрагмент спекшихся кольчужных колец.

Сосуд 6. Лежал на боку. Желтовато-серый лощеный кувшинчик высотой 9 см и диаметром 8 см, с ручкой в нижней части пухлого тулова. На днище – паукообразное клеймо. В сосуде – небольшое количество кальцинированных костей.

Углистого пятна в погребении нет. Между сосудами – серый песок и небольшое количество кальцинированных костей, видимо выпавших из урн. Сосуды 1, 3, 6 стояли на уступе высотой 10 см.

Погребение 7

На глубине 45 см на боку лежал небольшой сосуд с ребром и вертикальным венчиком. Сосуд шлакирован. Могильная яма размерами 80 х 40 см, ориентирована по линии север-юг. В сосуде – небольшое количество отобранных кальцинированных костей. В заполнении ямы, под сосудом – кальцинированные кости с углями. Глубина ямы – 75 см.

Погребение 8

Углистое пятно зафиксировано на глубине 35 см. Овальная яма диаметром 60 х 46 см., ориентирована по линии север–юг. В яме, под слоем угля и золы, – сплошное скопление кальцинированных костей и фрагментов керамики. Керамика с защипами по венчику, сходна с сосудом из погребения 1. На скоплении кальцинированных костей лежали несколько позвонков крупного животного без следов огня.

Погребение 9

Пятно гумусированного песка диаметром около 75 см обнаружено на глубине 45 см. Сосуд с защипами по венчику стоял на днище (очень похож на сосуд 1 из погребения 6). В нем – отобранные кальцинированные кости. Под сосудом и к северо-востоку от него – мелкие кальцинированные кости. Яма не прослеживалась.

Погребение 10

Обнаружено в 1973 г. между могильником Лебяжье 3 и рекой, у западного края просеки, в 10–15 м от края лесопосадки. Сосуд был наполнен отобранными кальцинированными костями.

Погребение 11

Зафиксировано под пахотным слоем на глубине около 25 см. В культурном слое была обнаружена овальная в плане зона концентрации керамики (остатков трех сосудов), кальцинированных костей, углей, золы. Она была вытянута по линии север–юг и имела размеры 92 х 52 см. В северной части погребения обнаружена урна 1 – лепной сосуд, стоящий на днище и заполненный кальцинированными костями с примесью золы и углей. Южнее, в центральной западной части погребения, располагалось скопление золы и углей, перемешанных с песком. Оно было неправильной вытянутой в плане формы, размером 34 х 15 см. Примерно в этих границах оно прослеживалось до дна могильной ямы. В центральной восточной части погребения зафиксировано скопление керамики. Фрагменты лепного сосуда с грубой поверхностью располагались по окружности, имитируя форму горшка. В данной зоне концентрации керамики кальцинированных костей не обнаружено. В южной части погребения обнаружена еще одна погребальная урна – нижняя часть лепного сосуда, заполненная кальцинированными костями с примесью угля и золы. Технологически этот сосуд аналогичен урне 1. Границы погребальной ямы прослеживались только на уровне зачистки материка на глубине 35–39 см. Она имела слегка наклонные стенки и плоское дно. Глубина ямы от современной поверхности – около 45 см. Сопровождающий инвентарь в погребении представлен семью находками. В пахотном слое на глубине 17 см, над остатками центральной части погребения, в районе скопления керамики, найден фрагмент железного изделия, напоминающей обломок пряжи. Над урной 2, в пашне, на глубине 12 см, найден фрагмент оплавленного стеклянного изделия – бусины, спекшиеся в огне. Фрагмент спекшихся в огне бусин найден на глубине 29 см в центральной части погребения, между скоплениями золы и керамики. У северного края урны 2, примерно в средней части ее заполнения, среди кальцинированных костей, на глубине 31 см и 33 см, найдены два бронзовых перстня. В центральной восточной части погребения на глубине 31 см и в центральной западной части на глубине 35 см найдены по три фрагмента спекшихся стеклянных бус. Судя по сохранившимся остаткам, они представляли собой единое украшение и были разделены в момент совершения погребения.

Погребение 12

Урна была зафиксирована в пахотном слое на глубине около 15 см. Крупный сосуд волынцевского типа с тщательно заглаженной, подготовленной к лощению, поверхностью стоял на днище и был заполнен на 2/3 отобранными кальцинированными костями. Границы погребальной ямы не прослеживались. В материк сосуд был заглублен примерно на 2 см. В центральной части урны, на кальцинированных костях, лежала кость животного без следов огня. На дне сосуда, под кальцинированными костями, найден железный нож.

Погребение 13

Зафиксировано под пахотным слоем на глубине около 27 см. В центральной части округлой в плане ямы диаметром около 50 см, заполненной золистым песком с включениями кальцинированных костей, стояла на днище нижняя часть лепного сосуда с грубой поверхностью, заполненная отобранными кальцинированными костями. Могильная яма глубиной около 40 см от современной поверхности имела почти вертикальные стенки и плоское дно. В придонной части ямы, на глубине 38 см, у юго-западной части урны, найден фрагмент железного изделия.

Погребение 14

Остатки урны, заполненные отобранными кальцинированными костями, зафиксированы под пахотным слоем на глубине около 30 см. Урна, стоявшая на днище, располагалась в пределах куль-

турного слоя. Границы погребальной ямы не прослеживались. Судя по сохранившейся части, урна относится к керамике волынцевского типа, с заглаженной, но не лощеной поверхностью. В придонной части урны под кальцинированными костями найден фрагмент железной кольчуги.

Погребение 15

Погребение зафиксировано в пахотном слое по зоне концентрации фрагментов кальцинированных костей и керамики, вытянутой по линии север-юг на площади с размерами около 30 х 80 см, на глубине около 20 см. Ниже в культурном слое она прослеживалась округлым образованием диаметром около 30 см. Границы могильной ямы в культурном слое не прослеживались; они были зафиксированы в материке на глубине 38 см. Судя по сохранившейся части, яма была округлая в плане диаметром не менее 25 см и имела почти вертикальные стенки и плоское дно. Ее глубина от современной поверхности 40 см. Среди фрагментов керамики обнаружен венчик сосуда с грубой поверхностью.

Погребение 16

Погребение было обаружено под пахотным слоем на глубине около 29 см. При зачистке поверхности культурного слоя оно прослеживалось в виде округлого пятна диаметром около 43 см. Пятно состояло из золистого песка с большим содержанием кальцинированных костей и угля. Расчистка ямы показала, что она имела почти вертикальные стенки и плоское дно, зафиксированное на глубине около 70 см. Вся могильная яма была заполнена смесью из кальцинированных костей, угля и золы.

Погребение 17

Погребение было зафиксировано под пахотным слоем на глубине около 29 см. Округлая в плане могильная яма диаметром около 40–45 см была заполнена углистым песком с кальцинированными костями и угольками. В центральной части погребения находилась зона концентрации фрагментов керамики. Ее диаметр – около 20 см, мощность – около 12 см. Могильная яма имела слегка пологие стенки и плоское дно, зафиксированное на глубине 53 см. Среди фрагментов керамики найдены два обломка венчиков сосудов с грубой поверхностью.

Таблица 1. Могильник Лебяжье 3. Виды и варианты погребений

Вид	Вариант	№№ погребений	Урновое	Ямное	Кости отобраны	Кости не отобраны	Остатки костра под погребением	Сосуды приставки	Фрагменты керамики	Остатки пищи	Вещи в ямных погребениях	Вещи в урне	Вещи за урной	Выделенная площадка	Количество по вариантам	Количество по видам
I	1	10	× IV		×										1	8
	2	1 7 9	× III, V 14 III		×		×								3	
	3	13	× V		×		×						+		1	
	4	121 4	× IV ?		×							+			2	
	5	11	× III		×				+			+	+		1	
II	6	6	× I, II, 13		×			+ II				+		×	1	1
III	7	3 15		×	×				+ V						2	4
	8	5		×	×		×			+					1	
	9	2		×	×				+		+				1	
IV	10	16		×		×									1	4
	11	4 17		×		×			+ V						2	
	12	8		×		×			+	+					2	

× - сильно регламентированные правила

\+ - слабо регламентированные правила

В столбцах 4–10 римскими цифрами обозначены группы керамики, арабскими – номера сосудов на рис. 6.

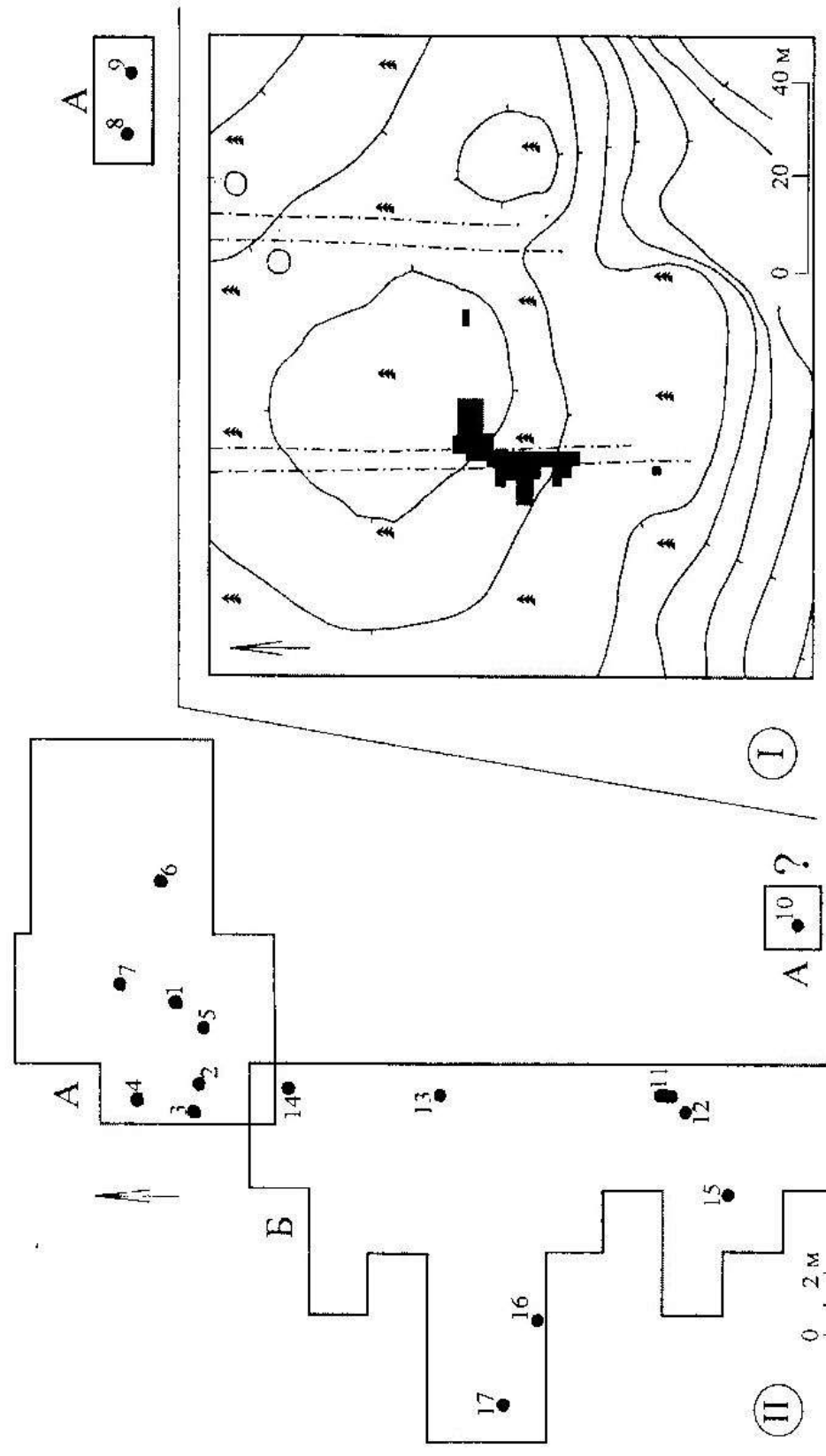


Рис. 1. Могильник Лебяжье 3.
I – план памятника; II – план раскопов.
А – раскопы Ю.А. Липкинга; Б – раскоп 1989 г.

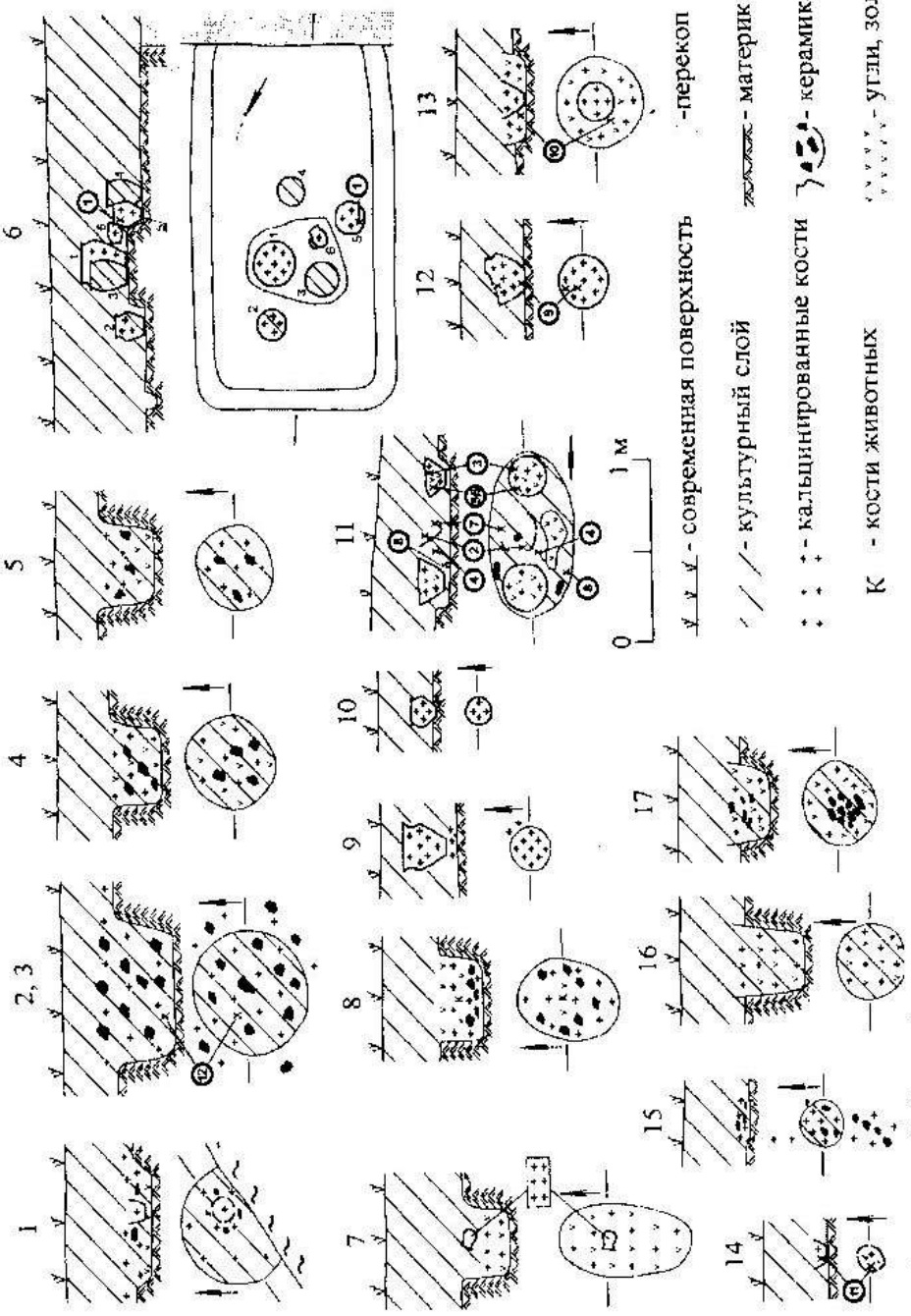


Рис. 2. Могильник Лебяжье 3.

Планы и разрезы погребений.

Находки: *1, 11* - фрагменты кольчуг; *2* – фрагмент железного изделия; *3, 4, 7* – оплавленные стеклянные бусины; *5, 6* - бронзовые перстни; *9* – нож железный; *10* – фрагмент железного изделия; *12* – кресальный кремень.

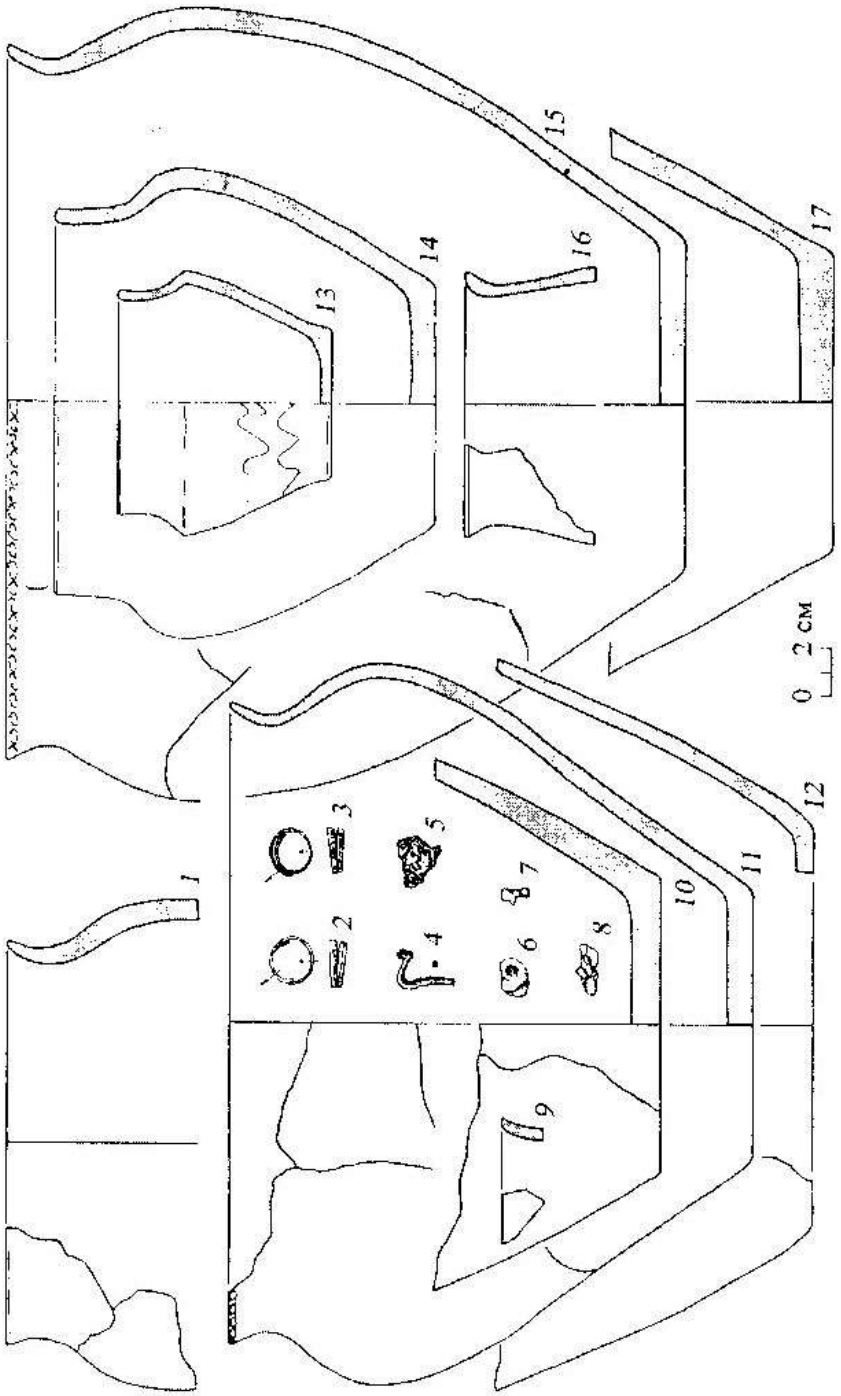


Рис. 3. Могильник Лебяжье 3.
Инвентарь погребений.
1, 16, 17 – погр. 1; *2, 12* – погр. 11; *13* – погр. 7; *14* – погр. 10; *15* – погр. 9.

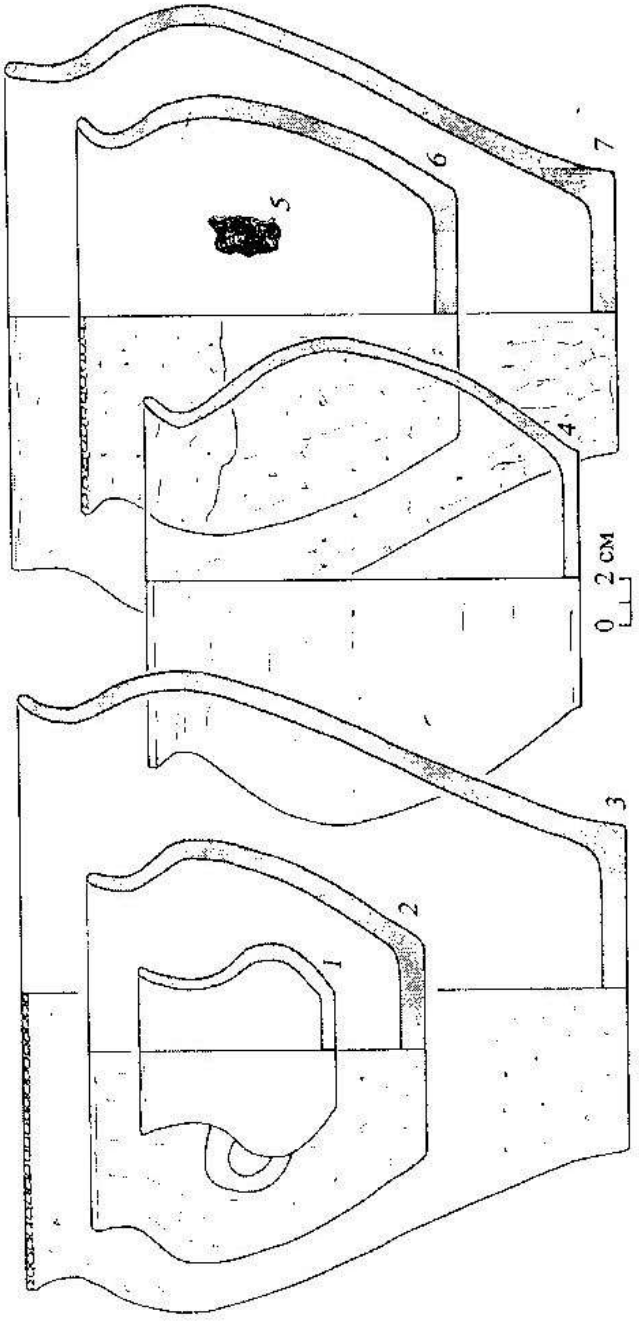


Рис. 4. Могильник Лебяжье 3.
Инвентарь погребения 6.
1 – сосуд 5; *2* – сосуд 4; *3* – сосуд 1; *4* – сосуд 5; *5* – фрагмент кольчуги; *6* – сосуд 3; *7* – сосуд 2.

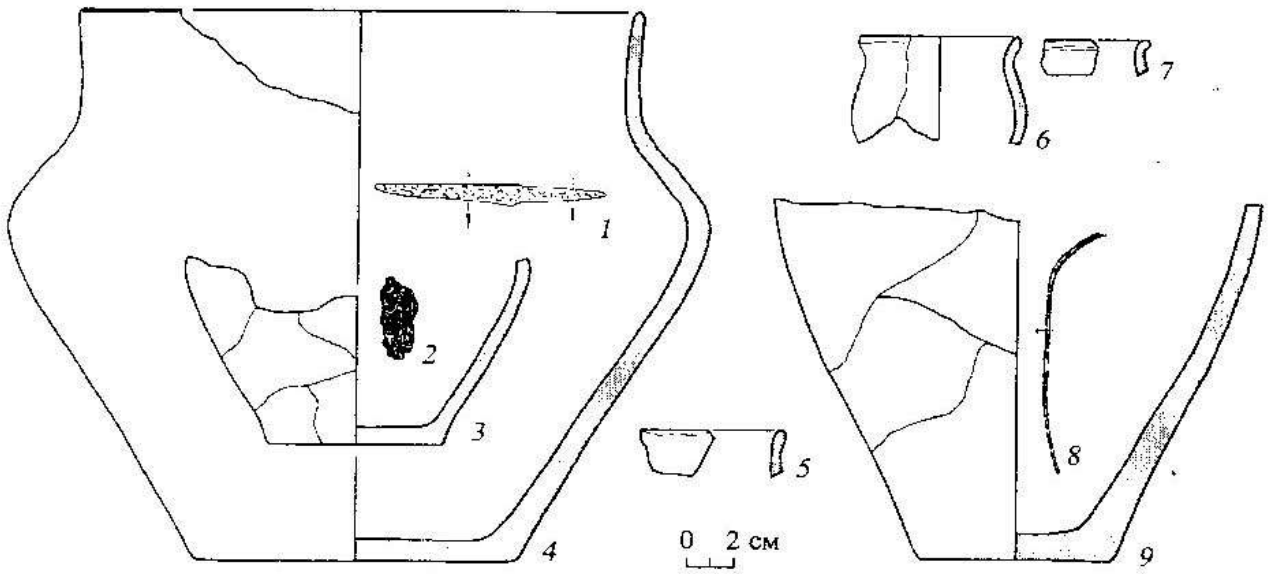


Рис. 5. Могильник Лебяжье 3.
Инвентарь погребения.
1, 4 - погр. 12; *2, 3* – погр. 14; *5* – погр. 15; *6, 7* – погр. 17; *8, 9* – погр. 13.

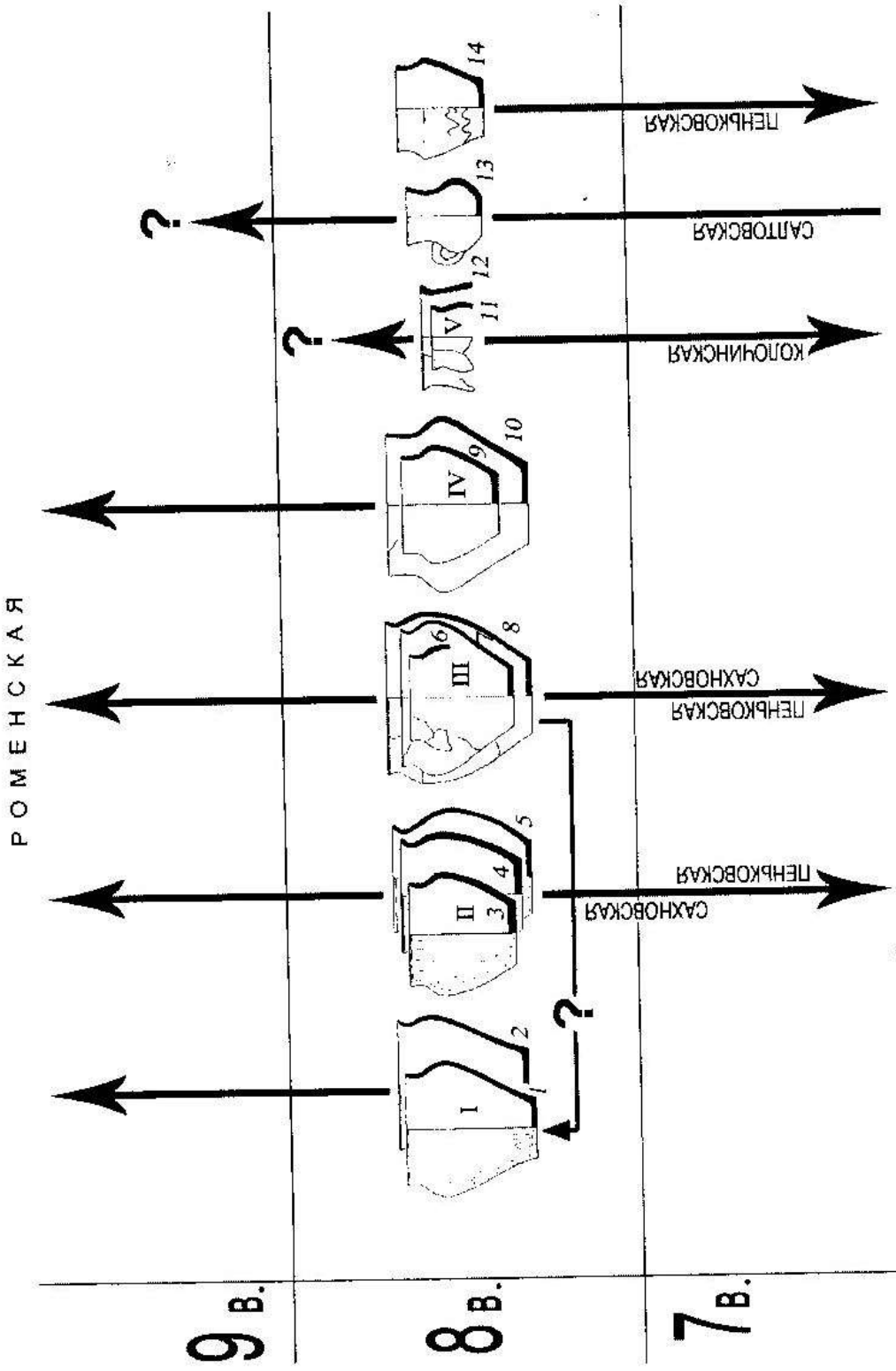


Рис. 6. Могильник Лебяжье 3.
Группы керамики и их культурно-хронологическая принадлежность.

КЕРАМИКА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА г. ЕЛЬЦА

© 2007 г. М.В. Целыковский
Елецкий государственный университет

Керамика как источник по изучению г. Ельца XVI–XIX вв. появилась благодаря активизации в последние годы охранных мероприятий в историческом центре города и его ближайшей округе. Статья посвящена анализу керамики пяти построек, которые были исследованы Елецким госуниверситетом. Общее количество исследуемых фрагментов от керамических сосудов составило 498 экземпляров. Археологические работы проводились в 2004 г. по ул. Октябрьская, на участке траншеи от здания городской милиции до пересечения с ул. Л. Толстого. Длина исследуемой траншеи составила 268 м.

При описании керамики и методики её статистической обработки использованы критерии, предложенные рядом исследователей Москвы (Беляев, 1991; Коваль, 1997, 1999, 2001), Тулы (Зацаринный, 2002), Козельска (Болдин, 2002) и др. При анализе керамики Ельца учтены: состав теста (примесь в глине, степень ожелезнённости глины), конструктивная схема верхней части сосуда (способ формовки края венчика и степень отогнутости шейки), обработка поверхности сосуда (морение), орнамент – зонный (по венчику, плечику, тулову, днищу), отпечатки на днище сосуда (подсыпка песка, без следов). В статистике учитывались фрагменты не менее 5 х 5 см.

Керамика из построек в зависимости от примеси в формовочной массе делится на три вида: с примесью песка (60–70 %), мелкой дресвы и шамота (5–10 %) и без визуально фиксируемых примесей (30–35 %). Доминирующая часть керамики изготовлена из неожелезнённых и слабоожелезнённых глин, которая после обжига имела белый и серый в изломе цвет (90–95 %). Из этого количества выделяется белая керамика со светло-коричневым налётом на поверхности (30–40 %). Остальная керамика являлась морёной и чернолощеной (5 %).

При анализе шестидесяти шести верхних частей сосуда обнаружилось совпадение конструктивной схемы верхней части венчиков, вследствие чего выделяется один тип, у которого излишки глины смещены вовнутрь сосуда, образуя валик на внутренней стороне и утолщения на внешней. По способу формовки края венчика и оформлению шейки сосудов выделяются подтипы.

Подтип 1 – венчики, у которых край смещён вовнутрь и наружу, образуя утолщения в результате формовки. Шейка у сосудов этого подтипа плавно отогнута.

Подтип 2 – венчики, у которых край сплющен в результате смещения излишков глины вовнутрь, образуя утолщения. Шейка у сосудов этого подтипа изогнута.

Подтип 3 – венчики, у которых излишки глины смещены вовнутрь, образуя небольшой валик на внутренней стороне сосуда. Шейка у сосудов этого подтипа вертикальная и слегка отогнута наружу или вовнутрь.

Керамическая серия постройки 1 составила 34 фрагмента: венчики (12 ед.), стенки (18 ед.) и днища (4 ед.) (рис. 1, *1–12, 35–39*; табл. 1). В постройке представлен один целый сосуд, который имеет приземистую форму и следы морения поверхности (рис. 1, *11*). Диаметр целого сосуда по верхнему краю венчика составил 10 см. Венчик оформлен в виде заворота излишков глины вовнутрь (подтип 3). У сосуда – острое плечико с орнаментом в виде «волчьего зуба». Тесто с примесью песка.

Типологическое распределение верхних частей сосуда выглядит следующим образом: к подтипу 1 относится два венчика, к подтипу 2 – один венчик, к подтипу 3 – девять венчиков. По функциональной принадлежности это горшки, по форме напоминающие шар. Диаметр по верхнему краю венчика – 12–14 и 20–26 см.

Пять венчиков и четыре стенки с наружной стороны украшены линейным орнаментом. Один венчик имел двурядную волну, а одна стенка – сочетание линейного и волнистого орнамента (рис. 1, *2, 3, 5, 7, 8*; табл. 2). После обжига сосуды приобретали белый цвет (14 ед.), серый цвет со светло-коричневым налётом (15 ед.). В пяти случаях сосуды были с чёрным морением. На двух днищах из четырёх зафиксированы следы песчаной подсыпки. Диаметр днищ составляет 10 -12 см.

Коллекция керамического материала из постройки 2 составила 144 фрагмента: венчики (17 ед.), стенки (124 ед.), днища (2 ед.) и одна крышка от сосуда (рис. 1, *13–34*; табл. 1). Также выявлен фрагмент сосуда со сливом (рукомойник?) (рис. 1, *32*). Типологическое распределение верхних частей сосуда выглядит следующим образом: к подтипу 1 относится три венчика, к подтипу 2 – четыре венчика, а к подтипу 3 – десять венчиков. По функциональной принадлежности это горшки, кувшины и одна миска. По форме сосуды напоминают шар и перевернутый усечённый конус. Верхний диаметр венчика составляет 6, 14–16 и 22–26 см. Два кувшина и миска выходят за рамки данной типологии и поэтому не были включены в статистику.

У двенадцати венчиков и двенадцати стенок с наружной стороны имеется линейный орнамент (рис. 1, *14, 16, 19, 21, 24–31*; табл. 2). На одном из двух днищ зафиксированы следы песчаной подсыпки. Керамика после обжига приобретала белый цвет (47 ед.) и серый цвет (77 ед.). Семь сосудов были с чёрным морением, девять – чернолощёные.

Коллекция керамического материала из постройки 4 составила 200 фрагментов: венчики (21 ед.), стенки (161 ед.), днища (11 ед.) и семь крышек от сосудов (рис. 2; табл. 1). Края крышек напоминают манжетовидные венчики с заворотом излишков глины наружу (рис. 2, 30–36). Типологически венчики выглядят следующим образом: к подтипу 1 относится три венчика, к подтипу 2 – пять венчиков, а к подтипу 3 – тринадцать венчиков. По функциональной принадлежности это горшки и большемерные корчаги. По форме сосуды напоминают шар и перевернутый усечённый конус. Верхний диаметр венчика составляет 14 -18 и 20–28 см.

У шестнадцати венчиков и двадцати пяти стенок имеется линейный орнамент (рис. 2, *1–6, 9–12, 14–16, 19*; табл. 2). Из одиннадцати днищ на трёх зафиксированы следы песчаной подсыпки. Одно днище имело чернолощение. Два днища у основания орнаментированы линейным орнаментом (рис. 2, *22, 29*). Диаметр днищ – 7–14 и 26 см. Керамика после обжига приобретала белый (103 ед.) или

серый цвет (95 ед.). Два фрагмента – чернолощёные. В одном случае сосуд в изломе имел коричневый цвет.

Коллекция керамического материала из постройки 5 составила 70 фрагментов: венчики (10 ед.), стенки (52 ед.), днища (5 ед.) и три крышки от сосудов (рис. 3, *1–19*; табл. 1). Края крышек оформлены в виде манжета и с заворотом излишек глины наружу. На двух крышках встречен линейный орнамент, а на одной – сочетание линейного и волнистого орнамента (рис. 3, *11–13*). Типологически венчики выглядят следующим образом: к подтипу 1 относится два венчика, к подтипу 2 – три венчика, а к подтипу 3 – пять венчиков. По функциональной принадлежности это горшки и корчаги шаровидной формы. Верхний диаметр венчика составляет 16–18 и 28–32 см.

У пяти венчиков и одной стенки с наружной стороны встречен линейный орнамент, а у одного венчика – однорядная волна. Одна стенка сосуда имела сочетание линейного и волнистого орнамента (рис. 3, *1, 4–6, 8, 9, 14*; табл. 2). Керамика после обжига приобретала белый (23 ед.) или серый цвета (46 ед.). В одном случае встречен сосуд с чёрным морением. На пяти днищах не зафиксированы следы подсыпок. По нижней части одного горшка проходил линейный орнамент. Диаметр днищ – 7–12 см.

Коллекция керамического материала из постройки 6 составила 50 фрагментов: венчики (6 ед.), стенки (38 ед.), днища (4 ед.) и две крышки от сосуда (рис. 3, *20–27*; табл. 1). Край крышки оформлен в виде заворота излишков глины наружу. На поверхность крышки нанесён двухрядный линейный орнамент (рис. 3, *26*). Конструктивная схема венчиков представлена только подтипом 3 (6 венчиков). По функциональной принадлежности это горшки, по форме напоминающие шар. Диаметр верхней части венчика – 14 и 22–24 см.

Четыре венчика имеют линейный орнамент, а один венчик – однорядную волну в сочетании с прямыми линиями (рис. 3, *20–22, 24–25*; табл. 2). Керамика после обжига приобрела белый (13 ед.) и серый цвет (35 ед.). В двух случаях сосуд имел чернолощение. На днищах не зафиксированы следы подсыпок, их диаметр – 9 см.

Благодаря охранным работам 2004 г., получены важные сведения по хронологии керамики XVI–XVIII вв. Её анализ позволяет сделать выводы, распространяющиеся на всю серию керамического материала исторического центра города Ельца.

Деление верхних частей сосудов на подтипы позволяет выявить их временные различия: подтипы 1 и 2 составляют по 20 % в комплексах (табл. 1). Судя по аналогии, они совпадают с типами Е2 и Е3 керамики Козельска и датируются И.В. Болдиным концом XIV – XVII вв. (Болдин, 2002. С. 21). Подтип 3 составляет в комплексах от 60 до 100% (табл. 1). Он совпадает с ранними типами МБК-2 (московская белоглиняная керамика), где она появляется в конце XV в., а массовое её распространение приходится на XVII в. (Коваль, 2001. С. 103). Ближайшие аналоги подтипа 3 найдены в керамике Тульского кремля, где она датируется С.В. Зацаринным 1-й половиной XVI в. (Зацаринный, 2002. С. 261). Таким образом, преобладание подтипа 3 в комплексах позволяет датировать материал в рамках XVI–XVII вв.

В керамике Ельца преобладает линейный орнамент по венчику (72,7 %). Венчики украшены от верха до шейки сосуда. На двух венчиках встречен волнистый орнамент и сочетание волнистого и линейного орнамента по шейке сосуда. Другие части сосуда редко орнаментировались: орнаментированных стенок – 11,2 %, днищ – 11,1% от их общего количества. Все они украшены линейным орнаментом. На двух стенках встречено сочетание волнистого и линейного орнаментов. Линейный орнамент на сосудах прослеживается и в гончарстве Москвы XIV–XVII вв., где выявлена закономерность постепенного перемещения линейного орнамента с тулова на венчик к XVII в. (Бойцов, 1991. С. 36. рис. 1; Коваль, 2005. С. 255). Таким образом, елецкая керамика орнаментировалась преимущественно по венчику.

Выявленные сосуды по форме являются шаровидными горшками с верхним диаметром венчика 12–16 и 20–31 см. Сосуды диаметром по верху венчика более 20 см преобладают в Елецкой керамике и составляют 60%.

Вся керамика из построек изготовлена из беложгущихся слабожелезнённых глин. По технологическим признакам её небольшая часть отличается. В это количество входят сосуды с чёрной поверхностью без следов лощения, т.н. морёнка или синюшка (2,6%), и лощёные сосуды по черной поверхности, т.н. чернолощёные сосуды (2,8%). Если обратиться к керамике из округи Ельца (Лавское селище 4, постройка № 2), материал которого датирован монетами (1730–1821 гг.), то доля морёной керамики в постройке составляет 43,7%, чернолощёной – 2,3%, а белоглиняной – 27,5% (Целыковский, 2006. С. 354). Таким образом, к середине XVIII – началу XIX в. наблюдается количественный рост морёной керамики и заметно снижается доля белоглиняной. Елецкие сосуды, изготовленные из беложгущихся глин без дополнительной обработки (морение и лощение), могут быть датированы не позднее 1-й половины XVIII в.

На днищах сосудов зафиксирована песчаная подсыпка в 60%, остальные – без дополнительных следов на днищах. На керамике не встречено срезание сосуда нитью с гончарного круга. Данный способ характерен для сосудов из постройки № 2 Лавского селища 4, где преобладает данный способ (до 80% от всех днищ) (Целыковский, 2006. С. 355). Следовательно, приём срезания сосуда с гончарного круга является хронологическим индикатором для керамики XVIII–XIX вв.

Керамика, выявленная в 2004 г., может датироваться не позднее начала XVIII в., а нижней хронологической границей может служить 1592 г. – время строительства Елецкой крепости (Глазьев и др., 2001). Керамика Ельца соответствует общерусским традициям керамического производства Руси XVI–XVII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Беляев Л.А. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Болдин И.В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы хронологии и периодизации): Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2002.

Болдин И.В. Круговая керамика Козельска // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей: В 2 т. Т.1: Археология. Тула, 2002.

Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на Южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001.

Зацаринный С.В. Керамический комплекс раннего этапа заселения Тульского кремля // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей: В 2 т. Т.1: Археология. Тула, 2002.

Коваль В.Ю. Керамика средневековой Руси: Проблемы археологической типологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.

Коваль В.Ю. Статистическая обработка керамики средневековой Москвы // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1999.

Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. №1. 2001.

Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005.

Целыковский М.В. Керамический комплекс XVIII – начала XIX века из раскопок селища 4 Лавского археологического комплекса // Археологическое изучение Центральной России: Тез. Международной научн. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Табл. 1. Керамический материала по комплексам

№ постройки	Всего фр.		Венчики											Стенки					Днища				
			всего		подтип 1			подтип 2			подтип 3			всего					всего				
	шт.	%	шт.	%	Белые	Мореные	ч/л	Белые	Мореные	ч/л	Белые	Мореные	ч/л	шт.	%	Белые	Мореные	ч/л	шт.	%	Белые	Мореные	ч/л
1	34	*6,8*	**12**	*35,3*	4	-	-	2	-	-	5	1	-	**18**	*52,9*	14	4	-	**4**	*11,7*	4	-	-
2	144	*28,9*	**17**	*11,8*	3	-	-	4	-	-	10	-	-	**124**	*86*	107	7	9	**3**	*2*	3	-	-
4	200	*40,1*	**21**	*10,5*	3	-	-	5	-	-	13	-	-	**161**	*80,5*	162	-	1	**11**	*5,5*	10	-	1
5	70	*14,1*	**10**	*14,3*	2	-	-	3	-	-	5	-	-	**52**	*74,3*	51	1	-	**5**	*7,1*	5	-	-
6	50	*10*	**6**	*12*	-	-	-	-	-	-	6	-	-	**38**	*76*	38	-	-	**4**	*8*	2	-	2
	498	*100*	**66**	*100*	12	0	0	14	0	0	39	1	0	**393**	*100*	371	12	10	**27**	*100*	24	0	3

Табл. 2. Орнаментация керамического материала по комплексам

№ постройки	Орнаментированные венчики											Орнаментированные стенки					Орнаментированные днища			
	всего		подтип 1			подтип 2			подтип 3			всего					всего			
	шт.	%	Волна	Линии	В+Л	Волна	Линии	В+Л	Волна	Линии	В+Л	шт.	%	Волна	Линии	В+Л	шт.	%	Волна	Линии
1	**6**	*3,3*	1	1	-	-	1	-	-	3	-	**5**	*1,2*	-	4	1	**0**	*0*	-	-
2	**12**	*69,7*	-	1	-	-	3	-	-	7	-	**12**	*3*	-	12	-	**0**	*0*	-	-
4	**16**	*76,2*	-	3	-	-	3	-	-	10	-	**25**	*6,3*	-	25	-	**2**	*7,4*	-	2
5	**6**	*60*	-	1	-	-	1	-	1	3	-	**1**	*0,2*	-	-	1	**1**	*3.7*	-	1
6	**5**	*83,3*	-	-	-	-	-	-	-	4	1	**0**	*0*	-	-	-	**0**	*0*	-	-
	43	*72,7*	1	10	0	0	8	0	1	27	1	**44**	*11,2*	0	41	2	**3**	*11,1*	0	3

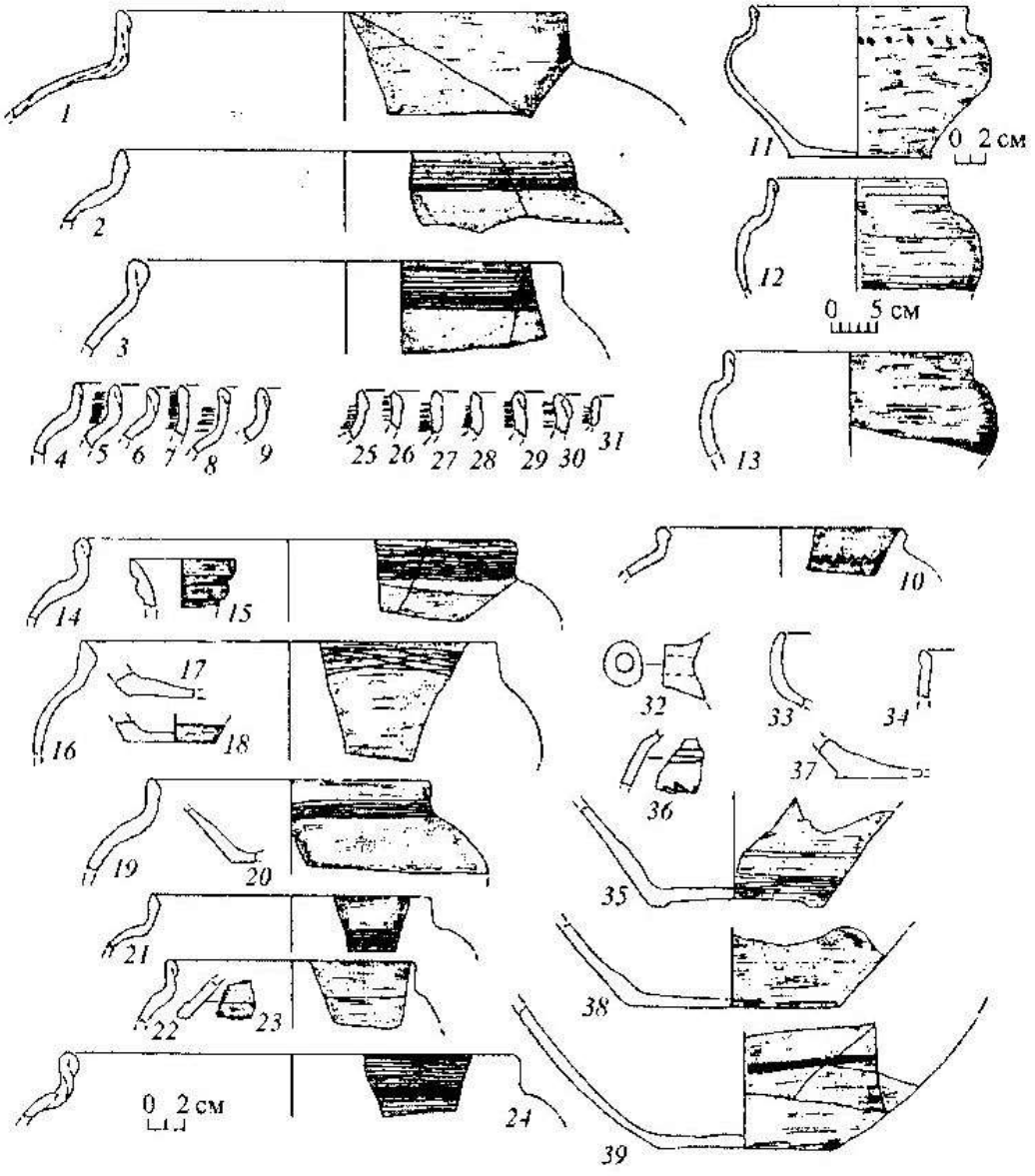


Рис. 1. Керамика из заполнения построек.
1–12, 35–38 – постройка 1; *13–35* – постройка 2.

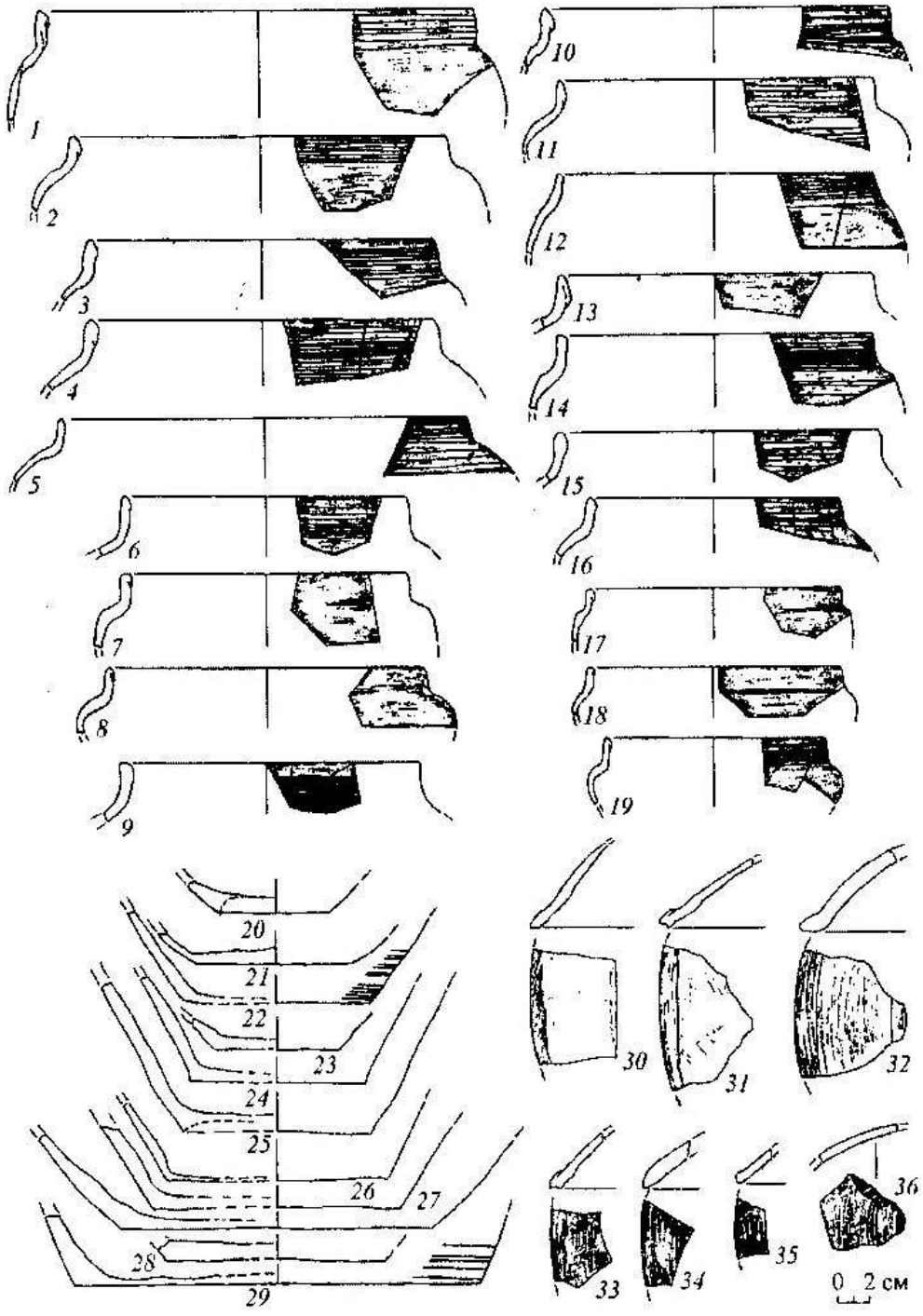


Рис. 2. Керамика из заполнения постройки 4.

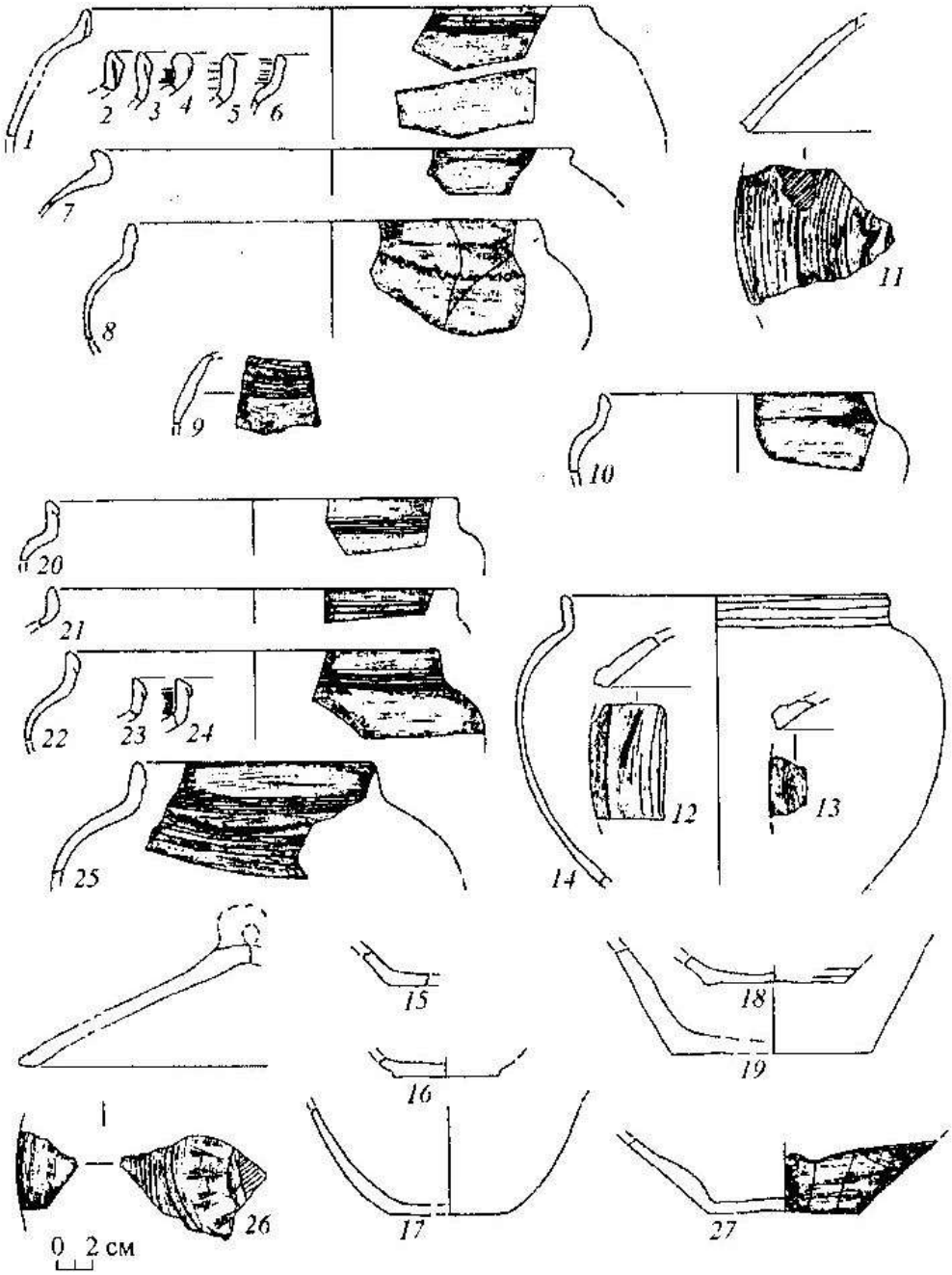


Рис. 3. Керамика из заполнения построек.
1–19 – постройка 5; *20 27* – постройка 6.

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЛАЗУРИТА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2007 г. Н.Е. Чалых

ГУК «Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области»

Изделия из полудрагоценных камней постоянно привлекали внимание исследователей. На территорию Древней Руси они попадали из Средней Азии, которая вела обширную торговлю каменными поделками, через Волжскую Болгарию по Великому Волжскому пути, или по сухопутному из Болгара в Киев. И уже отсюда они проникали в страны Западной и Северной Европы. Пик этой торговли приходится на X – начало XII вв. В основном, предметом ввоза были бусы (иногда – вставки, подвески и т.п.) из сердолика и горного хрусталя. Поделки из других полудрагоценных камней, в том числе и лазурита, встречаются в единичных экземплярах.

Лазурит – один из красивейших поделочных камней, камень «вечно синего неба». Его знали и ценили с древнейших времен. Важнейшим районом добычи этого камня была Средняя Азия. Наиболее ценится до сегодняшнего дня лазурит из Бадахшанского месторождения за ярко-синий цвет и вкрапления пирита, придающие камню эффект звездного неба (Полубояринова, 1991. С. 12). Однако изделия из него достаточно редко встречаются в археологических памятниках даже в районах его добычи. Этот камень, в отличие от сердолика и горного хрусталя, никогда не был предметом широкой торговли и вывоза. Связано это с тем, что на протяжении многих веков он использовался в качестве сырья для изготовления краски. Т.И. Макарова отмечает, что вплоть до XVIII в. лазурит относится к числу «заповедных товаров», добыча и торговля которыми находилась в руках правящего дома (Макарова, 1962. С. 127–128).

Амулеты ромбической, треугольной и овальной формы из этого камня хорошо известны в кочевнических древностях Сибири и южнорусских степей X–XI вв., в культурном слое и погребениях Саркела-Белой Вежи, также связанных с кочевниками. Они были исследованы и опубликованы Т.И. Макаровой в 1962 г. (Макарова, 1962. С. 127–134). Все подвески, найденные в могильниках, происходят из женских погребений, т.е. являются типично женскими украшениями. Автор считает их племенными амулетами одного из половецких племен – берендеев. Ромбовидные подвески она рассматривает как мужские символы, а треугольные – как женские. Придание некоторым из них антропоморфных (с точки зрения автора) черт исследователь связывает с культом онгонов.

Сходство некоторых лазуритовых подвесок с сердоликовыми жуками-скарабеями из Северной Европы, Старой Ладоги и Дагестана отметила О.И. Давидан, которая предложила рассматривать лазуритовые амулеты как сильно схематизированные изображения скарабеев. Подтверждением такой трактовки может служить и традиционный для скарабеев голубой цвет этих изделий (Давидан, 1988. С. 114–115).

За время, прошедшее после выхода работы Т.И. Макаровой, коллекция изделий из лазурита пополнилась рядом находок.

Находки лазуритовых украшений из Волжской Болгарии опубликованы М.Д. Полубояриновой. Их немного (12 экз.): 3 ромбовидных и 1 каплевидная плоская подвески, 3 вставки, 3 обломка перстня, 1 бусина и 1 необработанный кусочек камня. Происходят они преимущественно из городского культурного слоя (Болгарское и Селитренное городища) (Полубояринова, 1991. С. 40, 65, 74, 84–85).

Крупная ромбическая подвеска найдена на Неревском раскопе в Новгороде в постройке, датируемой 3-й четвертью XII в. (рис. 1, *5*) (Полубояринова, 1999. С. 98). Высота ее 40 мм, ширина – 23 мм. Прослежены следы полировки, имеет выраженную «головку», с двух сторон она украшена гравированным орнаментом.

Подвеска подтреугольной формы округлых очертаний (рис. 1, *3*) найдена в Керчи в могильнике у церкви Иоанна Предтечи, в горизонте, датируемом XII–XIII вв. (Макарова, 1982. С. 102). Она изготовлена из лазурита серо-синего цвета, следы полировки отсутствуют (пользуясь случаем, благодарю Т.И. Макарову за предоставленную информацию и рисунок). Высота – 28 мм, ширина – 22 мм.

Ромбическая лазуритовая подвеска хранится в фондах Рязанского музея-заповедника. Происходит она из Старой Рязани, найдена на Северном городище в слое XI в. (благодарю Е.В. Буланкину за предоставленную информацию).

Три предмета происходят из Мурома.

Две лазуритовые подвески найдены вместе в постройке 1-й половины XI в. Одна из них – треугольной формы (рис. 1, *1*), изготовлена из серо-синего лазурита, высота – 25 мм, максимальная ширина – 24 мм, толщина – около 5 мм. Она украшена гравированным орнаментом в виде треугольника, вершина которого опущена вниз, со сторонами из двух параллельных линий. Вторая – подтреугольной формы со слегка скругленными сторонами и выемкой внизу (рис. 1, *2*), изготовлена из серо-синего лазурита. Высота – 24 мм, ширина – 9–17 мм, толщина – около 5 мм, канал расположен перпендикулярно плоскости изделия. Она украшена в верхней части двумя гравированными параллельными полосками.

В одной из построек, также датируемой XI в., найдена бусина из серо-синего лазурита (рис. 1, *4*). Она имеет форму призмы, размеры – 5 х 7 х 9 мм.

Две подвески найдены на Гочевском поселении (Стародубцев, Зорин, 2000. С. 77). Обе они происходят из подъемного материала (пользуясь случаем, благодарю Г.Е. Стародубцева за предоставленную информацию и фото находок).

Одна из них – ромбической формы (рис. 1, *7*), изготовлена из серо-синего лазурита, верхняя часть обломана. Ее высота – 29 мм, ширина – 26 мм. В верхней части – следы гравированной линии. Вторая – подтреугольной формы, округлая, с выемкой в нижней части (рис. 1, *6*), изготовлена из ярко-синего лазурита. Высота – 21 мм, ширина – 20 мм. На отполированной поверхности прослеживаются следы гравированных линий.

Картографирование находок показывает, что все новые находки выходят за пределы основного ареала изделий из лазурита (по Т.И. Макаровой). Они происходят из зоны распространения каменных (сердоликовых и хрустальных) бус ранних форм, поступавших на территории Руси и в Северную и Западную Европу в X – начале XII вв. через Волжскую Болгарию по Великому Волжскому пути и сухопутному пути из Болгара в Киев (рис. 2). Все находки украшений из лазурита происходят из крупных городских центров на этих торговых путях. Более поздняя дата Новгородской и Керченской находок является еще одним свидетельством длительного использования изделий из цветных камней, которые передавались из поколения в поколение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давидан О.И. Скарабей из Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 29. Л., 1988.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Полубояринова М.Д. Некоторые предметы из янтаря и полудрагоценных камней из Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Славянский город на р. Псёл // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

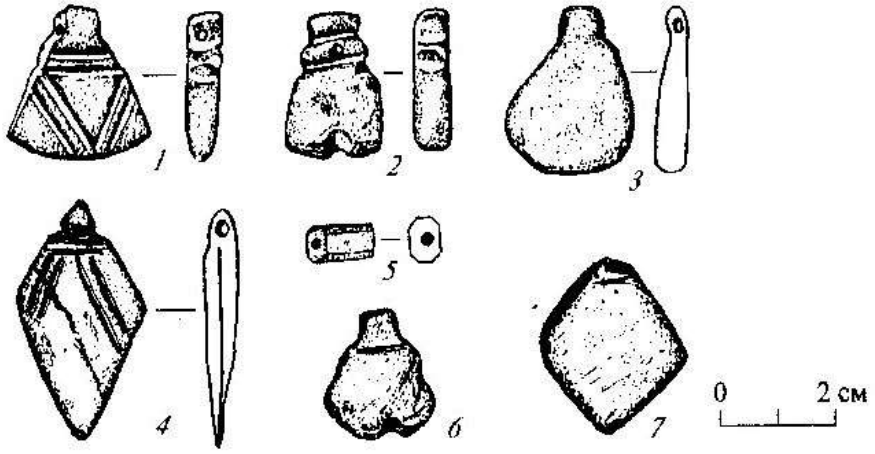


Рис. 1. Подвески и бусины из лазурита.
1, 2, 5, – Муром; *3* – Керчь; *4* – Новгород; *6, 7* – Гочево.

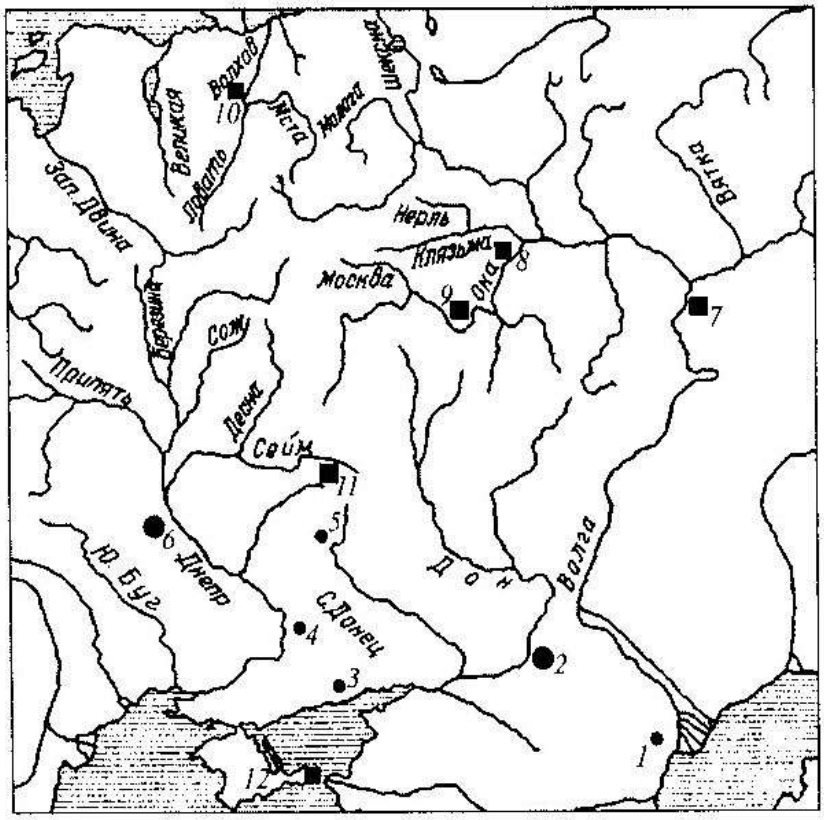


Рис. 2. Распространение находок из лазурита.
● – по Т. И. Макаровой; ■ – новые находки.
1 – кочевнические погребения Прикаспия; *2* – Саркел-Белая Вежа; *3* – кочевнические курганы Приазовья; *4* – кочевнические курганы Днепропетровской области; *5* – кочевнические курганы Харьковской области; *6* – кочевнические курганы Киевской области; *7* – Волжская Болгария; *8* – Муром; *9* – Старая Рязань; *10* – Новгород Великий; *11* – Гочевское поселение; *12* – Керчь.

РОМЕНСКОЕ СЕЛИЩЕ БОЛЬШАЯ ДОЛЖЕНКОВА 2 (К СВОДУ ПАМЯТНИКОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2007 г. А.А. Чубур
Брянский государственный университет

В настоящее время, по данным В.В. Енукова, в Курском Посемье известно 258 неукрепленных поселений роменской культуры (Енуков, 2005. С. 85). Число их, как справедливо заметил исследователь, возрастает по мере проведения разведок. Одно из селищ, не вошедших в свод В.В. Енукова, открыто нашими разведками 1996 г. на правобережье Сейма, возле д. Большая Долженкова Октябрьского района Курской области (Чубур, 1997. С. 189).

К западу от южной окраины деревни располагается крупный останец первой надпойменной террасы р. Рогозна, соединенный с основным массивом узким перешейком. В центре останца нашими разведками выявлены несколько расщепленных кремней (включая сечение пластинки со следами утилизации) и осколки кварцита и кальцинированных костей – следы полностью развеянной мезолитической стоянки (местонахождение Большая Долженкова 1). С севера и с юга останец ограничен заболоченными понижениями (вероятно, на месте стариц Рогозны). С запада он усиленно размывается рекой, русло которой делает здесь резкий поворот. Все это создает естественные рубежи, существенно ограничивая доступ на территорию неукрепленного поселения, культурный слой которого лежит в основном в западной части останца.

Селище занимает подтреугольную в плане площадку размером чуть менее гектара. Оно вытянуто с запада на восток на 180 м, наибольшая ширина (в западной части) достигает 80 м, где на участке уступа первой надпойменной террасы Рогозны около 800 кв. м периферии культурного слоя разрушено местными песчаными карьерами. Таким образом, селище занимает промежуточное положение между наиболее многочисленным типом 3 (селища на 1 и 2 надпойменных террасах) и находящимся на третьем месте по численности типом 1 (на останцах и дюнах в пойме). При этом оно попадает в число 72% памятников (Енуков В.В., 2005. С. 89), лежащих гипсометрически в 3–6 м над зеркалом близлежащего водоема. По размеру селище можно отнести к типичным роменским, представлявшим собою хутора из 1–2 дворов и занимавших до 0,8 га.

В восточной части селища Рогозна интенсивно размывает берег. Его разрез дал следующую колонку отложений:

1.) дерновый слой – мощность 0,15 м;

2.) горизонт А-1 – современной серой лесной почвы мощностью 0,25 м;

3.) культурный слой рубежа I–II тысячелетия н. э. – горизонт погребенной почвы, сформировавшейся на супесчаной материнской породе, мощность –0,18–0,25 м;

4.) переслаивающиеся аллювиальные пески и супеси с ожелезненными ортзандами и примазками замарганцованности (пойменная фация аллювия 1 террасы Рогозны), на глубине около 1,7 м прослеживается горизонт мерзлотных деформаций (вероятно, связан с одним из дриасских похолоданий), мощность –2,3 м;

5.) сизые вязкие глины с ожелезнением и растительными включениями (старичная фация аллювия первой террасы Рогозны), видимая мощность – 0,3 м.

Зачистка показала, что река уничтожила часть углубленного в материк сооружения. Именно здесь и был заложен разведочно-спасательный раскоп, вскрывший остатки части полуземлянки, пол которой заглублен в материк примерно на 0,45 м. По всей вероятности, котлован постройки, от которого сохранилась южная часть длиной 4 метра, имел подпрямоугольную форму. В юго-западном и юго-восточном углах прослежены ступени, углубленные в материк на 25 см. По внешнему периметру котлована шел ряд столбовых ямок, углубленных в материк на 0,25–0,3 м и предназначенных для каркасно-столбовых стен. В юго-восточном углу основного котлована находилась круглая, с вертикальными стенками хозяйственная яма диаметром 1,5 м и глубиной от пола полуземлянки 0,4 м. К западу от ямы, на полу полуземлянки, прослежен слабый прокал. Заполнение котлована постройки – сильно гумусированное, с редкими фрагментами печины и костей мелкого рогатого скота и лошади. Под пятном прокала и в заполнении хозяйственной ямы 1 встречены мелкие древесные угольки. Из постройки 1 происходит керамика: 52 фрагмента от 7 сосудов и глиняной сковородки. Заполнение ямы также сильно гумусированное, но при высыхании оно приобретало золистый оттенок. Кроме угольков, в нем встречены фрагменты костей тех же животных. В заполнении ямы 1 обнаружены фрагмент сковородки, 2 венчика и 3 фрагмента тулова (все орнаментированы), а также ручка амфоры. Прилегающий к постройке культурный слой дал лишь 16 фрагментов лепной керамики (в том числе венчики 4 сосудов, фрагмент донца и части стенок с характерным гусеничным орнаментом и орнаментом «волна»). Кроме того, из слоя происходит один фрагмент тулова с накольчатым орнаментом, обычным для памятников круга бондарихинской культуры, что свидетельствует о наличии на месте селища следов кратковременного поселения позднего бронзового века.

Перейдем к описанию керамического комплекса селища согласно классификации, разработанной О.В. Сухобоковым (1975). Всего на поселении пока встречены остатки 18 сосудов. Первая группа – горшки. Из них 4 относятся к типу I подгруппы 1 (горшки с выпуклым корпусом, невысоким отогнутым венчиком и диаметром горла меньше высоты сосуда). Часть из них орнаментирована. Четыре сосуда определены нами как сосуды типа II подгруппы 1 (с широкой горловиной, слабо выраженным венчиком и плечиками и коническим корпусом). У некоторых имеется орнамент по срезу венчика. Один сосуд, отнесенный к типу III, сходен со вторым, но более приземистый. Его ширина приблизительно равна высоте. По плечикам тянется линия орнамента в виде овальных вдавлений. Наконец, четыре сосуда относятся к типу

IV подгруппы 1 с цилиндрическим венчиком. Большое количество горшков с вертикальными цилиндрическими и подцилиндрическими венчиками характерно для волынцевского этапа, что свидетельствует о раннем возрасте памятника. Ко второй подгруппе относятся две миски. От одной сохранился венчик, а от другой – часть донца. В третью подгруппу входят две сковородки с невысокими бортиками (для позднероменских памятников характерны высота 4–6 см, однако здесь же она менее 2 см, что вновь свидетельствует о раннем возрасте памятника). Следует отметить некоторые стандарты в размерах сосудов. Характерные диаметры горловин венчиков 23–25 см, 16–18 см, 12–14 см, донец – 8–12 и 18 см. Диаметр донца миски составлял 14 см.

Вторая группа керамики – импорт. К ней относятся ручка и фрагмент «гофрированной» стенки небольшой средневековой амфоры салтово-маяцкого круга. Оба фрагмента происходят из хозяйственной ямы в полу постройки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край: Научн.–популярн. серия: В 20 т. Т. 3. Курск, 2005.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Чубур А.А. Работы Курского палеолитического отряда // АО–1996. М., 1997.

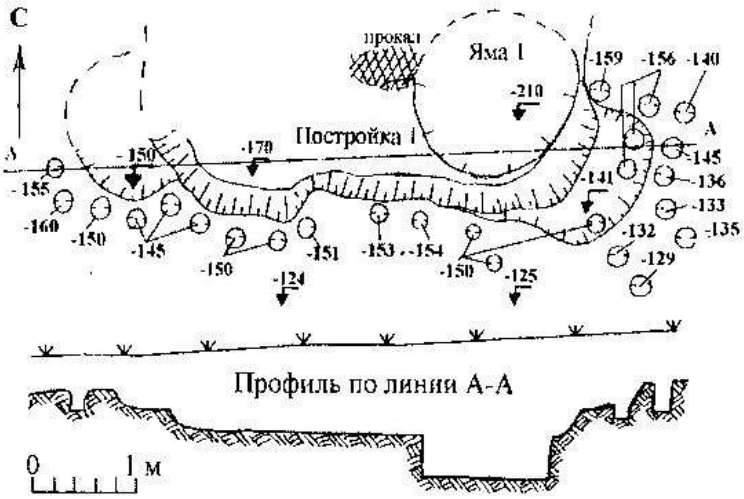


Рис. 1. Большая Долженкова 2.
План и профиль постройки 1.
Ситуационный план поселения.

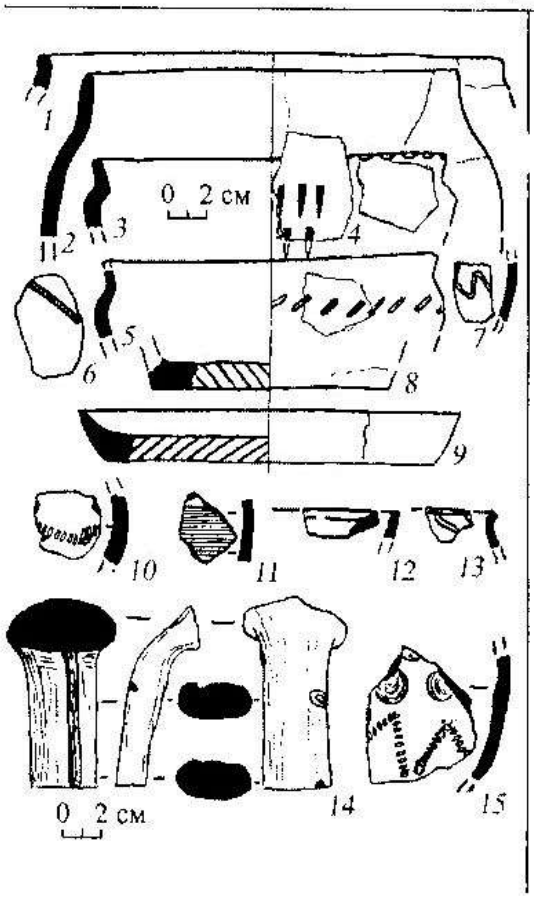


Рис. 2. Большая Долженкова 3.
Керамический материал.
1–8 – культурный слой; *9–15* – яма 1.

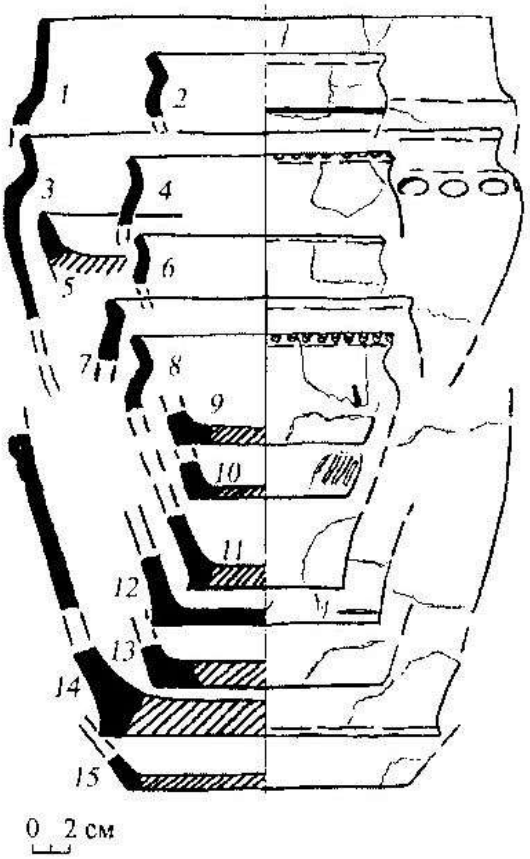


Рис. 3. Большая Долженкова 2.
Керамический материал.
1–15 – постройка 1.

ЛУЧЕВЫЕ И ЛОПАСТНЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА КУРСКОГО КРАЯ (IX – НАЧАЛО XIII в.)

© 2007 г. А.Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии

Одним из оригинальных видов женских украшений, обнаруженных на средневековых памятниках Курского края, являются лучевые и лопастные височные кольца. Их коллекция достаточно представительна и насчитывает 66 экземпляров из 13 пунктов западной части Курской области (рис. 4, *1*). Все кольца можно разбить на четыре хронологические группы: I – IX – 1-я половина X вв.; II – последняя четверть X в.; III – конец X – XI вв.; IV – 2-я половина XII – начало XIII вв. В количественном отношении наиболее представительна группа III (47 экз.), за ней следуют II (9 экз.), I (8 экз.) и IV (2 экз.)*.

Одно из самых ранних курских лучевых колец было обнаружено на Ишутинском городище (Рыльский р-н) (рис. 1, *1*). В месте соединения дужки со щитком находятся круглые расширения с углублениями в центре. Снизу и сверху к дужке крепятся по семь остроконечных лучей, при этом центральные лучи более крупные по размерам, чем боковые. Лучи покрыты ложной зернью, которая по краям, за счёт более высокого рельефа, образует своеобразные бордюры. На гладкой оборотной стороне четко читается объемное обозначение дужки, идущее от одного края щитка к другому

Фрагмент идентичного билонового украшения обнаружен и на городище Красный Курган (Хомутовский р-н) (рис. 1, *3*). Сохранилось четыре луча и круглое расширение у правого основания дужки. На оборотной стороне кольца – рельефное изображение дужки. Изделие слегка деформировано.

Третье аналогичное кольцо (рис. 1, *2*) в 1982 г. было обнаружено А.А. Узяновым во время раскопок на городище Переверзево II (Золотухинский р-н) (Орлов, 1994. С. 50). Проведённый Р.С. Орловым металлографический анализ изделия показал, что основу его сплава составляет серебро (Ag – 78%) с добавлением лигатуры (Cu – 16%, Zn – 4%, Ps – 1,4%) (Орлов 1994. С. 51). Кольцо (по Р.С. Орлову полевой номер № 757) экспонируется в одной из витрин ГИМ. Согласно «Отчёту» А.А. Узянова, индивидуальная находка №757 была обнаружена на участке 10, в кв. Л13, во вскрытой части хозяйственной ямы № 278, входившей в единый, связанный между собой «усадебный» комплекс сооружения X, заброшенного ещё до прекращения жизни на городище и затем использовавшегося как свалка кухонных отходов (Узянов, 1982. Л. 11–13, 25). Функционирование сооружения X в качестве жилища в составе «дворово-усадебного» комплекса связано с выделенным А.А. Узяновым нижним роменским слоем городища Переверзево II, сформировавшимся в конце IX – 1-й половине X вв. (Узянов, 1984. С. 93).

Наиболее близкая аналогия кольцам из Переверзево II, Красного Кургана и Ишутино обнаружена И.И. Ляпушкиным в жилище № 45 Новотроицкого городища (Сумская обл., Украина) (Ляпушкин, 1958. С. 129. Рис. 85, *5*. Табл. XCII, *17*). На оборотной части новотроицкого украшения имеется такая же рельефная имитация дужки, как и на курских кольцах.

Новотроицкое городище было разгромлено в 830-х гг.**, что даёт нижнюю дату бытования данного типа височных колец. Верхний рубеж может быть определён периодом бытования усадебно-хозяйственного комплекса с сооружением X городища Переверзево II в конце IX – 1-й половине X вв.

У трёх курских лучевых колец верхнюю часть щитка украшают зооморфные сюжеты. Небольшой фрагмент кольца, представляющий обломок повернутой вправо птичьей фигурки, опирающейся лапами на полукруглое основание (рис. 1, *4*), происходит с Мухинского городища (Хомутовский р-н). Изготовленное из билона изображение сделано в реалистичной манере, имеет чётко различимое крыло и прямой хвост с прочерченными перьями, голова отсутствует. Фигурка местами покрыта пятнами зелёной патины. Оборотная сторона гладкая. Щиток и лучи кольца аккуратно обрублены.

Височное кольцо с аналогичным оформлением щитка было обнаружено Б.А. Звиздецким на поселении у городища Искоростень (Житомирская обл., Украина) при разборке жилища № 7 (рис. 1, *5*). Кольцо серебряное, пятилучевое, изготовлено в технике литья по восковой модели с последующей проработкой деталей глубокой гравировкой. Лучи имеют каплевидное завершение, их края и середина щитка оформлены имитирующим зернь невысоким рубчатым бордюром. Верхняя часть щитка украшена фигурой идущего вправо сокола или орла, двумя лапами опирающегося на основание щитка. Прямой хвост птицы распущен, голова с загнутым клювом повернута назад, глаз широко открыт. Время существования жилища датировано 2-й половиной IX – рубежом IX – X вв. (Звіздецький и др., 2004. С. 78. Рис. 16, *2*; 20, *1*).

Изображение птицы на кольце из Искоростеня полностью совпадает с сохранившимся фрагментом фигурки из Мухино. Вероятно, это свидетельствует об идентичности обоих украшений и позволяет реконструировать облик курской находки.

Пятилучевое кольцо, фрагмент которого был найден в Рыльском районе, выполнено в технике глубокого литого рельефа (рис. 1, *9*). Полностью сохранилось три луча с каплевидными завершениями. Рельефные бордюры, идущие вдоль края лучей, образуют внутренние треугольники, заполненные ложной зернью. Основание лучей соприкасается с двумя параллельными полосками, на которые опирается стилизованное изображение птицы. Фигура повернута влево, что отличает её от колец из Мухино и Искоро-

*Автор приносит благодарность Г.Ю. Стародубцеву, О.А. Щегловой, А.В. Сотникову, С.А. Остроухову, И.П. Бобину, К.В. Короткову и Ю.В. Степановой за помощь в работе над статьей.

** Подробное обоснование даты гибели Новотроицкого городища см: Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью: Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции (в печати).

стеня. Голова птицы соприкасается с расширением у основания дужки. Изогнутый клюв делает возможным отнесение изображения к хищным видам птиц, таким как сокол или орёл. Оборотная сторона украшения гладкая, кольцо покрыто плотным слоем черной патины, на центральном луче и, предположительно, хвосте – каверны от литьевого брака.

Последнее кольцо с зооморфным навершием щитка происходит с Ишутинского городища (Рыльский р-н) (рис. 1, *7*). Два его крайних луча выполнены в виде пирамидок из трёх шариков, остальные пять имеют форму вытянутых треугольников с гроздевидными завершениями на концах. Лучи и поле билонового кольца украшены бордюрами из ложной зерни, а верхняя часть щитка оформлена в виде стилизованного изображения идущей направо птицы. В отличие от колец из Искоростеня, Рыльского р-на и, вероятно, Мухино, ишутинский экземпляр имеет на концах своих лучей гроздевидные окончания из шариков, что сближает его с пятилучевыми кольцами Зарайского клада (Рязанская обл.) и городища Титчиха (Воронежская обл.). Однако наибольшие аналогии прослеживаются с ажурными кольцами типа II (по С. А. Изюмовой) Супрутского городища (Тульская обл.) (Изюмова, 1978. С. 102–103. Рис. 1, *5, 6*), в оформлении которых присутствуют те же элементы, что и на кольце из Ишутино: крайние лучи в виде пирамидок из трех шариков, орнаментация кольца бордюрами ложной зерни, гроздевидное завершение центральных лучей и изображение птиц в верхней части щитка.

Надежная датировка экземпляров из Искоростеня и Супрут 2-й половиной IX в. – рубежом IX – X вв. позволяют отнести изготовление мухинского, рыльского и ишутинского колец к этому же времени.

Ближайшие аналогии сюжетам на кольцах из Супрут, Мухино, Ишутино, Рыльского района и Искоростеня обнаруживаются в украшениях, происходящих с территории Византийской империи. Так, фигурам из Искоростеня и Мухино практически полностью соответствует найденное в Херсоне изображение птицы (рис. 1, *6*), вырезанное на трапециевидной костяной пластинке (Путь из варяг в греки..., 1996. С. 90). Сильно стилизованное изображение птицы присутствует и в верхней части штампованной византийской серьги из Македонии (Рябцева, 2005. С. 179. Рис. 97, *3*). Сюжет с двумя птицами из Супрут находит также аналоги в византийском искусстве. Ему соответствуют изображения птиц по сторонам чаши или грозди на византийских золотых серьгах X–XI вв. и золотой дугообразной пластинке из Херсона (Путь из варяг в греки..., 1996. С. 84, 89).

Высокое качество изготовления и детальная проработка сюжета украшений из Искоростеня, Рыльского р-на и Мухино позволяет осторожно предположить, что данные кольца были изготовлены византийскими ювелирами. Однако прямых аналогий данному типу височных украшений с территории Византии автору не известно, что позволяет рассматривать высказанное предположение лишь в качестве рабочей гипотезы.

С Мухинского городища происходит ещё один небольшой фрагмент семилучевого височного кольца (рис. 1, *8*). Три боковых луча, каждый из которых снабжён каплевидным завершением, своими основаниями соприкасаются с рельефным продолжением дужки. С противоположной стороны к ней крепятся три остроконечных зубчика. Один из них немного крупнее тех двух, что находятся у основания дужки. Зубчики и лучи орнаментированы неглубокими вдавлениями. В месте соединения со щитком дужка имеет вид плоского овала. Фрагмент слегка деформирован, его покрывает слой прочной патины светло-коричневого цвета, оборотная сторона изделия гладкая.

Прослеживается практически полная аналогия между мухинской находкой и кольцом, обнаруженным П.М. Еременко в кургане № 25 у с. Влазовичи (Сурожский у., Черниговской губ.) (рис. 2, *8*). Однако курское украшение является более ранним, т.к. на нём присутствуют чётко выраженное объёмное продолжение дужки на щитке к которому крепятся лучи, а также овальные расширения в месте соединения дужки и щитка. В экземпляре же из Влазовичей расширения у основания дужки отсутствуют, её продолжение на щитке обозначено рядом наклонных прямых насечек, а сам щиток уже играет роль самостоятельного элемента (Недошивина, 1980. Рис. 2; Богомольников, 2004. Рис. 6, *6*). К тому же вместе с кольцом в погребении присутствовали семилучевые височные кольца с гладким щитком, характерные для радимических древностей конца X – XI вв.

Ещё один фрагмент семилучевого ложнозернёного кольца с Ишутинского городища (рис. 2, *4*) свернут пополам, поэтому чётко различимы только перехват у основания дужки, каплевидные завершения на концах лучей и зубцов, мелкий ложнозернёный орнамент на лучах. Фестоны, поясок и бордюры вдоль краев лучей на доступных осмотру поверхностях внутренней части не обнаружены. Совокупность элементов может свидетельствовать о переходном типе данного экземпляра, занимающего промежуточное положение между ранними типами ложнозернёных колец из Новотроицкого, Переверзево II, Красного Кургана, Ишутина и группой курских позднероменских семилучевых колец. В эту группу входят целый экземпляр, щиток без дужки и небольшой фрагмент лучевого кольца с Горнальского археологического комплекса (Суджанский р-н) (Куза, 1981. С.13, Рис. 5, *4, 5*; сообщение С.А. Остроухова[***]), фрагмент кольца из клада у д. 2-я Воробьевка (Золотухинский р-н) (Ширинский, 1969. Л. 4, 5; Шинаков, 1980б. Табл. CXLI) и пять колец из Жидеевского клада (Железногорский р-н).

Височные кольца из Воробьевки (рис. 2, *1*) и Горналя (рис. 1, *10*; 2, *2*) практически идентичны и имеют общие признаки – ложнозерненый орнамент, каплеобразные завершения лучей, фестоны под двумя рельефными продолжениями дужки на щитке, утолщения или их следы у основания дужки, пирамидальные зубчики с каплеобразными навершиями на верхнем поле кольца. Все известные автору ложнозернёные семилучевые кольца «горнальского» типа пока найдены на территории Курской области. Вероятно, продолжающиеся исследования позднероменских памятников Днепровского Левобережья принесут новые находки колец типа «Горналь», позволяющие более чётко очертить ареал их распространения. По классификации Е.А. Шинакова данные украшения

[***] Фрагмент кольца был обнаружен учащимися местного интерната при разбивке огорода, расположенного примерно в 60 м севернее от вала Большого городища, у западного края залесенного склона.

относятся к варианту 26 типа К группы IV (Шинаков, 1980. С.121), датированному Е.А. Шинаковым концом X – началом XI вв. (Шинаков, 1980. Рис.2).

Пять семилучевых височных колец из Жидеевского денежно-вещевого клада (Железногорский р-н) (рис. 2, *6*) отличаются от колец из Воробьевки и Горналя. В их орнаментации отсутствует ложная зернь, а верхние зубчики выполнены в форме прямоугольников. Поле щитка украшено двумя гравированными продолжениями дужки с фестонами под ними, а лучи и нижняя часть зубчиков – изображениями треугольников. Следы утолщений на дужках отсутствуют. Кольца из Жидеевки относятся к типу Н (вариант 29) группы V, время бытования которой определяется Е.А. Шинаковым концом X – началом XI вв. (Шинаков, 1980. С. 122). Анализ нумизматического и предметного компонентов Жидеевского клада позволил отнести дату его укрытия к 80-м гг. X в.[****]

Лучевые кольца группы II связаны с комплексами и объектами позднего этапа роменской культуры, а по условиям залегания и обстоятельствам нахождения можно предположить, что эти украшения были утеряны или укрыты примерно в один и тот же период – во время окончательного включения курских северян в состав Древнерусского государства (середина 980-х – 990-е гг.).

Следующая группа курских колец включает в себя 47 экземпляров из 5 пунктов Курской области – Люшинское поселение (1 экз.), Студенковский курганный могильник (4 экз.), Гочевский археологический комплекс (40 экз.), Горнальское поселение (1 экз.), Ратское поселение (1 экз.). Украшения этой группы попали на территорию Курского края вместе с переселенцами, перемещёнными сюда из различных районов Руси в рамках мероприятий, проводимых правителями Руси в конце X – 1-й половине XI вв. для укрепления южной границы и освоения новоприсоединённых территорий.

Первый экземпляр группы III был обнаружен С.А. Остроуховым около Люшинского городища (Льговский р-н), на распахиваемом поселении, занимающем высокий правый берег р. Сейм. Это – типичное радимичское бронзовое неорнаментированное височное кольцо, все лучи которого имеют шаровидное окончание, а верхнее поле щитка украшено семью зубчиками (рис. 2, *7*). Кольцо покрывает плотный слой черного нагара, свидетельствующий о том, что оно побывало в огне.

Вероятно, к племенным украшениям радимичей принадлежали и четыре кольца, найденные М. Сперанским в августе 1894 г. во время раскопок курганного могильника, располагавшегося в полуверсте от д. Студенки (Рыльский у., совр. Хомутовский р-н) и на таком же расстоянии от р. Нестуни, впадающей в р. Свапу. Большая часть насыпей, число которых, по словам исследователя, заходило «далеко за сотню», находилась на земле помещика В.В. Филимонова, оставшаяся часть размещалась на земле церкви соседнего с. Голубовки, вследствие чего группу у д. Студенки в литературе часто называют голубовскими курганами.

Во время раскопок кургана № 2 был обнаружен лежащий с вытянутыми руками на спине, головой на запад женский скелет. «При черепе в ушах найдены бронзовые семилепестные с зубчиками по верхнему краю серьги, на правом ухе 3 серьги, надетые на неспаянное колечко с острым концом, на левом – одна; на шее гривна – шейное кольцо из трехгранного прута, округленного сзади; концы прута заходят один за другой и оканчиваются шишечками в виде розеток, припаянных к кругу свинцом. Ниже на шее ожерелье из мелких стеклянных желтых бус; на середине ожерелья – медальон из белого сплава с тератологическим орнаментом и лунница – подвеска посеребренная, с орнаментом по краям в виде зубчиков. На правой руке, на плечевой кости, находился браслет бронзовый из толстой проволоки (найден отдельно в стороне) и на самой руке бронзовое же неспаянное плоское кольцо с рельефным орнаментом в виде елочки» (Сперанский, 1894. С. 266). Аналоги своим находкам М. Сперанский нашел в материалах, исследованных В.И. Сизовым на р. Сож курганов у с. Туровичей (Могилевская губ.), в которых присутствовали и «шейная гривна, совершенно сходная с нашей (только немного грубее), те же медные серьги (на наших сохранился орнамент, которого нет в кургане с. Туровичи), те же бусы и, наконец, такое же совершенно кольцо» (Сперанский, 1894. С. 267).

Присутствие упомянутого орнамента отличает височные кольца из Студенок от классических височных колец радимичей, характеризующихся гладкой неорнаментированной поверхностью. Однако известны случаи, когда в составе типично радимичских погребальных комплексов присутствовали височные кольца с орнаментированными щитками. Так, в уже упоминавшемся выше кургане № 25 у с. Влазовичи (Сурожский у., Черниговской губ., раскопки П.М. Еременко), орнаментированное кольцо соседствовало с обычными неорнаментированными радимическими височными кольцами (Недошивина, 1980. С. 108. Рис. 2; Богомольников, 2004. С. 57. Рис. 6, *6*) (рис. 2, *8*); в славянском погребении №507 мордовского Крюково-Кужновского могильника (Тамбовская обл., раскопки П.П. Иванова) два бронзовых орнаментированных семилучевых височных кольца (рис. 2, *9*) сопровождались ожерельем из желтых стеклянных бус и типичными для радимичей бронзовыми язычковыми подвесками (Иванов, 1952. С. 160. Табл. VII, *2, 6, 8*); в кургане №7 2-го Пекуновского могильника (Кимрский р-н Тверской обл., раскопки К.И. Комарова 1971 г.) трём орнаментированным кольцам (рис. 2, *11*) сопутствовала треугольная в сечении бронзовая гривна с розетками на заходящих концах (Комаров, 1972. С. 57); орнаментированное лучевое кольцо (рис. 2, *10*) так же было найдено в радимичском кургане, раскопанном П.М. Еременко в Сурожском или Новозыбковском уездах Черниговской губ. (Недошивина, 1980. С. 108. Рис. 3). Украшения с орнаментом, идентичном черниговскому кольцу, были также обнаружены в погребении 1 кургана №76 у с. Шейки (Истринский р-н Московской обл.) (Равдина, 1988. С. 129. Табл. XIV, *10*), на Войнюковском I (левобережном) селище (Рыбновский р-н Рязанской обл., раскопки В.П. Челяпова и В.В. Судакова 1998 г.) в Среднем Поочье (Судаков, Буланкин, 2005. С. 271. Рис. 7, *21*) и в новгородском городском слое XII в. (Седова, 1959. С. 224. Рис. 1, *5*).

Однако верхнее оформление поля щитка всех перечисленных височных колец различно. Если верхний край

[****] Подробнее о составе и интерпретации Жидеевского клада см.: Шпилев А.Г. «Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X-XI в.)» (в печати).

украшения из Влазовичей и, вероятно, Студенка имеет традиционные для радимических лучевых колец зубчики, то семилучевые кольца из Крюково-Кужновского могильника снабжены пятью зубцами, увенчанными каплевидными завершениями, более характерными для поздних южносеверянских ложнозерненых височных колец типа «Горналь». Экземпляры же из Новгорода, Пекуново, Войнюков, Черниговской губернии и Шеек имеют верхние зубцы в виде прямоугольных «городков», типичных для лучевых колец типа «Кветунь» и лопастных колец вятичей.

Можно предположить, что различия в оформлении верхних зубцов и эволюция орнамента на щитке носят хронологический характер. Вероятно, наиболее ранними (конец X – 1-я половина XI вв.) являются кольца из Студенка, Влазовичей и Крюково-Кужново. За ними следуют украшения из Черниговской губернии и Шеек, последнему из которых сопутствовало височное кольцо типа «сельцо» и денарий 1059–1086 гг. (Равдина, 1988. С. 129), а завершают эволюционный ряд кольца из Войнюков и Новгорода (XII в.). Несколько особняком стоят украшения из 2-го Пекуновского могильника, наиболее близкие деснинским кольцам типа «Кветунь».

К сожалению, количество погребальных комплексов с орнаментированными семилучевыми кольцами, обнаруженных непосредственно на территории Радимичской земли, слишком незначительно для того, чтобы делать какие-то серьезные обобщения. В качестве же рабочей гипотезы можно предположить, что в конце X – XI вв. в комплекс украшений части радимичей входили височные кольца с орнаментированным щитком, возможно бытовавшие в зоне радимичско-северянского пограничья и появившиеся у обитавших там радимичей благодаря влиянию соседей-северян. Свидетельством северянского происхождения данного типа колец может служить и фрагмент кольца с Мухинского городища (рис. 1, *8*), вероятно послуживший прототипом украшений, подобных радимическому кольцу из Влазовичей.

Ещё шесть курских «семилопастных (радимического типа) височных колец плохого серебра с узором» были обнаружены В.Н. Глазовым в 1913 г. во время раскопок кургана № 39 в Гочево. В состав погребального инвентаря входили также орнаментированная «волчьим зубом» серебряная гривна «с несколько расширяющимися концами и с выпуклыми розетками на них» и круглая прорезная фибула (Глазов, 1913. Л. 19). Однако орнамент и точная форма зубчиков на верхнем поле щитка у этих колец автору не известны, что делает невозможным их точное типологическое определение. Билоновое пластинчатое очелье, найденное в этом же погребение, не имеет в данном случае этноопределяющей роли, т.к. выступает показателем высокого статуса погребенной в кургане женщины.

Наибольшее число курских лучевых височных колец группы III (40 экз.) найдено на Гочевском археологическом комплексе (Беловский р-н). Почти все они (39 экз.) входили в состав погребального инвентаря 12 захоронений конца X – 1-й половины XI вв. В 7 погребениях (Д.Я. Самоквасов, 1909 г. к. №LIII, LIV, LV, LVI, CCLX; П.С. Рыков, 1912 г., к. № 31, 59) было найдено 17 (от 1 до 5) височных колец типа «Кветунь» (рис. 3, *1–6*). В кургане № 41 (В.Н. Глазов, 1913 г.) у висков погребённой расчищено 6 радимичских гладких неорнаментированных колец (Шинаков, 1980*б*. Табл. LXVIII, *28*). Оставшиеся четыре захоронения (В.Н. Глазов, 1913 г., к. №24, 39; В.Н. Глазов, 1915 г., к. №39, 70) содержали 16 семилучевых колец, тип которых определить затруднительно, т.к. описания достаточно условны («у виска три семилопастные плохого серебра височные кольца»), а авторские прорисовки отсутствуют. Часть хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа височных колец типа «Кветунь» (рис. 3, *5–6*) не поддается точной локализации по комплексам (Шинаков, 1980*б*. Табл. LXVIII, *27*). Проведённый автором анализ гочевских погребальных комплексов с головными очельями и венчиками показал, что семилучевые височные кольца с гравированным орнаментом не входили в комплекс украшений местного северянского костюма и были связаны с представительницами радимичей и деснинских северян, переселенных сюда в конце X – 1-й трети XI вв. (Шпилев, 2005. С. 202–203).

Фрагмент ещё одного курского семилучевого височного кольца с гравированным щитком (КМА 145/17/5) был обнаружен на поселении у Большого Горнальского городища (Суджанский р-н) (рис. 2, *5*). Украшение сделано из билона и имеет форму, характерную для найденных в пределах Северской земли лучевых височных колец. Оформление верхней части поля щитка зубчиками с шарообразными завершениями позволяет датировать украшение рубежом X–XI вв. Данный экземпляр пока является единственным не украшенным ложной зернью лучевым височным кольцом с Горнальского археологического комплекса и является не характерным для данного комплекса.

Исследования горнальских курганов с трупоположениями конца X – XI вв. показали, что господствующим типом местных головных украшений были пришедшие на смену ложнозерненым лучевым кольцам височные кольца из свитой в спираль серебряной проволоки. Интересно отметить, что ни в одном из исследованных на сегодня горнальских погребений не было обнаружено семилучевых височных колец. Это делает вполне уместным предположение об определенном консерватизме горнальского набора украшений, имеющего более выраженные постсеверянские черты и тем самым отличавшегося от гочевских комплексов с их яркой полиэтничной пестротой.

Ещё одна волна переселенцев попадает на курские земли во 2-й половине 30-х – 50-е гг. XI в., когда после смерти Мстислава Владимировича (1036 г.) Днепровское Левобережье вновь возвращается под власть Ярослава Мудрого. Этот процесс фиксируется как письменными источниками («Житие Феодосия Печерского»), так и рядом погребальных комплексов Гочевского и Горнальского курганных могильников. Одним из маркеров, отмечающих присутствие новых переселенцев на курских землях, являются височные кольца с трехчастным окончанием лучей. Небольшой обломок такого серебряного височного кольца (КМА 94/19/170; рис. 3, *8*) в 1998 г. был поднят на распаханной части поселения, входящего в Гочевский археологический комплекс (Беловский р-н) (Стародубцев, 2000*б*. С. 150). Ещё один фрагмент серебряного височного кольца с трехчастным окончанием лу-

чей найден на поселении 1 Ратского археологического комплекса (Курский р-н) (рис. 3, *7*).

Среди учёных до сих пор отсутствует единый взгляд на этническую идентификацию этих украшений, хотя большинство современных исследователей (Н.Г. Недошивина, Г.Ф. Соловьева, Е.А. Шинаков, В.В. Богомольников, М.И. Гоняный) склоняются к их радимичской принадлежности. По мнению Н.Г. Недошивиной, височные кольца с расчлененными окончаниями были характерным украшением радимичских общин, обитавших около западных рубежей Вятичской земли, откуда в середине XI в. радимичи продвинулись по р. Жиздра в верховья Оки и на р.Угра, принеся с собой кольца типа «сельцо», положившие начало классическим образцам вятичских височных колец (Недошивина, 1980. С. 109–110).

Время бытования височных колец типа «сельцо» ограничивается исследователями достаточно узкими хронологическими рамками – 2-й половиной XI в. (Недошивина, 1980. С. 109–110), 2-й – 4-й четвертями XI в. (Григорьев, 2005. С. 22), серединой – началом 2-й половины XI в. (Равдина, 1975. С. 223). В связи с этим появление колец типа «сельцо» на Юго-Востоке Руси (Лухтовка Сумской обл., Ницахи Полтавской обл., Белая Вежа Ростовской обл., Гочево и Рать Курской обл.), вероятно, относится к завершающему периоду (конец 1030-х – начало 1050-х гг.) правления Ярослава Мудрого – последнего правителя Древней Руси, способного осуществлять полномасштабные переселения подданных для усиления южного порубежья своей державы[*****], и является свидетельством присутствия среди этих переселенцев групп поздних радимичей.Самые поздние курские височные кольца (группа IV) были обнаружены на Моисеевском археологическом комплексе (Дмитриевский р-н) и поселении у Ратского городища (Курский р-н). Экземпляр из Моисеево представляет собой щиток серебряного семилопастного вятичского височного кольца без дужки (рис. 4, *2*). Орнамент на щитке состоит из двух отдельных компонентов – заштрихованной полосы и обрамляющих её снизу двойных треугольников, заходящих в лопасти кольца. Согласно Т.В. Равдиной, данный орнамент («первого типа») характерен для ранних типов лопастных вятичских колец, время существования которых отнесено исследовательницей к 1-й половине XII в. (Равдина, 1968. С. 140). Сочетание раннего типа орнамента и достаточно развитой формы кольца позволяет датировать моисеевский экземпляр серединой – 3-й четвертью XII в.

Этой дате не противоречат и материалы археологических исследований, проведённых на территории Моисеевского археологического комплекса и выявивших присутствие двух культурных слоев, относящихся к юхновскому и древнерусскому периодам. В 2005 г. Р.С. Веретюшкиным были произведены раскопки расположенной на незначительном расстоянии от Моисеевского городища южной части поселения. По мнению исследователя, «анализ хронологии полученного керамического комплекса и вещевых находок позволяет рассматривать середину – 2-ю половину XII в. в качестве даты возникновения исследованного участка Моисеевского поселения. Верхний рубеж существования памятника укладывается в середину – 2-ю половину XIII в.» (Веретюшкин, 2006. С. 337).

Вероятно, этими же хронологическими рамками может быть определено и время функционирования грунтового могильника и жилища, исследованных А.Е. Алиховой на Моисеевском городище в 1955 г. (Алихова, 1962) и имеющих ряд топографических и погребальных параллелей в материалах поселения Никольское V (Тамбовская обл.), возникновение которого было связано с начавшимся в конце XII – начале XIII в. планомерным заселением древнерусским населением Окско-Донской равнины, осуществлявшимся в русле освоения древнерусским населением Донского бассейна и маркировки границ Рязанского княжества (Гоняный, 1991; Андреев, 2005).

Фрагмент ещё одного серебряного лопастного височного кольца был обнаружен на поселении 1 у Ратского городища (Курский р-н). Это небольшой обломок, состоящий из крайнего луча, бокового кольца, одного городка и части дужки (КМА 168/10/13). На щитке чётко различим орнамент – заштрихованная полоса, заходящая в лопасть острым городком (рис. 4, *3*). Такие украшения (орнамент «второго типа», секировидные лопасти, обязательные боковые колечки) Т.В. Равдина датирует 2-й половиной XII – XIII вв. (Равдина, 1968. С. 140).

Обобщая итоги проделанной работы можно констатировать, что на территории Курского края представлены все эволюционные типы восточнославянских семилучевых и семилопастных височных колец IX – XIII вв., которые по хронологическому признаку можно разделить на четыре группы.

Первые две (2-я четверть IX – конец X вв.) связаны с кругом древностей роменской археологической культуры и, вероятно, входили в комплекс украшений летописной «северы».

Височные кольца I группы характеризуются большим типологическим разнообразием: семилучевые ложнозернёные кольца (Ишутино, Красный Курган, Переверзево II), пяти- и семилучевые ложнозернёные кольца с зооморфным оформлением верхней части щитка (Мухино, Ишутино, Рыльский р-н), семилучевое кольцо с гладкими лучами, орнаментированными по краям прямыми вдавлениями (Мухино). Однако все эти украшения объединяет характерный для ранних типов лучевых колец набор признаков, сохраняющих традиции дунайского варианта провинциального византийского искусства: 1) круглые расширения у основания дужки, имитирующие полые бусы на дунайских изделиях (кроме зооморфных); 2) крепление всех элементов к кольцу; 3) сплошная орнаментация остроконечных лучей и наверший ложнозернёных колец, которые сохраняют значение не требующих дополнительных украшений самодостаточных элементов. Эти признаки были выделены А.В. Григорьевым для характеристики этапа I в развитии колец роменской культуры, суммарно датированного исследователем IX в. (Григорьев, 2000. С. 130–131).

Височные кольца с зооморфным оформлением верхней части щитка, вероятно, также берут своё начало в

[*****] Массовые перемещения людей имели место и в более позднее время, о чём свидетельствует сообщение летописца о переселении в 1116 г. переяславским князем Ярополком в г. Желни жителей Друцка (совр. Белоруссия). Но, очевидно, что эти переселения ни по количественному, ни по территориальному охватам никогда не достигали уровня депортаций конца X – 1-й половины XI вв.

дунайской ювелирной традиции, а ряд изделий (Искоростень, Супруты (Изюмова, 1978. Рис. 1, *5*), Мухино, Рыльский р-н,) вообще мог быть изготовлен византийскими ювелирами. Об этом, вероятно, свидетельствует их стильность, единство композиции и высокое качество проработки отдельных элементов. В ареал роменской культуры эти украшения могли попадать в качестве византийского импорта сначала по описанной Константином Багрянородным водной магистрали Херсон – Саркел (Чёрное море – Керченский пролив – Азовское море – Нижний Дон), а затем по одному из ответвлений торгового пути в населенные славянами области на Верхнем Дону, Верхней Оке, Посеймье и Десне.

Византийские украшения, вероятно, служили образцами для местных ювелиров, изготовлявших височные кольца, соединяющие в себе как импортные влияния, так и привычные для их покупателей элементы декора. К подобным местным подражаниям могут относиться ишутинское (рис. 1, *7*) и одно из супрутских височных колец (Изюмова, 1978. Рис. 1, *6*), внешний облик которых создает впечатление определённой стилевой хаотичности.

На позднем этапе развития роменской культуры появляются типы лучевых колец, характеризующихся рядом устойчивых признаков. В курских позднероменских комплексах последней четверти X в. (II группа) найдены семилучевые височные кольца с гравированным щитком типа «Кветунь» (Жидеевка) и ложнозернёные семилучевые височные кольца типа «Горналь» (Горналь, Воробьёвка). Переходной формой между ранними и поздними типами ложнозернёных роменских лучевых колец, вероятно, является фрагмент кольца из Ишутино (рис.2, *4*) в котором сочетаются признаки обеих групп.

Кольца горнальского типа пока обнаружены только на Верхнем Пеле (курский отрезок) и Тускари. Это позволяет сделать осторожное предположение о возможности их соотнесения с одним из элементов комплекса украшений знатной женщины «Посемья», бывшего самым крупным роменским социально-политическим образованием 2-й половины X в.

Центром распространения лучевых колец типа «Кветунь», вероятно, были районы на Верхней Десне. Различия в орнаментации щитка позднероменских лучевых височных колец группы II могут свидетельствовать о существующих территориальных особенностях в комплексе украшений северян последней трети X в. Если это предположение верно, то украшения с гравированным щитком (Кветунь, Жидеевка) были характерны для верхнедеснинских, а второй группы (Воробьевка, Горналь) – для посемьских районов Северской земли. Расположенные вблизи друг от друга места находок ложнозернёного кольца из Воробьевки и гравированных колец из Жидевки могут отмечать курский участок соприкосновения их ареалов.

Для северянских районов, граничащих с радимичами, возможно выделение ещё одного типа височного украшения – кольца с орнаментом в виде прямых вдавлений и остроконечными зубчиками в верхней части щитка. Но пока не найдены переходные варианты между северянским кольцом из Мухино (IX – начало X вв.) и радимическим кольцом из Влазовичей (конец X – 1-я половина XI вв.), это предположение можно рассматривать только в качестве рабочей гипотезы. Тем не менее существование этого варианта вполне возможно, и новые находки, вероятно, помогут выявить и проследить эволюцию ещё одного типа лучевых колец, тесно связанного с культурным взаимодействием родственных племенных союзов северян и радимичей.

Височные кольца с гравированным орнаментом на щитке (тип «Кветунь») продолжают существовать на Верхней Десне всю 1-ю половину XI в., вместе с переселенцами попадая отсюда в другие регионы Древней Руси, в том числе и на курские земли. Кольца же с ложнозернёным орнаментом (тип «Горналь»), вероятно, заканчивают своё существование в конце X в. Об этом может свидетельствовать тот факт, что на территории Курского края ни одно подобное украшение в слоях и комплексах следующего древнерусского периода пока не обнаружено. Такая же ситуация характерна и для других памятников южной части бывшей племенной территории северян, что, вероятно, свидетельствует о прекращении бытования данного типа украшений в этом регионе. Возможно, это стало следствием покорения южных северян Владимиром Святославовичем и окончательного включения Посемья в состав Русского государства.

Так как более точное определение времени этого присоединения имеет важный характер для определения даты исчезновения или появления на территории Курского края тех или иных типов лучевых височных колец, остановимся на этом вопросе подробнее.

В своей монографии «Славяне до Рюриковичей» В.В. Енуков пишет, что «поступательное развитие сложного племенного образования семичей было оборвано военным разгромом, который можно датировать ... периодом в пределах 990-х гг., возможно, с самого конца 980-х» (Енуков, 2005. С. 271–272). Исследователь считает, что разгром семичей произошел в 994 г. и 997 г., во время походов Владимира Святославича на Волжскую Болгарию, которые «вероятней всего ... были сухопутными и проходили по трассе караванного пути с одновременной организацией станций-«манзилей»... В пределах тех же хронологических рамок приняли на себя удар киевских дружин и семичи, проживавшие непосредственно «по Семи» (Енуков, 2005. С. 272–273).

Несомненно, что покорение северян-«семцев» произошло во времена правления Владимира Святославича, однако более вероятно, что первый удар Руси приняли на себя северяне, обитающие в Курском Посеймье, и произошло это не во время походов 990-х гг., а сразу же после русско-болгарской войны 985 г., археологическим отражением которой может быть группа поволжских кладов (Казань 978/79 гг.; Любовка 982/83 гг.; Татарский Толкиш 984/85 гг.; Старое Алметьево 984/85 гг.) с младшими монетами конца 970-х – 1-й половины 980-х гг. (Фомин, 1995. С. 68). Совпадение даты войны и чеканки младшей монеты не должно нас смущать, т.к. согласно Т. Нунану «самое большее всего три месяца требовалось, чтобы переправить дирхамы из Средней Азии в Волжскую Булгарию. Принимая во внимание большой спрос на дирхамы в Волжской Булгарии ... разумно допустить, что почти все дирхамы, изготовленные на саманидских монетных дворах, отправляли на север как можно скорее» (Нунан, 2004. С. 300). К тому же 374 г. х. по юлианскому лето-

исчислению датируется периодом с 4. 06. 984 г. по 23. 05. 985 г. В связи с этим можно предположить, что партии отчеканенных за этот период монет могли прибыть в Волжскую Болгарию ещё до начала военных действий.

Летопись ничего не говорит о пути возвращения Владимира в столицу Руси после заключения мира с Муэмином II («и вернулся Владимир в Киев»), однако о вероятном продолжении военных действий в рамках кампании 985 г. может свидетельствовать сохраненное летописью предложение Добрыни, сделанное племяннику после осмотра пленных болгар: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать – пойдем, поищем себе лаптников». Можно осторожно предположить, что великий князь со своим войском использовал водную магистраль Волга-Ока-Сейм-Десна, по которой в Киевское Поднепровье поступал основной поток серебряных куфических монет, интенсивность которого как раз и контролировали посемьские северяне (Енуков, 2005. С. 270).

В связи с предполагаемым маршрутом движения Владимира из Булгара в Киев обращает на себя внимание группа кладов на Оке (Белый Омут 976/77 гг.; Бурки 976/77 гг.; Борки I 976/77 гг.; Борки II 982/83 гг.), укрытых в то же время, что и средневолжские клады (Фомин, 1995. С. 68). Единственное, что мешает увязать факт их выпадения с предполагаемым маршрутом Владимира, являются сообщения ПВЛ о войнах Владимира с вятичами в 981, 982 гг. С учетом этих сообщений, с походом 985 г. однозначно можно соотнести лишь клад из Борок II (983 г.), остальные же окские клады могут быть привязаны к событиям русско-болгарской войны 985 г. только гипотетически.

Дальнейшее движение русских войск с Оки на Сейм, вероятно, отмечается выпадением группы курских кладов (д. 2-я Воробьевка Золотухинский р-н, 1965 г., в фондах КОКМа 174 монеты, младшая Мансур бен Нух 365 г.х. (975/976 г.), определение В.П. Лебедева; с. Коренная Пустынь совр. Золотухинский р-н, 1903 г., Мансур Бен Нух (961 – 976 гг.), определение Т.А. Горохова; д. Волобуево, совр. Курский р-н, 1947 г., Мансур Бен Нух 354–367 г. х. (964/65–977/78 гг.), определение В.П. Лебедева; д. 1-е Красниково (Котовец) Курский р-н, 2005 г., Мансур бен Нух 357 г. х. (967 г.), определение В.П. Лебедева), младшие монеты которых были отчеканены во 2-й половине 960-х – середине 970-х гг. (Шпилев, 2003. С. 353–359).

Ко времени покорения Владимиром Святославовичем Курского Посеймья так же, вероятно, относится гибель ряда курских городищ: 1) городище Переверзево II (Золотухинский р-н) сожжённое на рубеже X–XI вв. (Узянов, 1984. С. 93); 2) Ратское городище (Курский р-н). Фрагменты киеворусской круговой керамики, обнаруженные В.В. Енуковым при раскопках вала, позволили исследователю датировать пожар, уничтоживший относящиеся к последнему роменскому периоду (6 период) фортификации городища временем после начала ввоза в Посемье киеворусской круговой керамики, начавшей поступать из Руси в Посемье во 2-й – 3-й четверти X в. (Енуков 2005. С. 71, 74); 3) Липинское городище (Октябрьский р-н), прекратившее своё существование в конце X в. (Енуков, 2005. С. 273-274); 4) городище «Кудеярова Гора» (Курчатовский р-н), иллюстрацией штурма которого В.В. Енуков считает находку в осыпи городищенских склонов поясного набора X в. (бляшки и наконечник ремня) и билонового раннехристианского перстня-печатки с изображением воина с нимбом связанных со средой русских дружинников (Енуков, 2005. С. 263 267); 5) Люшинское городище (Льговский р-н), при раскопках которого Г.Ю. Стародубцев обнаружил сгоревшие роменские постройки, а также характерный для древностей Восточной Прибалтики конца X – начала XI в. наконечник копья и наконечники стрел «гнёздовского» типа (Стародубцев 2000а); 6) городище Капыстичи (Рыльский р-н) на котором А.В. Зорин исследовал слой пожарища конца X – начала XI вв. (Зорин, 2003. С. 373).

Клады и погибшие северянские городища дают возможность выстроить вероятный маршрут продвижения княжеской рати по курским землям – от Самодуровского озера по Тускари (Воробьёвский клад, клад из Коренной пустыни, городище Переверзево II, Волобуевский клад), затем вниз по Сейму (Липинское городище, городище «Кудеярова Гора», Люшинское городище, городище Капыстичи) до Рыльска и оттуда в Путивльское Посеймье и на Десну (рис. 4, *1*). В начале похода воины Владимира могли разгромить и северянские поселения на Верхней Свапе (Жидеевский клад), также бравшей своё начало в Самодуровском озере, однако дальше в этом направлении русские отряды, вероятно, не пошли, т.к. в этом регионе отсутствуют клады, укрытые в 970-х – 980-х гг. Клад из д. 1-ое Красниково (Курский р-н) и сгоревшие укрепления Ратского городища говорят о том, что в районе Курска часть русского войска ещё раз отклонилась от основного направления своего движения и предала разгрому северянские поселения на Рати.

В конце X в. на территории Курского Посеймья появляются предметы, связанные с кругом древнерусских «дружинных древностей» и с переселёнными по приказанию великого князя представителями подчиненных ему племен, а вдоль курского течения р. Сейм на рубеже X- XI вв. образуется населенная древнерусскими колонистами полоса, которая разорвала единый до этого северянский массив, облегчив тем самым дальнейшую культурную и политическую ассимиляцию оставшихся частей. Центром присоединённых к Руси посемьских земель становится Курск, вероятно, основанный Владимиром на месте разоренного северянского городища или во время похода 985 г. или же сразу вскоре после его завершения.

Нижнюю границу начала проникновения носителей древнерусской культуры в Курское Посеймье помогают уточнить материалы исследованного А.В. Зориным кургана у с. Шуклинка (Курский р-н). Исходя из наличия «оплавленной пронизки и характерных форм наиболее позднего в комплексе кругового сосуда №1», автор раскопок датировал погребение концом X в., отметив при этом, что «конструктивные особенности насыпи, вкупе с инвентарём погребения, могут свидетельствовать об инфильтрации в данный регион в конце X в. каких-то групп или отдельных представителей северного (финского) населения, что может быть связано с политикой Владимира I по укреплению границ» (Зорин, 2005. С. 84, 87). Языческий погребальный обряд (кремация на стороне) сужает дату, указывая на то, что шуклинское захоронение было совершено до крещения Руси.

Северянские земли, лежавшие к югу от Сейма, вероятно, были присоединены Владимиром несколько позднее, уже после принятия христианства. В.В. Енуков считает, что это покорение происходило в рамках обустройства сухопутной трассы Киев-Булгар и сухопутных походов на волжских болгар в 994 и 997 гг. (Енуков, 2005. С. 272–273). Исследователь считает, что тогда же был разгромлен один из племенных центров Посемья – Большое Горнальское городище (Суджанский р-н, Курская обл.) на Верхнем Псле. После уничтожения Горналя в непосредственной близости от него организуется предназначенная для отдыха торговых караванов станция-«манзиль», а в крайнем восточном пункте караванной дороги на территории Посемья – в Гочево хорошо прослеживается присутствие русской дружины, которая, если судить по погребальному инвентарю «отчасти была собрана с обширных просторов державы Рюриковичей в соответствии с известной политикой Владимира» (Енуков, 2005. С. 273).

После присоединения Посемья и сопредельных с ним территорий часть покорённой южносеверянской аристократии была переселена в другие районы Древней Руси. Вероятно, об этом может свидетельствовать факт находки в одном из курганов близ с. Кубаево (Юрьевский у. Владимирской губ., раскопки А.С. Уварова, 1852 г.) (Спицын, 1905. С. 86, 102. Рис. 126) (рис. 2, *3*) ложнозернёного семилучевого височного кольца IV группы (по Е.А. Шинакову).

К сожалению, не подтвердилось сообщение Е.А. Шинакова о нахождении ложнозернёных колец типа К группы IV во 2-м Пекуновском могильнике (Кимрский р-н Тверской обл., раскопки К.И. Комарова 1971–1972 гг.) (Шинаков, 1980. С. 125. Сноска 26). Согласно любезно присланным Ю.В. Степановой прорисовкам, инвентарь женского захоронения кургана №7 включал три семилучевых кольца с продолжением дужки, имитирующей ложнозерненый бордюр, и гравированным орнаментом на щитках, украшенных сверху семью городкообразными выступами (рис. 2, 11). Одновременно с исчезновением колец типа «Горналь», к югу от Сейма фиксируется появление проволочных спиральных височных колец, ставших этноопределяющим украшением носителей позднеромненских традиций, обитавших в верховьях Сулы, Псла и Ворсклы в 1-й половине XI в.

Лучевые кольца группы III напрямую связаны с процессами культурной и этнической ассимиляции входивших в состав Древнерусского государства племен и образования единой древнерусской народности. На территории Курской области их находки маркируют места проживания представителей деснинских северян и радимичей, переселенных сюда в конце X – XI в.

Кольца группы IV из Моисеево и Рати относятся к предмонгольскому времени и совершенно не типичны для местного комплекса украшений этого периода. Возможно, их появление связано с малоизученными пока процессами перемещения групп населения различных русских княжеств в середине – 2-й половине XII в. Среди этих переселенцев могли быть и потомки летописных вятичей, населявших территории Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев С.И. Юго-восточная граница Рязанского княжества в XII–XIV вв. по данным археологических источников // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005.

Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004.

Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1913. № 123

Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1915 г. // Архив ИИМК. Ф.1. Оп.1. 1915 г. № 93

Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. 1991. № 1

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып.2. Тула, 2000.

Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005.

Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край: Научн.–популярн. серия: В 20 т. Т. 3. Курск, 2005.

Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польгуй В.І. Нові дослідження Стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004.

Зорин А.В. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – начале XI вв. (по материалам городища Капыстичи) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003.

Зорин А.В. Курганный могильник у с. Шуклинка и особенности погребальной обрядности Посеймья рубежа X–XI вв. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.

Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–IX вв.: Дневник археологических раскопок. Моршанск, 1952.

Изюмова С.А. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестник МГУ. Сер. История. 1978. № 6.

Комаров К.И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО–1971. М., 1972.

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.

Лапушкин И.И. Новотроицкое городище // МИА. 1958. № 74.

Недошивина Н.Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.

Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Спб., 2004.

Орлов Р.С. Художественный металл Чернигова (Семантика оковки из Черной Могилы) // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Киев, 1988.

Орлов Р.С. Серебряные украшения северян Курского Посемья // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

Путь из варяг в греки и из грек... Каталог. М., 1996.

Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968.

Равдина Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 1975. №3.

Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.

Рыков П.С. Дневник раскопок курганного могильника близ Городища с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных на средства Императорской археологической комиссии в июне – июле 1912 г. // Архив ИИМК. Ф.1. Оп.1. 1912. №116.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.) // МИА. 1959. № 65.

Сперанский М. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курской губ.) // АИЗ ИМАО. Т. II. М., 1894.

Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.

Стародубцев Г.Ю. 2000а. Отчет об охранных раскопках Курского областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г. // НА КГОМА. I–121.

Стародубцев Г.Ю. 2000б. Охранные раскопки Гочевской древнерусской экспедиции // АО–1998. М., 2000.

Судаков В.В., Буланкин В.М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.

Узянов А.А. Отчёт о раскопках Переверзевского II городища в Курской обл. 1982 г. // Архив ИА РАН. Р–1. Д. № 9928.

Узянов А.А. Раскопки Переверзевского II городища // АО–1982. М., 1984.

Фомин А.В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70 -80-х годах X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибутация лучевых височных колец // СА. 1980а. №3.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – конце XIII века : Дисс… канд. ист. наук. М., 1980б.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Ширинский С.С. Отчет о работах Сейминского отряда Восточно-Белорусской экспедиции ИА АН СССР в 1968 г. // Архив ИА РАН, Ф. Р-1. Д. № 6889.

Штилев А.Г. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. Тула, 2003.

Штилев А.Г. Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этнокультурных и политических процессов на Верхнем Поле в XI в. (по материалам Гочевского курганного некрополя) // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005.

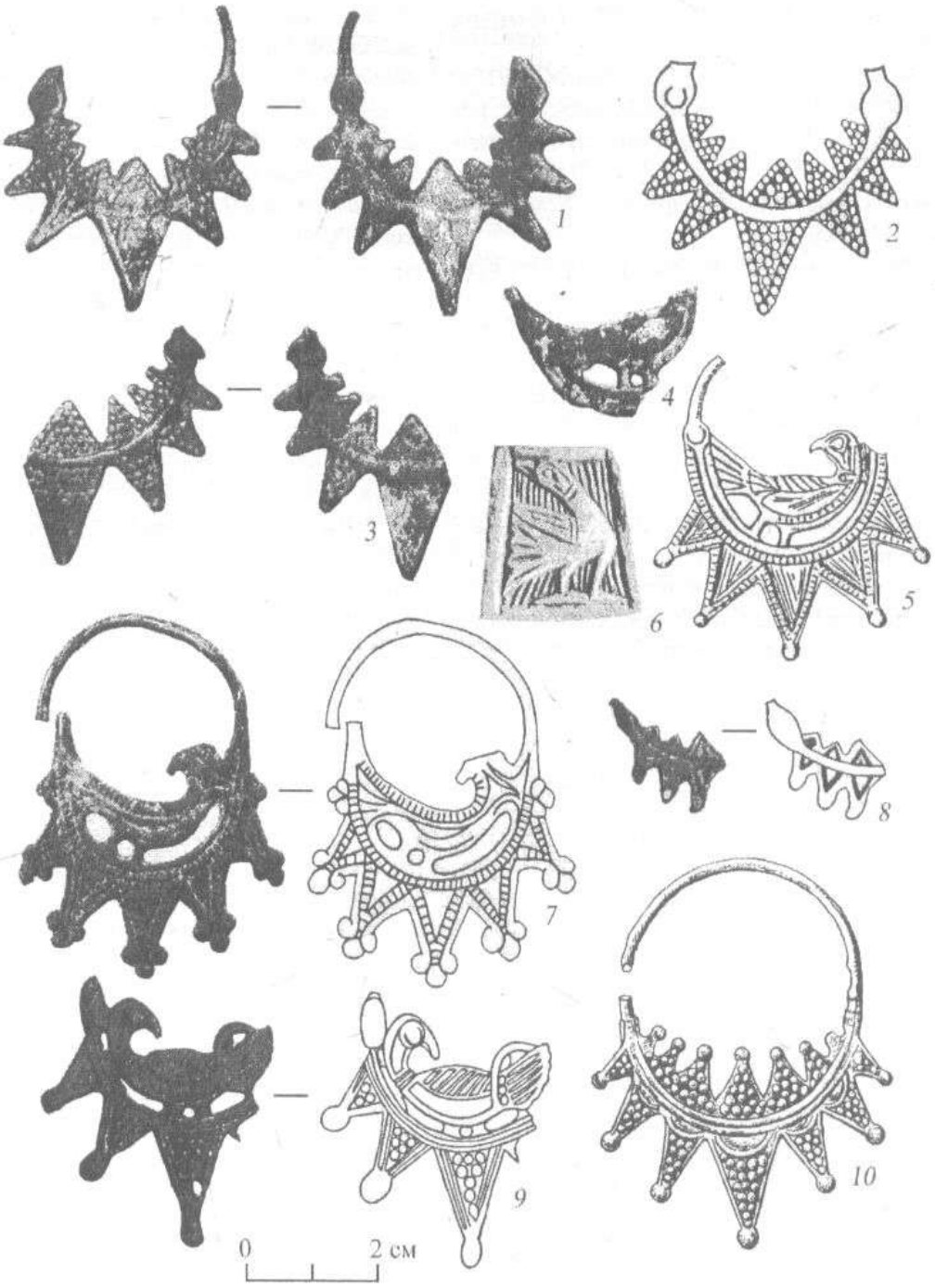


Рис. 1. Лучевые височные кольца. 2-я половина IX – конец X вв.

1, 7 – Ишутинское городище (Рыльский р-н); *2* – городище Переверзево II (Золотухинский р-н). Раскопки А.А. Узянова. 1982 г. Экспозиция ГИМа. Схематическая прорисовка автора; *3* – городище Красный Курган (Хомутовский р-н); *4, 8* – Мухинское городище (Хомутов-ский р-н); *5* – Искоростеньское поселение (Украина). Раскопки Б.А. Звиздецкого; *6* – пластина с изображением птицы. Херсон. Фонды ГИМа; *9* – Рыльский р-н; *10* – Большое Гональское городище (Суджанский р-н). Рас-копки А.В. Кузы. 1971 г. *5, 6* – масштаб не соблюден. *1–5, 7, 10* – билон, *6* – кость, *8* – бронза.

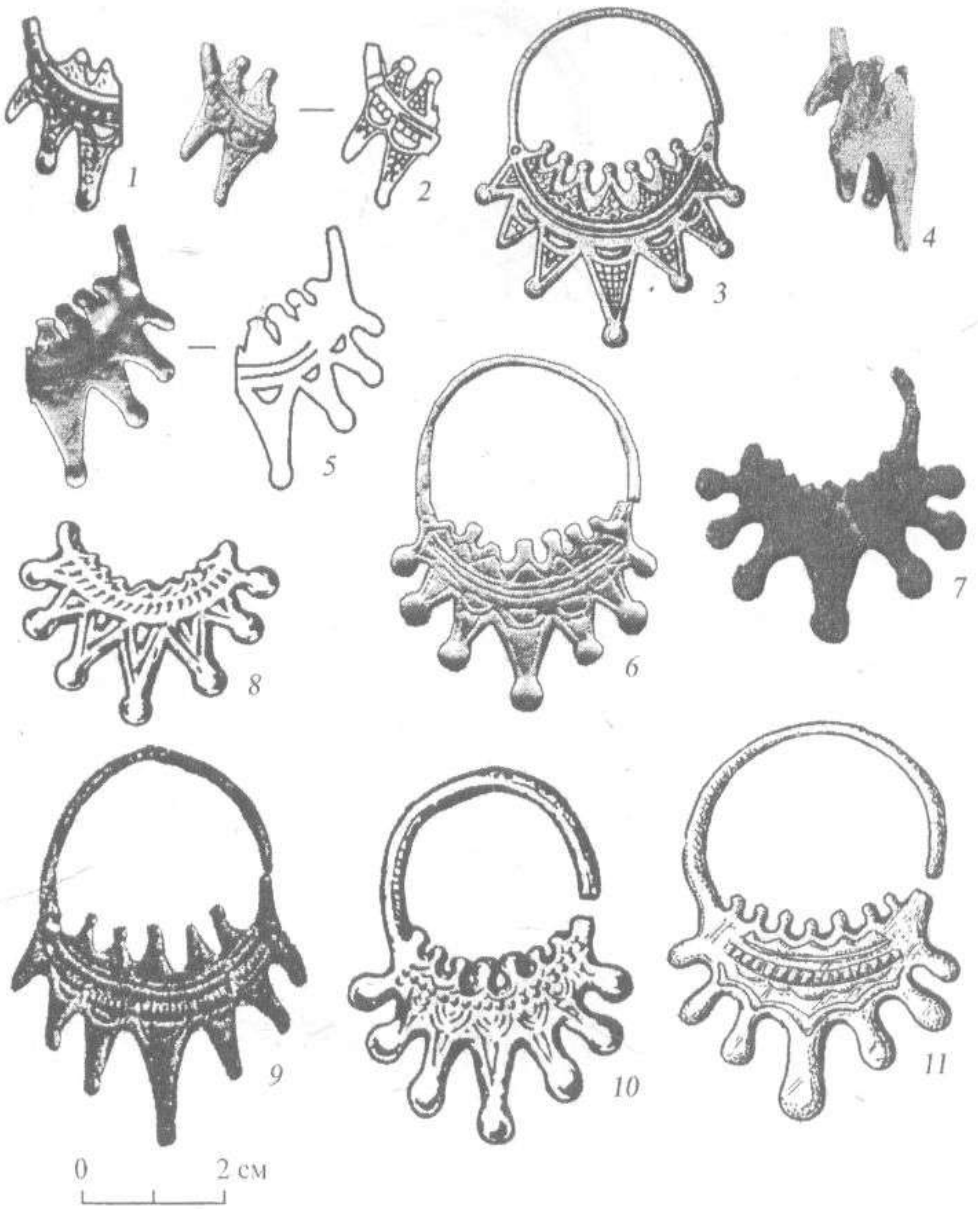
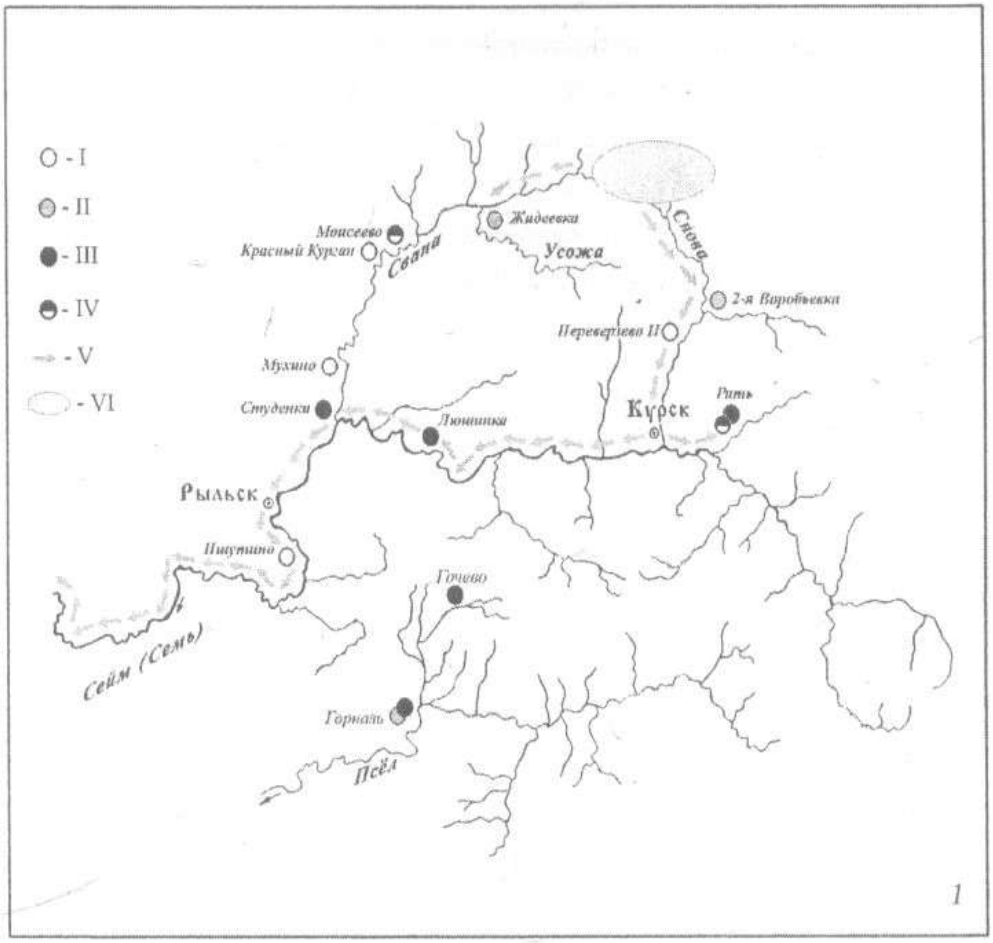


Рис. 2. Лучевые височные кольца. 2-я половина X – XI вв.

1 – Воробьевский клад (Золотухинский р-н). Раскопки С.С. Ширинского. 1968 г. Прорисовка Е.А. Шинакова; *2* – Горнальское поселение (Суджанский р-н); *3* – Кубаевский курганный могильник (Владимирская губ.). Прорисовка А.А. Спицына; *4* – Ишутинское городище, (Рыльский р-н); *5* – Горнальское поселение, (Суджанский р-н). Дар Н.Я. Вовка. Фонды КГОМА. КМА 145/17/5; *6* – Жидеевский клад (Железногорский р-н); *7* – Люшинское поселение(Льговский р-н); *8* – д. Влазовичи (Черниговская губ.). Курган №25. Раскопки П.М. Еременко. Прорисовка Н.Г. Недошивиной; *9* – Крючково-Кужновский могильник (Тамбовской обл.). Прорисовка П.П. Иванова; *10* – Черниговская губ. Раскопки П.М. Еременко. Прорисовка Н.Г. Недошивиной; *11* – Пекуновский могильник (Тверская обл.). *1, 3, 6, 8–11* – масштаб не соблюден. *1, 2, 4, 5, 6* – билон, *7, 9* – бронза.

Рис. 3. Лучевые и лопастные височные кольца. XI в.

1 – Гочевский курганный могильник (Беловский р-н). Курган №LIV. Раскопки Д.Я. Самоквасова. 1909 г. Фонды КГОМА. КМА 156/19/746; *2* – Гочевский курганный могильник (Беловский р-н). Курган №LV. Раскопки Д.Я. Самоквасова. 1909 г. Фонды КГОМА. КМА 156/19/416; *3* – Гочевский курганный могильник (Беловский р-н). Курган №LVI. Раскопки Д.Я. Самоквасова. 1909 г. Фонды КГОМА. КМА 122/19/33; *4* – Гочевский курганный могильник (Беловский р-н). Курган №CCLX. Раскопки Д.Я. Самоквасова. 1909 г. Прорисовка автором по «Атласу Гочевских древностей» (Табл. LI); *5–6* – Гочевский курганный могильник (Беловский р-н). Раскопки В.Н. Глазова. 1913, 1915 гг. Фонды ГЭ. Прорисовка Е.А. Шинакова; *7* – Ратское поселение (Курский р-н); *8* – Гочевское поселение (Беловский р-н). П/м. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. 1998 г. Фонды КГОМА. КМА 94/19/170. *1–6* – масштаб не соблюден. *1–8* – билон.



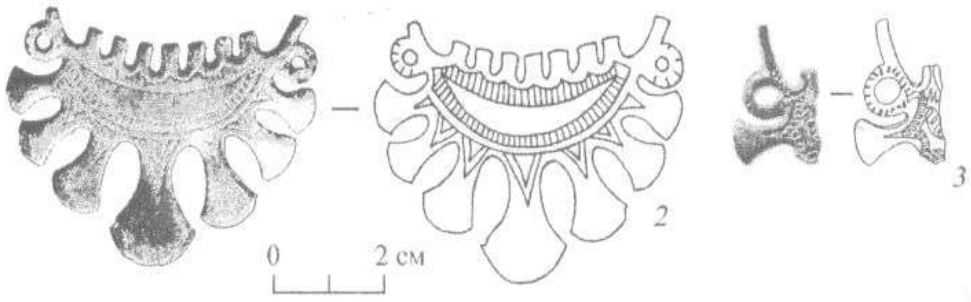


Рис. 4. Находки лучевых и лопастных колец на территории Курской области.
1 – Распространение лучевых и лопастных височных колец на территории Курской области. I – лучевые височные кольца I группы (IX – 1-я половина X вв., роменская культура), II – лучевые височные кольца II группы (конец X в., роменская культура), III – височные кольца III группы (конец X – XI вв.), IV – височные кольца IV группы (XII – начало XIII вв.), V – маршрут предполагаемого подхода Владимира Святославича по Курскому Посемью в 985 г., VI – Самодуровское озеро (примерная локализация); *2* – Моисеевский археологический комплекс (Хомутовский р-н); *3* – Ратское поселение (Курский р-н). Дар В.Н. Катышева. Фонда КГОМА. КМА 168/10/13. 2–3 – билон.

СОКРАЩЕНИЯ

АН СССР	–	Академия наук СССР
АЛМ		Акты Литовской метрики. Варшава
АМГ	–	Акты Московского государства. М.
АЗР	–	Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб.
АП УРСР		Археологічні пам'ятки УРСР
АИЗ	–	Археологические известия и заметки
АКР	–	Археологическая карта России
АЛЛУ	–	Археологічний літопис Лівобережної України (Полтава)
АО	–	Археологические открытия. М.
АС	–	Археологический съезд
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВИ	–	Вопросы истории
ВГУ		Воронежский государственный университет
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ГВНиП		Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ЖМНП		Журнал Министерства народного просвещения
ИА НАНУ	–	Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры РАН. Санкт–Петербург
ИАК	–	Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК	–	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМАО	–	Императорское московское археологическое общество
КБЧ		Книга Большому Чертежу
КГОК	–	Курское губернское общество краеведения
КГОМА	–	Курский государственный областной музей археологии
КОКМ	–	Курский областной краеведческий музей
КГПИ	–	Курский государственный педагогический институт
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культура АН СССР
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии
МИАДЛ	–	Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья
МИА		Материалы и исследования по археологии СССР
МГСУ	–	Московский государственный социальный университет
МГУ	–	Московский государственный университет
НА КГОМА	–	Научный архив Курского государственного областного музея археологии
НАНУ		Національна академія наук України
НИИ АЮВР	–	НИИ археологии юго-востока Руси. Курский государственный университет
НЭ		Нумизматика и эпиграфика

ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
ПКМ	–	Полтавский краеведческий музей
РВД		Раннесредневековые восточнославянские древности
РА	–	Российская археология
РГНФ		Российский гуманитарный научный фонд
РИО		Русское историческое общество
СА	–	Советская археология
САИ		Свод археологических источников
СГУ		Словник гідронімів України
СДПУ		Сумський державний педагогічний університет
ЦОДПА	–	Центр охорони і досліджень пам'яток археології (Полтава)

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Стародубцев Г.Ю. Памяти Учителя (к 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола) 8

Рянский Л.М. Константин Федорович – человек светлый 9

Склярук В.И. Человек добрый 10

Сарычев С.В. Человек из песни 10

ПУБЛИКАЦИИ И СТАТЬИ

Андреев С.И. Памятники 3-й четверти I тысячелетия н. э. Окско-Донской равнины 12

Веретюшкин Р.С. К вопросу о взаимодействии роменской и древнерусской гончарных традиций 21

Веретюшкина М.В. Становление и развитие земледелия славян на территории междуречья Сейма и Пела (по находкам наконечников пашенных орудий труда) 29

Голотвин А.Н. Археологические источники в работах Д.Я. Самоквасова 35

Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» 39

Енуков В.В. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы 70

Есикова Ю.В. Древнерусские амулеты Верхнего и Среднего Дона 81

Зиньковская И.В. Раннесредневековые славянские могильники в верховьях Сейма и Пела 86

Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод (историческая топография и курско-рыльское пограничье в XIV–XV вв.) 91

Иншаков А.А. Новые данные о сельских поселениях XII–XV вв. в нижнем течении р. Быстрая Сосна . 96

Квитковский В.И. К проблеме изучения и реконструкции салтовских жилищ лесостепной зоны (на примере селища Коробовы Хутора Харьковской обл.) 100

Колода В.В. Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамических традиций конца I тысячелетия в Днепровском лесостепном левобережье 106

Перелетов Р.И. Дороги и волоки Доно-Деснинского междуречья VIII–XV вв. 113

Приймак В.В. Проблемы изучения древностей Днепровского левобережья VIII–XI вв. 118

Пуцко В. Г. Крест-энколпион с эмалью из Липинского городища 130

Разуваев А.Г. Судостроение Древней Руси 134

Радюш О.А. Находки монет римского времени с территории Курской области 140

Сокол К.Ф., Зорин А.В., Пузикова А.И. Жерновецкий клад железных изделий роменского времени 146

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской сбруи из раскопок городища «Царский Дворец» 152

Тихомиров П.А. Поселение киевского времени у с. Лебяжье под Курском 158

Тихомиров Н.А. Могильник Лебяжье 3 под Курском 164

Целыковский М.В. Керамика XVII века из исторического центра г. Ельца 176

Чалых Н.Е. Новые находки из лазурита на территории Древней Руси 183

Чубур А.А. Роменское селище Большая Долженкова 2 (к своду памятников Курской области) 186

Шпилев А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII вв.) 189

Славяно-русские древности
Днепровского Левобережья

Материалы конференции,
посвященной 75-летию со дня рождения
К.Ф. Сокола

Редактор Н.Д. Собина

Подписано в печать 18.02.2008.

Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Усл. изд. л. 25,5. Усл. печ. л. 25,6. Тираж 120 экз.
Заказ № 1881.

Курский государственный университет
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: rio@uni.kursk.ru

Отпечатано в лаборатории информационно-методического обеспечения КГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА